

А. З. Сирис

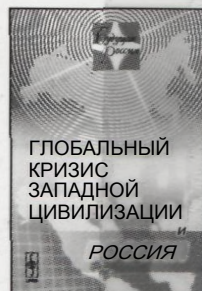
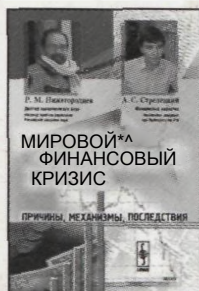
**НЕМАРКСИСТСКАЯ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ЭКОНОМИЯ**

Труд

Маркс и его эпигоны, исследуя капиталистический способ производства социальным зрением пролетариата, «капитально» реконструировали буржуазную политическую экономию в пролетарскую политическую экономию капиталистического способа производства. Помимо одной социально пристрастной политической экономии капитализма — буржуазной, появилась другая, опять же социально пристрастная, политическая экономия капитализма — пролетарская. Коль скоро наука по определению беспристрастна, а обе политические экономии пристрастны, то в этом отношении они одинаково научно ущербны. Настоящая монография открывает иную политическую экономию — она беспристрастна, но не только поэтому научна. Ее основаниями служат иная наука, нежели описательная, иная гносеология, нежели материализм, и иная философия, нежели диалектика.

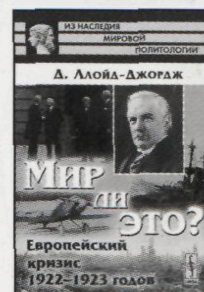
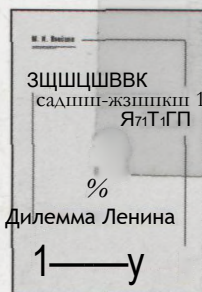
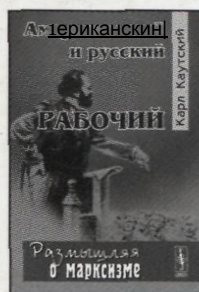
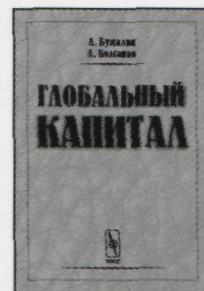
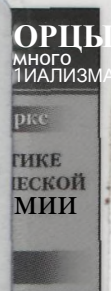
Представляем другие книги нашего издательства:

Центральная
Городская
Публичная
библиотека
им. В.В.Маяковского

3001 он 66080 «тв»

8367 ID 110115

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

9 785484 01 1 31 5 >

Тел./факс: 7 (499) 135-42-16
Тел./факс: 7 (499) 135-42-46

URSS

E-mail:
URSS@URSS.ru
Каталог изданий
в Интернете:
<http://URSS.ru>

Любые отзывы о настоящем издании, а также обнаруженные опечатки присылайте по адресу URSS@URSS.ru. Ваши замечания и предложения будут учтены и отражены на web-странице этой книги в нашем интернет-магазине <http://URSS.ru>

А. 3. Сирис

НЕМАРКСИСТСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ

Труд

Издание второе

URSS
МОСКВА

ББК 65.01 65.02

Сирис Аркадий Зефирович

Немарксистская политическая экономия: Труд. Изд. 2-е.

М.: КомКнига, 2010. — 304 с.

Маркс и его эпигоны, исследуя капиталистический способ производства социальным зрением пролетариата, «капитально» реконструировали буржуазную политическую экономию в пролетарскую политическую экономию капиталистического способа производства. Помимо одной социально пристрастной политической экономии капитализма — буржуазной, появилась другая, опять же социально пристрастная, политическая экономия капитализма — пролетарская. Коль скоро наука по определению беспристрастна, а обе политические экономии пристрастны, то в этом отношении они одинаково научно ущербны. Настоящая монография открывает иную политическую экономию — она беспристрастна, но не только поэтому научна. Ее основаниями служат иная наука, нежели описательная, иная гносеология, нежели материализм, и иная философия, нежели диалектика.

Для широкого круга заинтересованных читателей.

Издательство «КомКнига».

117312, Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, 9.

Формат 60х90/16. Печ. л. 19. Зак. № 3186.

Отпечатано в ООО «ЛЕНАНД»,

117312, Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, 11 А, стр. 11.

ISBN 978-5-484-01131-5

© КомКнига, 2010

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА	
	E-mail: URSS@URSS.ru
	Каталог изданий в Интернете:
	http://URSS.ru
	Тел./факс: 7 (499) 135-42-16
	URSS Тел./факс: 7 (499) 135-42-46

8367 ID 110115

9 785484 011315

Все права защищены. Никакая часть настоящей книги не может быть воспроизведена или передана в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, будь то электронные или механические, включая фотокопирование и запись на магнитный носитель, а также размещение в Интернете, если на то нет письменного разрешения владельца.

СОДЕРЖАНИЕ.

От автора.....	4
Глава 1. Предисловие. Исследование логики научности политической экономии.....	14
Глава 2. Введение. Исследование логики материализма и исследование логики диалектики в материализме и диалектике философии диалектического материализма.....	23
Глава 3. Исследование логики в логике исследования «Капитала», как марксистской политической экономии капиталисти- ческого способа производства.....	44
Глава 4. Логика исследования в исследовании логики немарксистской политической экономии и социологии политической.....	104
Глава 5. Немарксистская политическая экономия и социология политическая естественноисторического развития природы общества от первобытной общины до капиталистического общества и общества посткапиталистического.....	145
Глава 5.1. Способ самоорганизации развития первобытной общины.....	145
Глава 5.2. Способ самоорганизации развития рабовладельческого общества.....	163
Глава 5.3. Способ самоорганизации развития феодального общества.....	180
Глава 5.4. Способ самоорганизации развития капиталистического общества.....	191
Глава 5.5. Способ самоорганизации развития общества, исторически следующего за обществом капиталистическим.....	246
Глава 6. О сущности явлений антиглобализма.....	267
Глава 7. Заключение. Будущее начинается прошлым, а прошлое завершается будущим, но существуют они настоящим	270
Приложение 1. Внутренняя социэкономика в социэкономике внешней и внешняя социэкономика в социэкономике внутренней.....	275
Приложение 2. О сущности административного управления в условиях экономического управления обществом в государстве и государством в обществе	296

ОТ АВТОРА.

Сказать, что исследование, представленное данной монографией, было делом для меня трудным, — значит, ничего не сказать. Оно было, да и есть делом супертрудным для меня. Причина одна. — Я родился в стране, которая к этому времени уже была названа «страной победившего социализма». Здесь же получил среднее образование и образование высшее, десятилетиями профессионально занимался научными исследованиями, где именно марксизм был критерием их научности, и другого критерия не могло быть по определению моей страны именно социалистической. Мои философские взгляды и взгляды гносеологические уже заранее были мировоззренчески предопределены быть марксистскими, что означало в стране социализма быть единственно верными во всем мире. Если я и отступал от марксистской линии, то вместе с коммунистической партией, в которой я не только числился три десятилетия, но порою и активно работал на идеологическом поприще. Моя обыденная жизнь и жизнь научная в общественной жизни моей страны долгие десятилетия была зависима от руководящей и направляющей силы коммунистического учения, основоположниками которого были Маркс, Энгельс и Ленин.

Конечно, были сомнения и тревоги. — Но не сомнения в истинности марксизма и не тревоги по этому же поводу. Наконец, появились сомнения и этого тревожного рода. С началом событий 1991-1992 годов что-то элементарное системно сломалось в общественно мыслящей моей голове, но на месте элементарно сломанной системы так ничего и не было воздвигнуто мною и обществом без социализма и коммунистической идеологии. Так не только у меня в голове появился вакуум. Политическая элита российского общества вместе со всем обществом, — уже не социалистического, но еще и не капиталистического, — на не одно десятилетие застряли в этом положении «между». Поэтому так и не смогли предложить собственному народу идеологию социально-экономического развития его самого, по уровню привлекательности, достойного коммунистической идеи, но отличающейся от нее научной истинностью и правдивостью жизни. Без научной критики марксизма этого не сделать. Тогда я спросил самого себя: «Что, если я?»

Я состоялся исследователем в той же марксистской образовательной среде, что и мои коллеги философы, социологи и экономисты из стран социалистического лагеря. Как и многие из них, я так же пытался объяснить самому же себе и понять, почему самая передовая в мире политиче-

ская экономия, — марксистская, — и самая передовая в мире экономика, — социалистическая, — на деле оказываются социально ущербными для народа в них существующего и существующего ими. Что-то, конечно, объяснялось войнами, заговорами врагов народа, перманентными ошибками руководства партии и государства то в коллективизации сельского хозяйства, то в промышленной индустриализации, то в партстроительстве и госстроительстве, то в науках и культуре, а то и в военном деле. Дело-то исторически новое. Поэтому ничего в том непонятного нет, почему ошибки здесь неизбежны, а они-то и отклоняют истинно марксистский курс ленинской партии в ложные стороны. Победим врагов народа, избавимся от ошибок, и тогда партийный курс и курс государственный уж точно будут безошибочно марксистскими и поэтому успешными во всех областях социалистической жизни. Пока же надлежит ждать и терпеть, терпеть и ждать. — Подобного рода объяснения, конечно же, ничего научного не объясняли, но на обыденном языке выглядели вполне правдоподобно убедительными. Даже сегодня и не только в России есть значительная часть народа, что уверена, — поражение социалистического строя в России и других странах есть дело рук не их же народов, а империалистического заговора из международных врагов социализма, внедрившихся в руководство этих стран и извративших марксизм-ленинизм. По их твердому убеждению, надо было не отказываться от социализма и построения коммунизма, а убрать из руководства партии и государства ренегатов марксизма-ленинизма и тем самым восстановить истинно марксистско-ленинский путь построения социализма и коммунизма. По их убеждениям сам марксизм есть истина на все времена. Так ли это и на самом деле? — Именно этим теоретическим вопросом я и задался.

Конечно, в глазах нового российского поколения, — уже поколения капиталистического, — я исторически «замаран» жизнью в социалистическом строе со всеми его ужасами гражданской войны, военного коммунизма, коллективизации, белого террора и террора красного, повального голода в самой российской житнице, массовых репрессий собственного народа, как правило, самой трудолюбивой, сметливой и талантливой его судьбы. Что и говорить, если даже в фашистской Германии еще в мирное ее время и то было относительно много меньше политически репрессированных из собственного народа, нежели опять же репрессированных из числа собственного народа в Советском Союзе. Что говорить, если и вторая мировая война прошла красно-коричневым колесом фашизма по жизням, пусть социалистической страны и советского народа, но ведь народа, где каждая человеческая жизнь бесценна, а их фашизм унес миллионы. Среди них я был бы уж точно, но спасли год и место рождения.

Послевоенная страна залечивала раны за счет кошелька собственного народа, — разве могло быть иначе?! Поэтому разрушенная войной, да и довоенным социализмом, страна вставала из руин городской промышленности и сельской деревенской жизни дефицитом мужского населения и

населения детского, повальным дефицитом товаров первой жизненно й необходимости, но вставала и, наконец, стала великой по мощи оружия не только военного, но и идеологического. Еще бы. Конечно, победил советский народ, но под руководством партии Ленина-Сталина. Здесь уж точно значится победа народа, но украденная у него культовыми именами вождей марксизма-ленинизма. Для кого тогда это было важно?! — Главное — нужна победа, а за ценой не постоим. Хотя цена-то — это человеческие жизни, подчеркиваю, жизни человеческие. Беречь каждую человеческую жизнь, как оказалось, — это не в традициях социализма. Их вон сколько, и не пересчитать точно. В результате проигравшая страна и ее сателлиты потеряли в той войне много-много меньше жизней, нежели социалистическая страна-победитель. В результате экономика победившей страны получила много больше ран, нежели экономика стран, проигравших ту войну.

Послевоенный советский народ стал более бедным, нежели в довоенные годы, а он и тогда был бедным, чем особенно отличалось деревенское население. — Трудодни вместо денег, справка сельсовета вместо паспорта, прописка без права отъезда, налоговые поборы в пользу города, пустые полки магазинов, женщины, женщины и женщины и все почти вдовы, и вновь доносы и репрессии, репрессии и вновь доносы. Что и говорить. Спустя три десятилетия проигравшая Германия, будучи капиталистической, уже жила экономически процветающей страной, а выигравшая Россия вместе с социалистической Германией, — могучей военной супердержавой с бедным населением. Стало практически очевидно, — социализм выигрывает в военном деле и деле идеологическом, но проигрывает капитализму экономически, а, значит, и социально. Вывод напрашивался сам собой. — Победить социализм, если и возможно, то только экономически. Для этого капитализму всего-то надо наращивать военную гонку с социализмом. Экономическое бремя гонки вооружений пробьет часом и днем настанет, когда экономика социализма обязательно рухнет вместе с социализмом. — Так и случилось. Поэтому в известной мере уж точно правы и те, кто утверждает «мировой заговор» в качестве причины свержения социализма в социалистических странах.

Конечно, и эта причина имеет место, поскольку сам этот заговор вызвал к жизни все тот же социалистический режим власти в мировом же масштабе., Кроме мирового заговора капиталистов, коммунистический заговор, опять же мировой, но тоже существовал. Если здесь и был секрет, то секрет полишинеля. На вызов вызовом приходится отвечать. Здесь все логично. На самом же деле, социализм не в конце 20 столетия, так в первых десятилетиях 21 столетия, но все равно рухнул экономически, а, значит, политически и социально. Он был исторически обречен развалиться благодаря самому же себе, то есть благодаря социально-экономическому способу социалистического производства. Вот здесь-то и возникает фундаментально концептуальный вопрос вопросов и вопросов вопрос концеп-

туально фундаментальный. — Что же основоположники научного коммунизма проглядели в социально экономическом способе капиталистического производства, коль скоро исторически более живучим оказался именно капитализм, а не социализм именно?

Ученым из стран капитализма нет положительного смысла задаваться подобным вопросом. Им достаточно одного только эмпирического факта исторического поражения социализма, чтобы им же научно, подчеркиваю, научно им же утверждать преимущество капитализма над социализмом. Ученым из стран социализма этого факта явно недостаточно. Ведь они, в противоположность ученым из капиталистических стран, прожили свою собственную жизнь, которая у каждого одна, но она состоялась в социалистическом строительстве самого справедливого в мире общества, — коммунистического. Поэтому исторический факт поражения социализма — это, для них, в известной мере, поражение собственного научного мышления, то есть дело уже не только общественное, но и личностное. Вот почему, если у ученого из капиталистической страны нет личного отношения к теоретическому объяснению научной ущербности марксистской политической экономии, то все то же самое обязательно есть дело личностное для ученого, в жизни которого марксизм был не только словом истины, но и истинным делом. Вот почему этим вопросом мог задаться только ученый, живший социализмом и пропитанный им до мозга костей. Не без этой причины я практически, подчеркиваю, практически я куда основательнее знал ущербные стороны социализма и марксизма, нежели мои коллеги из стран капитализма. Чего я не знал, так научно теоретического объяснения того же самого. Этого не знал и не знает никто. Вот еще, зачем я спросил самого себя: «Если не я, то кто?»

Конечно же, придет время, и страны, ныне существующие еще социалистическими, обязательно перейдут на капиталистические методы хозяйствования. Однако одно дело практическая сторона, — здесь действительно очевидно эмпирическое доказательство, подчеркиваю, доказательство эмпирическое поражения социально-экономической идеологии марксизма. Совсем другое дело теоретическая сторона, — здесь вовсе не очевидно, научное доказательство, подчеркиваю, доказательство научное концептуальной несостоятельности той же самой идеологии. Без фундаментально теоретического доказательства научной несостоятельности марксизма, то есть без развенчания этой идеологии в массах трудящихся и, прежде всего, в тех странах, где десятилетиями именно эта идеология внедрялась в их сознание в качестве единственно истинной, — содержится историческая опасность реваншизма все той же самой идеологии и воплощения ее в политическую практику. Историческая память коротка. За примерами далеко ходить и не надо.

Человечество так и не озаботилось проблемой теоретического доказательства научной несостоятельности фашизма, утешившись эмпирическим доказательством того же самого, ссылаясь при этом в качестве дока-

зательства на опыт второй мировой войны в самой истории человечества. Спору нет, фашистская Германия была побеждена международными военными усилиями, но фашизм в Германии вовсе не был побежден усилиями самого немецкого народа. Если же в самом немецком народе того исторического времени и были идеологические противники фашизма, то их число было малочисленно, чтобы стать числом решающего политического значения. Потребовалось не одно десятилетие исторического времени, чтобы в своем большинстве все тот же немецкий народ, — не без усилий стран Запада и Востока, — понял и осознал, что потерпел поражение не немецкий народ, а идеологически и политически господствующий в Германии социально-экономический режим национал-социализма, что и есть фашизм.

Все же, все же. Нет, нет, да и в самой Германии даже в нынешние времена все еще случаются открытые демонстрации «народа» с лозунгами фашиствующих национал-социалистов. То же самое случается и в других странах Европы, где фашизм, — кроме Испании и Италии, — никогда и не был властным политическим режимом. Что же тогда говорить о странах Африки, Азии и Латинской Америки?! — Здесь в ряде стран фашиствующие режимы пришли к власти уже после поражения фашизма в Германии и так же постарались состояться палачами собственных народов. Примеры приводить не буду. Они еще у всех на слуху. Оказывается, сам по себе эмпирический факт исторического поражения фашизма в отдельной стране еще не означает, что человечество получило прививку от фашизма на все времена и уже во всех странах. То же самое вполне корректно можно сказать и о марксизме. Разве антиглобалисты не используют марксистские лозунги? — Используют! Разве в странах антифашистской коалиции образца 1941-1945 годов, — России, США, Франции и Великобритании, — ныне уже перестали осквернять еврейские кладбища и печатать уличные лозунги «Россия для русских», «Франция для французов», «Америка для белых» и так далее? — Разве в России и иных странах перестали существовать политические партии коммунистического толка и толка фашистского? — Нет, не перестали. — Все это имеет место и в нынешние времена и даже проникает в политическую жизнь тех же самых стран. Недавние события в Австрии тому убедительный пример. Парадоксально? — Вовсе нет. Первопричина фашизма и марксизма — эта разруха не в клозетах, а в головах людей. Вот почему, пока идеологии фашизма и марксизма не будут научным способом развенчаны именно там же и непременно в массовом сознании человечества, до тех пор эти идеологии нет-нет, да обязательно будут появляться на «улицах» и в парламентах. Конечно, можно назвать всех фашистов недоумками. — Что есть и на самом деле. Но, увы, только таким мыслительным действием фашизм не убрать из голов людей и, следовательно, из общественно-политической жизни человечества. Здесь требуется научный подход и непременно фундаментально концеп-

туальный и концептуально фундаментальный. То же самое и с марксизмом.

Пусть в глазах нового российского поколения я «замаран» социализмом. Спорить не буду. Так и есть. До сих пор я им хромаю. Уж больно мучительное это дело совершать умственную революцию в собственной голове. Сравнимо с родами, но продолжающимися годами. В оправдание только скажу. — Сам человек не выбирает для себя самого историческое время для времени собственной жизни. Поэтому, если я и «замаран» социализмом, то для меня собственно не было выбора, когда родиться и родиться где. Я родился тогда и там, где и когда матерью и отцом было предопределено родиться мне. Так с каждым.

Кому-то наверняка покажется, что я вижу только черные стороны социализма, а социалистические стороны, но белые не вижу совсем. Конечно же, все не так. Спору нет, социализм имел свои положительные моменты, но все они были таковы в жизни самого социализма, что народ обязательно с утра и до вечера и с вечера и до утра должен был благодарить за них коммунистическую партию и советское правительство. Спасибо за счастливое детство, за жилье, за образование и медицинскую помощь, — все это ведь надо же! бесплатно. — Как будто народ отдыхает, а партия и правительство работают за него.

Бесплатного ничего не бывает в обществе, способ существования которого есть социально-экономический способ. Если же за дотационное детство, жилье, образование и медицинскую помощь с народа непосредственно не брали денег, то тому же народу за все то же самое в том же самом объеме систематически недоплачивали в зарплату. Больше денег неоткуда взять государству. Бесплатное по социалистически — это все то же самое платное, но заранее отнятое государством у того же самого народа. Эта истина все еще изощренно спрятана от самого народа, но от этого она не перестала быть истиной.

Еще и поныне существует множество людей, которым необходимо в полной мере осознать естественную непреложность факта, что «бесплатное», как явление социальное, экономического смысла не имеет вовсе. Хотя англичане и утверждают, что бесплатный сыр может быть только в мышеловке, но при этом те же англичане забывают, что цена этого сыра для мыши стоит ей собственной жизни. Это социализм по-советски внушил, и не без успеха, что в экономике может быть нечто бесплатное, забыв при этом сказать населению, что социалистическая экономика по-советски — это вовсе и не экономика. Получалось, что положительная сторона социализма есть не естественная его сторона, а сторона искусственная. Раз так, то народ должен благодарить не самого же себя за счастье жить при социализме на иждивении государства, а руководителей государства и партии. Если не благодарить, то будет бесплатная пайка, либо вожди социализма, — не дай Бог, — возьмут да передумают давать бесплатно. Чтобы не передумали, надо их еще при жизни прославлять, как

Богов. Это сейчас из социально-экономического словаря трудящихся России исчезло известное общим местом при социализме слово «получка», а его место в советском народе тогда было прочно и даже очень. В этом чисто социалистическом по происхождению слове угадывается «халява», что есть бесплатные деньги. Одни делали вид, что работают, а другие — что платят им заработанные деньги. Социальный юмор советского народа, замешанный на правде социалистической жизни, уж точно здесь был. Производительность труда при социализме гигантски отставала от всего того же самого при капитализме, и разрыв не сокращался, а увеличивался. Конечно, не потому, что российский рабочий ленивее рабочего американского. Дело в социально-экономических условиях и условиях экономически социальных способа существования самого общества. Ленивей социалистический рабочий, нежели рабочий капиталистический. Хорошо бы все это понимать самому российскому народу. Тогда демагоги от коммунистических идей уж точно были побиты самим же народом.

Ныне в России, да и в мире центром внимания существует личная безопасность человека дома и на улице, в школе и в театре, в детском саду и в поезде, самолете, пароходе. Даже на работе и в собственном авто и то порою небезопасно. Такие преступления против личности, как убийства и уличный грабеж, разбой и воровство, насилие и захват заложников и другие подобного рода бандитские преступления достигли размеров, явно превосходящих на порядки все то же самое, но в былые времена торжества социализма. Тогда само наличие пистолета у преступника было делом не районного масштаба, а масштаба всесоюзного. Означает ли это, что социализм лучше решает проблему охраны населения от преступности, нежели капитализм. Вопрос не праздный. — Многие-многие пострадавшие от преступности, в том числе и от терроризма, в период последних 10 российских лет, уж точно сказали бы, что уж лучше назад в социализм, нежели капитализм с разгулом преступности.

Конечно же, сама преступность была, есть и будет. Увы, с этим придется смириться человеческому обществу, как бы оно политически не называлось. Другое дело, размеры преступности. — Здесь есть проблемы, решение которых вгоняет преступность в максимально минимальные ее размеры. Среди этих проблем, есть проблемы политического порядка и порядка социально-экономического. Общеизвестно, что так называемые тоталитарные страны решают проблему преступности более успешно, нежели страны демократические. Почему? — Да потому, что не только законопослушный народ, но и народец преступный находится под политическим прессом тоталитаризма. Только в части преступников этот пресс еще и еще более с сильным давлением. В тюрьме всегда порядок. Стоит только вместо политической тюрьмы тоталитаризма в социально-экономический оборот общества ввести политическую демократию, так сразу же прежний порядок власти политического насилия превращается сначала в беспорядок, хаос, — с гигантским увеличением количества пре-

ступлений, прежде всего, против личности. — Но по мере укрепления политического режима демократии и именно ее силовых структур, по мере создания гражданского общества, количество преступлений обязательно возвращается в те же размеры, которые принято условно считать социальной нормой. Процесс этот не скор и весьма-весьма труден. На этом гигантски трудном пути нет-нет, но в народе, да и во властных структурах уже демократических возникает политическое желание вновь вернуться к методам тоталитаризма. Еще бы, почти все требуют сейчас, сразу и повсеместно избавиться от разгула преступности, а так никак не получается, да и не может получиться при еще только развивающемся политическом режиме демократии. В этом исторически ответственном случае, народу надлежит проявить понимание проблемы и социальную выдержку и не дать себя обмануть политическим демагогам, призывающим для борьбы с преступностью вернуться сначала к институту «стукачества», а затем и политическому сыску. — Отсюда уже виден и политический тоталитаризм коммунистического большевизма.

Что же получается? — Социализм ценой политических несвобод и несвобод экономических, а так же ценою тоталитарного наблюдения за гражданами, в том числе с оплачиваемой помощью самих граждан, лучше справляется с преступностью, нежели еще неразвитое демократически и социально экономически капиталистическое общество. — Да, так и есть. Это действительно есть правда. Утверждать обратное, — было бы обманом либо самообманом. Проблема в ином. — Согласно ли демократически развивающееся общество заплатить демократией, чтобы вернуть преступность в максимально минимальные размеры? — Вот ныне в чем заключается гамлетовский вопрос. Выбор, конечно, за самим народом. — Жить ли в тюрьме, — худо-бедно, но там уж точно пусть полицейский, но ведь порядок. — Либо жить в демократических свободах и зарабатывать собственное благополучие в рыночной экономике, но тогда с государственным порядком демократии в демократическом порядке жизни самого же народа. Здесь опасностей уголовного порядка, конечно же, больше. Еще бы. В естественно свободном царстве природы нет-нет, да случается, что кто-то кого-то укусит, а то и съест. В зоопарке всего того же самого уже нет совсем.

Я прожил социализмом свою прошлую жизнь, но не считаю свою жизнь жизнью, обманутой социализмом. Если я и обманывался, то со всем народом. Если уж весь народ был обманут, то, конечно же, и я. Кто-то скажет, что весь народ обмануть нельзя. Что ж, это правда. Во все социалистические времена находились талантливые умом и сердцем мужественные люди, которых так и не удалось заманить из капитализма в социализм даже «бесплатными» его дарами. Более того, они идейно и научно даже прижизненно боролись с социализмом в собственной же стране. Каждый из них имеет свое имя! Среди них меня не было. Стыдно об этом ныне говорить, но грех прилюдно не покаяться. Все же, в известной мере

мне повезло. Кроме социализма, и капитализм мне исторически удалось прижизненно застать в собственной же стране. Жить на сломе социально-экономических эпох, ■ — далеко не лучшее историческое время для народа, но для ученого, исследующего социально-экономические условия общественного способа производства, — нет лучшего времени. Как я его использовал, судить не только мне.

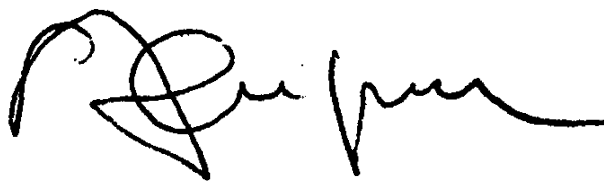
Предлагаемая монография — это теоретическое исследование философских и гносеологических оснований марксизма, как социально-экономического учения, и марксизма, как идеологии пролетарских классов в деле свержения власти буржуазных классов и построения государства с диктатурой пролетариата. Здесь не все исследовательские средства хороши, а только те, что объясняют марксизм, а не марксизмом объясняют. Ремарка принципиальная для философов, социологов и экономистов, чей образовательный статус сложился в пропитанной марксизмом социально-экономической образовательной системе, элементами которой они же сами и стали. Вот почему их научные степени в области философии, социологии и экономики есть, прежде всего, степень их научной преданности именно марксизму. Марксизм здесь априори принимается истиной в последней инстанции. Вот почему от них требовалось не объяснить марксизм более фундаментальными философскими и гносеологическими основаниями, нежели теми, чем существует он сам, а требовалось объяснять марксизмом любое явление в философии, социологии и экономике.

Зачем я специально об этом говорю? — Дело в том, что концептуальная содержательность монографии то и дело входит в логическое противоречие со всем тем, что составляет логику самого марксизма. И у моих оппонентов, — которые, конечно же, будут, — обязательно появится желание оспаривать мои выводы, ссылаясь при этом опять же на марксизм, но в качестве доказательства несостоятельности моих выводов. Повторяю. Я доказываю марксизм, но марксизмом не доказываю. У меня марксизм существует предметом доказательства, но доказательной предметностью он не существует. Вот почему я был вынужден искать и находить концептуально более фундаментальные и фундаментально более концептуальные основания, нежели все те же основания, но марксизма. Иначе я повторял бы все те же теоретические основания марксизма, тогда цель монографии состоит в том, чтобы доказать их истинность или ложность. Вот почему, я приму к рассмотрению от оппонентов любой их контраргумент, но только в том случае, если он принадлежит не марксизму и его самообразующим философским основаниям и основаниям гносеологическим, а основаниям концептуально более фундаментальным и фундаментально более концептуальным основаниям.

Надеюсь, что монография привлечет внимание ученых-теоретиков, исследующих фундаментальные проблемы в области философии, гносеологии и обществознания, в том числе экономики и социологии. Очень рассчитываю, что эта же монография практически станет полезной книгой

для политических партий не только правых, центра, но и левых. Кроме того, все то же самое было бы небесполезно знать для государственного аппарата управления экономикой и не только российской. Его экономическая подготовка и подготовка социальная, я уже не говорю о философской подготовке и подготовке гносеологической столь мала относительно ныне требуемых размеров и качества, что уж точно делает его работу весьма и весьма мало эффективной, а порою и вредной для общества. Конечно же, монография может и должна быть использована высшей школой в деле образования нового поколения интеллигенции, способной философски и гносеологически мыслить самостоятельно в научной и общественной практике, и для которой уже тесны классическая философия и гносеология, но классическая, а так же социально-экономические учения с измами вместо истинности.

Работа над монографией потребовала от меня столь напряженных усилий, что времени на решение повседневных проблем собственной обыденной жизни уже не оставалось. Спасибо жене и детям. Пусть на время, но они освободили меня от этих забот. Наконец, еще об одном аспекте. Сотрудничество со мной возможно. Для этого есть электронные адреса: siris_v@mail.ru либо isiris@velaw.com — Обращайтесь!

A handwritten signature in black ink, appearing to be 'Siris V.', with a stylized, cursive script.

ГЛАВА 1.

ПРЕДИСЛОВИЕ. — ИССЛЕДОВАНИЕ ЛОГИКИ НАУЧНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ.

«Величайшая обязанность философа—быть последовательным, но именно это встречается реже всего». И.Кант. /16. с. 338/.

Экономика, как наука, не была политической до появления капиталистического способа производства, благодаря которому, политическая экономия политизировала и социологию, сразу же превратив ее в науку социально пристрастную. Буржуазная политическая экономия «рассматривает капиталистический строй не как исторически преходящую ступень развития, а, наоборот, как абсолютную, конечную форму общественного производства, она может оставаться научной только до тех пор, пока классовая борьба находится в скрытом состоянии или обнаруживается лишь в единичных проявлениях». /2. с. 14/. Если строго следовать за логикой Маркса, то буржуазная политическая экономия остается научной до тех пор, пока классовая борьба существует в скрытом состоянии и обнаруживается в единичных проявлениях, но она же перестает быть научной, как только классовая борьба начинает существовать в открытом состоянии и обнаруживается уже в массовых проявлениях. В этой логике получается, что критерием научности-ненаучности буржуазной политической экономии существует не открытие или сокрытие самого качества классовой борьбы в капиталистическом обществе, а некоего большого или малого количества борьбы в классовом качестве ее же самой. Мало количества борьбы в борьбе классовой, — буржуазная политическая экономия научна, но ненаучна она же, если борьбы в борьбе классовой уже много количества. Я специально до предела последовательности довел логику Маркса в определении им научности-ненаучности буржуазной политической экономии, чтобы строго точно обнажить ее публично и продемонстрировать всем, — король-то голый! — Если точно такой же логикой определять научность-ненаучность пролетарской политической экономии, то за критерий придется взять не присутствие-отсутствие в самой же ней диктатуры пролетариата, а присутствие в ней малого количества диктатуры из диктатуры

пролетариата, — тогда пролетарская политическая экономия научна. Но она же уже ненаучна, если в ней много количества диктатуры из диктатуры пролетариата. Абсурд? — Еще какой! Но ведь это не моя логика, а логика Маркса.

Дело научности-ненаучности политической экономии капитализма, следовательно, не в том, — скрыта или открыто существует в ней классовая борьба, находится она в единичных или массовых проявлениях. Исследователь с научным типом фундаментальности мышления обязан видеть дальше и глубже очевидного в социально-экономических условиях капиталистического способа производства. Поэтому сама «скрытость» — это и есть предмет научного исследования. Иначе откуда возьмутся «открытия»?!. Если же Рикардо и Смит так и не увидели место и роль классовой борьбы в социально-экономических условиях капитализма их времени, то это проблема ограниченности мышления Рикардо и Смита, а не капиталистического способа производства. В логике же Маркса все с точностью до наоборот. Ограниченность их мышления есть научность буржуазной политической экономии. Абсурд, да и только. Маркс уже увидел в капитализме много-много классовой борьбы, тем самым он снял проблему ограниченности мышления Адама и Смита. Но стала ли от этого буржуазная политическая экономия научной политической экономией? — Нет, не стала, она стала ненаучной. Почему же, ведь в логике здравого смысла она обязана стать научной, коль скоро устранена причина ограниченности ее же самой? — В логике здравого смысла так и должно быть, но у Маркса иная логика, — в ней нет здравого смысла при определении научности политической экономии. В чем же причина подобного абсурда? Все просто. У Маркса нет науки в логике и нет логики в науке, и в этом-то состоит его логика. Поэтому с преодолением ограниченности прежней политической экономии у Маркса стала научной его собственная политическая экономия, а экономия политическая буржуазная приказала долго жить из научности ее же самой. Вот таким «логическим» ходом коня Маркс закрыл научность буржуазной политической экономии капитализма и открыл научность в собственной политической экономии капитализма. Маркс не развивал научность политической экономии капитализма от научности одной политической экономии к экономии политической иной научности, а прервал научную жизнь одной политической экономии в смерти научности ее же самой ради научной жизни собственной политической экономии в бессмертной научности самой же ее.

Конечно, буржуазная политическая экономия не была бы буржуазной, если бы рассматривала капиталистический строй не как исторически конечную форму общественного производства. Однако ж, господа оппоненты и товарищи марксисты, будем логически последовательны. Ведь и пролетарская политическая экономия не была бы пролетарской, если бы не рассматривала коммунистический способ общественного производства не как исторически конечную форму общественного производства. — Любая

односторонне социально ориентированная политическая экономия обязательно будет апологетом того социального класса, которому она же пристрастно принадлежит социально и экономически. Поэтому такого рода политические экономии одинаково научно ущербны. В этом отношении политическая экономия Маркса ничем не лучше, но и не хуже политической экономии Рикардо-Смита. Обе они одинаково односторонни, хотя и не в одном и одном и том же. В этом отношении они уж точно ненаучны обе. Такова логика и ничего с ней не поделаешь.

Коль скоро наука по определению обязана быть всесторонней, то политическая экономия капиталистического способа производства не может быть ни отдельно буржуазной, ни отдельно пролетарской, поскольку социальная и экономическая сущность этого способа производства раскрывается социальным и экономическим единством двух противоположных классов, — буржуазных (капиталистов и помещиков) и пролетарских (рабочих и крестьян). Стоит только политэкономии стать на сторону буржуазных классов или на сторону классов пролетарских, то такая социально-экономическая наука уже односторонняя, то есть пристрастная и поэтому научно ущербная. Вот почему буржуазная политическая экономия и экономия политическая пролетарская не могут быть научными отдельно друг от друга, подчеркиваю, друг от друга отдельно, но вместе у них есть положительная перспектива превратиться в научную политическую экономию капитализма.

Надо сказать, что и Маркс рассматривал «пристрастность», как признак научной ущербности в политэкономических исследованиях. Так, обращаясь к профессиональным ученым-экономистам своего времени, он писал: «Пока у них была возможность заниматься политической экономией беспристрастно, в германской действительности отсутствовали современные экономические отношения. Когда же эти отношения появились, то налицо уже были такие обстоятельства, которые больше не допускали возможности беспристрастного изучения этих отношений в рамках буржуазного кругозора». /2. с. 14/. Однако ж Маркс не был последователен в своей же логики. Поэтому пристрастность и односторонность одной политической экономии капитализма, — буржуазной, — он заменил пристрастностью и односторонностью другой политической экономией капитализма, — пролетарской. Как не было науки в одной политической экономии, так и в другой политической экономии не появилось науки. — Пристрастность и односторонность, как были, так и остались в политической экономии капиталистического способа производства.

Научная политическая экономия капиталистического способа производства — это наука из концептуально-фундаментального и фундаментально-концептуального двуединства прямого единства буржуазной политической экономии в экономии политической, но пролетарской, и обратного единства экономии политической пролетарской в буржуазной политической экономии. Здесь принципиально важна не только их прямая

связь, но и связь обратная. Этого рода политическая экономия капиталистического способа производства суть всесторонняя, беспристрастная и в силу этого никак не может быть объективно обвинена в субъективности или субъективно обвинена в объективности. Именно такая политическая экономия, отражая собою экономическое единство из социальной противоположности пролетарских классов и классов капиталистических в самом капиталистическом способе производства, должна была явиться на свет из-под пера Маркса. Должна, но явилась иная, но Маркс и мыслил иначе. — Чтобы исправить по Марксу научность буржуазной политической экономии капитализма, — надо всего-то создать пролетарскую политическую экономию капитализма, но с открытой классовой борьбой и в массовых ее проявлениях. Такая классовая борьба уж точно приведет капиталистический способ производства к его гибели и замены его социалистическим способом производства. — Такова логика самого Маркса. На самом же деле, эта логика не выдерживает критики всего того, благодаря чему наука называется Наукой, а не как-то иначе.

Итак, созданная Максом пролетарская политическая экономия капиталистического способа производства есть наука не в подлинном, а поддельном значении существа фундаментальности науки, как науки фундаментальной в существе самой же ее. На этом можно и остановиться в теоретическом доказательстве того, истинен или ложен социально — экономический марксизм. Конечно же, ложен, коль скоро он же и ненаучен. Спору нет, все так и есть. Но точно так же обстоит дело и с современной буржуазной политэкономией, родоначальниками которой еще были Смит и Рикардо. Ибо и в современном ее немарксистском виде она все еще существует точно такой же буржуазно пристрастной, какой же пристрастно буржуазной она была и во времена Адама и Смита. Поэтому она точно так же ненаучна, как и ненаучна марксистская политическая экономия и в нынешнем ее изложении эпигонами марксизма. Конечно, многое с тех пор изменилось в самом капиталистическом обществе, — многое изменилось и в представлениях о нем и в самой политической экономии капитализма уже начала 21 столетия. Неизменной осталась только социальная пристрастность ее же самой именно буржуазным классам либо классам пролетарским. Третье им было не дано. Ссылок на первоисточники не привожу, ибо их количество легионы и легионы.

Что же получается? Получается же вот что. — У капиталистического способа производства как не было, так до сих пор и нет социально беспристрастной и беспристрастной экономически и только в этом социальном смысле и смысле экономическом научной политической экономии капитализма, а должна быть и, более того, требуется исторически более всего именно сейчас капитализму. Почему? Да потому, что историческое время капитализма уже равно почти половине тысячелетия, — такая длительность исторического времени во времени социально-экономическом вполне дретаточна, чтобы задуматься и задаться вопросом, — с горы или еще в

гору едет капитализм, и где та черта, что отделяет одно от другого. Если с горы, то куда, если уж точно не в феодализм. Если же все еще в гору, то есть ли у нее предельная высота и, если есть, то какой у нее социальный общественный статус и статус общественный, но экономический.

Согласитесь, господа капиталисты и товарищи пролетарии. — Лучшим делом было бы не стреляться на социальной дуэли до смерти из вас одного в одном из вас, а вместе и без социальной неприязни достичь, наконец, совместного понимания, а, значит, и объяснения совместного. — Куда же мы все вместе, подчеркиваю, вместе все идем социально-экономической дорогой и дорогой экономически социальной уже не столько временем настоящего, сколько временем настоящего в будущем времени и будущим временем во времени настоящем. Идти грудью вперед, но назад головою, — согласитесь, не есть лучший способ ходить в человеческой истории. Прошлое уходит в неопределенное никуда, а куда-то вполне определенным приходит будущее. Так куда же? Вот почему с доказательством ненаучности отдельных друг от друга пролетарской политической экономии и экономии политической буржуазной я не останавливаюсь и иду дальше в исследовании того же самого, но не в том же самом. Мало одного теоретического доказательства, что есть научность науки политической экономии. Здесь и ошибиться недолго, да и заблудиться не трудно. Ведь исследование критерия научности-ненаучности из единичной научности науки политической экономии никак не извлекается тот же самый критерий для всех без исключения наук. Вот наоборот было бы замечательно.

Речь идет о том, что сама по себе в себе же самой «научность» есть научность одна на все науки. Другую «научность» быть не может. Ибо тогда пришлось доказывать научность для физической науки, научность для химической науки, научность для биологической науки, научность для математической науки, научность для социологической науки, научность для экономической науки, и так далее доказывать научность какими-то специфическими научностями, никак не сводимыми общим концептуальным фундаментом из фундаментальной концепции общей научности для всех наук. Понимая все это, я понимал, что приведенные мною доказательства научности-ненаучности политической экономии, как науки, еще не есть теоретически полные доказательства. Надо бы иметь доказательства научности-ненаучности науки, как таковой Науки. — Тогда другое дело. Понимая все это, я одновременно понимал, что доказательство научности науки требует научного доказательства, — а это уже логически порочный круг. Его следовало разорвать, иначе проблема доказательства научности науки доказывается как принципиально неразрешимой научной проблемой. Как и чем разорвать, — вот в чем проблема проблем. Оказывается, решение есть.

Наука существует логикой. Это утверждение не должно быть аксиомой. Здесь аксиоматика не проходит. Следовательно, этот прямой тезис

нуждается в доказательстве. Логика существует наукой. — Это утверждение не должно быть аксиомой. Здесь аксиоматика не проходит. Следовательно, этот обратный тезис нуждается в доказательстве. Доказать их отдельно друг от друга принципиально логически запрещено наукой, ибо, во-первых, тогда придется доказывать научность самого доказательства, что есть логически порочный круг, и, во-вторых, отдельность их друг от друга есть их независимость, а независимость познается не наукой. Раз так, то доказывать следует не по отдельности, а в их единстве. Но доказывать следует двуединством их. Здесь оба тезиса сами доказывают необходимость их единства друг из друга и друг в друге, как единства не одного и одного и то же прямого единства и единства обратного. Так открывается их двуединство и взаимодополнительность прямо обратного двуединства Науки в логике — Логики в науке и обратно прямого двуединства Науки в логике — Логики в науке. Их прямо обратное двуединство и двуединство обратное прямое в единстве существуют уже научными доказательствами друг друга, и поэтому иной научности здесь и не требуется в доказательстве научности каждой из них. Вот, как и чем разрывается порочный круг в научном доказательстве научности Науки. Эта «научность» есть научность любой науки. Политическая экономия, как наука, разумеется, не существует здесь исключением. Именно на этом оселке научности я проверяю научность марксистской политической экономии, и именно этим оселком научности я выверяю научность немарксистской политической экономии. Конечно же, подобного рода научность, существуя абстрактностью в конкретности самой же ее, требует и конкретности в абстрактности ее же самой. Поэтому необходимо расшифровать, что есть Логика в науке, и что есть Наука в логике, и что есть их не одно и одно и то же единство.

Прежде чем ставить вопрос, — что же существует научностью Науки в логике, и что же существует научностью Логики в науке? — докажем, что же есть ненаучность. Где присутствует независимость, там науке нет места, ибо наука, как Наука, как раз и рождается наукой при установлении зависимостей. Следовательно, если исходным пунктом человеческого познания требуется познать «независимость», то такое познание может называться любым познанием, но уж точно не научным, а ненаучным. Следовательно, запрещено разделять необъединяемым Науку в логике и логику в Науке. Но разрешено их единство из прямо обратного двуединства Науки в логике из Логики в науке и обратно прямого двуединства Логики в науке из Науки в логике. Такая постановка проблемы научности разделяемо объединяет Науку в логике — Логик в науке и объединяемо разделяет Логик в науке — Науку в логике. Здесь уже нет независимости, и здесь уже есть решение проблемы научности науки. Коль скоро наука рождается Наукой при установлении зависимостей, то, прежде всего, следует доказать, что же есть такое «зависимости».

Кроме необходимости в самом предмете научного исследования наличия связей и взаимодействий в не одном и том же единстве связи взаимо-

действий и взаимодействия связей, иной логической необходимостью в необходимости самой Науки в логике ее же самой сама Наука не существует научной в Логике ее же самой. Здесь зависимости существуют взаимозависимостями, а они существуют «связью взаимодействий» и «взаимодействием связей». Это необходимое условие научности Науки в логике, но условие еще недостаточное для того, чтобы Логика в науке существовала научной логикой. Достаточным оно становится тогда только и только тогда, если прямо обратное двуединство связи взаимодействий во взаимодействии связей дополняется обратно прямым двуединством взаимодействия связей в связи взаимодействий, а оба эти двуединства существуют единством из взаимодополнительности друг другу друг в друге. Здесь никак не обойтись без единства элементарности системы в системности элементов и без единства системности элементов в элементарности системы. /13. 70-87/. Единство необходимого условия и условия достаточного решает проблему научности Науки логики из Логики науки в научной Логике ее же самой. Из этого следует, что вне всего того, в чем заранее постулируется «независимость», там логике Науки и Науки в логике делать нечего. Из того же самого следует. — В чем заранее постулируется «зависимость», — но зависимость постулируется только в виде связей или взаимодействий и, следовательно, вне прямо обратного двуединства связи взаимодействий во взаимодействии связей и обратно прямого двуединства взаимодействия связей в связи взаимодействий, — во всем этом Наука в логике и Логика в науке теоретически полностью опять же отсутствуют. Почему? — Да потому, что частью и здесь присутствует независимость. Наука, логика в которой не выходит за пределы установления отдельных друг от друга связей и взаимодействий, и Логика, наука в которой не выходит за пределы установления отдельных друг о друга взаимодействий и связей, есть наука, но еще только наука описательная. В науку фундаментальную она превращается, если существует пределами системно элементарного прямо обратного двуединства связи взаимодействий во взаимодействии связей и элементарно системного обратно прямого двуединства взаимодействия связей в связи взаимодействий. Вот какой высотой в глубине и глубиной в высоте существует планка логики в Науки и науки в Логике, если наука есть Фундаментальная наука, а фундаментальная наука есть Наука. Любое отклонение от этой планки делает науку наукой описательной и уже фундаментально ущербной наукой и наукой ущербной концептуально.

Отдельность друг от друга связи и взаимодействия обязательно утверждает их независимость друг от друга, — что и есть ненаучность, но сказанное иначе. Объединить же их между собой зависимостью запрещено, поскольку зависимость обязательно содержит в себе момент односторонней направленности, что уже противно логике в науке. Остается объединить их взаимозависимостью, но тогда они объединяются не непосредственно опять же связями и взаимодействиями, — подобное здесь запре-

щено опять же наукой в логике, поскольку такой способ объединения обязательно содержит в себе момент тавтологии, что уже противно логике в науке. Они соединяются, но не непосредственно, а непосредственно посредством системы в системе элементарности ее же самой и соединяются, но не опосредованно, а посредством непосредственностью элементов в элементах системности их же самих. Не одно и то же двуединство системы элементарности в элементах системности и элементов системности в системе элементарности уже без тавтологии и исчерпывающе решает проблему фундаментальности в Фундаментальной науке и проблему научности в Науке фундаментальной. Здесь уже нет ничего отдельного, ибо здесь все взаимосвязано.

Таким двуединым способом как раз и существует природа естества в естественности природы ее же самой и естественная природа в природе естества ее же самой. Здесь существо естества существует конечным началом природы в бесконечности конца ее, а естество существа существует бесконечным концом природы в конечности начала ее. Таким же способом как раз и существует природа общества в общественности природы ее же самой. Здесь существо общества существует конечным началом естества человека в бесконечности конца человеческой истории общества, а общественное существо существует бесконечностью конца человеческой истории общества в конечном начале естества человека. Именно здесь и здесь именно природа естества в естественности ее же самой и природа общества в общественности самой же ее существуют не зависимостью, а взаимозависимостью друг от друга. Разделяемо их объединяет человек из существа естества его самого в самом же его общественном существе и объединяемо разделяет их опять же сам человек из общественного существа его самого в самом же его естественном существе. Здесь естествознание существует обществознанием, а обществознание существует естествознанием, но здесь уже нет отдельных друг от друга обществознания и естествознания, и, разумеется, здесь уже нет и естествоведения и обществоведения нет здесь. Здесь нет описательных наук, но есть только науки фундаментальные. Таковы Наука в логике и Логика в науке и ничего с ними не поделаешь. Здесь научность науки политической экономии существует частным местом из пространства общей научности Науки. Здесь, если уж ошибешься с научностью политической экономией или заблудишься с научностью ее же самой, то причину придется искать не в самой политической экономии, а в собственном ограниченном мыслительном зрении в зрении мыслительном безграничности Науки логики из Логики науки в ней же самой.

Ныне не те исторические времена, что времена исторические Маркса. Что не требовали друг от друга наука и философия с гносеологией в те времена, в нынешние времена наука и философия с гносеологией уже требуют друг от друга. Ныне без философского обоснования и обоснования гносеологического постановки фундаментальной проблемы научного по-

рядка уже запрещено пускаться в путь фундаментального решения самой научной проблемы. Ныне без научного обоснования постановки фундаментальной проблемы философского порядка или порядка гносеологического уже запрещено пускаться в путь фундаментального решения самой философской проблемы или проблемы гносеологической. Неважно, касаются ли проблемы природы общества в общественной природе или природы естества в естественной природе. — Слишком дорогим делом для экономики общества стали наука, философия и гносеология в конце 20 начале 21 столетий, чтобы с закрытыми глазами пускаться в путь научных, философских и гносеологических исследований, надеясь, что случайно откроется и свет в конце туннеля. Случайно не откроется! Надо прежде глаза открыть и раскрыть их мыслительным светом Науки в логике и Логике в науке. Тогда обратным светом откроется и свет в конце туннеля, но откроется, конечно же, не случайно.

Социально-экономический «марксизм» базируется на «Капитале» Маркса, а марксовый «Капитал» основан на философии диалектического материализма. Хотя исследование марксизма мне пришлось начинать с теоретического доказательства того, что есть сама «научность» в Науке и научность в политической экономии, но продолжать исследование научности марксизма уже приходится с исследования самой философии диалектического материализма. Столь ли она логически непротиворечива и в этом смысле теоретически надежна, чтобы служить действительно научным фундаментом мировоззренческой истинности для такого социально-экономического исследования, как «Капитал»? Если теоретически безупречно доказать логическую противоречивость диалектического материализма, то из «Капитала» вымывается философский фундамент и фундамент гносеологический, на единстве которых зиждется само социально-экономическое здание марксизма. Так ли это и на самом деле? Если так и есть, то марксизм со временем, но обязательно исчезнет в собственном бытии из сознания масс трудящихся. Если же марксизм выстоит, что ж, значит, он действительно стоит на прочном фундаменте, где сама фундаментальная прочность — это и есть диалектический материализм.

ГЛАВА 2.

ВВЕДЕНИЕ. — ИССЛЕДОВАНИЕ ЛОГИКИ МАТЕРИАЛИЗМА И ИССЛЕДОВАНИЕ ЛОГИКИ ДИАЛЕКТИКИ В МАТЕРИАЛИЗМЕ И ДИАЛЕКТИКЕ ФИЛОСОФИИ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА.

Что такое «материализм» и что такое «диалектика»? Принято считать, что одно и другое есть философии. Источников не привожу, ибо имя им легион. На самом же деле, все так, да не так.

Материализм, равно как и идеализм — это не философии, а гносеологии. Гносеология — это природа человеческого познания в познаваемой человеком природе. Вот почему гносеология — это мировоззрение человеческого познания в познаваемом человеком мире. Будучи противоположными следствиями одной причины, а, именно, решения одного и одного и того же основного гносеологического вопроса, материализм и идеализм ничем другим, кроме гносеологией, быть и не могут.

Диалектика, равно как и метафизика, — это не гносеологии, а философии. Философия — это познаваемая человеком природа в природе человеческого познания. Вот почему философия — это познаваемый человеком мир в мире человеческого познания. Будучи противоположными следствиями одной причины, а, именно, решения одного и одного и того же основного философского вопроса, диалектика и метафизика ничем другим, кроме философией, быть и не могут.

Почему же в среде философов до сих пор все еще принято считать, что материализм и идеализм — это не только гносеологии, но и философии, а диалектика и метафизика — это не только философии, но и гносеологии? Причина есть. От самого рождения и до дней сегодняшних философия и гносеология существуют внутренне неразделимо, поскольку основной гносеологический вопрос с самого начала существует основным вопросом философии, а основной философский вопрос с самого начала существует основным вопросом гносеологии. Вот почему философия и донныне существует гносеологической, а гносеология и донныне существует философской, — либо материалистической диалектикой и метафизикой материалистической, либо идеалистической метафизикой и диалектикой идеалистической. В этих исторических условиях любая гносеология суть философская, а любая философия суть гносеологическая. Здесь вне гно-

сеологии диалектика и метафизика не существуют философиями, равно как здесь вне философии материализм и идеализм не существуют гносеологиями. Так было до Маркса, во времена Маркса, так есть и сейчас. Что вовсе не означает, что так точно будет и впредь. — Так точно уж точно не будет!!

Конечно же, в пределах основного гносеологического вопроса материализм и идеализм гносеологически непримиримы, равно как непримиримы философски метафизика и диалектика в пределах основного философского вопроса. Логически примиримы ли философия и гносеология? — Вот в чем фундаментальный вопрос.

Материализм не означает ничего иного в гносеологии, кроме как независимость, подчеркиваю, независимость познаваемой человеком природы от природы человеческого познания. В то же самое время материализм обозначает зависимость, подчеркиваю, зависимость человеческого познания от познаваемой им природы. Где присутствует независимость, там Науке делать нечего, ибо наука, как Наука, как раз и начинается наукой с установления зависимостей, то есть связей и взаимодействий. Что же получается? — Получается же вот что. Где материализм гносеологически утверждает себя «независимостью», там материализм исключает себя из Науки, но в Науку материализм непременно включается, но там, где он гносеологически утверждает себя «зависимостью». Иначе говоря, материализм признается научным только там и там только, где он постулирует зависимость человеческого познания от познаваемой им природы. Иначе говоря, материализм признается ненаучным там только и только там, где он постулирует независимость познаваемой человеком природы от природы человеческого познания. Такова логика в Науке и Наука в логике и ничего с ними не поделаешь.

Идеализм не означает ничего иного в гносеологии, кроме как независимость, подчеркиваю, независимость природы человеческого познания от познаваемой человеком природы. В то же самое время идеализм обозначает зависимость, подчеркиваю, зависимость познаваемой человеком природы от природы человеческого познания. Где присутствует независимость, там Науке делать нечего, ибо наука, как Наука, как раз и начинается наукой с установления зависимостей, то есть связей и взаимодействий. Что же получается? — Получается же вот что. Где идеализм гносеологически утверждает себя «независимостью», там идеализм исключает себя из Науки, но в Науку идеализм непременно включается, но там, где он гносеологически утверждает себя «зависимостью». Иначе говоря, идеализм признается научным только там и там только, где он постулирует зависимость познаваемой человеком природы от природы человеческого познания. Иначе говоря, идеализм признается ненаучным там только и только там, где он постулирует независимость природы человеческого познания от познаваемой человеком природы. Такова логика в Науке и наука в Логике и ничего с ними не поделаешь.

Что же получается? — Получается же вот что. Где материализм утверждает независимость, зависимость там утверждает идеализм, но где независимость утверждает идеализм, материализм та[^]цтверждает зависимость. Учитывая, что наука, как Наука в логике из Логике в науке, проявляет себя исследованием взаимозависимого, то вполне логично из материализма и идеализма взять только те их «стороны», что проявляют себя «зависимостями». Из материализма взять зависимость человеческого познания от познаваемой человеком природы, а из идеализма взять зависимость познаваемой человеком природы от природы человеческого познания. Если обозначить материалистическую зависимость, как прямую зависимость, а зависимость ей обратную обозначить, как идеалистическую зависимость, и соединить обе зависимости уже в научную взаимозависимость прямо обратную в виде материалистически идеалистической взаимозависимости, то взаимозависимость идеалистически материалистическая существует научной взаимозависимостью обратно прямой. В результате получается взаимозависимость зависимости природы познания от познаваемой природы и зависимости познаваемой природы от природы познания. Это и есть гносеология материалистического идеализма и идеалистического материализма. Эта гносеология суть неклассическая гносеология. Такова логика Науки в Логике науки и ничего с ними не поделаешь.

Здесь материализм и идеализм не существуют отдельно и друг без друга, но существуют вместе неразделимо и друг в друге. Здесь материальное и идеальное не противостоят непримиримо друг другу и не существуют основным гносеологическим вопросом, что из них первично, а что вторично. В неклассической гносеологии материалистического идеализма и идеалистического материализма идеальное материально и материальное идеально. Такое только и только такое их единство есть двуединство равновеликое, где равновеликость обозначает единство равноправной неравноправности и неравноправной равноправности. Где единство идеального и материального есть единство идеального в материальном, там идеальное материально и там же идеальное подчинено материальному, а материальное командует идеальным. Где единство материального и идеального есть единство материального в идеальном, там материальное идеально и там уже материальное подчинено идеальному, а идеальное командует материальным. Это и есть равновеликость идеального в материальном и материального в идеальном. Абсолютная равноправность, о которой так пекутся социальные науки коммунистического толка, есть, на самом деле, миф, если и существующий реальностью, то реальностью больной логикой утопистов-социалистов и марксистов.

Гносеология материалистического идеализма и идеалистического материализма, будучи неклассической гносеологией, уже не разделяет несоединяемым идеальное и материальное, и она уже свободна от основного гносеологического вопроса. Ее преимущество перед классической гносео-

логией не только в том, что классическая гносеология разделяет себя на абсолютно гносеологически непримиримые идеализм и материализм, тогда как неклассическая гносеология разделяемо объединяет себя в единую гносеологию, где материализм и идеализм, наконец-то, обнаруживают взаимодополнительность, что означает отсутствие гносеологической непримиримости между ними. — Преимущество неклассической гносеологии еще и в том, что она создает для естествознания принципиально новую и более плодотворную парадигму научности познания естественной природы из природы естества ее же самой, прямо зависимой в зависимости естественной природы человеческого познания от познаваемой человеком природы естества, и обратно зависимой в зависимости познаваемой человеком природы естества от естественной природы человеческого познания, как прямо обратной их взаимозависимости. Преимущество неклассической гносеологии еще и в том, что она же создает для обществознания принципиально новую и более плодотворную парадигму научности познания общественной природы из природы общества самой же ее, прямо зависимой в зависимости познаваемой человеком природы общества от природы общественной человеческого познания, и обратно зависимой в зависимости природы общественного человеческого познания от познаваемой человеком природы общества, как прямо обратной их взаимозависимости. Здесь есть «взаимозависимость» и, следовательно, есть место для Науки в логике и Логики в науке. Здесь «независимость» из материализма и «независимость» из идеализма, как ненаучность из них каждого и в каждом из них, исключается полностью. — Здесь не только материальное идеально и идеальное материально, но и сознание бытует и бытие сознательно. Здесь общественной природе в природе общества его самого запрещено общественное бытие без сознания в бытии общественном, и запрещено сознание общественное без общественного бытия в сознании. Да это есть и на самом деле, если, конечно, опять же понимать, что сознание в обществе — это общественное сознание народа либо индивидуальное сознание человека, — то и другое никак не могут быть бытийными в себе людьми, — иначе это все не общественная природа в человеке и не человек в природе общества. Сознание человеческое существует неразделимо с человеческим бытием, а бытие человеческое существует неразделимо с сознанием человеческим. Сознание существует человеком, и человек существует сознанием, — здесь все взаимозависимо в том же самом ракурсе, где человек владеет мыслями, но и мысли владеют человеком. Поэтому противопоставлять бытие и сознание, материальное и идеальное, и спорить, что из них первично, — то же самое, что доить козла. — Молока здесь никогда не дожидаться!

Сразу же возникает фундаментальный вопрос. — Какой материализм присутствует в марксовой философии диалектического материализма? Если присутствуют обе его стороны, то этого рода материализм наполовину научен, но и ненаучен наполовину. Если же присутствует только та

сторона материализма, которая обозначает себя «зависимостью», то этого рода материализм гносеологически научен полностью, но полностью ненаучен другого рода материализм, если в нем присутствует только та сторона материализма, которая обозначает себя «независимостью». Такова логика Науки в науке Логики и ничего с ними не поделаешь. Повторю вопрос. — Какой же материализм присутствует материализмом в философии диалектического материализма у Маркса? — Ответить на этот вопрос представляется возможным только после того, как будет получен ответ на другой вопрос, — что же сам Маркс собственным гносеологическим предпочтением выделял в материализме. — Оказывается, «независимость». Вот почему.

Основной гносеологический вопрос философии — это вопрос гносеологической первичности-вторичности. Что первично, — общественное сознание или бытие общественное? Бытие общественное первично только в том случае, если оно не зависимо от общественного сознания. Только в этом случае бытие общественное определяет общественное сознание. В этом случае гносеологическая формула материализма вполне оправдывала марксову логику доказательства развития общества в его естественно историческом процессе от первобытного общества до капиталистического. Если не бытие определяет сознание, а сознание определяет бытие, то никак доказательно не объяснить, почему рабы, а не рабовладельцы есть прогрессивно движущая сила рабовладельческого общества, и почему не феодалы, а крестьяне и ремесленники есть прогрессивно движущая сила феодального общества. В этом контексте вполне понятно, почему не капиталисты и помещики, а наемные рабочие и беднейшее крестьянство есть прогрессивно движущая сила капиталистического общества. Ведь рабы, крестьяне, ремесленники и рабочие — есть везде социально подчиненная и поэтому не властная, а подвластная часть общества. Их экономическое бытие и бытие социальное по факту много-много хуже, нежели все то же самое бытие, но у властной части общества, — рабовладельцев, феодалов капиталистов и помещиков. Поэтому в каждой общественно-исторической формации, неважно, — рабовладельческой, феодальной или капиталистической, — именно бытие социально и экономически подчиненной части общества продуцирует у нее же самой общественное сознание в необходимости изменить собственное общественное бытие. Поэтому именно в угнетенной части общества, — общественное бытие в ней же самой, — вызывает в самой же ней общественно осознанное стремление к такому историческому развитию общества, в котором бремя угнетенности было бы все легче и легче, пока, наконец, оно совсем не исчезнет в обществе коммунистическом. Там уж точно царствует абсолютное социальное равенство и равенство экономическое, опять же абсолютное. — Если не бытие определяет сознание, а сознание определяет бытие, — то в эту гносеологическую формулу никак не укладывается доказательное объяснение всему тому же самому в самом же всем том. Вот почему первично именно

общественное бытие, а оно может быть первичным, если не зависит, подчеркиваю, не зависит от сознания общественного. Правдоподобно? Да. Убедительно? — Еще, как! Как же тогда все это непротиворечиво согласовать с тем, что материализм в философии диалектического материализма — есть материализм из «независимости», но этого рода материализм есть ненаучный, то есть ложный по определению науки Наукой в логике из Логике науки в ней же самой. Оказывается, не все правдоподобное подобно правде в истине ее же самой. Поэтому убедительность правды еще не есть истина ее же самой.

Спору нет, общественное бытие действительно определяет сознание общественное, равно как и сознание общественное определяет общественное бытие. Верно и то, и другое верно. Неверно лишь отдавать предпочтение одному «определению» либо «определению» другому. Если бы общественное сознание угнетенных классов не требовало от общественного бытия всего общества изменений в историческом развитии его самого в сторону ослабления социального давления и экономического давления на массы трудящихся, то само историческое развитие человеческого общества уж точно развивалось по иному. Следовательно, общественное сознание определяет бытие общественное, но определять здесь возможно только в том случае, если общественное бытие зависит от общественного сознания. — Зависит! В логике же материализма общественное бытие не зависит от сознания общественного. — Не зависит! Если так и есть, то общественное сознание пролетарских масс не играет никакой роли в изменении собственного общественного бытия, но тогда и бессмысленно вооружать общественное сознание пролетариата марксизмом, как идеологическим оружием свержения власти капиталистов. Однако ж практика того же самого марксизма подтверждает совсем обратное. Где же логичен марксизм, — в теории его самого или в практике самого же его. Логичным и там, и здесь быть логичным, конечно, можно, но только в не одной и одной и той же материалистической логике марксизма. Оказывается, марксизм логически противоречит самому же себе и противоречит не иначе, как самим же материализмом. Вот так-то. От материализма, в былой убедительности и правдоподобности былой его самого, не осталось и следа.

Конечно, марксисты современные вооружены интеллектуально много лучше, нежели их братья по идеологическому оружию лет так 50 или 100 лет тому назад. Почему, понятно. Понимая все это, я предвижу, что оппоненты и здесь найдут, чем возразить мне, — «Хорошо, — скажут они, — действительно есть истина в том, что не только общественное бытие определяет сознание в бытие общественном, но и сознание общественное определяет бытие в сознании общественном. Но вопрос гносеологической первичности тем же самым не снимается совсем, а самым же тем перемещается в иную плоскость, но опять же гносеологическую. Если раньше основной гносеологический вопрос формулировался, что первично, — общественное бытие либо сознание общественное, то теперь он же, но

формулируется иначе, какая из гносеологических формул первичнее, — общественное бытие определяет сознание в бытии общественном либо общественное сознание определяет бытие в сознании общественном. Мы, то есть марксисты, доказываем, что гносеологически первична формула, где общественное бытие определяет сознание в бытии общественном, где уже вторично сознание общественное определяет бытие в сознании общественном. Так что материализм не умер, а продолжает жить, но на более высоком витке своего исторического развития. Что касается обвинения в ненаучности материализма из признания им «независимости» из независимости бытия от сознания, то здесь материализм уже признает зависимость бытия от сознания и тем самым снимает прежде вполне логически оправданное обвинение в ненаучности его самого». — Что ж, господа марксисты, — этого рода контраргумент имеет право на существование, но это последний рубеж из вашей обороны. И он будет взят.

Я спрашиваю, что в глазах естественной природы человека делает человеком сама природа естества из глаз естественных ее же самой? — Конечно же, разум, ибо лишенный разума человек, есть уже животное, хотя и в телесной оболочке из тела биологического самого человека. Разум доставляет человеку сознание, что человек существует человеком благодаря данности у него разума, и именно это сознание делает человека человеком в его собственных глазах и в глазах природы естества. Я мыслю, значит, я существую. — Эта «мысль» идеализма преследует материализм от века его самого, но опровергнуть ее он никак не может без доказательства, а доказательства никак не получить, пока материализм мыслит, а, значит, и существует. Получается, что даже смертью материализма доказательно не опровергнуть формулу «я мыслю, значит, я существую». Раз так, желает того материализм или материализм того не желает, — но он вынужден признать, — даже из опыта на самом же себе, — первичными здесь существуют разум в сознании и сознание в разуме, а уж бытие человеческое в человеческом бытии суть здесь уже вторично. Все же и здесь было бы большой ошибкой отделять разум от человека и человека от разума. Они неразделимы.

Если разума нет у биологического существа, то это не человек. Если же у биологического существа есть разум, то это человек. Здесь запрещено отделять разум от человека и человека от разума и тем самым ставить вопрос, что первично в человеке, — разум, сознание либо человеческое его бытие. Еще раз подчеркиваю, без разума нет человеческого в человеческом бытии. Еще раз подчеркиваю, человеческое бытие, если и существует бытием человеческим, то разумным человеком. Поэтому противопоставление разума в сознании или сознания в разуме человеческому бытию бессмысленно с позиций Науки логики и Логики науки в ней же самой. Поэтому истина уж точно присутствует идеализмом, когда он утверждает, — я мыслю, значит, я существую. Я бы сказал еще точнее, — я мыслю, следовательно, существует «Я». Еще точнее, — я мыслю разумом, но и

разум мыслит мною и, следовательно, я существую из себя «Человеком», но и человек существует во мне «Я». Поэтому истина уж точно присутствует материализмом, когда он утверждает себя, прежде всего, мыслящим материализмом, а уж затем из осознания себя именно в этом качестве утверждает себя и в общественном бытии его самого.

Все же, все же. Я так и не дал исчерпывающего и доказательного ответа на вопрос, какая из двух гносеологических формул первичнее} — общественное бытие определяет сознание в бытии общественном либо общественное сознание определяет бытие в сознании общественном. Обе формулы предполагают необходимость связи сознания в бытии и бытия в сознании и, следовательно, здесь наука уже присутствует. Но наука и здесь присутствует не полной мерой научности ее же самой, ибо только Наука в логике из Логике науки в ней же самой существует полной мерой ее научности. Здесь наличия одной только зависимости в связи одного от другого еще недостаточно, чтобы логически обоснованно научно и научно обоснованно логически ставить вопрос, какая из двух формул истинна, а какая — ложна. Здесь требуется обнаружить взаимозависимости, причем прямо обратные и обратно прямые, а не односторонние взаимозависимости. Но тогда сама постановка проблемы, какая из двух гносеологических формул суть истинна или ложна, есть ложная постановка проблемы, поскольку обе гносеологические формулы суть истинны, но не в одном и одном и то же.

Где общественное сознание определяет бытие в сознании общественном, в ином месте в то же самое время бытие общественное определяет сознание в бытии общественном. Когда бытие общественное определяет сознание в бытии общественном, в ином времени в том же самом месте общественное сознание определяет бытие в сознании общественном. Верно и одно, и другое верно одновременно, но не в одном и одном и том же месте. И другое верно и верно одно в одном и одном же месте, но разновременно. Поэтому попытка альтернативно определить, что здесь первичное есть попытка логически некорректная в самой ее постановке. Отсюда я могу с полным правом ответить моим оппонентам из числа марксистов. — Конечно же, материализм не ошибается абсолютно, утверждая первичность формулы зависимости общественного сознания от бытия в общественном сознании. Материализм ошибается лишь относительно абсолютно, делая только эту формулу абсолютно истинной, ибо относительно истинной существует и первичность формулы зависимости общественного бытия от сознания в бытии общественном, где уж точно присутствует идеализм. Оказывается, обе эти формулы гносеологически первичны, но одновременно и не в одном и том же месте, и в одном и одном и том же месте, но разновременно. Оказывается, здесь материализм и идеализм не противостоят непримиримо друг другу, а существуют друг в друге и существуют не одним и одним и тем же единством.

С естественного рождения человека человеком разумным начинается естественная история человечества. Но человеческая история уже общественная, хотя и уходит корнями в естественную историю, но начинается она общественной историей началами самого общества в человеке и человека в обществе, где человек в обществе существует общественным бытием в сознании себя человеком общественным. Но где общество в человеке существует общественным сознанием в бытие себя обществом человеческим. Попытка утвердить истинность любой одной из формул за счет истинности формулы любой другой необходимо приводит к односторонности. Абсолютизация везде приводит к односторонности, а односторонность в науке — это научно ущербная наука. Такой мой ответ марксистки мыслящим оппонентам.

Конечно, Марксу надлежало гносеологически использовать отдельно не материализм, и отдельно не материализм и не идеализм отдельно в их независимости друг от друга, а их вместе во взаимозависимости друг от друга друг в друге как гносеологию материалистического идеализма и идеалистического материализма. Тогда не «бытие определяет сознание» явилось решающей гносеологической формулой в его социально-экономическом исследовании капиталистического способа производства, а формула двуединства из прямо обратного общественного единства «сознательного бытия в бытийном сознании» и обратно прямого общественно-го единства «бытийного сознания в сознательном бытие». Однако ж было бы верхом глупости ставить Марксу в вину, что он не знал неклассической гносеологии и поэтому пошел «своей» гносеологической дорогой. — Гносеология его времени, кроме классической, и не могла быть иной! Классическая гносеология потому и классическая, что непримиримо существует идеализмом и материализмом. У Маркса не было иного выбора, кроме как осуществить сам выбор. Он выбрал материализм. Почему, понятно.

Итак, с материализмом в марксовой философии диалектического материализма все понятно. — Он ненаучен по научному определению Науки в логике из Логике науки в ней же самой. Что же с диалектикой в марксовой философии диалектического материализма?

Конечно, спору нет, Маркс использовал диалектику в своем социально— экономическом учении. Но в том-то и дело, что диалектика много глубже и шире, нежели все то, что использовал из диалектики Маркс. Сразу же скажу. — Стоит только из философии что-то существенное «отщипнуть», так «выщипанное» из существа философии, — если, конечно, речь идет действительно о философии, как системе из элементов ее же самой, — превращается в нечто антифилософское, то есть несовместимое с самой философией. Это как с живым организмом. Можно, конечно, отщипнуть от организма жизненно необходимый орган, но орган-то выщипанный — это уже мертвый орган, да и отщипанный жизненно необходимым органом организм уже не есть живой организм. Точно так же и с философией. Ее либо надлежит брать всю без остатка, как она существует системой в

элементах самой же ее, либо не брать совсем. Попытка выделить из философии только то, что удобно для конкретного исследования или способа мышления, ни к чему иному, кроме умерщвления Истины все равно не приведет. Так, например, если диалектика, как философия, реализует себя диалектикой посредством единства противоположностей, то сами составляющие противоположность, — опять же в пределах диалектики, — никак не могут быть привилегированными одна перед другой. Иначе говоря, если бытие и сознание признаются диалектическими противоположностями, — что есть и на самом деле, — то эти противоположности в диалектике обе командные и подчиненные обе они же. Поэтому они существуют не одними и теми же общественными единствами сознания в бытие и бытия в сознании. Это, во-первых. Во-вторых. Нет, и не может быть таких противоположностей, которые бы действительно существовали диалектическими противоположностями, но не входили в пределы действия самой диалектики. Иначе говоря, если материальное и идеальное признаются диалектическими противоположностями, — что есть и на самом деле, — то эти противоположности обязательно должны входить в саму диалектику не одними и теми же единствами материального в идеальном и идеального в материальном. Диалектика не допускает исключений из диалектики себя же самой!

Что же за диалектика присутствует в марксовой философии диалектического материализма? — Из таких противоположностей, как сознание и бытие, диалектика запрещает возвеличивать или принижать одну за счет другой. Поэтому в пределах диалектики запрещен вопрос, что первично: сознание либо бытие, и что главное, — бытие или сознание. Это правило диалектики не имеет исключений из диалектики и поэтому оно универсально в специальных философских пределах ее же самой. Что же мы имеем в диалектике Маркса, которая присутствует в его социально-экономическом учении? — Диалектика сознания и бытия действительно присутствует в диалектическом материализме Маркса, но она присутствует там односторонней материалистической противоположностью и поэтому присутствует уже недиалектической диалектикой. Гносеология материализма подчинила у Маркса диалектику, как философию. Коль скоро все так и есть, то сознание и бытие, хотя и противоположности, но у Маркса они вовсе не есть противоположности диалектического философского порядка. Какого же порядка эти противоположности, если не порядка диалектического? — Обывательского! В кухонном разговоре они вполне сходятся, чтобы называть их противоположностями. Здесь правдоподобность вполне реальна и, что крайне важно, этого рода правдоподобность обладает числом куда более массовым, нежели добытая истина в многотрудном научном труде и, разумеется, не совпадающая с кухонной правдоподобностью. Все это важно знать, чтобы объяснить и понять, почему массовая убедительность «кухонных истин» много привлекательнее, нежели штучная убедительность истин научных.

Теперь, что касается таких противоположностей, как идеальное и материальное. Если гносеология материализма требует обязательного ответа, что из них первично, а что вторично, то диалектика, как философия, за-
| прещает подобную постановку вопроса, поскольку в философских преде-
? лах диалектики все противоположности равновелики, в том числе и такие,
■ как идеальное и материальное. Это означает, что идеальное материально, а
материальное идеально. Все то же самое, но в пределах гносеологии, за-
прещено основным гносеологическим вопросом.

Гносеология материализма обязательно несоединяемо противопостав-
ляет материальное и идеальное. Материализм, если он не философский,
так и поступает, когда утверждает первичность материального и вторич-
ность идеального. Диалектика же, как философия, обязательно требует их
не одного и того же единства, — ведь эти противоположности есть проти-
воположности диалектического порядка. Диалектика, если она не гносео-
логическая, так и поступает, когда утверждает идеальное материальным, а
материальное идеальным. Поэтому стоит только диалектике гносеологи-
чески превратиться в диалектический материализм либо в диалектический
идеализм, то в логике уже гносеологической диалектики запрещено един-
ство материального в идеальном и идеального в материальном. В этом
случае гносеология заставляет диалектику жертвовать диалектикой един-
ства идеального и материального, что, конечно же, исключает диалектику
из диалектики. Именно такой гносеологической диалектикой и воспользо-
вался Маркс. Он то думал, что диалектический материализм лучше, неже-
ли идеализм диалектический, поскольку в материалистической диалектике
первично бытие и материальное, нежели сознание и идеальное, но в диа-
лектике идеалистической. «Мой диалектический метод не только в корне
отличен от гегелевского, но и представляет его прямую противополож-
ность». /1. с. 19/. Маркс имел в виду, что у Гегеля, как диалектика-
идеалиста, материальное есть не что иное, как идеальное, пересаженное из
человеческой головы в действительность и преобразованное ею. У Маркса
же, как диалектика-материалиста, идеальное есть не что иное, как матери-
альное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное ею. Ни
Гегель, ни Маркс так и не узнали, что верно и то, и другое верно. Если же
противопоставлять то и другое основным гносеологическим вопросом, то
обе гносеологические диалектики одинаково философски ущербны уж
тем, что они гносеологические. — Такова Наука в логике и Логика в науке
и ничего с ними не поделаешь.

Что же получается? — Получается же вот что. Исключая из диалекти-
ки, как философии, такие диалектические противоположности, как мате-
риальное и идеальное, отдельные друг от друга гносеология материализма
и гносеология идеализма гигантски суживают универсальные пределы
действия самой диалектики до специальных действий самой гносеологии.
В итоге получается же вот что. — Что разрешено гносеологией материа-
лизма и гносеологией идеализма, то же самое диалектической философией

запрещено и, наоборот, что разрешено диалектической философией, то же самое запрещено гносеологией материализма и гносеологией идеализма. Раз так, то соединение гносеологии идеализма и диалектической философии в философию диалектического идеализма в лучшем случае есть эклектическое соединение, ибо, если уж быть предельно точным, то философия диалектического идеализма есть соединение принципиально несоединяемого и поэтому есть худший случай из всех здесь возможных. Раз так, то соединение гносеологии материализма и диалектической философии в философию диалектического материализма в лучшем случае есть эклектическое соединение, ибо, если уж быть предельно точным, то философия диалектического материализма есть соединение принципиально несоединяемого и поэтому есть худших случай из всех здесь возможных. Философия диалектического идеализма и философия диалектического материализма одинаково плохи уж тем, что обе они гносеологические и обе они ненаучны, хотя и не в одном и одном и том же. Такова Наука в логике и Логика науке и ничего с ними не поделаешь.

Маркс не озадачил себя поиском концептуальных доказательств логической надежности преобразования философии диалектического идеализма в философию диалектического материализма, которую он использовал в качестве гносеологического основания и основания философского в деле построения социально-экономического учения, доказывающего естественно историческое развитие человеческого общества. Что ж, в условиях того исторического времени не только Маркс так поступал, но точно так же поступали и другие ученые того же времени. Более того, даже такого ранга философ-мыслитель, как Гегель, но и он попал в точно такой же капкан, когда беспринципно соединил принципиально несоединяемое, а, именно, идеализм, как гносеологию, и диалектику, как философию, в диалектический идеализм. Маркс, признавая себя в философии учеником Гегеля, если что и сделал в философии, то, — по его собственному убеждению, — только то, что поставил гегелевский диалектический идеализм с головы идеализма на ноги материализма. Философ Гегель уж точно сделал в философии больше Маркса. — Как никак, но получается, что именно Гегель открыл в философии философию, которую как раз, пусть в перевернутом виде, но использовал именно Маркс, правда, не подозревая, что этого рода перевернутая философия есть своего рода «троянский конь» в его же социально-экономическом учении под названием «Капитал».

Почему Маркс именно диалектику использовал в качестве философского основания своего социально-экономического учения, — это понятно. — Ведь диалектика, как философия есть философия развития, а именно саморазвитие человеческого общества как раз и доказывал Маркс своим социально— экономическим учением, когда раскрывал законы смены одного социально-экономического способа производства другим. Вместе с тем, не совсем ясно, почему Маркс полностью проигнорировал метафизику, как философию. Неужели он полагал, что метафизика есть во всем

ложная философия и человеческая мысль, тысячелетиями развивающая эту философию, так же была, следовательно, абсолютно ложной в своем развитии.

Понятно, что метафизика, позиционируя себя антидиалектикой, исходит из неизменности всего существующего, а неизменность присуща организации, как системы из элементов ее же самой, где в качестве одного из определяющих элементов организации существует элемент самосохранения ее самой в себе же неизменной. Понятно, что диалектика, позиционируя себя, антиметафизикой, исходит из изменяемости существующего всего, а изменяемость присуща развитию, как системы из элементов его самого, где в качестве одного из определяющих элементов развития существует элемент отрицания уже достигнутого уровня развития развитием уровня уже другого. Именно так существовали диалектика и метафизика во времена Маркса. Однако ж за непримиримостью в их отношениях философ такого мыслительного уровня как Маркс, не мог не видеть положительного момента в метафизике. Однако ж не увидел, и, следовательно, не столь уж и высок был мыслительный уровень у философа Маркса. Эпигоны марксизма из всех времен и народов мумифицировали и мифологизировали философскую личность Маркса, тогда в самой реальной действительности Маркс, если и сделал что в философии, так это сальто-мортале, — перевернул гносеологически наоборот гегелевскую философию диалектического идеализма.

Если метафизикой не объяснить «развитие», но и «организацию» не объяснить диалектикой, то, разумеется, объяснять самоорганизацию развития, например, капиталистического способа производства в исторических пределах его самого, не прибегая при этом к помощи диалектики в метафизике, столь же невозможно, как и невозможно объяснять саморазвитие организации, например, человеческого общества от первобытного до капиталистического, не прибегая к помощи метафизики в диалектике. Как же Марксу удалось объяснить все то же самое одной только диалектикой? — Не удалось. Другого ответа нет. Еще и поэтому политическая экономия Маркса концептуально есть теоретически неполное и в этом смысле ущербное учение. Как же объяснить, почему Маркс отбросил метафизику в сторону, противоположную от своего социально-экономического учения? — Все достаточно просто.

В прижизненное Марксу историческое время Германия была страной, где философская мысль и мысль гносеологическая получила наибольшее развитие, нежели все то же самое, но в других европейских странах. Вместе с тем, на это же самое время пришелся исторический пик непримиримой борьбы между идеалистическим мышлением и мышлением материалистическим, между диалектическим мышлением и мышлением метафизическим. Маркс был, разумеется, сыном своего гносеологического времени и времени философского. Как и у всех остальных философов его времени, у него не было иного выбора, кроме как осуществить выбор аль-

тернативный: в гносеологии он означал либо материализм или идеализм либо, либо метафизика или диалектика либо — он означал в философии. Маркс выбрал в гносеологии материализм и диалектику выбрал в философии. Философская мысль и мысль гносеологическая того исторического времени были такие, какие они были именно в то историческое время. Другими они и не могли быть. Должно было пройти почти полтора века, чтобы объяснить, понять и осознать. — Материализм и идеализм, на самом деле, не есть вечно гносеологически непримиримые противники, а, напротив, в исторической перспективе они разделяемо соединяются и соединяемо разделяются в уже неклассическую гносеологию материалистического идеализма и идеалистического идеализма. В свою очередь, диалектика и метафизика, на самом деле, так же не есть вечные философски непримиримые противники, а, напротив, в исторической перспективе они разделяемо соединяются и соединяемо разделяются в уже неклассическую философию диалектической метафизики и метафизической диалектики. Только неклассическая гносеология и только неклассическая философия есть концептуально полные и в этом отношении теоретически не ущербные и поэтому научные, но не в силу логики классовости науки, а в силу логики, где наука и не может быть иной, кроме Науки в логике из Логики в науке, существующей только пределами взаимозависимостей. Если метафизика и диалектика существуют независимо друг от друга, то развитие, как саморазвитие, и организация, как самоорганизация, существуют независимо друг от друга. Где независимость, там нечего делать науке. Подобный подход запрещает науке иметь научное дело с самоорганизацией развития и с саморазвитием организации, что, разумеется, ограничивает науку искусственно, тогда как наука есть по определению естественная производная от человеческой природы естества и общественная производная от человеческой природы общества.

Конечно же, Маркс был философом своего исторического времени. Поэтому было бы ошибкой ставить ему в вину историческую недоразвитость его собственной философии и историческую недоразвитость его гносеологии, опять же собственной его. Вместе с тем, такая недоразвитость философски доказана и доказана гносеологически, что уж точно указывает на гносеологическую ограниченность диалектической философии в философском основании политической экономии Маркса и на философскую ограниченность материалистической гносеологии в гносеологическом основании все той же его политической экономии. Вот почему философия диалектического материализма ограничена вдвойне. Такова логика Науки в науки Логики и ничего с ними не поделаешь.

У философов нынешнего времени наверняка возникнет вопрос. Что есть основной гносеологический вопрос, — это давным-давно всем известно, но что есть еще и основной философский вопрос, — что-то такого вопроса не припоминается и поэтому, если, что известно о нем, то только ничего. Что же это за вопрос — основной философский вопрос? — Если

основной гносеологический вопрос ставит альтернативный вопрос, «что» одно из двух гносеологически первично, — материальное либо идеальное? — то основной философский вопрос ставит альтернативный вопрос, «как» это «что» одно из двух философски становится гносеологически первичным либо вторичным гносеологически? — Если «саморазвитием», то здесь имеет философское место диалектика, если же «самоорганизацией», — то здесь уже имеет место метафизика. Ничего другого в основном философском вопросе нет. С открытием основного философского вопроса становится очевидной не только его связь с основным гносеологическим вопросом, но и их взаимосвязь. Вот почему основной гносеологический вопрос, будучи альтернативным в своей постановке, непримиримо разъединяет материализм и идеализм, а диалектику и метафизику непримиримо разъединяет основной философский вопрос, постановка которого суть так же альтернативна.

Конечно, когда диалектика становится материалистической диалектикой и диалектикой идеалистической, то тогда сама уже диалектика становится непримиримой самой же себе в себе же самой, но непримиримой гносеологически. Конечно, когда метафизика становится материалистической метафизикой и метафизикой идеалистической, то тогда сама уже метафизика становится непримиримой самой же себе в себе же самой, но непримиримой гносеологически. Другое дело, если диалектика становится материалистической, но материалистической становится и метафизика. — Тогда метафизика и диалектика суть гносеологически примиримы, но непримиримы философски. Здесь их делает непримиримыми основной философский вопрос. Все то же самое с диалектикой идеалистической и идеалистической, но метафизикой. Совсем другое дело, если диалектика материалистическая и идеалистическая метафизика. Здесь они непримиримы и гносеологически и философски, то есть здесь их непримиримость есть непримиримость в квадрате. Все то же самое и с непримиримостью диалектикой идеалистической и материалистической метафизикой.

Основной философский вопрос не вчера начал существовать, а существует от века рождения диалектики и метафизики, как противоположных друг другу философий. Другое дело, что исторически открыт он не сразу. Что ж, разве человечеству становятся известны законы от времени их рождения самой природой. — Конечно же, нет. Точно так же и здесь. Пришло историческое время для открытия основного философского вопроса, и он был открыт. Тогда он становится известным уже всем философам, а не только мне одному.

Основному философскому вопросу исторически повезло много меньше, нежели основному гносеологическому вопросу. Основной гносеологический вопрос незыблемо простоял столетиями времени и все это время, не вызывая сомнений в истинности его постановки, открыто терзал тело и душу материализма и идеализма, как гносеологий, так душу и тело диалектического материализма и идеализма диалектического, метафизическо-

го идеализма и метафизического материализма, как гносеологических философий. Должны были пройти чередой столетия исторического времени, чтобы, наконец, была логически неопровержимо доказана логическая ущербность самой постановки основного гносеологического вопроса. Оказалось, что логический закон исключенного третьего, что действует аксиомой в самой математике от века рождения ее же самой именно математикой, тот же самый закон, — хотя и существует логической базой основного гносеологического вопроса, — уже не есть логически корректный закон в гносеологии, точнее — в самой постановке основного гносеологического вопроса. Если закон исключенного третьего гласит «третьего не дано», то, на самом деле, дано именно «третье», но не в математике, а в гносеологии. Оказалось, что материальное и идеальное не существуют в логике, что первично, — идеальное либо материальное и третьего не дано. Оказалось, что здесь разрешено и поэтому дано именно третье, но там идеальное материально и материальное идеально. Что же здесь запрещено и поэтому не дано, так это сам закон исключенного третьего. Его разрешено применять в математике, но в философии и гносеологии его применять запрещено.

Чтобы доказать все то же самое с основным философским вопросом, — уже не потребовались столетия. Как только основной философский вопрос был открыт в классической философии, так неклассической философией он тут же был и закрыт. Именно в этом отношении ему повезло меньше, нежели основному гносеологическому вопросу. В открытом виде он не терзал так долго философию, хотя в виде закрытом он истерзал философию не меньше, нежели основной гносеологический вопрос — гносеологию. Как только основной философский вопрос открылся в философии, так сразу же стало ясно, что его постановка логически есть точно такая же постановка, как и логическая постановка основного гносеологического вопроса. Поэтому основной философский вопрос умирает сразу же с его же открытием. Но открыть его было необходимо и для философии, и для гносеологии. Иначе было никак не объяснить исторически долгую философскую непримиримость диалектики и метафизики и, что не менее важно, не объяснить, как же их примирить и непременно надежным логическим способом. Именно с преодолением логической ущербности постановки основного философского вопроса удалось снять и сам этот вопрос, благодаря чему на философский свет появилась неклассическая философия диалектической метафизики и метафизической диалектики. Она уже не разделяет необъединяемым саморазвитие и самоорганизацию, а разделяемо объединяет их в саморазвитие организации и самоорганизацию развития, как неклассическую философию диалектической метафизики и метафизической организации. Именно эта философия существует философским основанием современной и немарксистской политической экономии капитализма.

Маркс не только называл себя диалектиком и материалистом, но уверенно думал, что таков он есть и на самом деле. Вместе с тем, Маркс сам же отмечал, что «,. об отдельном человеке нельзя судить на основании того, что сам он о себе думает..» /3. с.7/. История философии знает немало подобного рода примеров. Оказался ли в их числе и Маркс? — Да, так и есть. Исследование марксовой логики материализма и марксовой логики диалектики, выверенные на оселке последовательности в следовании Маркса принципам им же гносеологически исповедуемой философии и им же философски исповедуемой гносеологии, неопровержимо свидетельствует. — Оценка Маркса себя самого, как философа, не совпадает с тем, каким философом он существовал на самом деле.

Ради утверждения материалистического принципа в философии, Маркс выстроил все социально экономическое здание своего учения исключительно на фундаменте материального труда и общественной сферы материального производства. Но для этого он был вынужден пожертвовать диалектикой, ибо диалектика требует единства материального и идеального, а этого единства как раз и не обнаруживается в трудах Маркса. Здесь жертвоприношение уж точно совершено Марксом в пользу материализма. Конечно, во всех томах «Капитала» не составляет большого труда отыскать, если не сотни, то десятки примеров в пользу самой диалектики. Все это так. Однако все они свидетельствуют в пользу диалектики только до тех пор, пока основная честь материализма, — «единство мира заключается в его материальности», — оказывается не затронутой, т. е. все эти примеры суть частного порядка и поэтому не могут выступать на процессе в качестве главного свидетеля защиты. Правда, остаются другие сочинения Маркса. Но, во-первых, других сочинений, подобных капитальному «Капиталу», у Маркса больше не было. Оставшиеся же сочинения гносеологически ничем не отличаются от его же «К критике политической экономии». Где в предисловии Маркс дал, — по вполне точному определению Ленина, — «...цельную формулировку основных положений материализма, распространенного на человеческое общество и его историю». /4. с.39/. Не положений диалектики, а именно материализма.

В том нет ничего удивительного для философа Маркса, что он ставил материализм выше диалектики. Точно таким же философом был Энгельс. Лучшим тому подтверждением является сама же незаконченность его сочинения под названием «Диалектика природы», поскольку принципиально невозможно естественным образом объяснить природу в диалектике, подчиненной материализму, равно как невозможно сделать того же самого с помощью диалектики, подчиненной идеализму. Поэтому я предполагаю, что истинной причиной незавершенности «Диалектики природы» послужило *то* обстоятельство, что Энгельс сам *убедился* в невозможности непротиворечиво согласовать все известные ему научные факты из области естествознания своего времени одновременно и с диалектикой, и с материализмом одновременно. Если очень пристально посмотреть на опубли-

кованные после смерти Энгельса рукописные материалы к «Диалектике природы», то не отягощенная начетническим марксизмом научная мысль без труда откроет в них столь много обыденного под видом научного, что вовсе не удивиться тому, почему сам Энгельс так и не решился их опубликовать. Точно таким же философом был Ленин. Лучшим тому подтверждением является от первой до последней строчки содержание его же философского сочинения «Материализм и эмпириокритицизм».

Конечно же, когда Марксу нужно было доказать революционную замену капиталистического общества обществом социалистическим, то тут у него оказывается главной диалектика, «так как в позитивное понимание существующего она включает в то же время понимание его отрицания, его необходимой гибели, каждую осуществленную форму она рассматривает в движении, следовательно, с ее преходящей стороны, она ни перед чем не преклоняется и по самому существу своему критична и революционна». /1. с. 22/. Все же, Маркс и здесь согрешил истиной. Сам-то он то и дело преклонял диалектику перед материализмом, и поэтому критичность самой диалектики никак не распространялась у него на материализм. С диалектикой запрещено поступать избирательным способом, ибо она по определению себя диалектикой отрицает привилегированность и, будучи предельно последовательной, отрицает и собственную привилегированность в деле объяснения «истины». Вот этой-то диалектики как раз и нет у философа Маркса, равно как и нет диалектики, свободной от гносеологии и основного ее вопроса, а зависимость от гносеологии диалектика заставляет диалектику существовать гносеологически односторонней диалектикой и, следовательно, несовместимой с всесторонностью науки и самой диалектики.

Нет, не диалектиком был Маркс, как философ. Он был диалектиком лишь в той мере, где ему было удобно быть одновременно диалектиком и материалистом одновременно, — что на деле совсем не удобно, иначе Маркс не впадал в идеализм, который то и дело обнаруживается в его политической экономии, если, конечно, последовательно исследовать ее логикой того же материализма. Поэтому желанию Маркса быть материалистом так и не суждено было сбыться. Да он и не мог им стать, одновременно зачисляя себя и в диалектики. Поэтому желанию Маркса быть диалектиком так и не суждено было сбыться. Да он и не мог им стать, одновременно зачисляя себя и в материалисты.

Только еще приступая к изложению этой главы, я утверждал: «Если теоретически безупречно доказать логическую противоречивость диалектического материализма, то из «Капитала» вымывается философский фундамент и фундамент гносеологический, на концептуальном единстве которых зиждется само социально-экономическое здание марксизма». И спрашивал: «Так ли это и на самом деле»? Теперь ответ получен. — Так есть и на самом деле. Такова Наука в логике и Логика в науке и ничего с ними не поделаешь.

В свое время Энгельс высказал мысль, некритически тиражированную воинствующими эпигонами марксизма и цитируемую ими же, как непреложную истину: «...Наука движется вперед пропорционально массе знаний, унаследованных ею от предшествующего поколения...». /5, с.568/. В моем понимании «знание» — это еще не истина, а лишь некое к ней приближение или удаление некое от нее. Приближение к истине — это положительное знание, а знание отрицательное — это от истины удаление. Вот почему в моем не марксистском понимании, наука движется вперед пропорционально росту величины массы положительных знаний в массе отрицательных знаний, унаследованных ею от предшествующих поколений. Вместе с тем, наука движется назад пропорционально росту величины массы отрицательных знаний в массе положительных знаний, унаследованных ею от предшествующих поколений. В зависимости от того, какая масса знаний больше — меньше и в каком историческом периоде развития человечества, тогда представляется возможным рациональным способом рассуждать о движении науки вперед или о движении науки назад. Полагать же, что наука всегда движется только вперед и вперед только, конечно можно, но это лишь такое же к истине приближение, как и удаление от нее же самой.

Я не без доказательств утверждаю. — Несмотря на всю обыденную очевидность грандиозности успехов фундаментальной науки в XX веке, но с конца XX века величина массы отрицательных знаний, унаследованных наукой от предшествующих поколений, достигла в массе положительных знаний величины, превышающую критическую и тем самым остановила движение фундаментальных наук. Инерция движения вперед сохраняется, но только на поверхности. По самой же концептуальной сути фундаментальности науки фундаментальные науки все это время уже топчутся на одном и том же месте и поэтому в относительном смысле движения перемещаются с абсолютной точностью направления движения именно не вперед, назад. За последние три десятилетия ни в физике, ни в химии, ни в биологии, — в фундаментальных областях их же самих, — нет тех открытий, что раскрывали упорядоченную фундаментальность природы естества, соответственно, в физической природе, химической природе, биологической природе. Не лучше и в обществознании, — в фундаментальных экономических и социологических областях его самого. Почему? — Причина есть, она одна, но двуединая в своей сущности. Все дело в классической гносеологии и классической философии, как мировоззренческих основ естествознания и обществознания. /13. 14-28/. Будучи классическими, философия и гносеология вполне удовлетворяют потребности прикладных наук и наук описательных. Пока естествознание и обществознание существуют такими науками, классические философия и гносеология, если не помогают их положительному развитию, то уж точно им не мешают. Все принципиально изменяется, как только естествознание и обществознание превращают себя в науки, существующие преимущественно

науками фундаментальными. Здесь классические гносеология и философия, — из них каждая в каждой из них, — будучи принципиально несовместимыми, точно так же оказываются несовместимыми в решении проблем проблемы единства природы с самою собой, что и есть фундаментальность природы. Будучи в этом отношении фундаментально ограниченными, они ограничивают и фундаментальные науки естествознания, и они же ограничивают фундаментальные науки обществознания. Здесь уже фундаментальному естествознанию и фундаментальному обществознанию требуются неклассическая философия и неклассическая гносеология. Пока их нет, нет и фундаментальных открытий. Что вполне логично объясняет, почему последние три десятилетия фундаментальные науки топчутся на месте.

На этом вполне можно поставить точку в доказательстве научной, философской и гносеологической несостоятельности марксизма, как политической экономии капиталистического способа производства. Тем не менее, я так не сделаю. Почему? — Все просто. — Для ученых из науки и науки из ученых уже теоретически доказательно изложенного мной материала действительно вполне достаточно, чтобы признать марксизм учением скорее веры и религии, нежели наукой в доказательной логике в логике научных доказательств самой же ее. Для масс же трудящихся, особенно пролетарских масс, где они в силу профессионализма их общественного труда в разделении труда общественного разделены на рабочие профессии, а не профессии научные, все то же самое еще далеко от неопровержимой убедительности. Одно дело, научный ход мыслей, как единство общего из элементов к системе из частного и системы из частного к общему из элементов, — так мыслят как раз ученые. — Иное совсем дело, — это части из целого к целому из частей, — таков привычный ход мыслей обывателя, он же, разумеется, есть самый убедительный для него способ мышления. Как ни парадоксально, но сама наука, кроме социального авторитета ее же самой в самих же глазах обывателя, никаким иным логическим способом не доказывает собственную убедительность самому же обывателю. Обыватель таков, каков он есть и ему, — в силу известных причин, — недоступен язык науки, тем более, язык фундаментальной науки. Попробуй обыватель разберись в молекулярной генетике и биологии молекулярной, квантовой химии или математической физике, физике гравитационной или оптической физике, но опять же квантовой. Все то же самое и в философии, и гносеологии, если они необыденные, а не обыденные. Все то же самое и в политической экономии, если, конечно, эта наука суть так же фундаментальная. Ничего уничижительного в том нет для обывателя. Ведь нотный язык музыки умеют читать и понимать гигантски малое число человек из всего человечества, но, однако же, все то же самое не унижает большинство человечества тем же самым. Точно так же и с обывателем. Он вынужден доверять авторитету науки, ибо у него по определению нет собственного логического способа критически проверить его

на истинную надежность. Как разрешить для обывателя эту, казалось бы, неразрешимую проблему. Есть только один способ.

Я непоколебимо уверен. — Какой бы отрасли знания ученый не принадлежал, если нечто он ясно логически и логически ясно он же нечто понимает и объясняет на языке науки, то все то же самое ему по силам сделать и на обыденном языке обывателя. Если ученый не делает этого, ссылаясь, что обыватель не понимает языка науки, то — это проблема мышления самого ученого, а не обывателя. В этом случае ученый уж точно не понимает ясно логически и логически ясно того, что же научного он делает в науке. Понимая все это, я решил предложить обывателю его же собственный же язык, но для понимания тех проблем, что я исследую научным способом в социально-экономической политической науке и науке политической экономически социальной. Такое решение проблемы более плодотворное, нежели совсем ее не решать. Вот почему я не останавливаюсь, а иду дальше уже научно доказанного мною в общем, правда, теперь уже делаю все то же самое, но на деталях из целого учения марксистской политической экономии. Во-первых, это понятнее для большинства человечества и, во-вторых, большинство человечества есть в демократии определяющая часть земного народа. Так что мое решение не останавливаться на достигнутых доказательствах, а идти дальше есть решение уж точно демократическое.

ГЛАВА 3.

ИССЛЕДОВАНИЕ ЛОГИКИ В ЛОГИКЕ ИССЛЕДОВАНИЯ «КАПИТАЛА», КАК МАРКСИСТСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО СПОСОБА ПРОИЗВОДСТВА.

м,

«Насилие является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым. Само насилие есть экономическая потенция».

Карл Маркс/2. с.761/

Поскольку краеугольным камнем марксистской политической экономии является открытие Марксом теории стоимости и теории прибавочной стоимости, то нет положительного смысла критически останавливаться на ином из той же самой политической экономии. Правда, прежде чем подойти к исследованию марксовых теорий стоимости и прибавочной стоимости, придется пройти все тот же самый исследовательский путь, что прошел и Маркс в «Капитале». Маркс же начал с исследования «товара». — «Богатство обществ, в которых господствует капиталистический способ производства, является «огромным скоплением товаров», а отдельный товар — его элементарной формой. Наше исследование начинается поэтому анализом товара». /1. с.41/

Слово «огромное» как-то здесь уж точно настораживает. Зачем оно здесь? Почему не сказать просто «скопление товаров». Уж точно в слове «огромное» есть здесь логически свой социально-экономический, а, именно, капиталистический смысл. Вот в феодальном обществе его богатство это малое скопление товаров, а уж очень малое скопление товаров — это богатство рабовладельческого общества. Только, господа оппоненты, не говорите мне, что я придираюсь к слову. Вовсе нет! У Маркса каждое слово строго логически точно на своем строгом месте. Если же исходить из обратного, нам с вами никогда не понять друг друга в исследовании мар-

ксизма. Если Маркс использовал слово «огромное», то использовал его не без определенного логического смысла, а смысловая определенность логики этого слова заключена только в «количество». Учитывая, что капиталистический способ производства много производительнее способа производства, но рабовладельческого и феодального вместе взятых, то и товаров у него, разумеется, много-много больше, что есть уже «огромное количество». Вот такая логика «капиталистического товара» присутствует у Маркса в политической экономии капитализма с самого начала его «Капитала». Сейчас мои коллеги-экономисты высмеяли бы любого ученого-экономиста, использующего ту же самую логику товарного определения богатства именно капиталистического способа производства. Полтора века назад эта же самая логика казалась вполне корректной. Для кого? — Конечно же, для обывателя. Он и сам точно так же думал, но не думал, что это и есть научная политическая экономия капитализма в определении, что есть такое «капиталистическое» в капиталистическом товаре.

Спросим самих себя. — Разве до капитализма, — например, при рабовладельческом строе и строе феодальном, — еще не было такого экономического явления, как «товар»? — Было! Раз так, то начинать исследование «товара» следует с того исторического времени и в том социально-экономическом месте, где как раз исторически впервые товар появляется «товаром». Коль скоро Маркс рассматривал социально-экономические общества не в исторически застывшей их форме, а в развитии, то точно так же он должен был исследовать и «товар». Однако ж для товара Маркс сделал исключение из собственных же правил. Он начал исследовать это явление именно при капитализме. Почему? — У Маркса ответ есть, и существует он логикой слов «богатство обществ, в которых господствует капиталистический способ производства, является «огромным скоплением товаров». Оказывается, капиталистический способ производства в товаре существует не некоей качественной его спецификой, экономически и социально делающей товар именно капиталистическим товаром, а существует количественной его спецификой в «огромном его количестве». Такая вот здесь логика Маркса. Конечно же, она ущербная, поскольку исключительно из количества товара она извлекает качественную товарную сущность капиталистического способа производства.

На мой взгляд, и, хотелось бы думать, на взгляд всех ученых-экономистов, богатство любого общества, — рабовладельческого ли, или феодального и капиталистического ли, — это не вещное его богатство и не богатство товарное, а «человеческое». Ведь общество существует по фундаментальному определению человеческим обществом, подчеркиваю, обществом человеческим, а не обществом из вещей и товаров. Поэтому, если Уж измерять общество качественной мерой его богатства, то этой мерой существует только человек, а еще точнее, его труд. Социально-экономическая и экономически социальная содержательность человеческого труда в содержании общественном и индивидуальном содержании,

вот мера богатства или нищеты человеческого в человеческом обществе и общественного в общественном человечестве. Едва ли и во времена Маркса кто-нибудь подверг сомнению эту логику. Несколько иначе, — «труд — отец богатства, а природа — его мать», — но почти о том же самом писал в своей политэкономии Уильям Петти еще задолго до Маркса. Да и сам Маркс понимал все то же самое, когда писал что «труд, как созидатель потребительных стоимостей, как полезный труд, есть... вечная естественная необходимость: без него не был бы возможен обмен веществ между человеком и природой, то есть не была бы возможна сама человеческая жизнь». /1.С.49/. Однако тут же Маркс заблуждался и заблуждался фундаментально в том, что «труд, как созидатель потребительных стоимостей, есть не зависимое от всяких общественных форм условие существования людей». /1.С.49/

Конечно же, «труд» есть зависимое от всяких общественных форм условие существования людей, но и сами общественные формы существования людей зависят от труда. Здесь есть не просто однонаправленная зависимость, а существует взаимозависимость, но она реализуется единством прямой зависимости и зависимости обратной. Где независимость, там нет места Науке. Здесь же во взаимозависимости есть место Науке и не только социально-экономической и экономически социальной, но и кибернетике, которая состоялась наукой с открытием обратной связи и ее единства со связью прямой. Доказывая, что труд есть не зависимое от всяких общественных форм условие существования людей, Маркс, не вступая в логическое противоречие с самим же собой, должен был доказывать в «Капитале», что, например, труд крестьянина-раба и крепостного крестьянина, и крестьянина, свободного от социальной зависимости, есть один и один и тот же труд. Я спрашиваю, господа будущие оппоненты, что же тогда объяснял Маркс своим социально-экономическим учением, доказывая, что капиталистический способ производства не есть то же самое, что феодальный способ производства, а феодальный способ производства не есть то же самое, что рабовладельческий. — Конечно же, здесь он доказывал зависимость способа производства от содержательных экономических и социальных форм разделения общественного труда. Почему же Маркс противоречит самому же себе в самом что ни на есть фундаментальном вопросе политической экономии? — Ответ есть. Маркс начал исследовать капиталистический способ производства не с исследования «труда», а с исследования «товара», а капиталистический товар, конечно же, существует в логике обывателя «огромным скоплением товаров». Вот почему Маркс с самого начала «Капитала» не развил мысль Петти о труде, как отца богатства, а примитизировал ее до неузнаваемости в именно капиталистическом товаре, как «товаре капиталистическом» по причине его «огромного количества». Отсюда и логические противоречия Маркса с самим же собой. Отсюда они вовсе не случайны не только в начале «Капитала», но и во всем его содержании. Иначе и не могло быть. Ошибка в выборе

самого направления социально-экономического исследования необходимо приводит всякий раз к ошибкам и заблуждениям на всем этом пути.

Если горит дом, в котором находятся люди, что они спасают, прежде всего, из горящего дома? — Конечно же, не вещное богатство, а своих родных и близких им людей и людей, если они и далеко не близкие, да и себя, наконец. Все то же самое, но в ином, то есть в человеческом обществе. Здесь, как и в любом человеческом доме, его фундаментальное богатство — это человек. Маркс, — и надо же! — исходил из противоположной логики. Случайно? — Вовсе нет и еще раз нет! Назови Маркс свое исследование капиталистического способа производства не «Капиталом», — где богатство есть обязательно богатство вещное и товарное богатство, — а «Трудом», где богатство есть обязательно человеческий труд, то отправным пунктом и пунктом конечным исследования капиталистического способа производства стал бы именно «труд», а не «товар», то есть человек, а не вещь. Тогда бы и политическая экономия капитализма стала бы у Маркса принципиально иной. Конечно же, огорчительно, что с «капитальной» политической экономией с самого начала случилось именно так, как и случилось. Что ж, у науки есть не только величайшие открытия, но есть и заблуждения величайшие, среди которых марксизм — это только одно из них.

Коль скоро «огромное вещное богатство» есть богатство, определяющее по Марксу социально-экономический характер способа производства капиталистического общества, то эта же самая логика вела Маркса и дальше. «Товар есть прежде всего внешний предмет, вещь, которая благодаря своим свойствам, удовлетворяет какие либо человеческие потребности. ...Полезность вещи делает ее потребительной стоимостью». /1. с. 41,42/. Что разве только внешний предмет есть, прежде всего, товар, а предмет изнутри его самого — это уже не «прежде всего», товар? Если у Маркса, да еще при политэкономическом определении товара «товаром», появилась логика преимущества внешней стороны предмета над внутренней стороной его самого, то Марксу следовало бы доказать, почему именно так, а не иначе при определении товара «товаром». Увы, таких доказательств у Маркса нет. Да их не может быть и в самой логике научных доказательств. Тогда, спрашивается, что же научного в том, что товар есть, прежде всего, внешний предмет? — Ни-че-го!

Если исторически обезличенная политическая экономия как раз и призвана исследовать «товар» вне конкретной его принадлежности определенному способу общественного производства, то совсем не то же самое с политической экономией исторически вполне определенного и поэтому конкретного способа общественного производства. Если речь идет о политической экономии капитализма, то этого рода социально-экономическое Исследование и исследование экономически социальное обязано, подчеркиваю, обязано исследовать именно «капиталистический» товар, и исследовать его в сравнении с товаром феодальным, рабовладельческим това-

ром. Есть ли все это в «Капитале» Маркса? — Нет! Марксом исследуется исторически обезличенный товар. — Вот почему товар есть, прежде всего, внешний предмет. Именно таким исторически обезличенным и вещным пониманием товара Маркс объясняет товар товаром.

Разве «товар» — это вещь? Кабы так, то все вещи существовали товаром. Однако ж, на самом деле, это далеко не так. Я и мой собеседник-обыватель могут привести сотни примеров, где есть вещь и даже не бесполезная, а полезная вещь, но товарами в обществе они не становятся и поэтому не существуют товаром в нем. Более того. Одна и одна и та же вещь, — например, автограф Пушкина, — то товаром не существует, то существует именно товаром. Еще более того. «Идея» вполне может стать товаром, но вещью в марксовом понимании она уж точно не существует. Оказывается, вещь превращается в товар не благодаря присутствию вещиности в товаре, — это лишь начальное условие, и то не всеобщее. Конечным же условием для того, чтобы вещь превратилась в товар, существует общество с разделением общественного уже труда в нем же самом. Разделение общественного труда вызывает к жизни общественное производительное потребление и потребительное производство, а необходимость их экономического единства и единства социального уже вызывают к жизни «рынок». Только там и там только «вещь» становится «товаром». Вот почему в первобытно общинном строе еще нет «товара», — там есть разделение индивидуального труда внутри общины, но еще нет разделения общественного труда внутри общества. Вещь делает товаром социально-экономические и экономически социальные условия рынка, где лицом к лицу встречаются общественная сфера потребительного производства и общественная сфера производительного потребления, а между ними, — предложение в лице продавца и покупатель в виде спроса. Вот «где» вещь превращается в «товар». Вот «что» вещь превращает в «товар». «Товар» — это рыночное «социальное взаимоотношение» между сферами производительного потребления и потребительного производства внутри общества. Ничего другого, кроме рыночной социальной сущности, в «товаре» нет! В сущности товара нет ни одного атома вещества природы, но все то же самое есть в явлении товара вещьностью его самого. «Вещь» — это качественная составляющая природное естество «товара», тогда как сам «товар» — это качественная составляющая общественную природу социума рынка. Вот как далека двуединая сущность «товара» от ее же явления глазам обывателя. Что ж, так и должно быть, коль скоро сущность не совпадает явлением.

Маркс ввел в терминологический язык политической экономии такой термин, как «потребительная стоимость». Коль скоро товар — это вещь, то вещь, разумеется, не бесполезная, а полезная. Если кто этого не знал до Маркса, то разве что сам Маркс. Иначе как еще объяснить, зачем в социально-экономическом исследовании научного порядка повторять истины обыденного порядка, где каждый обыватель и без Маркса знает, что товар

— это полезная вещь. Зачем для обозначения полезности вещи у Маркса появился термин «потребительная стоимость». Если вещь полезная, то, разумеется, она неким способом потребляется. Поэтому обозначать полезность вещи еще необходимостью ее потребления — это действие, кроме скрытого тавтологического, другого смысла не имеет. Ведь политическая экономия имеет дело с обществом человеческим, где каждый человек априори мыслится человеком разумным. Тем не менее: «Полезность вещи делает ее потребительной стоимостью. ...Потребительная стоимость реализуется лишь в процессе потребления». /1. с. 42/ Спрашивается, зачем же разумному человеку надо еще разяснять, что полезную вещь надо потреблять. Это и так очевидно. Если же такое разяснение все-таки присутствует в политэкономическом исследовании, то дело уж точно в том, что все то же самое автор разясняет самому же себе. Но зачем? Обратимся вновь к Марксу. — «Всякий труд есть, с другой стороны, расходование человеческой рабочей силы в особой целесообразной форме, и в этом своем качестве конкретного полезного труда он создает потребительные стоимости». /1. с. 53/. По Марксу получается, что озеро, — а в нем вода и рыба, лес, — а в нем деревья и животные, воздух, — а в нем птицы и насекомые, земля, — а в ней естественное плодородие и полезные ископаемые, — коль скоро все это существует естественной природой и без человеческого труда существует, то все это не существует потребительной стоимостью. Раз так, то все это не существует и стоимостью, не существует и товаром, да и цены у всего этого нет. Спросить бы господина Маркса, — как же капиталисты и в его время продавали и покупали озера, воду, рыбу, лес, деревья, диких животных, наконец, землю и залежи полезных ископаемых, — если все это не имеет потребительной стоимости.

Оказывается, Марксу позарез нужна была иная потребительная стоимость. Ибо без потребительной стоимости, определяемой конкретным трудом, не понять логику стоимости, определяемой абстрактным трудом, который по Марксу, есть «расходование человеческой рабочей силы в физиологическом смысле слова». /1. с.53/. Если для этих целей надо пожертвовать потребительной стоимостью естественных даров природы, что ж, если надо, то за ценой не постоим. Хотя цена-то здесь — это сама научность марксовой политической экономии.

Итак, коллеги, давайте здесь строго точно обозначим саму логику Маркса в определении им стоимости и, следовательно, прибавочной стоимости. Я исхожу из той строгости марксовой логики, которая выводит потребительную стоимость из конкретного труда, а из абстрактного труда выводит стоимость. Любое отступление от этой логики есть отступление от марксовой логики, что, конечно же, еще не есть отступление от логики науки. Цитирую опять же Маркса. — «Итак, потребительная стоимость, или благо, имеет стоимость лишь потому, что в ней овеществлен, или материализован, абстрактно человеческий труд. Как же измерить величину ее стоимости? Очевидно, количеством содержащегося в ней труда, этой

«созидающей стоимости субстанции». Количество же труда измеряется его продолжительностью, рабочим временем, а рабочее время находит, в свою очередь, свой масштаб в определенных долях времени, каковы: час, день и т.д.». /1. с.45/. Здесь Маркс уж точно противоречит собственной же логике! — Одно дело, если потребительная стоимость определяется конкретным полезным трудом, и тогда стоимость в потребительной стоимости не обозначает ничего иного, кроме полезности в потреблении самой вещи. Здесь «стоимость» и «полезность» — это одно и то же, но сказанное разными словами. Принципиально иное дело, если потребительная стоимость определяется и конкретным трудом, — в части обозначения момента полезности потребления в потребительной стоимости, — и в то же самое время потребительная стоимость определяется и абстрактным трудом, — но уже в части обозначения момента трудовой стоимости в стоимости потребительной. В этом понимании потребительная стоимость есть уже единство конкретного труда и труда абстрактного. Как же тогда понимать логику самого же Маркса, когда он же сам в одном месте утверждает, что конкретность полезного труда «полезность вещи делает ее потребительной стоимостью», а в месте ином уже утверждает, что «потребительная стоимость имеет стоимость лишь потому, что в ней овеществлен абстрактный труд»? — Да, никак не понять. Маркс сам запутался здесь в собственной же логике.

Потребительная стоимость не имеет экономическую стоимость и в логике Маркса! Почему? — Да потому, что в логике Маркса стоимость имеет лишь только товар и товар только имеет стоимость, — что есть и на самом деле, — а потребительная стоимость существует продуктом труда, который товаром становится, но в принципиально иных социально-экономических условиях, нежели продукт труда в его потребительной стоимости. Вот почему алогично и в этом смысле не корректно утверждать, что потребительная стоимость имеет экономическую стоимость. Тем более уж алогично и поэтому не корректно задаваться вопросом: «Как же измерять величину ее стоимости?» Стоимость не существует экономической стоимостью в потребительной стоимости и стоимость потребительная в потреблении не существует стоимостью экономической. Стоит только перепутать стоимость, как полезность вещи, что образует потребительную стоимость, со стоимостью трудовой, как «расходование рабочей силы в физиологическом смысле слова, что образует стоимость товаров», так сразу же перепутывается и все прочее в политической экономии. Что как раз и случилось с самим же Марксом в марксовой политической экономии. Учитывая, что «стоимость» есть на самом деле категория экономическая, то термин «потребительная стоимость» оказывается вовсе не нужным политической экономии. И поделом, — одного тавтологического термина меньше! Поэтому Маркс не ошибался, когда говорил: «Потребительные стоимости товаров составляют предмет особой дисциплины — товароведения». /1. с. 42/. Все же, чтобы окончательно поставить точку на

«потребительной стоимости», еще раз исследуем ее в логике самого же Маркса.

«Потребительная стоимость реализуется лишь в процессе потребления». /I. с. 42/ Ноги для того, чтобы ходить, а глаза для того, чтобы смотреть. Если кто не знал этого ранее, тот, наконец, узнает и не только это. — «Потребительные стоимости образуют вещественное содержание богатства, какова бы ни была его общественная форма. При той форме общества, которая подлежит нашему рассмотрению, они являются в то же время вещественными носителями меновой стоимости». /I. с. 42/. Ай да Маркс! Что, разве в феодальной форме общества полезные вещи не являлись в то же самое время вещественными носителями меновой стоимости? — Являлись! Разве еще при рабовладельческом обществе одни полезные вещи не обменивались на полезные вещи другие, в том числе и при помощи денег? — Обменивались, что доказывает наличие меновой стоимости и стоимости потребительной еще и при рабовладельческом строе. Раз так, то причем здесь потребительная стоимость и стоимость меновая именно для объяснения капиталистической социально-экономической формы общества? — Ни-при-чем!

Если Маркс полагал, что такое явление, как «стоимость», уже до него раскрыто политэкономией и поэтому известно экономистам в сущности ее же самой, тогда, понятно, почему с самого начала исследования капиталистического способа производства разрешено наделять «стоимость» различными состояниями, но уже имея в собственной голове и головах коллег-экономистов определение и понимание того, что же такое есть сама «стоимость», как таковая. Если все так и есть, то почему через десяток страниц обнаруживается специальный отдел «Форма стоимости, или меновая стоимость»?! Оказывается, «стоимость» у Маркса — это с самого начала все еще тайна, которую еще только надлежит специально исследовать и открыть. Следовательно, десятью страницами ранее Маркс использовал «стоимость» в неопределенном ее теоретическом виде. Как же тогда понять еще в самом начале «Капитала», что же такое потребительная, но «стоимость, или стоимость», но меновая?! — Ответа от самого автора нет. Зато в отделе о стоимости есть рассуждения о товаре, но тех же самых рассуждений нет в главе о товаре. Подобная путаница в изложении могла быть только в случае логической путаницы в мыслях автора. Так и есть. Заблудившись в самом начале исследования самим же его названием «Капитал», Маркс, не подозревая о том же самом, дальше заблуждался все больше, и все дальше и дальше от истины становилось его же социально экономическое учение. Такова логика и ничего с ней не поделаешь.

Конечно, от анализа товара Маркс пришел-таки к его «вещной форме в виде продукта», а далее и к труду, поскольку «продукт» есть не что иное, как продукт трудовой деятельности, ее результат. Поскольку всякий продукт есть продукт вполне конкретный, постольку и трудовая деятельность человека вполне конкретна. Кто бы спорил, но только не обыватель.

Ему здесь все было точно так же понятно еще задолго до самого Маркса, хотя Маркс сделал еще один вывод, — конкретный продукт есть результат конкретного труда. Логично? — Да, но эта логика есть логика ребенка, которая выводит определяемое из уже определенного. Если бы математик сформулировал теорему таким логическим способом, что в «графу дано» заранее включил все то, что требует доказать сама теорема, сами математики посмеялись бы подобному действию, как удачной математической шутке. Маркс же совсем не шутил, когда в своей капитальной политической экономии повсеместно использовал точно такую же логику. «Предпосылка капиталистического способа производства, стало быть такова: действительные землевладельцы суть наемные рабочие, занятые у капиталиста, арендатора, который ведет сельское хозяйство только как особую область эксплуатации для капитала, как приложение своего капитала к особой сфере производства.» /6. с.631/. Незачем исторически доказывать капиталистический способ производства, если все то же самое уже существует наемными рабочими, капиталистом и даже капиталом, но в «предпосылках». Что ж, подобного рода логическим способом представляется возможным доказать происхождение чего угодно первоначального, даже Господа, который, прежде чем вознестись на небеса и стать Богом существовал предпосылком, процесс превращения которого в Господа Бога «представляется первоначальным, так как образует предысторию Господа и соответствующего ему способа превращения в Бога». Здесь все тот же замкнутый круг, логическая порочность которого столь фундаментальна, что преодоление ее стало делом не одного поколения ученых и философов.

Для обывателя подобная логика есть привычная для него логика. Он пользуется именно ею с детства, не замечая того же самого. Для ученого нет более противной Науке логики в Логике науки, нежели именно такая логика. Почему? Да потому, что логика здесь везде тавтологична и только кажется доказательной логикой, тогда как, на самом деле, это есть не логика доказательства, а видимость доказательства ее же самой. Принимать видимость действительности за действительную видимость — это и есть свойство мышления в обыденном его порядке. Именно эта «детская логика» и прорастает логикой взрослого человека, если, правда, человек не обременен профессиональным трудом ученого в фундаментальной науке. Маркс жил логикой описательной науки, а у нее нет иной логики, нежели та же логика обыденного мышления. Что ж, если под рукой нет другой логики, то Маркс и далее пользуется именно этой. — Учитывая, что потребительная стоимость продукта есть характеристика его полезности, а сама полезность, кроме конкретной, иной и не существует, то именно конкретный труд создает потребительную стоимость. Здесь «стоимость» и «полезность» есть в сущности понятия взаимозаменяемые. Но не есть то же самое, что «стоимость», как экономическое явление способа общественного производства, как социального способа существования челове-

ского общества. Если все то же самое изначально излагать в причинно-следственной связи, то Маркс был обязан начать исследование капиталистического способа производства с исследование «труда», но начал он с «товара». Как назвать подобные действия Маркса, как исследователя? — Боюсь, что оппоненты слева меня уж точно не поймут, если я их назову противными детерминизму, хотя, на самом деле, все так и есть. Если в логике реальности самих социально-экономических событий излагаемое Марксом существует с точностью до наоборот в логике самой политической экономии, — то кто осмелится назвать подобное социально-экономическое исследование научным исследованием? — Я уж точно так не скажу. Да и мой собеседник-обыватель этого не скажет.

«Потребительная стоимость» есть по Марксу результат «конкретного труда», а «стоимость» есть по Марксу результат «абстрактного» труда. Что же такое тогда абстрактный труд и труд конкретный? — «Всякий труд есть, с одной стороны расходование человеческой рабочей силы в физиологическом смысле слова, — и в этом своем качестве одинакового, или абстрактно человеческого, труд образует стоимость товаров. Всякий труд есть, с другой стороны, расходование человеческой рабочей силы в особой целесообразной форме, и при этом своем качестве конкретного полезного труда он создает потребительные стоимости». /1. с. 53/. Получается, что стоимость и потребительная стоимость тем отличаются у Маркса друг от друга, чем отличаются друг от друга абстрактность в абстрактном труде и конкретность в труде конкретном. С позиций нынешней гносеологии, да и гносеологии, прижизненной Марксу, ничего существенного не изменилось в понимании и определении того, что есть «конкретное» и «абстрактное» что есть. Абстракция — это вычленение общего из множества единичного. Поэтому именно абстрактное мышление есть определяющая составляющая научность в человеческом мышлении. Конкретизация — это вычленение единичного из множественности общего. Поэтому именно конкретное мышление есть определяющая составляющая обыденность в человеческом мышлении. Ничего нового со времен Маркса здесь нет. — Абстрактное и конкретное в своем единстве, как были во времена Маркса категориями гносеологическими, так и ныне остались существовать именно этими пределами, а не иными. Пусть повторюсь, но еще раз подчеркну. — Абстрактность и конкретность — это познавательные категории человеческого мышления, подчеркиваю, познавательные категории человеческого мышления и только в этих пределах они реально существуют классически Материалистическим способом. Стоит только их перетащить в иную реальность, например, в реальность общественной природы, как из материалистических категорий они немедленно превратятся в категории идеалистические. Ведь это то же самое, что зависимость познаваемой общественной природы от познавательной природы человеческого мышления. Именно так и случилось с марксовой политической экономией. Абстрактное и конкретное, как условия существования человеческого мышления,

превратились в экономические условия существования стоимости и потребительной стоимости. Как же так случилось, что категории человеческого мышления стали у Маркса политэкономическими категориями, определяющими социально экономическую сущность капиталистического способа производства? Ведь по существу — это та же самая зависимость исследуемого объекта от субъекта, исследующего его. По-другому все то же самое уж точно называется в гносеологии идеализмом, и не как иначе. Как же тогда совместить декларируемый Марксом материализм в его политической экономии с идеализмом, который им там же не декларируется, но явно там же проступает при исследовании им «стоимости»? — Да, никак. Сам Маркс обо всем этом даже и не догадывался. Подобный гносеологический грех обязательно должен был случиться с заблудившейся в самом начале марксовой политической экономией. Вот и случился. Ничего мистического в этом нет. Такова логика и ничего с ней не поделаешь, если она не последовательна и в этом как раз и заключается логика.

Общеизвестно, что наука химия определяет, например, «кислоты», как класс химических соединений, обычно характеризующихся диссоциацией в водном растворе с образованием ионов. Конкретно такой кислоты не существует в химической природе естества, но она существует в научном мышлении химии абстракцией, позволяющей научно плодотворно объединить все конкретные кислоты общим теоретическим основанием. Конкретная же кислота существует в химической природе естества азотной кислотой и кислотой серной, уксусной кислотой и кислотой нуклеиновой, аминокислотой и так далее. Но такой химической кислоты, как кислота конкретная, не существует в химической природе. Если бы научная химия следовала за логикой Маркса, то она бы определила «кислоту», как абстрактный химический продукт природы естества, а серную кислоту и кислоту соляную, и так далее, как конкретный химический продукт природы естества. В этой логике абстрактное и конкретное уже принадлежат химической природе естества, тогда как на самом деле они химической природе химически никак не принадлежат. Все это прекрасно знает сама химическая наука и химики в ней же самой. Поэтому они заранее запрещают себе определять «кислоты» в виде абстрактного продукта самой химической природы, а, например, «кислоту соляную» — в виде химически конкретного продукта ее же самой. Этот запрет есть специальный запрет универсального логического действия. То же самое не в том же самом запрещено в любой фундаментальной науке! — Исключений здесь нет.

Надо отдать должное естествознанию. — Ни в одной из его наук нет марксовой логики единства конкретного и абстрактного, перенесенной в саму природу естества и что-то объясняющей в ней же самой. Надо отдать должное и общественному. Кроме марксовой политической экономии, ни одна другая наука не грешит единством абстрактного и конкретного в самой природе общества из общественной природы его самого. Так что методология переноса категорий человеческого мышления в саму социаль-

но-экономическую природу общества для объяснения общественной природы его самого есть, безусловно, исключительно идеалистическое завоевание Маркса и его «материалистической» политической экономии. Правда, все то же самое делал и Гегель. Однако Гегель уж точно имел на то логическое право? Почему? — Да потому, что Гегель был идеалистом по определению. Поэтому он обязательно продуцировал из человеческого мышления природу общества и его социально-экономические законы. Вот почему Гегель был логически последователен, что ценится в логике превыше всего. Маркс же, будучи материалистом, был логически непоследователен в методологии собственного материалистического исследования и именно поэтому оказался в идеализме со своей теорией стоимости а, значит, и прибавочной стоимости.

Абстрактный труд и труд конкретный, — в марксовом их понимании, — не имеет никакого научного отношения к научному и непременно концептуально фундаментальному и фундаментально концептуальному объяснению, что есть социально-экономическая сущность «стоимости» и, следовательно, «прибавочной стоимости» в самом капиталистическом способе производства. Маркс, как философ и гносеолог, смолоду состоял идеалистом-диалектиком. Не случайно, что сам он называл самого же себя учеником Гегеля. Как чаще всего и бывает, ученик оказался не умнее учителя. Понять обыденно Маркса можно, — научно оправдать тем же самым его политическую экономию, — нет, и еще раз нет.

Если абстрактный труд есть расходование рабочей силы в физиологическом смысле, то это определение труда и есть физиологическое его определение, и тогда оно принадлежит не социально-экономической науке, а науке под названием «физиология» труда. Едва ли и сам Маркс не согласился бы с этим. Если же труд есть расходование человеческой рабочей силы в целесообразной форме конкретного полезного труда, то это определение, хотя и есть определение тавтологическое, — здесь труд определятся трудом, — но оно уже есть определение социальное, то есть принципиально другого теоретического порядка, нежели определение физиологическое. Соединять физиологическое с социальным есть то же самое, что соединять белое с тупым. — Что обозначает объединение несоединяемого. На языке логики все то же самое означает не что иное, как эклектику. Маркс, при объяснении «стоимости», попал в капкан именно подобного гносеологического рода. Что ж, иначе и не могло быть. Не зная истинного объяснения «стоимости», невольно пришлось прибегать к «натяжке», а эклектика так и просится в подобных случаях к использованию ее же самой. Может быть, вдруг, и не заметят. — Заметят! Пусть не сразу, но обязательно заметят, — это уж точно. Так и случилось.

«Стоимость» есть универсальная составляющая всего того специального, что социально экономически обнаруживается «товаром». Чтобы быть понятнее для обывателя скажу иначе. Если что-то в социально-экономическом обществе существует «товаром», то этот товар обязатель-

но имеет и «стоимость». И наоборот. Если обнаруживается «стоимость», то не отдельно от товара, а именно «товаром». Иначе никак не может быть! — Стоимость есть социально-экономическая производная от товара и отдельно от товара, если и существует, то в голове исследователя, но не в самой социально-экономической жизни самого же общества. Такова логика социально-экономической жизни общества и науки социально-экономической в ней же самой. С этой логикой ничего не поделаешь. Правда, это в самой Науке ничего с логикой насильственно сделать нельзя, но вне Науки человеку насильственно дозволено, увы, многое. Даже Маркс воспользовался этим обстоятельством. Цитирую: «Фактически на товарном рынке владельцу денег противостоит непосредственно не труд, а рабочий. Товар, продаваемый последним, есть его рабочая сила. Когда его труд действительно начинается, он перестает принадлежать рабочему и, следовательно, не может быть им продан. Труд есть субстанция и имманентная мера стоимостей, но сам труд не имеет стоимости». /1. с. 539./ Что-то, видимо, дрогнуло здесь и в этом месте мышления Маркса, коль скоро для убедительности сказанного он решил обратиться к тексту аж «Популярной политической экономии», автором которой был Th. Hodgskin, а он в ней написал: «Труд, исключительное мерило стоимости ... создатель всякого богатства, сам не является товаром». Цитирую по Марксу.

Вернемся к логике Науки в науке из Логики, которые жестко требуют от политэкономии. — Если «труд» продается и покупается, следовательно, труд существует «товаром». Раз так, то и этот «товар» существует «стоимостью». Иначе может быть, но не в научной логике и не в логической науке. Почему же Маркс открыто противоречил аж логике Науки и Логике в науке? Иль не понимал, что делал? — Нет, Маркс все прекрасно понимал и именно поэтому так и делал. Если труд определяет стоимость товара, то стоимость такого товара, как труд, определяется опять же трудом. Маркс не был слепцом, чтобы не заметить здесь логически порочного круга. Что такое абстрактный труд по Марксу? — Физиологические затраты мускульной рабочей силы. Поскольку же только абстрактный человеческий труд, — по логике Маркса, — определяет все то в товаре, что называется у Маркса «стоимостью», но и сама абстрактность человеческого труда, как товара, в стоимости его же самого должна в той же самой логике определяться опять же абстрактностью человеческого труда. Раз так, то Маркс со всей очевидностью и для него самого уж точно здесь оказывается в логически замкнутом круге. Его логическая порочность очевидна даже и для обывателя, невооруженного научным зрением. Маркс, конечно же, знал о том же самом, иначе ему незачем было утверждать, что труд не имеет стоимости. Здесь уж точно есть этическая проблема самого Маркса, — но то, что он сделал именно эту порочную логику логикой всей его политической экономии, — это уже фундаментальная проблема логической противоречивости всей марксистской политической экономии.

Как-то мысль не решается сказать, что Маркс был невежественным в логике, чтобы допустить явно логически недопустимое. Если так, то Маркс делал все то же самое, но отдавая себе отчет в понимании логической неправомерности метода собственного исследования «стоимости» и «потребительной стоимости». Даже не знаю, что лучше — хуже. Выход из такого порочного круга мог быть только одним и единственно научным для Маркса и его трудовой теории стоимости. — Признать ее научно недееспособной и искать другую теорию стоимости. Маркс предпочел иной выход. — Он исключил из труда, как товара, его стоимость. Как говорится в народе, — нет правила без исключения. Правда, то же самое, но в Науке звучит принципиально иначе. — Если из закона обнаруживается хотя бы одно исключения из действий его самого, то это уже не закон, а правило. Если Маркс исследовал правила, а не законы капиталистического общества, то я снимаю свои аргументы. Правила позволяют делать все, даже не выполнять сами правила, ибо и такое исключение логически корректно необходимо следует из самих же правил. Если же все-таки речь идет о законах, а не правилах, то в законах нет ни одного исключения. Если камень сам падает на Землю, то гравитационный закон не допускает хотя бы одного исключения, чтобы какой-то особенный камень взял да сам улетел с Земли и не вернулся на землю. Все то же самое не в том же самом и в политической экономии. Если уж труд признается ею товаром, то и этот товар имеет стоимость, но ту же самую теоретическую стоимость, что и теоретическая стоимость любого другого товара, определяемого абстрактным трудом. Если же не получается везде, чтобы в логике теории трудовой «стоимости» и в логике теории «товара» любой товар везде существовал стоимостью, и любая стоимость существовала везде товаром, то виноваты не стоимость, и не товар, а политэкономическая логика определения «товара» и политэкономическая логика определения «стоимости». Имя такой политэкономической логики — это политическая экономия Маркса в его «капитальном» социально-экономическом изложении.

По Марксу стоимость определяется абстрактным трудом, а труд абстрактный, — опять же по Марксу, — есть физиологические затраты рабочей силы, как таковой, а они, — как физиологические затраты труда, — определяются, конечно же, физиологически, то есть энергетическими единицами мышечных усилий биологического организма человека. В случае, если речь идет о стоимости такого товара, как труд, то стоимость товарного труда должна, разумеется, определяться той же самой марксовой логикой, что и любая другая стоимость, то есть опять же абстрактным трудом^в физиологических затратах рабочей силы. Получается, что стоимость труда, как товара, определяется стоимостью товара, как труда. Мало того, что здесь в «стоимости» возникает все тот же логически порочный круг. Но Маркс еще и по иному определяет «стоимость товара», как стоимость в^виде усредненных затрат общественного труда на производство единицы товара. Если соединить одно определение стоимости и другое определе-

ние стоимости, — оба марксовы, — то физиологические затраты мускульной силы человеческого труда количественно определяются средними единицами времени на производство некоего среднего товара, а время, необходимое для производства товара, измеряется энергетической мощностью физиологии биологического организма. Что уж точно есть «чушь собачья», да простят меня коллеги за грубое выражение мысли. Но подобная «чушь» обязательно следует из того факта, что Маркс в одном стоимостном месте физиологию труда подменил трудовой социальной экономикой, а в месте стоимостном другом трудовую социальную экономику подменил физиологией труда. Такая вот логика у самого Маркса. В результате появилась эклектика, то есть в самой «стоимости» соединилось несоединяемое, — биологическая физиология и социальная экономика. Хотя тот же Маркс в том же «Капитале» утверждал, что в «стоимости» нет ни одного атома вещества природы, но, если физиология присутствует в стоимости, — по Марксу же она там присутствует, — то уж биологическое вещество природы там, конечно же, присутствует биологическим молекулами из атомов физических. Где здесь у Маркса правда, и ложь где у него — остается только гадать. Гадать же не есть дело научное.

Исследование политической экономии капиталистического способа производства по определению есть фундаментально концептуальное экономически социальное исследование и есть концептуально фундаментальное социально-экономическое исследование. В нем негоже опускаться до использования в нем же самом физиологии самого же труда для определения абстрактного человеческого труда и для использования уже этого труда для определения «стоимости», как базовой социально-экономической категории любого общества, где господствует рыночная экономика. Конечно же, физиология человека имеет научное значение, в том числе и в социально-экономических исследованиях, но прикладного порядка, подчеркиваю, порядка прикладного. Например, городскому жилищно-коммунальному хозяйству принципиально важно знать, сколько и какого диаметра труб канализационного назначения следует иметь в жилом комплексе и комплексе промышленном. Причем, все это важно знать не только в физических единицах измерения, но и в единицах ценовых. Без знания физиологических выбросов человека в средние количественном их соотношении эту социальную проблему города не решить обоснованным экономическим расчетом. Здесь физиология человека имеет значение для социально-экономической жизни общества в цивилизованных условиях города. — Это верно. Верно же и то, что сама физиология человека даже и здесь не имеет социально-экономического значения, хотя для значения, подчеркиваю, значения «для» социально-экономического качества населения она играет важную роль в практической жизни, например, городского населения. Кому, например, понравится, если клозеты в домах! и городские канализации на улицах станут выбрасывать содержимое наружу. Однако ж даже такая причина не существует причиной научного]

порядка, чтобы социальную экономику и экономический социум капиталистического способа производства исследовать сквозь физиологическую призму канализационных труб. Тогда политическая экономия уже точно запахнет человеческими нечистотами. Все это важно знать и понимать, иначе физиология станет социально-экономической, — как у Маркса, — а политическая экономия станет физиологической, — как опять же у Маркса.

Все было бы не столь и катастрофичным для «капитальной» политической экономии, не случись этого с ней в самом сердце ее же самой, — в труде из трудовой теории стоимости и в стоимости из теории труда без стоимости. На клиническом языке медицины этот случай иначе называется обширным инфарктом с летальными последствиями для пациента. В этом пункте исследования марксистская политическая экономия уж точно перестает существовать наукой. Все же, чтобы доказать все то же самое и на других событиях из нее же самой, я продолжу исследование логики в логике марксистской политической экономии.

Чтобы как-то оправдать собственную алогичную логику, Маркс пускается в рассуждения, где одна «натяжка» уже следует за другой. Так он пишет: «Фактически на товарном рынке владельцу денег противостоит не труд, а рабочий». — Так и есть в обывательском зрении. Однако ж в зрении науки социально-экономической и экономически социальной науки все то же самое, совсем не есть то же самое. В этом зрении на товарном рынке труда не рабочий человек, а его труд социально и экономически противостоит владельцу денег, как покупателю. Но продавцом здесь является рабочий человек. Эту научную правду знал и сам Маркс. Зачем же Марксу понадобилось утверждать обывательскую правду? — Да для того, чтобы ею же оправдать отсутствие у труда стоимости. Коль скоро научной правдой того же самого не сделать, приходится прибегать к правде обывательской. Удобно? — Конечно же, но не в Науке. Это в рабовладельческом обществе на товарном рынке покупателю противостоит не труд, и не рабочий, а человек с трудом, но в рабских товарных одеждах. Здесь труд и человек еще неразделимы. То же самое и в феодальном способе производства, где крепостной крестьянин, хотя уже и не раб, ни и здесь труд и человек еще объединены. Поэтому крепостной крестьянин покупается и продается вместе с трудом. Принципиально иное дело в капиталистическом обществе. Здесь экономический способ капиталистического производства объединяемо, но социально разделил человека на собственно человека и на его способность к труду. Разделил, разумеется, в общественном плане, а не плане индивидуально физиологическом. Именно капитализм исторически впервые сделал труд товаром, но при этом самого человека товаром уже не сделал, что уж точно было с точностью до наоборот в исторически предшествующих капитализму общественных формациях. Поэтому на капиталистическом рынке труда покупается и продается человеческий труд, ибо он только и существует здесь товаром. Человек же не

продается и не покупается. Труд и человек физиологически не разъединяемы, — это понятно в физиологии. Но политэкономия — это не физиология. Здесь труд и человек вполне объединяемо разъединяются, но в социально-экономическом и общественном значении труда и значении социально-экономическом и общественном человека. Не мог Маркс этого не знать. Так хочется думать. Да и, на самом же деле, знал. Тому есть свидетельства в его «Капитале», но в иных его местах. Да о том же самом говорит дальше и сам Маркс, когда продолжает: «Товар, продаваемый последним, есть его рабочая сила». — Не сам рабочий, а его рабочая сила, что и есть труд. Значит, труд все-таки есть товар, продаваемый самим рабочим. Есть товар, должна, следовательно, быть и стоимость его. Но Марксу никак нельзя утвердить труд товаром и в трудовой стоимости его самого, не попадая открыто в логически замкнутый круг, где стоимость труда определяется трудовой стоимостью. Тогда он прибегает еще к одному аргументу: «Когда его труд действительно начинается, он перестает принадлежать рабочему, и, следовательно, не может быть им продан». Вот уж аргумент, так аргумент. Оказывается в процессе своего труда, рабочий никак не может продать свой труд и поэтому труд рабочего не имеет стоимости, хотя вполне очевидно, что труд и товаром-то здесь не существует.

Труд существует товаром на рынке труда, где рабочий трудится не рабочим, а продавцом своего труда. Поэтому вне рабочего процесса своего труда, труд, являясь на рынок труда вместе с самим рабочим человеком, как продавцом, уже выступает «товаром», который имеет и стоимость, но не по марксовому закону стоимости, а совсем-совсем по иному закону. В этом-то все и дело, почему сам Маркс сопротивлялся, чтобы и труд, будучи даже товаром, но и имел стоимость. — Раз труд не может быть продан самим же рабочим в процессе его же труда, то по Марксу труд не имеет и стоимости. Жалкая и грубая натяжка, но, увы, она есть у Маркса, и существует она следствием противоречивости всей его политической экономии, ибо трудовая теория «стоимости» есть центральное звено противоречий ее же самой. Стоит только вытащить это звено из всей политической экономии Маркса, так сразу же рассыпается и вся теоретическая цепь социально-экономического марксизма.

Надо сказать, рынок труда существовал в капиталистическом обществе и при жизни Маркса. На этом рынке труд продавался и покупался, а это есть признак того, что труд — это товар. Да и сам Маркс, заключая договор с издателями на издание своего «Капитала», выступал на этом рынке продавцом своего труда, а издатель — его покупателем. Труд, как товар, продавался и покупался в ценах его самого, но по Марксу товар в цене здесь есть, а вот стоимости в товаре здесь нет. Абсурд, да и только. Однако ж, иначе Марксу никак было не поступить, ибо иначе придется признать, что труд имеет стоимость, но тогда уже не только Марксу, но и всем становится очевидной логическая порочность его же трудовой тео-

рии стоимости. Маркс решил, что уж лучше пожертвовать стоимостью труда, нежели открыться стоимостью труда, но тем самым пожертвовать трудовой теорией стоимости. Так он и сделал.

Пусть повторюсь, но еще раз отмечу, что «стоимость» есть универсальная составляющая всего того специального, что обнаруживается рынком в «товаре». Чтобы быть понятнее для обывателя скажу иначе. Если что-то в социально-экономическом обществе существует «товаром» и, разумеется, продается и покупается, то этот товар обязательно имеет и «стоимость», а его «цена», — по марксистским законом, — определяется трудовой стоимостью. Любой товар! Коль скоро марксистская политическая экономия без принуждения со стороны, а сама возводит трудовую теорию стоимости в закон стоимости, то закон есть закон постольку, поскольку не существует ни одного, подчеркиваю, ни одного! исключения из действия его самого. Раз так, то все без исключения цены в стоимости товаров определяются трудовой теорией стоимостью и только ею. Если же такое исключение появляется, то это уже не закон стоимости. Раз так, то теория, из которой извлекается закон стоимости, — не теория и нет науки в ней же самой. Такова логика и ничего с ней не поделаешь. Так существует ли трудовая теория стоимости универсальным законом стоимости?

Невозможно даже представить, чтобы законы Ньютона выполнялись в России, но не выполнялись в Германии. Что невозможно представить с существованием законов Ньютона, все то же самое существует с законом стоимости Маркса. Пусть не им открытым бухгалтерским способом, но Маркс хоть как-то, но определяет порядок образования цены в стоимости промышленного производства серийного продукта. Правда, здесь учитывается не только труд, что само по себе уже указывает на ограниченность трудовой стоимости в цене товара ее же самой. Но — это еще первая половина беды. Вторая половина беды трудовой теории стоимости заключается в том, что она совершенно беспомощна при определении стоимости таких товаров, как авторские живописные полотна Рембрандта, Рафаэля, Пикассо, Малевича, Фалька, Глазунова, и так далее. Ею же никак не определить стоимость авторских скульптурных произведений Родена, Коненкова, Мухиной, и так далее. Авторские партитуры музыкальных произведений Моцарта и Шопена, Шуберта и Баха, Прокофьева и Чайковского, Шнитке и Губайдулиной, и так далее, равно как и авторские партитуры оперной музыки Верди и Бородина, Вагнера и Глинки, Бизе и Мусоргского, и так далее. — Все это, если и определяется в их стоимости, то уж точно определяется без участия закона стоимости Маркса. Продаются и покупаются авторские рукописи Бальзака и Тургенева, Чехова и Шекспира, Пушкина и Байрона, и так далее. Но продаются и покупаются они не по марксовому закону стоимости. Конечно же, имеют свою стоимость научные открытия и изобретения Фарадея и Менделеева, Гейзенберга и Эйнштейна, Дирака и Пастера, Сеченова и Эдисона, Гинзбурга и Ландау, и так далее. — „Проекты архитекторов Баженова и Казакова, Воронихина и Эй-

феля, Никитина и Посохина, и так далее. — Исполнительское мастерство Паганини и Ростроповича, Листа и Штрауса, Образцовой и Марио дель Монако, Васильева и Максимовой, Карузо и Шаляпина, Плисецкой и Нуриева, и так далее. — Ювелирные работы Фаберже и многих других ремесленников-художников. — Аторские оригиналы текстов ученых-мыслителей, писателей и политиков. — Авторские клавиры оперных партий. — Оригинальные произведения безымянных ремесленников из прошлых веков. •— И так далее, и так далее, и так далее все произведения интеллектуального труда, оценивать которые по трудовой стоимости их труда — означало бы оценить открытие Ньютоном закона всемирного тяготения мыслительными затратами его собственного труда в общественном среднем их исчислении. Имея в виду средние затраты физиологического труда в мысли, осенившей Ньютона, что в падении яблока на Землю и в обращении планет вокруг Солнца действует одна и та же физическая сила, — гравитация. Конечно же, абсурдно оценивать стоимость открытия Ньютоном закона всемирного тяготения марксовым законом стоимости. Это столь же абсурдно, как и абсурдно оценивать стоимость рукописи «Евгения Онегина» временем, которое затратил Пушкин на его написание рукописью.

Мало того, что произведения науки и искусства существуют вне досягаемости марксистского закона стоимости, но точно так существуют земля, леса, недра, вода, фауна. Учитывая, что все перечисленное мною действительно продается и покупается, а закон стоимости по определению есть универсальный закон, то все продается и покупается не по марксовому закону стоимости. Здесь действует иной универсальный закон стоимости, но он существует не трудовой теорией, а теорией рыночной.

Маркс свел определение стоимости к месту действия сферы материального производства, а в ней — к определению общественно необходимых затрат абстрактного труда на единицу потребительной стоимости продукта. Здесь рождается «продукция», а не «товар». Ибо товар рождает рынок из единства сфер производительного потребления и потребительного производства. Стоимость же — это атрибут товара, а не продукта. Маркс перепутал место рождения товара с местом рождения продукта. Поэтому ему не понадобился рынок для определения стоимости. Отсюда и вся путаница в его трудовой теории стоимости, которая уж точно хромает на две ноги и безумствует даже при определении стоимости промышленного товара. Более того. Определить Марксовой формулой стоимости стоимость товаров в потребительных стоимостях из отраслей науки, искусства, запасов полезных ископаемых и запасов биоресурсов — есть дело принципиально невозможное, как и невозможно этой же формулой определить ныне товарную стоимость пера Пушкина или платья его жены. Да что там Пушкин, если ныне невозможно сделать того же самого и с рукописью «Капитала» самого Маркса. Приходится прибегать к аукциону, а там все те же рынок, спрос и предложение, о которых ни слова у Маркса

при определении им «товара», «стоимости» и «цены». Наконец, только слепым видится, будто Маркс не грешил истиной, когда определял товарную стоимость промышленного товара общественно необходимыми затратами на его производство, как продукта. Если сегодня цена барреля сырой нефти на мировом рынке в 5 раз превышает ее же цену шестилетней давности, то по Марксу все то же самое должно означать, что средние общественно необходимые затраты на производство барреля сырой нефти за то же самое время увеличились в те же 5 раз. На самом же деле, все совсем не так. Напротив. За то же самое время затраты на добычу и транспортировку барреля сырой нефти даже несколько снизились, а цена увеличилась многократно. Примеры можно продолжать и продолжать. По марксовому закону стоимости такого уж точно никак не должно быть! Однако ж протрем глаза. — Ведь все это есть наяву, а не во сне. Либо Маркс дал человечеству принципиально не совместимую с наукой формулу «труд — продукт — товар — стоимость — цена», и тогда человеческая практика капиталистического способа производства живет по иным экономическим законам, нежели марксовым. Либо Маркс ничего не напутал с формулой «труд — продукт — товар — стоимость — цена», но тогда законы капиталистического способа производства сошли с ума не только в случае с нефтью. Конечно же, с экономическими законами капиталистического способа производства ничего не случилось. Ничего не случилось и рыночным законом стоимости. Случилось с марксистской политэкономией и ее трудовой теорией стоимости. Это верно. — Марксистские политэкономические законы и во времена Маркса были исключением из законов капиталистической экономики, да они и сейчас существуют вне экономических законов капитализма.

Оказывается, сам капиталистический способ существования общества не подчиняется марксистским экономическим законам стоимостного ценнообразования и вовсе не случайно, что со всей очевидностью этот факт демонстрирует общественная сфера идеального производства, представленная в общественном разделении труда трудом интеллектуальным, персонифицированным интеллигенцией, как социальным классом вполне определенного экономического типа. Более того. Не подчиняются марксистскому закону стоимости и нечто успешно существующее и в сферах так называемых биржевого обращения и обращения банковского, где есть ^аУкционные цены и цены биржевых акций, вексельная цена и деньги, как кредитный товар и товар инвестиционный. Все это продается и покупается ^вновее не по цене времени работы печатных станков и рабочих, общественно необходимых для типографского производства акций, векселей и Денег. Трудности концептуального порядка, которые испытывает социально экономическое учение Маркса для теоретически доказательного объяснения стоимости, в том числе и стоимости «интеллектуальной собственности», как товара, принципиально непреодолимы в концептуальных ^пРеделах самого этого учения. Причина же состоит в том, что сама кон-

цептуальность социально экономического учения Маркса изначально логически противоречива всему тому, что называется Наукой логики в Логике науки самой же ее.

Если «товар» — это социальное рыночное взаимоотношение, то «стоимость» — это рыночное «экономическое взаимоотношение» между сферами производительного потребления и потребительного производства внутри общества. Ничего другого в сущности «стоимости» нет! В сущности стоимости нет ни одного атома вещества природы, но все то же самое есть в явлении стоимости ценой ее же самой. «Цена» — это количественная составляющая «стоимости», тогда как сама «стоимость» есть качественная составляющая экономику рынка. Цена есть количественный измеритель экономического качества стоимости. Вот как далека сущность стоимости от ее же явления глазам обывателя. Что ж, так и должно быть, коль скоро сущность не совпадает с явлением. «Товар» и «стоимость» есть явления, сущности которых производим от противоположных сторон рыночного механизма общественных отношений в способе существования самого общества. Если «товар» отражает социальную сторону общественных отношений в рыночном механизме общества, то «стоимость» отражает экономическую сторону тех же самых отношений. Поэтому вместе они, — как стоимость в товаре и товар в стоимости, — отражают прямое единство экономически социальных отношений и обратное единство отношений социально экономических. Товар и стоимость не существуют отдельно друг от друга в природе самого общества, равно как отдельно друг от друга там же не существуют вещь и товар, стоимость и цена. Товар является вещью, но вещь существует товаром. Товар же вещь не существует,] ибо товар существует социальным взаимоотношением рынка. Стоимость, является ценой, но цена существует товаром. Сама же стоимость ценой не существует, ибо стоимость существует экономическим взаимоотношением рынка. «Почувствуйте разницу» — и вы ощутите принципиально иную! политическую экономию, нежели марксистскую, которая, соблюдая логику трудовой теории стоимости, устами Маркса была вынуждена говорить: «Цена есть денежное название овеществленного в товаре труда». /2. с. 111/. Видите, господа будущие оппоненты, «цена» по Марксу — это всего-то денежное название, подчеркиваю, название денежное и не более того. В устах обывателя на вещевом рынке «цена» уж точно существует именно так и не иначе. Однако ж политическая экономия, да еще претендующая называться научной, никак не может говорить устами обывателя без того, чтобы не свести логику обывателя к научной логике.

Почему же Маркс исследовал «товар», «стоимость» и «цену» не научным способом и не логикой науки, а логикой обывателя и, следовательно, способом обыденным. Должна же быть тому причина. Оказывается, причина есть и ее суть состоит в том, что Маркс — надо же! — отрицал социальную и экономическую роль рынка в формировании таких базовых сущностях самого общества, как «товар», «стоимость» и «цена». Случай-

но? — Вовсе нет! В его теории стоимости из стоимости трудовой уже заранее нет места рынку. Раз так, то рынку совсем нет социально-экономического места и во всей марксовой политической экономии. — Что вполне логично в марксовой логике и поэтому нечего удивляться, что так есть у него и на самом деле. Чтобы оправдать логику отрицания рынка, а заодно и утвердить логику собственной теории трудовой стоимости, Маркс попытался доказать, что «рынок» — это такое явление в обществе, что оно не влияет на формирование социально-экономических сущностей таких базовых явлений, как товар, стоимость и цена. Рассматривая цену применительно к такому товару, как труд, Маркс пишет: «Классическая политическая экономия без всякой критики позаимствовала у обыденной жизни категорию «цена труда», чтобы поставить затем вопрос: чем определяется эта цена. Она быстро убедилась, что соотношение между спросом и предложением ничего не может объяснить в цене труда, как и в цене всякого другого товара, кроме ее изменения, то есть колебания рыночных цен ниже или выше определенной величины. Если спрос и предложение покрывают друг друга, то при прочих равных условиях прекращаются и колебания цен. Но тогда спрос и предложение перестают и объяснять что бы то ни было. При равенстве спроса и предложения цена труда есть его цена, определяемая независимо от соотношения спроса и предложения, его естественная цена; таким-то образом и пришли к «естественной» цене труда, как к предмету, который собственно и подлежит исследованию». /1. с. 539-540/. Вот так-то, — если спрос и предложение покрывают друг друга на рынке, то тогда спрос и предложение перестают и объяснять что чтобы то ни было, но тогда и рынок перестает объяснять что бы то ни было в политической экономии. Раз так, то рынок и не нужен политической экономии. Логично? Да, но не логичен сам посыл, что спрос и предложение покрывают друг друга на рынке.

Здесь у Маркса присутствует одна натяжка за другой. Почему? — Да потому, что в социально-экономических и экономически социальных условиях существования общества в общественном разделении труда его самого сам факт наличия предложения и спроса на рынке — это и есть экономическое взаимоотношение всего того, что существует «стоимостью» и скрывается экономическими взаимоотношениями производственной сферы в сфере потребления и сферы потребления в производственной сфере. «Цена» же есть факт присутствия постоянной переменности и переменной постоянности в их взаимоотношениях. То спрос с постоянной переменностью опережает предложение, то предложение с переменной постоянностью опережает спрос. Абсолютное равенство спроса и предложения в рыночной экономике запрещено законами самой же экономики, Рыночной по определению. Математики, исследующие экономику математическими методами, уж точно знают все то же самое. Рынок в обществе и общество в рынке существуют то преимуществом стихийного начала^в начале упорядоченном, то существуют преимуществом начала упорядо-

ценного в стихийном начале. Следовательно, соотношения спроса и предложения здесь регулируются вероятностными законами в законах динамических и законами динамическими в вероятностных законах. Вероятность же того, что в рыночной экономике спрос равен предложению, есть даже теоретическая невероятность того же самого!

Не берусь утверждать, что Маркс знал математическую подоплеку рынка, но по определению Маркса исследователем фундаментального значения в политической экономии — все то же самое он был обязан знать из социально-экономических условий самого рынка. Я даже уверен в этом, ибо не хотелось бы думать, что нечто подобное могло ускользнуть из поля пристального зрения его самого. Скорее всего, Марксу было логически выгодно не знать того же самого, ибо в противном случае ему пришлось доказывать стоимость не трудовой теорией, а теорией рыночной, что изначально было противно марксовой политической экономии капитализма, как пристрастной социально и экономически пристрастной только одной и одной и той же ее стороне, — пролетарской. Вот почему Марксу необходимо было в своем исследовании отстранить рынок, но чтобы доказать недееспособность рынка в деле объяснения «товара», «стоимости» и «цены», Маркс логически был вынужден утверждать: «Если спрос и предложение покрывают друг друга, то при прочих равных условиях прекращается и колебание цен. Но тогда спрос и предложение перестают и объяснять что бы то ни было». Раз так, то и незачем спрос и предложение использовать для объяснения, например, «стоимости» и «цены». Тогда не нужен и сам «рынок». Так Маркс и поступил, и, разумеется, ошибся. Ошибся столь фундаментально, что ошибся сразу же всей своей политической экономией. — Как оказалось, спрос и предложение даже теоретически никогда не совпадают друг с другом. Поэтому спрос и предложение в рынке и рынок в спросе и предложения объясняют и объясняют не что бы то ни было, а, именно, «товар», «стоимость» и «цену», как рыночную цену в стоимости товара и товарную стоимость в цене рынка.

Рынок со спросом и предложением исторически впервые появился не в капиталистическом обществе, а вместе с появлением рабовладельческого способа производства, в котором уже существовало разделение труда в общественном разделении труда. Марксу надо бы исследовать «товар», «стоимость» и «цену» именно с самого начала исторического их явления в самом обществе из рынка его самого, когда они еще не столь запутаны различными общественными отношениями, исторически более поздними. Тогда уж точно ничего мистического не было в «капитальной» политической экономии. Если же вместо логической ясности в мыслях присутствует мысленная путаница в логике, то мистика уж точно обнаруживает себя политической экономией, если даже она «капитальная» политэкономия Маркса.

Это еще не все про «капитальную логику». Маркс, например, пишет: «...капиталист всегда заставляет рабочую силу функционировать дольше,

чем это необходимо для воспроизводства ее собственной стоимости». Если капиталист в понимании Маркса — это олицетворение хозяина-директора завода, то даже такой капиталист и то не может заставить рабочую силу функционировать дольше...», нежели все то же самое предусмотрено юридическими законами капиталистического общества. Исключения здесь не в счет, ибо Маркс не случайно использовал опять здесь же определенность смысла слова «всегда». Если все так и есть, то подобное умозаключение достойно курсовой работы студента, изучающего заводскую экономику и в социальном ее аспекте. Маркс же исследовал политическую экономию капиталистического способа производства. Здесь «капиталист» — это уже олицетворение самого способа капиталистического производства, который непосредственно заставить рабочую силу функционировать дольше никак не может. Ибо он делает то же самое посредством социально-экономических условий в самом способе капиталистического производства, которые как раз и ставят капиталиста в такое экономически общественное положение, что именно оно и вызывает в нем стремление заставить рабочую силу функционировать дольше. Дело, следовательно, не в капиталисте, а в социально-экономических условиях капиталистического способа производства, но тогда надо раскрыть сущность этих социально экономических условий, а не утверждать, что «капиталист заставляет».

Конечно, мои оппоненты могут мне сказать, что я придираюсь к тонкостям, нюансам, а они всегда есть в объемном исследовании такого рода, но не они делают «погоду» в нем же самом. Что ж, они были бы правы, если бы дело обстояло именно так, а не иначе. Суть дела же заключается в том, что именно такого рода тонкости и нюансы как раз и составляют область социально-экономического исследования, где исследование социально-экономическое уже политически экономическое встречается с социальной сущностью всего того же самого, чем существует сам же капиталистический способ производства. Поэтому в таком исследовании, если, конечно, это не курсовая студенческая работа, писать, что «капиталист заставляет» и не раскрывать, как заставляет, — уж точно не корректно. Не корректно еще и потому, что вслед за этим Маркс исследует прибавочную стоимость, а она тогда объясняется стремлением «капиталиста заставить рабочую силу функционировать дольше, чем это необходимо для воспроизводства ее собственной стоимости». Просто Маркс объясняет? — Нет, примитивно.

Теперь о самой прибавочной стоимости, то есть о краеугольном камне всей марксистской политической экономии. Обратимся к самому Марксу. — «Капиталистическое производство есть не только процесс производства товара, но по своему существу есть производство прибавочной стоимости. ■•■ Удлинение рабочего дня за те границы, в пределах которых рабочий был бы в состоянии произвести только эквивалент стоимости своей рабочей силы, и присвоение этого прибавочного труда капиталом — вот в чем

состоит производство абсолютной прибавочной стоимости. Производство абсолютной прибавочной стоимости образует всеобщую основу капиталистической системы и исходный пункт производства относительной прибавочной стоимости. При производстве относительной прибавочной стоимости рабочий день уже с самого начала разделен на две части: необходимый труд и прибавочный труд. С целью удлинить прибавочный труд сокращается необходимый труд посредством методов, позволяющих произвести эквивалент заработной платы в более короткое время. Производство абсолютной прибавочной стоимости связано только с длиной рабочего дня; производство относительной прибавочной стоимости революционизирует в корне как технические процессы труда, так и общественные группировки. Следовательно, производство относительной прибавочной стоимости предполагает специфически капиталистический способ производства. ...Вообще специфически капиталистический способ производства перестает быть простым средством для производства относительной прибавочной стоимости, раз он овладел целой отраслью производства или, более того, всеми решающими отраслями производства. Он становится тогда всеобщей, общественно господствующей формой производственного процесса. ...С известной точки зрения разница между абсолютной и относительной прибавочной стоимостью представляется вообще иллюзорной. Относительная прибавочная стоимость абсолютна, потому что она предполагает абсолютное увеличение рабочего дня за пределы рабочего времени, необходимого для существования самого рабочего. Абсолютная прибавочная стоимость относительна, так как она предполагает развитие производительности труда, позволяющее ограничить необходимое рабочее время частью рабочего дня». /1. с. 512, 513, 514/. Здесь Маркс изложил суть своей теории прибавочной стоимости. Поэтому мне и пришлось приводить полностью этот текст. Разберем его по существу и по пунктам.

Маркс утверждает, что «капиталистическое производство по самому его существу есть производство прибавочной стоимости». Здесь логика такова, что докапиталистические способы производства по самому их существу еще не были производством прибавочной стоимости. Однако ж всего-то через одну страницу читаем: «Если рабочий все имеющееся в его распоряжении время вынужден затрачивать на производство необходимых жизненных средств для себя и своей семьи, то у него, конечно, не останется времени для безвозмездного труда в пользу третьих лиц. Таким образом, пока производительность труда не достигла определенного уровня, в распоряжении рабочего нет того избыточного времени, без которого невозможен прибавочный труд, невозможны, следовательно, и капиталисты, но невозможны в то же время и рабовладельцы, и феодальные бароны, — одним словом — какой бы то ни был класс крупных собственников». /1. с. 514-515/. Оказывается, опять же Марксу, только капиталистический класс, как класс крупных собственников, есть социально-экономический продукт производства прибавочной стоимости. Почему?

Да потому, что опять же по Марксу только капиталистический способ производства продуцирует такую производительность общественного труда, что производством прибавочной стоимости она не только окупает затраты рабочей силы на производство расширенного воспроизводства себя же самой, но еще производит прибавочный капитал для капиталистов, превращая их всех в капиталистический класс. Логично? — Вполне, если, правда, не задаваться иным вопросом. Откуда же взялись феодальный класс в феодальном обществе и класс рабовладельческий в рабовладельческом обществе? Прибавочного труда и прибавочного времени, — по словам Маркса, — не могло быть в обществе феодальном и рабовладельческом по причине того, что производительность труда в них самих еще не достигла в них же самих уровня, необходимого для появления прибавочного труда и прибавочного времени. Однако ж феодальный класс и класс рабовладельческий появились. Не из космоса же, и не из воздуха. Если же не прибавочный труд и прибавочное время их создали, — то что же еще, если ничто иное не существует в логике Маркса причиной появления класса крупных собственников. Как же логически непротиворечиво согласовать все это с утверждением самого же Маркса, что классы крупных собственников есть продукт прибавочного труда из прибавочного времени и прибавочной стоимости? — Да, никак. Ибо нельзя логически согласовать логически противоречивое. В самой действительности общества рабовладельческого и феодального общества уровень производительности общественного труда в них же самих, хотя и не был столь высок, как в капиталистическом обществе, но и этот уровень был вполне достаточен, чтобы, кроме производства расширенного воспроизводства рабочей силы, обеспечить появление и расширенное производство воспроизводства социальной силы классов крупных собственников. Поэтому причина существования классов крупных собственников одна и одна и та же во всех обществах. Иначе им неоткуда взяться в обществе феодальном и рабовладельческом обществе. Однако ж они там существовали! Как же тогда логически непротиворечиво все то же самое согласовать опять же с утверждением самого Маркса: «Капиталистическое производство есть не только производство товара, но по самому по самому своему существу есть производство прибавочной стоимости». /1. с. 512/ — Да, никак! Запрещено логически согласовывать логически несогласуемое, то есть противоречащее фундаментальности самой логики. Заблуждаясь в общем, Маркс не мог не войти в логическое противоречие с самим же собой уже в частностях. Что и случилось. Теперь о самом производстве прибавочной стоимости, но по Марксу.

Если по Марксу сущность абсолютной прибавочной стоимости — это ^Удлинение рабочего дня за те границы, в пределах которых рабочий был бы в состоянии произвести только эквивалент стоимости своей рабочей силы», то возникает вопрос, — кто же изменяет границы рабочего дня. Если капиталисты с помощью юридических законов, — это одно дело.

Здесь есть юридическое объяснение прибавочной стоимости, но нет того же самого, но в виде объяснения самих социально—экономических законов капитализма, а они уж точно не юридические. Если же сами законы капитализма в капиталистическом способе производства изменяют границы рабочего дня, — это уже совсем иное дело. Здесь-то как раз и требуется теоретически доказательное объяснение, почему и как все это делается именно социально-экономическим способом и способом экономически социальным и, непременно, капиталистическим, а не каким-то способом иным, в том числе и юридическим. Если такого объяснения нет, то нет и социально-экономического и экономически социального объяснения самой прибавочной стоимости. Что же в «Капитале» Маркса? — Оказывается, там такого объяснения совсем нет. Какой социально-экономический закон капитализма вызывает к жизни именно капиталистическое, а не феодальное или рабовладельческое производство прибавочной стоимости, — остается бааальшой загадкой в марксовой политической экономии. Зато в ней есть необъясняемое объяснение, что производство прибавочной стоимости и есть сам закон капитализма, в котором «рабочий день уже с самого начала разделен на две части: необходимый труд и прибавочный труд». Что еще только требуется объяснить законом, возводится в закон, который уже не требует объяснения! Прибавочный труд создает прибавочную стоимость, а стоимость необходимую создает труд необходимый. Если в гречневую кашу добавить масло, то каша уже масляная. Если же кашу сварить из гречки, то каша гречневая. Это понятно любому обывателю и без Маркса, но тогда чем отличается социально-экономическая наука, как наука, от обывательского взгляда на то же самое. По Марксу — ничем не отличается, ибо он предлагает и использует для объяснения прибавочной стоимости именно обывательскую логику, которая не идет дальше очевидного. — Вода жидкая и поэтому водная, а металл твердый и поэтому металлический. Почему вода жидкая, а металл твердый — в этом суть научного объяснения, а объяснять воду тем, что она жидкая, и объяснять металл тем, что он твердый, — эка невидаль. — Здесь уж точно не требуется ученый в науке и наука в ученом.

Если производство прибавочной стоимости действительно научным способом объясняется именно этим и в этом только, то, спрашивается, зачем Маркс исписал аж 784 страницы текста, назвал их «Капиталом», но, правда предупредил: «За исключением раздела о форме стоимости, эта книга не представит трудностей для понимания». /2. стр.6/. — Что верно, то верно. Какие могут быть трудности в понимании того, что всем давно известно из самой обыденной жизни. Другое дело «форма стоимости». Однако здесь без трудностей понимания никак не обойтись. Но, как оказалось, дело не с трудностями понимания у читателя, а с трудностями объяснения у самого автора, поскольку давно известно, кто ясно мыслит, тот и объясняет ясно, и ясно излагает.

Метод объяснения Марксом стоимости прибавочной прибавочным трудом научно логическим методом никак нельзя назвать, но ведь именно этот логический метод повсеместен в «Капитале»? Поэтому, дальше — не лучше. Если рабочий день с самого начала разделен на две части, то, спрашивается, кем разделен и что есть здесь «с самого начала». Если разделен самими капиталистами опять же с помощью юридических законов, то здесь есть юридическое объяснение прибавочной стоимости. Однако уже Марксу хорошо было известно, что юридические законы вторичны, поскольку все они есть пусть приближенное, но отражение самих социально-экономических законов капитализма, а они есть производные от специфически капиталистического в капиталистическом способе производства. Такого рода законы, если что и содержат, то только социальные и экономические условия, при которых рабочий день либо сокращается, либо удлиняется, либо остается тем же самым. Что не могут сделать эти же законы, так это взять непосредственно и разделить рабочий день на необходимый труд и труд прибавочный. То же самое, правда, может сделать бухгалтер, который ведет учет ценовых затрат труда и рабочего времени на производство продукции. Но тогда у Маркса присутствует бухгалтерское объяснение прибавочной стоимости, назвать которое научно фундаментальным объяснением, да еще объяснением социально-экономическим и непременно политэкономическим, — нет, уж увольте, такой грех я уж точно не возьму на собственную душу.

Наконец, еще раз о логике. Если уж разделять рабочий день, заметьте именно день, то день, как категория времени, пусть даже времени рабочего, делиться на прибавочное рабочее время и время рабочее убывающее, но никак не делится на прибавочное время и время необходимое, и тем более не делится на труд прибавочный и необходимый труд. Такова логика и ничего с ней не поделаешь. Однако ж логика Марксу не указ. Поэтому он разделяет рабочее время не временем рабочего, а трудом рабочего, что, естественно, столь же противоестественно, что и разделять рабочее пространство колбасника колбасным трудом. Поэтому он прибавочному труду противопоставляет не убывающий труд, — как того требует логика, — а труд необходимый. Маркс поступает, как удобно его собственному мышлению, но не логике самого капиталистического общества, доказанной самой наукой в научности логики ее же самой.

Нет, я не придираюсь к словам. Я очищаю логику Науки от противностей в науке Логике ее же самой в самой же нее. Только-то и всего. Теперь о смысле марксовых слов «с самого начала...». Трактовать смысл этих слов, если и возможно без самого Маркса, то уж точно соблюдая логику самого же его. Какая она, уже известно. «С самого начала» здесь означает только одно, — с самого исторического начала производства самой прибавочной стоимости, но относительной. Жаль не спросить у самого Маркса, когда же и при каких социально-экономических условиях и непременно капиталистических по происхождению состоялось начало истори-

чес кое самой относительной прибавочной стоимости. Вот начало социалистической революции в России знает почти каждый. — Выстрел «Авроры». Почему же не знает никто про то же самое, но с относительной прибавочной стоимостью, хотя именно она и есть причина большевистского переворота. По крайней мере, именно так во все времена говорили марксисты. — Все просто. Маркс и сам не знал ответ на этот же вопрос, да и самого этого вопроса у Маркса не было. Ведь на этот вопрос не ответишь точно так же, как на вопрос о существовании прибавочной стоимости, которую создает прибавочный труд. Здесь, если уж скажешь, что с самого начала «начало» само уже есть в нем же самом, то уж точно никто не поверит, что это и есть научное объяснение самого «начала». Все та же самая логика присутствует при объяснении прибавочной стоимости, но она уже чуть-чуть, но прикрыта трудом в труде прибавочным. Здесь, чтобы открыть тавтологию, надо уже утруждать себя уже поиском в темноте, что уже есть мысленное напряжение, а кто любит напрягаться, тем более, мысленно. Куда проще не напрягаться совсем. Моему собеседнику-обывателю все это хорошо понятно. Вот еще и поэтому именно марксизм так правдоподобно понятен, и, прежде всего и всего прежде, именно в социально-обывательской атмосфере общества, коей как раз и существуют, конечно, в силу социально-экономических условий самого капитализма, сами же массы трудящихся.

Еще раз о логике Маркса. Любая прибавочная стоимость должна в логике Маркса обязательно объясняться относительным либо абсолютным, но прибавочным количеством стоимости, то есть увеличением средних общественно необходимых затрат труда на единицу продукции. Такова марксова логика и ничего с ней не поделаешь в «Капитале». Раз так, то прибавочная стоимость логически необходимо здесь вступает в противоречие с ростом производительности общественного труда, наблюдаемое фактически во всех способах производства, начиная с рабовладельческого и завершая капиталистическим. Ведь рост производительности общественного труда уменьшает затраты труда на единицу продукции и по Марксу, следовательно, и уменьшает и ее стоимость. Здесь стоимость не прибавляется, а уменьшается и поэтому существует убывающей стоимостью. Как же логически непротиворечиво соединить логику Маркса в определении им прибавочной стоимости прибавочным трудом, и логику естественного роста производительности общественного труда, которая уменьшает, а не прибавляет затраты труда на единицу продукции. Более того. Если прибавочная стоимость определяется прибавочным трудом, то чем ленивее совокупный рабочий класс, тем больше собственного совокупного времени он затратит на производство того же самого количества совокупного продукта, который он может произвести в том же самом количестве, но с меньшим совокупным временем. Правда, в этом случае рабочему классу уже придется не лениться, а работать, работать и работать. Конечно, капиталист может увеличить рабочее время с 8 часов до 12 часов, но

ведь и совокупный рабочий в ответ может аж вдвое увеличить леность своего рабочего труда, и тогда капиталист получит не прибавочный труд, а труд убыточный, а вместе с ним получит и убыточную стоимость, вместо стоимости прибавочной. Что и говорить, здесь я привел пример явно условного характера, но ведь точно такими же примерами не брезговал и Маркс. Все же, если же я и использовал такого рода пример, то вовсе не по этой причине. Этим примером я хотел до предела оголить логику самого Маркса в определении им прибавочной стоимости. Более того. Этим же примером я хотел показать, куда ведет и к чему приводит логика определения Марксом прибавочной стоимости, если ту же самую его логику продлевать все шире и глубже во все базовые сущности социально-экономических условий капиталистического способа производства. Ведь теоретическая корректность логики проверяется последовательностью ее же самой.

Думаете, господа марксисты, что сам Маркс не знал того же самого? — Ошибаетесь, знал. Даже пытался опровергнуть. Нет, не логику собственного доказательства прибавочной стоимости. Ее-то он считал безупречной. Он пытался опровергнуть следствие из нее же самой, а, еще вернее, следствие из самой трудовой теории стоимости. Это был вполне разумный шаг. Ведь стоимость существует в прибавочной стоимости. Следовательно, начинать надо отстаивать саму стоимость. Цитирую Маркса, заранее извиняясь за длинноты и тавтологические повторы в его изложении. — «Если стоимость товара определяется количеством труда, затраченного в продолжение его производства, то могло бы показаться, что стоимость товара тем больше, чем ленивее или неискуснее производящий его человек, так как тем больше времени требуется ему для изготовления товара. Но тот труд, который образует субстанцию стоимостей, есть одинаковый человеческий труд, затрата одной и той же человеческой рабочей *силы*. *Вся* рабочая сила общества, выражающаяся в стоимостях товарного мира, выступает здесь как одна и та же человеческая рабочая сила, хотя она и состоит из бесчисленных индивидуальных рабочих сил. Каждая из этих индивидуальных рабочих сил, как и всякая другая, есть одна и одна и та же человеческая рабочая сила, раз она обладает характером общественной средней рабочей силы и функционирует как такая общественная средняя рабочая сила, следовательно употребляет на производство данного товара лишь необходимое в среднем или общественно необходимое рабочее время. Общественно-необходимое рабочее время есть то рабочее время, которое требуется для изготовления какой-нибудь потребительной стоимости при наличных общественно нормальных условиях производства и при среднем в данном обществе уровне умелости и интенсивности труда. ... Следовательно, величина стоимости товара оставалась бы постоянной, если бы рабочее время, необходимое для его производства, было неизменно. Но рабочее время изменяется с каждым изменением производительной силы труда. ...Вообще, чем больше производительная сила

труда, тем меньше рабочее время, необходимое для изготовления известного изделия, тем меньше кристаллизованная в нем масса труда, тем меньше его стоимость. Наоборот, чем меньше производительная сила труда, тем больше рабочее время, необходимое для изготовления изделия, тем больше его стоимость. Величина стоимости товара изменяется, таким образом, прямо пропорционально количеству и обратно пропорционально производительной силе труда, находящего себе осуществление в этом товаре». /1. С. 45, 46, 47/. Попробуем вместе разобраться, что есть здесь истинного, а что ложное здесь есть.

Марксова логика трудовой теории стоимости требует, что стоимость увеличивается с увеличением средних затрат рабочего времени либо стоимость уменьшается с уменьшением средних затрат рабочего времени. Здесь третьего уж точно не дано. Средние затраты рабочего времени, конечно же, увеличиваются на единицу продукции, и, разумеется, увеличивается и стоимость этой же единицы товара и увеличивается «тем больше, чем ленивее или неискуснее производящей его человек, так как тем больше времени ему требуется для изготовления товара». Маркс же доказывает, что это всего лишь кажется, то есть видимость действительности, тогда как действительная видимость не подтверждает того же самого. Что же Маркс далее приводит в качестве аргументов доказательства? — Длинные повторяющиеся рассуждения, которые сводятся к одному. — Стоимость товара сводится к общественно необходимому среднему рабочему времени общественно средней рабочей силы, необходимой в среднем для общественного производства некоего среднего товара при общественно средних условиях производства и при среднем в данном обществе уровне умелости и интенсивности труда. Ключевым словом Маркса здесь существует слово «среднее». Оно завораживает своей статистической мистикой не только Маркса, но и всех его эпигонов, да и не эпигонов его, и то завораживает.

Что делает Маркс? — Он саму производительность труда, — неважно, она со знаком плюс или минус, — включает в среднее общественно необходимое рабочее время, которое определяет по Марксу «стоимость». В этом случае, стоимость уж точно остается неизменной, ибо трудолюбие и лень, как большей или меньшей производительностью общественного труда, уже включено заранее в стоимость. — «При наличных общественно нормальных условиях производства и при среднем в данном обществе уровне умелости и интенсивности труда величина стоимости товара оставалась бы постоянной».

Если продлить эту же логику и дальше, то ею никак не доказать прибавочную стоимость в стоимости. Маркс это, конечно же, понимал. Поэтому, где ему надо было доказывать прибавочную стоимость в стоимости, там он заранее исключал большую либо меньшую производительность общественного труда из средне необходимых затрат труда, определяющих стоимость, и тем самым исключал их и из стоимости. — «Вели-

чина стоимости товара изменяется, таким образом, прямо пропорционально количеству и обратно пропорционально производительной силе труда, находящего себе осуществление в этом товаре». Маркс то включает производительность труда в стоимость, — и здесь стоимость остается неизменной, — то выключает из стоимости производительность труда, — и здесь стоимость изменяется. Маркс каждый раз поступает со стоимостью как удобно ему, а не стоимости. Если стоимость определяется средне необходимыми затратами общественного труда с учетом в них средней производительности труда, — тогда это одна стоимость. Совсем другое дело, если стоимость определяется средне необходимыми затратами общественного труда без учета производительности труда, — тогда это принципиально иная стоимость. Использовать обе стоимости, логически противоречащие друг другу, но использовать их обе одной политической экономией, равнозначно присутствию плюрализма в одной и одной и той же голове. Конечно же, такая голова не может быть признана адекватной логике нормы человеческой жизни.

Если «стоимость» усреднить, то марксова трудовая теория стоимости начинает жить только физиологией абстрактного труда. Эта стоимость действительно остается постоянной, если даже рабочий будет не работать на работе, а отдыхать в ней, лишь делая вид, что работает. Но Маркс понимал, сколь ни усредняя рабочее время, самого рабочего, товар, общественные условия самого труда, однако ж, — вот беда, — «рабочее время изменяется с каждым изменением производительной силы труда». Конечно, можно усреднить и саму производительную силу труда, — что, кстати, и делал Маркс словами «при среднем в данном обществе уровне умелости и интенсивности труда», — тем самым и эту силу он пытается сделать неизменяемой и, следовательно, неизменяемой сделать и стоимость. Но это уже было бы непреодолимой трудностью для Маркса при объяснении им прибавочной стоимости. Поэтому он пытался объяснить, как же изменяется стоимость с изменением производительной силы труда. Оказывается, — надо же, изменяется. Но ведь производительная сила труда, господин Маркс, зависит от труда рабочего. Если рабочий много-много ленится, то труд менее производителен и, следовательно, здесь стоимость уменьшается. Если же рабочий мало ленится или совсем не ленится, а работает в поте лица своего, то труд здесь более производителен и, следовательно, здесь стоимость увеличивается. Если все это только кажется в трудовой теории стоимости, то где же ошибка?! — В самой трудовой теории стоимости, или в последовательности логики ее же самой? Нет, ошибки нет в последовательности логики трудовой теории стоимости. Ошибка в самой трудовой теории стоимости. Ошибка же состоит в определении стоимости трудом из среднего рабочего времени, необходимого для производства изделия. Само присутствие труда в теории стоимости ответственно за путаницу и в самой стоимости и во всем прочем, что, так или иначе, связано с ней, в том числе и за путаницу в прибавочной стоимости.

Если относительная прибавочная стоимость сокращает необходимое рабочее время, тем самым увеличивая прибавочное рабочее время в одном и одном и том же периоде рабочего времени, то здесь стоимость уменьшается, поскольку именно необходимое время определяет у Маркса стоимость. Получается, что сама прибавочная стоимость исчезает у Маркса из стоимости товара, но она появляется в капитале у капиталиста приращением его капитала. В этой логике капитал есть, но стоимости он не имеет. Однако ж капитал сам же существует товаром в капиталистическом обществе. Поэтому капитал продается и покупается в капиталистическом обществе. Что не было секретом и для самого Маркса. Ведь в «Капитале» даже есть пятый параграф, который называется «создание внутреннего рынка для промышленного капитала». /2. с. 755/. Параграф-то есть, но в нем нет рынка капиталов, но уже есть «система общественного кредита, то есть государственных долгов, зачатки которой мы открываем в Генуе и Венеции еще в средние века...». /2. с.764/. Как же, господин Маркс, долги продавались и покупались, если капитал не имеет стоимости?! Трудовая теория стоимости об этом умалчивает. Не ее это дело определять стоимость капитала, как товара, в том числе капитала в долгах и долгов в капитале. На самом же деле, если здесь суммировать стоимость капитала, как товара, и стоимость товара из продукта его самого, то совокупная стоимость обязательно здесь увеличится, что и должно быть, хотя по Марксу это только кажется.

Если абсолютная прибавочная стоимость увеличивает необходимое рабочее время, тем самым сокращая прибавочное рабочее время в одном и одном и том же периоде рабочего времени, то здесь стоимость увеличивается, поскольку именно необходимое время определяет у Маркса стоимость. Получается, что и здесь сама прибавочная стоимость исчезает у Маркса из стоимости произведенного товара, но она появляется в капитале у капиталиста приращением его капитала. Если суммировать произведенную товаром стоимость и стоимость приращенного капитала, то совокупная стоимость и здесь обязательно увеличится, но увеличится больше в части стоимости продуктового товара, и увеличится меньше в части капитала, нежели все то же самое, но с точностью до наоборот в случае с относительной прибавочной стоимостью. Что и должно быть на самом деле, хотя по Марксу это все только кажется.

Я привел пример изменения стоимости в относительной прибавочной стоимости и привел пример изменения стоимости в прибавочной стоимости абсолютной при условии присутствия роста производительности труда в относительной прибавочной стоимости, и при условии присутствия снижения производительности труда в абсолютной прибавочной стоимости. Поэтому в абсолютной прибавочной стоимости увеличивается стоимость продуктового товара, но уменьшается стоимость приращенного капитала, тогда как в относительной прибавочной стоимости уменьшается стоимость продуктового товара, но увеличивается стоимость приращенно-

го капитала. Разумеется, что для капиталистических классов экономически выгоднее производство относительной прибавочной стоимости. Правда, Маркс рассматривает третий вариант, но он второй в производстве абсолютной прибавочной стоимости. Суть его в том, что капиталист увеличивает саму продолжительность рабочего дня, не изменяя при этом самой производительности труда. В результате необходимое рабочее время остается неизменным, но увеличивается только та часть рабочего времени, которая называется прибавочным трудом и реализуется приращением капитала у капиталиста. Сама же стоимость продуктового товара остается здесь неизменной. Но и здесь, как в двух других случаях, совокупная стоимость все равно увеличивается. Так что, господин Маркс, Вы были не правы, когда отрицали, что стоимость товара тем больше, чем ленивее рабочий. Большая леность рабочего увеличивает стоимость, но увеличивает стоимость произведенного товара, но и уменьшает приращенную стоимость капитала. То и другое, хотя и по разным причинам, но экономически невыгодно капиталистическим классам. Вот почему леность в работе — это противоестественное рабочее качество в капиталистическом обществе. Да его там и не наблюдается. Все то же самое существенно корректируется и не в пользу Маркса, если исследовать еще один «пункт» из марксовской прибавочной стоимости.

Даже у Маркса «стоимость» — это качественная составляющая товара, где труд, определяющий стоимость существует абстрактным трудом. Здесь логика даже у Маркса такова, что «стоимость», если и является количеством, то, конечно же, не самой себя в самой же себе, а «ценой», которая как раз и существует количественной стороной стоимости. В силу этой логики, которой придерживался и Маркс при определении «стоимости», стоимость никак не может существовать прибавочной стоимостью, подчеркиваю, стоимостью прибавочной. Ведь прибавочное к стоимости по определению есть некое количество качества стоимости, что добавляется к самому качеству стоимости. Товарищи марксисты-экономисты, вы можете, находясь в здравом рассудке, объяснить, что такое прибавочная гравитация, прибавочное электричество, наконец? — Не сможете! Существует «тяготение», как мера количественного измерения качества гравитации, и существует «напряжение», как мера количественного измерения качества электричества. Вот тяготение количественно существует большим тяготением или тяготением меньшим, и напряжение количественно существует большим напряжением или напряжением меньшим. Сама же «гравитация» не может быть большей или меньшей, как и не может быть большим или меньшим «электричество» само. Точно так же и «стоимость». Она не может быть прибавочной к стоимости. Она не может быть большей или меньшей, но меньшей или большей может быть цена. Такова логика и ничего с ней не поделаешь. Это в науке ничего с ней не поделаешь. Вне науки с логикой можно и не считаться. Именно поэтому «стоимость» у Маркса существует еще и прибавочной к стоимости в «прибавочной стоимо-

сти». Маркс даже не заметил, что в вопросе о прибавочной стоимости он не только противоречит Логике науки в Науке логики, но он же сам противоречит самому же себе в решении вопроса о стоимости в прибавочной стоимости и в решении вопроса прибавочной стоимости в стоимости. Что ж, кроме противоречивой, логика «Капитала» Маркса, по теперь уже вполне понятным причинам, и не могла быть иной.

Зададимся еще вопросом. Как объяснение Марксом самой «стоимости» оказывается полезным и необходимым ему же для объяснения им же уже «прибавочной» в «прибавочной стоимости»? — Да, никак! При объяснении прибавочной стоимости «стоимость» в марксовом же ее объяснении совсем отсутствует. Хотя она обязательно должна там присутствовать, иначе, зачем было с самого начала утруждать себя поиском сущности самой «стоимости»?! Почему же так случилось? — Все просто. При объяснении прибавочной стоимости сама «стоимость», — в марксовом качественном ее объяснении, — уже мешала Марксу, а не помогала ему. Ведь «стоимость» у Маркса объясняется абстрактным трудом, а он физиологичен по определению того же Маркса. Точно так же должна объясняться Марксом и стоимость такого товара, как труд, который в виде прибавочного труда и труда необходимого присутствует у Маркса при объяснении им прибавочной стоимости. В этом случае прибавочный труд — это труд в. виде прибавочной стоимости, а необходимый труд — это вид необходимой стоимости. Если перевести то же самое на язык марксовой трудовой теории стоимости, то «прибавочная стоимость» — это прибавление физиологических усилий в усилиях физиологического человеческого труда абстрактного происхождения, а «необходимая стоимость» — это некие необходимые физиологические усилия в усилиях физиологического человеческого труда опять же абстрактного происхождения. Все! Больше ничего здесь не выжимается из марксовой трудовой теории стоимости.

Спрашивается, нужна ли самому Марксу такая теория стоимости при объяснении им же теории прибавочной стоимости? — Не нужна! Более того. Она ему здесь вредна и вредна и, прежде всего, вредна своей физиологичностью. Вот почему при объяснении прибавочной стоимости Марксу нужна была уже иная теоретическая «стоимость», и он нашел ее у себя же, но в другом месте и по другому случаю и уже не в физиологическом, а экономическом понимании. Здесь «стоимость товара определяется количеством труда». /1 с. 45/. Вот аж как! «Стоимость» уже определяется не абстрактным трудом, а количеством труда. — Если стоимость в товаре есть категория социально-экономического качества товара, то сама стоимость никак не может быть и измерителем количества в качестве ее же самой. Иначе пространство измеряется пространством из пространства его самого в самом же пространстве из... и так далее, и так далее. Чтобы не получилось того же самого, например, в геометрии, то там пространство измеряется километрами, метрами, дециметрами, сантиметрами и так далее, где, например, метр — это пространственная мера измерения про-

странственного количества в качестве геометрического пространства, но метр — это не мера качества пространства из пространства геометрического качества его самого. Здесь логика геометрии, как науки, строго точно объединяемо разделяет геометрическое качество пространства и пространственное количество геометрии в нем же самом. Точно такая же логика должна быть в политэкономии, как науки, при определении качества «стоимости» и меры ее количественного определения. Иначе говоря, «стоимость» — это качественная характеристика «товара», или, выражаясь языком Маркса, имманентное свойство товара. Именно поэтому «стоимость» в принципе не может быть меньшей или большей. Цена, как мера количества в качестве стоимости, разумеется, может, соответственно, быть меньшей или большей. Здесь появляется количество, но количество появляется не в «стоимости», а мерой измерения количества в качестве стоимости, а мера она и есть мера, кроме количественной, иной она и не бывает. Поэтому уж точно является заблуждением говорить, будто «стоимость труда обязательно должна быть меньше...». Но ведь это не мои слова, а слова Маркса.

Маркс, который говорил, что цена есть денежное выражение стоимости, не мог не понимать того же самого. Уверен, что понимал, но не понимать «того же самого» заставляла его опять же его «трудовая теория» стоимости, которая, с одной стороны, определяла стоимость абстрактным человеческим трудом, имея в виду физиологические затраты труда, а со стороны другой определяла стоимость, средними затратами общественного труда на единицу товара-продукта, опять же в среднем его измерении. Совместимость в стоимости, как экономического качества, с количеством экономического, опять же в стоимости, — стоила Марксу логического противоречия с самим же собой. Совместимость физиологического качества и качества социально-экономического одной теорией трудовой стоимости стоила Марксу появление эклектики в ней же самой, а эклектика есть эклектика, и другой, кроме логически противоречивой, она не бывает. Поэтому стоимость у Маркса сама же существует измерениями количества ее же самой, тогда как, на самом деле, цена существует измерениями количества в качестве стоимости. У Маркса к каждому удобному экономическому случаю готова и своя удобная теория стоимости. Если такой способ доказательства в марксистской политической экономии называется марксистами научным способом, то пусть мои оппоненты-марксисты ответят мне на вопрос, что же они называют Наукой?!

Что же получается? Получается же вот что. — Если последовательно проводить логику трудовой теории стоимости, то она приводит к логическим противоречиям Маркса с самим же Марксом и приводит к логическим противоречиям «стоимости» и «прибавочной стоимости». От этого не избавиться, если не избавиться от самой трудовой теории стоимости. Избавиться же от нее требует уже иная логика и иная политическая экономия. Мало того, что в логике трудовой теории стоимости сам труд не

имеет стоимости, но в той же самой логике и капитал не имеет стоимости. — Поэтому не случайно во всей «капитальной» политической экономии нет даже намека на стоимость капитала. Несмотря на то, что еще во времена Маркса капитал точно так же продавался и покупался на капиталистическом рынке капиталов, как на рынке труда продавался и покупался труд. Но что есть в самой капиталистической жизни, в жизни марксовой политической экономии уже нет. То ли сама капиталистическая жизнь виновата, то ли виноват марксизм в политической экономии капитализма, — это уже не вопрос, ибо ответ на него уже есть. Виноват марксизм в ложности трудовой теории стоимости. Отсюда Маркс не случайно путается, в одном месте утверждая, что сама же относительная прибавочная стоимость есть продукт «применения методов, позволяющих произвести эквивалент заработной платы в более короткое время», то есть относительно сократить необходимое рабочее время. Но тут же рядом, но уже в другом месте и все тот же Маркс утверждает все то же самое, но с точностью до наоборот. «Производство относительной прибавочной стоимости революционизирует в корне технические, подчеркиваю, технические процессы труда». Случайно? — Конечно же, нет. Подобное вполне закономерно в социально-экономическом исследовании, где логика научная заменена обывательской логикой, где описывается фотография общества, а не исследуются социально-экономические условия и условия экономически социальные, что заставляют общество существовать именно этой фотографией, а не иной. Иного и не следовало ожидать от «Капитала», где исходные его установки терпят логическое поражение при объяснении основного и главного, — «стоимости» и производства «прибавочной стоимости». Поэтому ничего в том непонятного нет, почему объяснение прибавочной стоимости оторвано от объяснения самой стоимости, а объяснение стоимости оторвано от объяснения прибавочной стоимости. Получается, где «стоимость» сама по себе, там одна логика, но где «стоимость», но в стоимости прибавочной, там стоимость уже существует иной логикой, да к тому же еще обе эти логики, — обе марксовы, — противоречат друг другу. Что-то явно не то в политэкономическом исследовании Маркса самого у самого Маркса. Не то у них с логикой, — все остальное не то — есть производное от не той же логики.

Маркс открыл «стоимость» в таком объяснении ее же самой, что это объяснение мешает тому же Марксу объяснять прибавочное в прибавочной стоимости и стоимость в стоимости прибавочной. Вот почему при объяснении Марксом «прибавочной стоимости» отсутствует объяснение Марксом «стоимости». Их сопряжение в одном месте и месте одного сопряжения невозможно логически непротиворечиво. Поэтому, открытую Марксом заранее «стоимость», он же и закрыл от читателя при объяснении им же прибавочной стоимости. Коль скоро все так и есть, то все базовые социально-экономические явления, которые Маркс объяснял самим

началом своего же «Капитала», есть «троянский конь» во всем дальнейшем, что он же и доследовал с их помощью и с помощью статистики.

Что уж говорить, среднестатистический ключ есть ключ действительно волшебный. Статистика открывает не только нормальную среднюю температуру в больнице, но она же одновременно выписывает здоровым одного пациента, а пациента другого отправляет мертвым в анатомический театр. Все та же статистика точно так же открывает и среднее рабочее время, и среднего рабочего, и средний товар и все прочее, что в самой действительности существует не статистически производным от человека в человеческом обществе и существует не статистически производным от общественного в обществе человеческом. Если Маркс хотел превратить политическую экономию из науки детерминистической в статистическую политическую экономию, уже вероятностную в своем существе, то Маркс действительно преуспел в этом деле. Однако ж задача политической экономики, как науки фундаментальной, заключается как раз в обратном. Как объяснить экономически социальную и социально экономическую статистику капиталистического общества в развитии его самоорганизации динамическими социально-экономическими законами и законами экономически социальными, — вот одна из научных задач фундаментальной политической экономики. Задача, с решением которой сам Маркс уж точно не справился. Почему, уже известно. Логика его была такова, что он заранее был обречен не справиться с научным решением ее же самой. — Он объяснял статистикой, но статистику не объяснял. Что и говорить, статистика уж точно обладает мистической силой убеждения, в том числе и в экономике. Именно с помощью этой силы и среднестатистическими затратами общественно необходимого труда Маркс убедил многих и многих своих современников, да и их сменивших, что это и есть научное объяснение «стоимости». Странно? Вовсе нет. Ведь и современники Маркса, да и поколения ныне современные, — все они пользуются описательной социально-экономической наукой, а в ее арсенале главное оружие — это статистика и еще раз статистика.

Конечно, статистика — это большая ложь, что и есть правда. Однако ничего лучшего для доказательств нет у описательной социально-экономической науки, а фундаментальной социально-экономической науки как не было тогда, так и сейчас нет. Поэтому ничего странного нет, почему у социально-экономического марксизма столь огромное количество сторонников. Ведь в каждой статистической единице рабочий и крестьянин видят самого же себя, а в иллюстративном материале их тысячи тысяч. Как не поверить. И верят. Так будет продолжаться до тех пор, пока экономика и социология, как описательная наука и в том числе и марксизм, не будут объяснены фундаментальной социально-экономической и экономически социальной наукой. Тогда уж точно статистика будет выдвлена и из марксизма, как доказательства правдоподобности его самого.

В моем исследовании нет самой статистики, ни как статистического метода, ни как данных статистических. Статистический метод здесь заранее логически порочен и поэтому неприемлем. Что же касается статистических данных, то их нет не потому, что нет и множества таких явлений, отражаемой статистикой и в самом обществе. Статистика любая есть в обществе, и в этом-то и состоит ее большая ложь. Отсюда я счел более правильным отдать это дело на откуп самому читателю. Захочет иметь статистику в подтверждение моих теоретических социально-экономических и экономически социальных положений и выводов, он непременно ее получит из соответствующих статистических первоисточников, только, правда, потрудиться придется самому. Если же такую статистику не найдет, то я уж точно укажу, где ее искать и как. Так что обращайтесь, господа. Мне же, как исследователю из фундаментальной науки, статистика ничего не доказывает, правда, кроме того, что она сама требует объяснительных доказательств собственной научности. Таких же доказательств, по определению статистики статистикой, ей никогда не получить от самой же ее. Ее же ненаучность в фундаментальной науке теоретически надежно доказывается именно естественным отсутствием статистики в ней же самой. В противном случае, будь фундаментальная социально-экономическая наука наукой статистической, то непременно последовал вывод от нее же самой, — вероятность смены феодального общества обществом капиталистическим равна, например, 50 %. То ли произойдет подобное событие в исторической жизни человечества, то ли нет — шансы здесь равны. На самом же деле, смена феодального общества обществом капиталистическим есть дело не статистики, а естественноисторического развития социально-экономических и экономически социальных условий способа общественного производства, законы которого не статистические, а динамические, то есть причинно-следственные. В этих законах вероятность замены феодального строя строем капиталистическим равна 100%. Разве это статистика?! — Конечно же, нет! Подобное отступление от основной линии изложения было здесь вынужденным, но оно полезное и даже очень для описательной науки и ее адептов.

Все же я предлагаю вниманию нечто такое из прибавочной стоимости «Капитала», что заставило меня восхититься философской интуицией Маркса и одновременно вновь не удивиться, почему социально экономическая крепость капиталистического способа производства так и не была взята им научным способом. «Относительная прибавочная стоимость абсолютна, потому что она предполагает абсолютное удлинение рабочего дня за пределы рабочего времени, необходимого для существования рабочего. Абсолютная прибавочная стоимость относительна, так как она предполагает развитие производительности труда, позволяющее ограничить необходимое рабочее время частью рабочего дня». /2. стр.519/. Чтобы относительность стала абсолютной, а абсолютность стала относительной — это уже за классическими пределами концептуальной фундаментальности

диалектики, как философии. Увы, пример единичный, но, даже будучи единичным из множества всего написанного в самом «Капитале» во всех его томах, этот пример тем более заслуживает научного внимания неклассической философии, еще только в будущем открывшей то же самое и со всеми остальными диалектическим противоположностями, в том числе и такими противоположностями, как «противоположность» и «тождество».

В социально-экономическом учении Маркса везде речь идет о производстве или о примате производства. Недаром капитализм, как общественная формация, социально — экономически характеризуется Марксом, как капиталистический способ производства. Что, разве капитализм, как общественная формация, ничего не потребляет и поэтому такой общественной сферы, как сфера потребления, при капитализме уже нет? — Нет, такая сфера есть. Она есть и в первобытно — общинном строе, строе рабовладельческом и феодальном строе. Почему же ее нет в марксовой политической экономии? — У меня ответ есть. В марксовой политэкономии капитализма нет рыночной экономики, а та экономика, что есть, хотя она тоже рыночная, но рыночная она по обывательским признакам, а не признакам научным. Рыночная экономика обязательно предполагает наличие двух общественных сфер, — производства в производительном потреблении и потребления в потребительном производстве. Рынок находится «между» ними. Он как раз собою и соединяет их между собой. Потребление выбрасывает на рынок «спрос», а «предложение» выбрасывается на рынок производством. Вот где встречаются «спрос» и «предложение». Вот где они встречаются покупателем и продавцом. Вот где продукт обретает товарную форму и содержательность «товара». Вот где и как появляется «стоимость», как общественно экономическое свойство «товара». Вот как и где появляется «цена», как общественно экономическая мера количества в качестве стоимости товара. Превышение спроса над предложением увеличивает цену товара в стоимости его самого, и, наоборот, превышение предложения над спросом уменьшает цену товара в стоимости его самого. Рынок стремится к балансу спроса-предложения, но каждый раз достигает его отклонениями то одну сторону, то в сторону другую. «Цена» — это количественная характеристика товара в стоимости, а сама «стоимость» в товаре — это качественная экономическая характеристика товара. Единство количества в качестве товара как раз и определяет здесь цену в стоимости товара, а единство качества в количестве товара как раз и определяет здесь стоимость в цене товара. «Стоимость» — это экономическое отношение рынка из единства противоположных сфер производительного потребления и потребительного производства, а цена — это рыночное отношение экономики из единства противоположностей спроса и предложения. Все логично, поэтому понятно и вполне отвечает требованиям Науки в логике и Логики в науке. Всего этого нет во всех томах «Капитала». Зато в них есть нагромождение логических противоречий и бухгалтерское объяснение рынка обывательской формулой «товар — деньги — товар».

Отдел первый «Капитала», как «Процесс производства капитала» — это по замыслу автора есть теоретическая квинтэссенция социально-экономического марксизма. На то этот отдел и первый. От того, как логически филигранно, точно, изящно, красиво и поэтому безупречно концептуально сформулированы, обоснованы и теоретически доказаны базовые социальные сущности и сущности экономические капиталистического способа производства, от всего этого зависит и истинность всего остального в марксовой политической экономии. Не знать этого Маркс не мог. Как же тогда объяснить, что даже 112 страниц так и не хватило Марксу для того, для чего уж точно вполне достаточно и десятой части из них. Объяснение может быть только одно. — Маркс, как ныне говорят, был не в теме. Иначе он уж точно обошелся меньшим количеством страниц, но совсем с иным содержанием и с доказательствами не обывательского порядка, а порядка научного. Краткость — сестра таланта, но краткость изложения дается в руки тогда только и только тогда, когда есть мыслительная логическая ясность и ясная логика мышления, иначе — путаница в мыслях и мысленная путаница, — что, естественно, приводит к ошибкам, заблуждениям, словесным длиннотам и повторам в изложении результатов исследования. Так и есть. Запутавшись в логике диалектики, как философии, и в логике материализма, как гносеологии, подменив логически неоправданно «богатство человеческое из труда» «вещным богатством из товаров» Маркс запутался и в теоретически научном исследовании базовых сущностях капиталистического способа производства. Отсюда в его «капитальной» политической экономии господствуют путаные рассуждения, повторы уже ранее изложенного, прописные истины, рассказы очевидцев социально-экономических событий, выписки из юридических законов, статистические данные капиталистической статистики, которой сам же Маркс не мог доверять научно по определению ее статистикой капиталистической. Марксова политическая экономия изобилует многочисленными примерами из самой обыденной практики капиталистической жизни того времени, но сами примеры используются Марксом для научного доказательства истинности самой же обыденной практики капитализма. Спрашивается, если сама обыденная жизнь общества и есть сама истина в самой общественной жизни, то зачем же тогда нужна человечеству политическая экономия, как фундаментальная наука? — Не нужна! Если же все-таки человечеству нужна такая наука, как политическая экономия, то за научными доказательствами ей следует обращаться не к обыденным примерам, как аргументам доказательства, а к сущностям социально-экономического порядка и порядка экономически социального, которые на поверхности существуют обыденными явлениями, а они уж точно не совпадают с сущностью их же самих. Иначе наука и не была бы нужна человеческому обществу. В этой логике, действительно научной, сама общественная практика обыденной человеческой жизни есть предмет научного доказательства, но никак не есть доказательный научный аргумент.

Только обыватель имеет право доказывать, утверждая при этом «практика доказывает...» Наука социально-экономическая и экономически социальная наука — не обыватель, поэтому логика у этих наук принципиально иная, нежели логика обывателя. Социально-экономической и экономически социальной науке практика социально-экономическая ничего иного не доказывает, кроме как необходимости научного доказательства существования самой практики. Вот почему примеры из практической жизни общества для доказательства истинности теоретических положений политической экономии ставят социально-экономическую науку и науку экономически социальную в положение их же самих, несовместимое с логикой Науки в науке Логике ее же самой. Вот почему бесконечное использование Марксом «практических примеров» ничего иного не доказывает, кроме неспособности метода его исследования заглянуть глубже и шире всего того, что существует теми же примерами и так очевидно для невооруженного научным зрением обывателя. Кроме иллюстрации всего того, что само же заведомо требует научных доказательств в сущности их же самих, ничего более не стоит вся иллюстративная мощь «капитальной» политической экономии. Готов доказать все то же самое моим оппонентам на каждом примере, подчеркиваю, на примере каждом из той же самой марксистской политической экономии. Если, конечно, они аргументированно не согласятся со мной в принципе.

Само по себе экономическое объяснение прибавочной стоимости и первоначального накопления капитала еще не содержит у Марка теоретически доказательного объяснения, подчеркиваю, объяснения доказательно теоретического, какие классы социально ответственны за прибавочную стоимость и накопление капитала? Практический ответ он дал. — Конечно же, капиталисты и помещики. Ведь это они в собственных экономических интересах реализуют прибавочную стоимость и тем самым осуществляют накопление собственного капитала. — Сама практика капитализма доказывает то же самое! Практика, конечно, доказывает, но ничего научного она уж точно не доказывает, иначе сама практическая жизнь обходилась бы и без науки, однако ж наука требуется практике и, если что и делает, то двигает вперед саму практику. Без науки практика воспроизводит себя в неизменности самой же себя, что останавливает время истории в исторической практике. Поэтому сама социально-экономическая практика нуждается в научно фундаментальном социально-экономическом объяснении сущности ее же самой, и ничего, кроме этого, она не доказывает. Поэтому я спрашиваю. — Если за прибавочную стоимость социально ответственные классы капиталистические, — помещики и капиталисты, — это одно дело. Иное дело, если это классы пролетарские, — рабочие и крестьяне. Совсем иное дело, — если они же, но вместе. Маркс решал эти вопросы, конечно же, из взгляда самой практики, не утруждая себя теоретическим исследованием ее сущности. — «Как известно, в действительной истории крупнейшую роль играют завоевание, порабощение, разбой, —

одним словом, насилие. ...В действительности методы первоначального накопления, — все, что угодно, но только не идиллия». /1. с. 719/. Если не идиллия, то уж точно насилие.

Откройте, товарищи марксисты-экономисты, «Капитал» и еще раз прочтите отдел седьмой, что называется «Процесс накопления капитала». Он состоит из пяти глав общим объемом из 193 страниц. На этих страницах Маркс с подробностями и ссылками на первоисточники и не без статистических материалов рассказывает, именно рассказывает о том, как зарождающиеся помещики обезземеливали крестьян, лишая их последней собственности, — земли, — чтобы превратить их либо в резервную армию труда для города, либо в армию наемного труда, но крестьянского. Здесь Маркс не жалел черных красок. Насилие, насилие и еще раз насилие. — Вот метод обезземеливания крестьянства. Маркс не грешил истиной. — Так порою было и на самом деле в самой практической действительности. На этих же страницах Маркс уже с иными подробностями и опять же со ссылками на первоисточники и статистические данные рассказывает, именно рассказывает и о том, как зарождающийся класс капиталистов осуществлял первоначальное накопление капитала. Триллер, да и только. Здесь Маркс так же не жалел черных красок. Насилие, насилие и опять же насилие. И здесь Маркс не грешил истиной. Так порою было и на самом деле в самой практической действительности. Все это вместе Маркс сдобрил ужасающей картиной колониальной системы и похищения детей при зарождении крупной промышленности. Все это есть в седьмом отделе из «Капитала», но что уж точно в нем нет, так теоретически научного, подчеркиваю, научно теоретического и непременно фундаментального объяснения сущности той же самой практики, что иллюстрировал 193 страницами сам Маркс, а следом за ним и Р. Люксембург, утверждающая то же самое: «Накопление невозможно в исключительно только капиталистической среде. Отсюда, начиная с первого момента развития капитала, — стремление к экспансии за счет некапиталистических слоев и стран, разрушение ремесленного и крестьянского хозяйства, пролетаризация промежуточных слоев, колониальная политика, «политика открывания дверей», вывоз капитала. ...Но экспансия в своем мировом натиске приводит к столкновению между капиталом и докапиталистическими общественными формами. Отсюда — насилие, война, революция, словом, катастрофа, которая составляет жизненный элемент капитализма». /12. с. 459/.

Спору нет, конечно, важно исторически знать практическую картину социально-экономической жизни становления капиталистического общества для экономиста и социолога, исследующего сущность происхождения явлений капиталистического способа производства. Но при этом еще более важно не подменить эту избирательную практическую картину из явлений капиталистической жизни жизненной капиталистической сущностью ее же самой. Учитывая, что Маркс ни в этом отделе, ни в другом так и не озадачил себя поиском теоретически научного объяснения ужасов

явленческой картины первоначального накопления капитала, то у меня есть все логические основания утверждать. — Маркс сами насильственные ужасы накопления капитала принял за социально-экономическую норму капиталистического способа производства в период его становления и тем самым освободил себя самого от теоретически научных доказательств в объяснении сущности того же самого. Решение принципиально ошибочное для исследователя, тем более для ученого такого ранга, как Маркс. Что сделал здесь Маркс? — Он исключил себя самого, как ученого, из процесса научно теоретического объяснения «накопления капитала», но зато оставил потомкам свои литературные и исторические эссе на ту же самую тему. Ответ *теоретически научного* порядка, — какие классы социально и экономически ответственны за накопление капитала, — так и остался теоретически научно безответным. Зато из всего рассказанного Марксом следовал один и единственно практический вывод, — ответственны капиталисты и помещики. Вот кто носители насилия в самых чудовищных социально-экономических формах. Кто же еще? Ведь не сами же феодальные крестьяне и ремесленники лишили себя земли и мастерских! Правда, оставался еще один третий ответ, что ответственность здесь лежит на зарождавшихся буржуазных классах, — капиталистах и помещиках, — но ответственность здесь лежит и на зарождавшихся пролетарских классах, — рабочих и крестьянства. Здесь ответственность есть их общая социальная ответственность. Однако эта альтернатива так и осталась совсем без научно-теоретического внимания не только у Маркса, но и у марксистских исследователей и после него. Им всем заранее, подчеркиваю, заранее всем и так было ясно, именно капиталисты и помещики виноваты за насилие в накоплении капитала при производстве прибавочной стоимости в капиталистическом способе производства.

Что ж, если так, то разве пролетарское насилие и красный террор образца 1917 года и последующие десятилетия уже социалистического способа производства освободило, наконец, человеческое общество от самого насилия в нем же самом? — Нет, и еще раз, нет! — Тогда зачем было одно социально-экономическое насилие, — капиталистическое, — исторически заменять в 1917 году другим социально — экономическим насилием, — пролетарским. Что пролетарское насилие лучше и поэтому прогрессивнее насилия капиталистического? — Нет, не лучше, а много-много хуже. По крайней мере, у капитализма, даже в его объяснении самим Марксом, мы не находим социального насилия в самой чудовищной его форме, — форме социального расизма. Да его не было тогда, да и сейчас его нет в капиталистическом способе самоорганизации развития общества. Поэтому капитализм не имел тогда, да и ныне не имеет в своем историческом арсенале «гулагов» с миллионами жертв из собственного народа, подчеркиваю, из народа собственного, а социализм все то же самое имел и даже политически оправдывал опять же социалистическим способом существования общества.

Оказывается, если социализм и был исторически кому-то нужен, то не общечеловеческому достоинству в достоянии общества существовать именно человеческим обществом, и не самой человеческой истории в истории человечества, а кучке политиканов, рвавшихся к политической власти под прикрытием правдоподобности марксистского социально-экономического учения. — Учения, обещающего угнетенным массам коммунизм, — хотя бы свет абсолютной справедливости в конце туннеля, длиною в саму человеческую историю. Что ж, обмануть массы трудящихся, как оказалось, не трудно, — они сами были рады обмануться именно таким способом. — Ведь обещали землю отобрать у помещиков и раздать крестьянам. — Ведь обещали отобрать заводы и фабрики у капиталистов и отдать в руки самоуправления самим же рабочим рукам. Ведь обещали отобрать богатство у капиталистов и помещиков и раздать поровну рабочим и крестьянам. ■ — Ведь обещали свободу и не только от угнетения. Ведь обещали мир всему народу. Как же не обмануться с такими-то обещаниями! — И обманулись. Землю отобрали у помещиков, но отдали не крестьянам, а колхозам и совхозам. Самую талантливую и, разумеется, наиболее трудолюбивую и зажиточную часть крестьянства объявили врагом беднейшего крестьянства и, обозвав, их всех «кулаком», приступили к раскулачиванию руками того же беднейшего крестьянства. Заводы и фабрики отобрали у капиталистов, но отдали не в акционерное самоуправление самим рабочим, а народным комиссарам, что уже, конечно же, есть не рабочие, а управляющие рабочими. Богатство отобрали у помещиков и капиталистов, но даже малую часть не раздали рабочим и крестьянам, потому как большую часть богатства утеряти в неразберихе гражданской войны, а оставшееся богатство разделили между собой сами же партийные деятели социалистической революции, — от соседа кулака, донесшего на него, и до высших иерархов большевистской власти. Да и немалые долги у них были перед зарубежными кредиторами социалистической революции. Вместо обещанного мира народу досталась гражданская война, — хуже войны и не придумаешь. Не обманулась в массе интеллигенция. Почему, понятно. За что и поплатилась, — большинство было расстреляно и развеяно лагерной пылью по огражденным территориям, число которых и не счесть. Остальных отправили пароходами за рубежи Отечества. Обманулись же массы трудящихся, да еще как! Пока спохватились, — уже было поздно. Власть «пролетарская» так зажала уже пролетариев, что слово свободное — и уже в несвободе. Дальше уже все известно в деталях.

Исследование логики «капитальной» политической экономии будет не исчерпывающим, если не исследовать социально психологический аспект из ее же самой. Поскольку свою политическую экономию Маркс писал языком обыденным, — у описательной науки нет другого языка, — постольку Маркс никак не мог пройти мимо той стороны этого языка, которая называется психологически эмоциональной. Так и есть! _____ Порою эмоции Маркса в «Капитале» перехлестывают аж через край. Все бы не

так плохо, если сами эмоции не переросли в определенную логику их же самих, а уж сама эта логика не превратилась в социально психологическую логику политической экономии из самого «Капитала». Не берусь однозначно утверждать, знал ли Маркс или не знал, что любая рыночная экономика, — коль скоро она существует составляющей человеческой в человеческом обществе, — обязательно существует социально психологической составляющей, а она без общественных эмоций не существует. Ныне это знает каждый социальный экономист и экономический социолог. Как оказалось все то же самое присутствует и в «Капитале» вполне определенной социальной психологией. Конечно, такой главы нет в «Капитале», но она есть и существует всей социально психологической логикой самого «Капитала». Открыть ее сущность и составляет логическую задачу при исследовании логики самого «Капитала».

Думаю уж точно не открою секрета, что вся эмоциональная мощь языка самого Маркса, приводимых им примеров из обыденной жизни общества, да и подобранная им статистика, — все это, с одной стороны, есть явно обвинительный приговор за социальные и экономические преступления эксплуататорских классов против классов эксплуатируемых. Но, со стороны другой, уже в адрес классов эксплуатируемых — есть явно оправдательный для них приговор, как несправедливо пострадавшим и имеющим право не только защищаться, но, в определенных условиях, даже нападать. Апологетика нападения сформулирована самим же Марксом. — «Насилие является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым. Само насилие есть экономическая потенция». /2. с.761/ — Вот аж как! Оказывается, насилие есть естественное условие превращения старого общества в общество новое. Более того. Насилие существует экономической потенцией в любом обществе и существует, — по Марксу, — естественным условием жизни самого общества. Раз так, то экономически насильственно угнетенные классами эксплуататоров эксплуатируемые классы, имеют естественное право в ответ, подчеркиваю, право естественное в ответ применить насилие к эксплуататорским классам и насильственно экспроприировать у них то, что раньше они же насильственно экспроприировали у классов эксплуатируемых. Око за око. Отсюда и призыв Маркса. — «Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют». /2. с. 773/

Во всеобщей человеческой истории до марксизма еще не было учения, претендующего называться научным и теоретически доказывающее «насилие» в качестве естественного способа рождения нового общества обществом старым. Конечно, в сущности все совсем не так, но именно так и не иначе нужно было самому Марксу, чтобы «Капиталом» доказать капиталистическому обществу, что его историческая перспектива бесперспективна исторически и она обязательно завершится социалистической революцией, а революция без насилия — это уже не революция. Призыв экспроприировать экспроприаторов — это и есть насилие по марксистски.

Следовательно, марксизм — это учение, претендующее не иначе как обычным способом, но под маской научности утверждать в социуме общества естественное насилие, как «социальный расизм», и утверждать в экономике общества естественное насилие, как «расизм экономический», по своей сути куда более фундаментальные типы расизма и поэтому еще более опасные, нежели тип «расизма этнического».

«Социальный расизм» и «расизм экономический», будучи расизмом, логически необходимо сопрягаются с «расизмом этническим», а вместе они, утверждая противоестественность общественного насилия, как общественную основу нормы естественности человеческого бытия, составляют в своем концептуальном единстве фундаментальную сущность всего того, что в своем политическом явлении иначе называется «фашизмом». Так что вовсе не случайно, германский фашизм и советский марксизм, имея тоталитарную политическую власть, каждый в своем обществе над обществом своим, но демонстрировали все то же самое в одном и одном и том же насилии. Везде, — где больше, меньше где, — но непременно присутствовали и расизм этнический, и расизм социальный и экономический расизм. Чтобы на деле уберечь современное общество от опасности фашизма и марксизма, как социально экономической заразы и заразы экономически социальной, — все это непременно ныне надо знать и самому обществу и каждому человеку в нем же самом. Иначе, инфекция фашизма и марксизма не встретит противодействия в самом обществе, и история вновь научит тому, что ничему не учит.

Фашизм в марксизме и марксизм в фашизме необходимо присутствуют по самой социально-экономической и экономически социальной сути из них каждого в каждом из них, ибо, без признания насилия естественным условием существования человечества, нет ни марксизма, ни фашизма. Низменные биологические инстинкты, нет-нет, да проявляющиеся насилием в отношениях человека с человеком по болезненной причине СПИДа в виде синдрома приобретенного интеллектуального дефицита, возводятся марксизмом в естественное право общества, как права вполне юридически законного. — Более чудовищного учения, претендующего называться научным, всемирная история человечества еще не знала.

Сатанинская злобность исторических личностей Ленина и Сталина не определяется личными чертами их характера, — хотя, конечно, и характер должен быть личностным. Но определяется тем, что волею судеб каждый из них оказался на вершине политической власти, целью которой было опять же естественным, то есть по-марксистски, значит, насильственным способом, осчастливить пусть сразу не все человечество, а для начала первые сто пятьдесят его миллионов. Но осчастливить пришлое экономическим расизмом и расизмом социальным, насильственная сущность их сто по мар с вратит Г^ого Теловечного КИИСТСКОМУ ОПРЕДЕЛЕНИЮ БЪ,ЛА ОБЯЗАНА ПРЕ ального и экономического 1доГЛОВСКА>> В историческую личность соци Ур да, а «отца всех народов» — в точно такую

же уродливую историческую личность, но уже с явным оскалом фашизма. Вот почему исторически первыми, кто не образом теоретическим, а практическим образом открыли всему миру образ фашизма в марксизме и марксизма в фашизме — это, конечно, были «Ленин и Сталин». — Вернее, политический режим их советской власти, которая превратила все общество в лагерную зону, где сам ГУЛАГ был фашистским ядром ленинско-сталинского марксизма.

Человеческому обществу и каждому человеку в нем обязательно надо знать и понимать. — Одно дело, если насилие присутствует в человеческой истории и в обществе человеческом благодаря естественным условиям самоорганизации общественного начала человеческого в человеческом обществе. Тогда насилие есть здесь естественное условие существования самого общества, и тем самым оно уже оправдано в глазах истории исторической нормой развития его самого. Принципиально иное дело, если насилие присутствует в истории человеческой и человеческом обществе благодаря искусственным условиям самоорганизации общественного начала человеческого в человеческом обществе. Тогда насилие есть здесь искусственное условие существования человеческого общества, и тогда оно есть отклонение от нормы естественной истории человечества, что уже есть болезнь общества в человеческом обществе и болезнь человеческая в человеческом обществе. В первом случае история человечества обречена на бесконечность существования в нем насилия, как естественной нормы, но в случае втором у человеческой истории есть исторический шанс освободиться от насилия в ней же самой, поскольку оно существует отклонением от естественной нормы и, следовательно, здесь уже речь идет о болезни. Болезнь же лечится. Марксисты, конечно, скажут, что эта болезнь неизлечима. Что ж, пусть говорят. Я же доказываю, что со знанием причины этой болезни открывается и лекарство для ее излечения. Познать и знать не запрещено. Поэтому пусть марксисты для начала определяться, — на чьей они стороне? — Если на стороне агностицизма, — что ж, тогда понятно, почему они за вечность насилия. Если же на стороне гностицизма, то в этом случае они уж точно вместе со мной.

Что означает здесь «болезнь»? Ведь общество существует человеческим обществом, и никто, кроме человека в нем же самом, не может познать человеческие законы существования самого же общества и общественные законы существования самого же человека в их естественном единстве. Как, оказывается, это дело есть дело супер трудное, и оно не дается результатами сразу в теоретической полноте научной истинности его самого. Поэтому до выяснения всей теоретической полноты этого научного дела, обществу в человеке и человеку в обществе для обыденного поведения их самих в самом же их общественном поведении обыденном приходится пользоваться фрагментами Истины и обыденным пониманием ее же самой. Это и есть болезнь, которую я называю СПИД, но расшифровывается она как «синдром приобретенного интеллектуального дефици-

та». Этой болезнью в той или иной мере, но болеет все человечество и каждый человек в нем же самом. По мере овладения человечеством научными знаниями эта болезнь отступает все дальше и дальше от человека в обществе и от общества в человеке. Этот процесс гигантски длителен, но он развивается и развивается именно в направлении ослабления течения этой болезни. Средством лечения и излечения этой болезни существует только фундаментальная наука, — вернее ее фундаментальные знания. Все же, все же. Все бы ничего, если эта болезнь была бы болезнью только обыденного человечества. Но в том-то и дело, что нет-нет, этой болезнью заражаются ученые, но сами даже не подозревают об этом, ибо болезнь протекает латентно. В результате на свет появляются научные труды в области экономики и социологи, весьма убедительные и привлекательные для обыденных масс человечества. Что эти труды, хотя и представляются научными, но на самом деле не существуют таковыми и, тем более, не существуют фундаментальными трудами, — если станет известно, то лет так через 100. За это время СПИД в этих трудах уж размахнется в человеческой истории, так размахнется сразу октябрьским переворотом и строительством советского социализма. Пока откроется, что марксистская политическая экономия сама есть результат болезни, именуемой синдромом приобретенного интеллектуального дефицита, — то есть суррогат, искусно приготовленный описанием обыденной жизни капиталистического общества без научного объяснения сущности ее же самой, — искусственная история в истории естественной человеческого общества успеет еще сотворить не одну социальную катастрофу в ней же самой. Так и случилось в октябре 1917 года, и случилось еще не раз в прошлом столетии.

Маркс, существуя преимущественно обывателем в ученом, а не ученым в обывателе, по вполне понятным причинам не увидел другого естественного способа происхождения первоначальности в накоплении капитала, кроме как насильственного. Таким вполне обывательским способом Маркс заранее приговорил капиталистический способ производства быть виновным в преступном рождении его самого именно капиталистическим способом производства. Разумеется, как и в любом обществе, так и в обществе капиталистическом, имели и имеют место экономические и социальные явления преступного характера, что, научно мыслящему философу и философски мыслящему ученому еще не дает корректного права обвинять в том же самом экономическую фундаментальность социального общества и саму же социальную фундаментальность экономического общества. В противном случае юридическое право капиталистического общества пришлось бы признать заранее преступным, что делает преступное право правом законным, — это и есть логика «вора в законе». Но тогда перед нами не нормальное человеческое общество, а общество преступное. Такое общество называется «зоной» или «тюрьмой», но никак не капиталистическим обществом, которое исследовал Маркс. Какое же общество тогда исследовал Маркс, обвиняя капиталистов и помещиков в на-

сильственным способе накопления капитала, как способе вполне естественном для капитализма?! Надо сказать, что здесь лучшим ответом Марксу была работа Ленина «Развитие капитализма в России», где российский капитализм развивался и с первоначальным накоплением капитала, но в этом процессе Ленин, в противоположность Марксу, не увидел насилия. Не потому, что был слеп, а потому, что насилия, подобного тому, что описал Маркс своим «Капиталом», и не было в развитии российского капитализма.

Маркс шел в «Капитале» к научной цели, заранее ему уже известной из обыденности опыта социально-экономической борьбы наемного класса и класса работодателей. Обыденный же опыт свидетельствовал в пользу того, что богатство буржуазных классов создается материальным трудом пролетарских классов, и, следовательно, должно принадлежать только им. Поэтому, если в обыденной социально экономической действительности богатство принадлежит исключительно буржуазным классам, то принадлежит оно только в силу его политической власти над обществом. Стоит только свергнуть такую политическую власть и заменить ее политической властью пролетариата, то все богатство буржуазии вернется законному его владельцу, и впредь пролетарские классы уж точно не допустят повторения их ограбления. Преступление будет наказано и историческая справедливость, наконец, восторжествует. Марксу только оставалось изложить все то же самое на обыденном языке социально-экономической науки своего времени, что он, по — существу, и сделал «Капиталом». Эпигоны же марксизма сделали из всего этого «обыденного» материала всепобеждающее научное учение, приспособив его в качестве теоретического оружия пролетариата в будущем деле совершения им же социалистической революции. Увы, оно еще успело свершиться и настоящим делом. Последствия общеизвестны.

Все же, еще раз скажу. Конечно же, на поверхности любого общества «насилие» открыто является всему обществу и не является секретом для самого же общества. Поэтому было бы глупостью говорить, что насилие не сопровождает всю историю человеческого общества. Конечно же, сопровождает. Однако ж было бы наивным примитивизмом возводить всем очевидное в очевидность научного доказательства необходимости всего того же самого в человеческом качестве естественности самого же человеческого общества и его положительного развития. Не без этой причины человечеству как раз и требуется фундаментальная наука, ибо именно она владеет способом познания, который видит глубже и шире, нежели все то же самое, что видится на поверхности. Поэтому фундаментальная наука ищет социальное и экономическое объяснение самого насилия, а не объясняет социальное и экономическое самим насилием. «Почувствуйте мышлением разницу» и поймете, что Маркс как раз насилием объяснял человеческую историю в социально-экономическом развитии ее же самой, - тогда как задача политэкономической науки состоит в том, чтобы соци-

альной историй и историей экономической объяснить «сущность» насилия в ней же самой. — Тогда открывается, что насилие не естественно, а неестественно. «ГУЛАГ» — это не придумка большевиков, а вполне логически оправданное следствие из теоретического марксизма в лице капитальной его политической экономии. Ленин и ленинизм вместе с красным террором — это уже исторически более поздняя ремарка к капитальной политэкономии. Марксизм — это социальный и экономический гимн насилию, это политическая ода, воспевающая насилие, это обезображенная насилием естественная красота сущности человеческой в человеческом обществе и сущности общественного в обществе человеческом. Вот почему именно слова Маркса о «насилии» я сделал эпиграфом к именно этой главе. Точнее Маркса о социально психологической сути логики «Капитала» и не скажешь.

Маркс не только не заметил сущности единства противоположных общественных сфер производительного потребления и потребительного производства и поэтому не открыл сущности «рынка» в капиталистическом способе производства, но Маркс совсем исключил из своего политэкономического исследования общественную сферу идеального производства, сосредоточив собственное «капитальное» исследование исключительно на общественной сфере материального производства. Если из способа существования человека человеком убрать идеальную его составляющую, что в народе называется головой, то такой человек в этом случае остается только с материальной составляющей. Это человек? — Конечно же, нет. Все то же самое не то же самое все с капиталистическим способом существования общества, человеческим по определению. Если в капиталистическом способе производства, человеческом по определению, существует общественное материальное производство, но собственное, подчеркиваю, собственное общественное производство, но идеальное отсутствует, — это что? — Капитализм, но еще без собственной головы. Если человек без головы не существует биологическим человеком, то капитализм, хотя это и не биологический организм человека, а социально-экономический организм общества, то и здесь все то же самое, — капитализм без головы не существует общественным организмом. Этот закон есть закон не только для капитализма, но для любого общества. В отличие от человека, который существует плотью и умом одновременно и в одном и одном и том же месте биологического организма в организменной биологической местности его самого, общество социально экономически может существовать умом исторически прошлых интеллектуальных достижений, но воплощать их вещественно, и в этом смысле материально уже в настоящем своем историческом времени. Здесь лаг разновременности, да и разнопространственности лаг никак не мешали, например, рабовладельческому обществу и обществу феодальному существовать общественными организмами из единства противоположных сфер материального производства и производства идеального. Другое дело капитализм. Здесь капи-

талистический способ самоорганизации развития общества уже демонстрирует единство этих сфер, где сфера идеального производства в виде науки уже существует общественной сферой идеального производства, тогда как в рабовладельческом обществе и обществе феодальном идеальное производство существует наукой еще только идеальным индивидуальным трудом. Конечно, прижизненный Марксу капитализм в явлениях его самого не существовал наукой в общественных проявлениях ее же самой научно-исследовательскими институтами, но лабораториями уж точно существовал. Хотя этот капитализм существует в общественных явлениях его самого недоношенным социально и экономически и поэтому исторически еще недоразвитым капитализмом, но как ученый, Маркс был обязан заметить общественную сферу идеального производства из сущности еще прижизненного ему капитализма. Однако ж, существуя обывателем в ученом, Маркс не заметил того, что обязательно бы увидел и заметил ученый в обывателе. — Обыватель в ученом смотрит только на явления и поэтому обыватель берет верх над ученым в обывателе, тогда как ученый в обывателе смотрит на явления сквозь их сущность, и поэтому ученый берет верх над обывателем в ученом. Вот почему Маркс оказался здесь, как ныне говорят, не в теме.

То ли сказывалось мое марксистское образование и поэтому не хотелось верить, что Маркс был действительно не в теме, чтобы состояться исследователем профессионального научного уровня, — не знаю точно почему, но все-таки я задался вопросом, — как же так случилось, что Маркс оказался не в теме. Мне представляется, что ответ я нашел. Конечно, даже этот ответ не оправдывает Маркса в ошибках и заблуждениях, что он допустил в своей «капитальной» политической экономии. Все же, кое-что существенное он проясняет причиной в том обстоятельстве, что наука, как общественная сфера идеального производства, в капиталистическом обществе того исторического времени, как профессиональная деятельность человека, была экономически доступна преимущественно состоятельным слоям населения. Иначе говоря, научная деятельность была доступна тем, кого Маркс называл угнетателями, грабителями, эксплуататорами, капиталистами, буржуазией, помещиками, экспроприаторами, ростовщиками, отродьями банкократов, рантье, финансистами, маклерами, спекулянтами и биржевыми волками, фабрикантами, то презрительно попросту богатыми. Тем самым Маркс и себя убедил в том, что наука находится не на социальной стороне рабочего класса, а противостоит ему социально. Еще бы, ведь Маркс сам же видел все это собственными глазами, хотя лучшим доказательством обратного был его друг, фабрикант Энгельс. Но, как обыденно говорится в народе, нет правила без исключения. Поэтому он исключил науку из социального тела пролетариата и его трудового дела, — общественной сферы материального производства. Исключив таким способом науку из одного места, в место другое надо было бы включить науку. Увы, «другого места» для науки, в виде места

общественной сферы идеального производства, Маркс так и не открыл в капиталистическом обществе. Получилось так, как получилось. — Наука вместе с общественной сферой идеального производства провалилась в никуда виртуальной реальности.

Маркс, обыденное сознание которого, по вполне понятным причинам, определялось его же пусть общественным, но обыденным бытием, даже представить себе не мог, что наука, в самой социально экономической действительности капиталистического общества, равно как и вся сфера идеального производства, существуя социальным телом интеллигенции, выступает на экономической стороне рабочего класса и класса крестьянского, образуя вместе с ними единство, которое именуется «пролетариатом». Маркс был философом и ученым своего исторического времени и не его в том вина, что этому же времени он принадлежал и как вполне обыденный человек со всеми необходимыми семейными заботами человека далеко не богатого, а скорее бедного. Поэтому в обыденном смысле нет ничего непонятного, почему в своем «Капитале» Маркс, будучи обывателем в капиталистическом обществе, как обыватель в ученом отвел науке роль прислужнице самого капитала. Вот почему он был не в теме. Однако ж, как ученый в обывателе, Маркс еще в прижизненном ему капитализме обязан был увидеть ту подлинную роль науки, которую она действительно играет в социальной жизни и жизни экономической капиталистического общества в общественном способе его производства на стороне пролетарских классов. Здесь он уж точно должен был быть в теме. Увы, но Маркс не был даже ученым в обывателе своего времени.

Если уж приходится жить в недостроенном доме, то, конечно же, это плохо, но то же самое уже хорошо в том плане, что известен хотя бы план дома в уже достроенном его виде. В этом случае хотя бы понятно, что дальше делать и делать как дальше. Маркс так же жил в социальном и экономическом недостроенном доме капитализма, но, во-первых, он и так и не открыл, в чем и почему он не достроен и поэтому недостроенное здание принял за уже полностью построенное. Это было бы еще полбеда, но, не зная того же самого, Маркс своей недостроенной «капитальной» политической экономией принялся призывать пролетариев всех стран объединяться и принялся их обучать, что надо им делать с капитализмом и капиталистами, и как это что делать с ними. Это уже, во-вторых. Надо сказать, что Марксов язык в политической экономии был тот же самый язык и обывателя в самой жизни капиталистического общества. Поэтому Марксу не надо было переводить научный язык на язык самого обывателя. Уж они-то понимали друг друга с полуслова. Еще бы, пролетарии и без Маркса знали, что они бедны, закабалены и унижены именно по вине капиталистов и помещиков. Но они безмерно обрадовались, когда узнали, что все то же самое и есть научный вывод самой социально-экономической науки. Последствия общеизвестны.

Мои оппоненты, — и не только из разряда марксистов, — говорят мне, что Маркс и марксизм — это научное явление, исторически обусловленное всем ходом исторического развития капитализма того времени. Был бы не Маркс, так Гюнтер был бы основоположником учения научного коммунизма под именем гюнтеризма. Кто-то при успешном английском капитализме того времени и в географическом месте философской Германии и не без влияния утопических социалистических идей революционной Франции, но обязательно должен был научным способом ответить на социально-экономический вызов капитализма, на деле брошенный им в адрес пролетарских классов. Таким человеком мог стать любой философски и юридически образованный человек в Германии, чьи политические амбиции были бы близки социально-экономическим интересам пролетарских классов. Маркс был только одним из них, но наиболее успешным. Этим человеком, не родись Маркс, обязательно тогда стал другой человек. Что принципиально не изменило само дело создания коммунистического учения. — Я решительно не согласен с моими оппонентами. Вот почему. Во-первых, они объясняют появление «марксизма» опять же марксистской методологией, что в данном случае уж точно не корректно. Конечно, не родись Маркс, обязательно родился другой человек, озадачивший себя решением проблемы доказательного теоретически научного объяснения способа капиталистического производства. Но он родился уже иной политической экономией капиталистического способа производства и уж точно много позже Маркса и не обязательно в той же самой стране, что и Маркс. Вот почему.

Ясно, но даже английский капитализм, состоявшийся наиболее развитым капитализмом еще при жизни Маркса, но и он в своих явлениях не достиг тогда того уровня социально-экономического развития, в котором его самоорганизация была бы развита исторически полностью капиталистической организацией общества. В той исторической стадии капитализма еще существовал и феодализм, и существовал он в настоящем капитализме прошлыми достижениями интеллектуального труда ремесленников. Маркс этого не открыл в мануфактуре, поэтому не знал, не знали этого и другие, ибо они знали только то о капитализме, что обывателями прижизненно наблюдали в нем же самом сами же они из общественной сферы его материального производства. Прошло бы лет 50-70 и все то, что Маркс не открыл в капиталистическом способе производства, обязательно открылось другому точно такому же исследователю в единстве противоположных сфер материального производства и производства идеального. Тогда бы открылась и другая политическая экономия капиталистического способа производства. Она уж точно была бы теоретически полной. Именно в такой политической экономии научно нуждается сам капиталистический способ производства и его социальные классы, — пролетарские и капиталистические. Получается, что Маркс своей однобокой политической экономией опередил появление теоретически полной политической эконо-

мии, которая как раз и требуется капиталистическому способу производства, Вот что здесь означает «опередил». Мало того, что само появление на свет социально-экономического учения Маркса еще не было вызвано насущными практическими потребностями капитализма того времени, но оно появилось и появилось, разумеется, преждевременно родившимся и, следовательно, исторически недоношенным и социальным учением и учением экономическим. Конечно же, такое учение появилось научно ущербным. В этом-то все и дело, господа оппоненты. Так что Маркс и социально-экономический марксизм не есть исторически обусловленное событие в общественной жизни капитализма того же исторического времени. Более того. Теперь, в уже известном смысле, это событие свершилось исторически преждевременным событием. Поэтому не случайно такая политическая экономия почти четверть века оставалась невостребованной. Когда же политическая экономия капитализма стала-таки востребованной, — то, кроме марксовой, другой политэкономии не было. Кем она была востребована? — Нет, не капиталистами и их классами, — буржуазией и помещиками. Им и так было все известно о собственном капитализме еще из уст политэкономии Рикардо и Смита. Пролетарские классы, — рабочие и крестьяне, — вот кем было востребовано социально-экономическое учение Маркса, которое аж через пятьдесят лет после своего рождения выстрелило залпом октябрьского переворота по естественнoисторическому развитию человечества, повернув вспять российскую его часть на долгие три четверти двадцатого века.

Конечно, эти классы были безграмотны, чтобы теоретически понять марксизм, но они же были вполне грамотными, чтобы понять, — их социальное бытие и бытие экономическое и все то же самое у капиталистов и помещиков — вовсе не то же самое. На одной стороне нищета, голод, безмерное социальное унижение, а на другой — богатство, сытость и безмерное социальное величие. Все это при том еще, что рабочие и крестьяне от зари до зари работают в поте лица, а капиталисты и помещики лишь владеют собственностью, отдыхая в ней от трудов праведных. Как так исторически случилось социально — экономически и политически, — этого рабочие и крестьяне не знали, но каждой клеточкой своего мозга чувствовали, — в этом уж точно есть несправедливость и притом явно чудовищного порядка. Тут-то и подоспело учение Маркса со своим пролетарским социально-экономическим учением. Что оно недоношено исторически и недоразвито социально и экономически — этого не знал никто, в том числе и Маркс, который, пристрастным классовым способом, подчеркивая, способом классовым пристрастным объяснив экономическое происхождение прибавочной стоимости, тем самым показал грабительский характер ее социальной сущности, а грабитель-то кто? — Конечно, капиталист и помещик. Отсюда и призыв к ограбленным. — Грабить награбленное капиталистами и помещиками — это святое дело для рабочих и крестьян. Много позже Гитлер устами Геббельса освободит немцев от совести без

кавычек. Он был уже исторически не оригинален. Маркс еще раньше освободил рабочих и крестьян от божьей заповеди, — не воруй. Если действующие юридические законы не позволяют грабить, что ж, тогда надо капиталистические юридические законы заменить на законы юридические, но пролетарские. Чем быстрее, тем лучше. Если сами капиталисты этого добровольно не желают сделать, сделаем и без них, но насильственно. Так в 1917 году и сделали в Российской империи.

Что, после этого богаче стал российский народ? — Не стало тех богатых. — Это верно. — Кого расстреляли, кого сгноили в тюрьмах, кого опустили на дно социально-экономической жизни, кого выслали за пределы Отечества, а кое-кого и приласкали, не кнутом, так пряником заставив служить будущей пролетарской власти. Богатство же отобрали и разделили, но бедных-то стало еще больше, ибо теперь все стали бедные. — В этом как раз и есть суть социальной справедливости по марксистски. Во всеобщей бедности исчезло экономическое неравенство, а вместе с ним и неравенство социальное. Таким изуверским способом исчезла и социальная зависть. Вместо того, чтобы научным способом и теоретически доказательно объяснить, как стать всем относительно богатыми, марксизм теоретически и на деле практическом объяснил, как стать всем абсолютно бедными. — Для этого, как оказалось, надо следовать трудовой теории стоимости и вместо капитализма построить социализм. Каждому по труду, а трудиться надлежит не по праву, а в силу обязанности и поэтому трудиться должны все без исключения. Иначе, — факт уголовного тунеядства и принудительный труд по приговору пролетарского суда. Уравниловка в оплате труда никому не позволяет выделиться социально и экономически. Бездарность и талант отныне уравнены. Более того. Бездарности берут даже верх, поскольку общечеловечески не отягощены нравственными началами и началами моральными. «Шариковы» есть человеческий продукт именно социализма. Отныне совесть, мораль, нравственность, божьи заповеди, демократия, наука, философия, искусство и даже патриотизм из понятий общечеловеческих превратились в классовые понятия и понятия партийные. Нет, не случайно Ленин призывал к поражению России в первой мировой войне. — Его патриотизм и не мог быть другим в классовой логике марксовой политической экономии. Вот почему Ленин был и остается антипатриотом в общечеловеческой социальной морали, но в морали социально пролетарской все тот же Ленин есть именно патриот.

История не знает сослагательного наклонения. Тем не менее, трудно преодолеть в себе желание обратным числом знать, как бы развивались в России известные революционные события и события постреволюционные, открой Маркс своим «Капиталом» подлинную экономическую роль интеллигенции, как естественного социального союзника рабочего класса, и более того, как естественного гегемона в этом их пролетарском союзе. Очень бы хотелось знать, — и в этом случае интеллигенция в России Уничтожалась большевиками. Или рабочий класс уже во главе с интелли-

генцией вместе выступили на штурм старой власти. Или интеллигенция спасла рабочий класс и класс крестьянский от влияния социального экстремизма большевиков и тем самым не дала в октябре 1917 года свершиться насильственному перевороту, дав Российской империи возможность развиваться естественноисторическим эволюционным путем. Увы, другого ответа, кроме ответа уже исторически известного, нет. Но из всей этой истории должна быть ясна ответственность политической экономии, как науки, перед народом в обществе и перед обществом в народе. Но, в свою очередь, ясной должна быть и ответственность народа в обществе и общества в народе перед политической экономией, как наукой, за внедрение в обществе научного типа сознания его самого, а не общественного сознания обыденного типа. Тогда уж точно никому даже в голову не придет мысль вмешиваться в естественноисторический процесс саморазвития организации общества и самоорганизации развития его самого. — Невежество здесь опаснее термоядерного оружия!

Мир человеческий ныне был бы совсем иным человеческим миром, если бы не появился марксизм, а марксизм не вооружил пролетарские классы идеологией насильственного разоружения классов буржуазных. — Мир уж точно сохранил миллионы и миллионы человеческих жизней и выиграл сотню лет собственной истории для еще большего экономического процветания самого же себя. Увы, история состоялась такой, какой состоялась. Надо бы извлечь уроки. Обязательно научным способом, и непременно концептуально фундаментальным и фундаментально концептуальным, иначе история в который раз покажет, что учит только тому, что ничему не учит. Не без этой причины я взялся за исследование марксистской политической экономии и за исследование капиталистического способа существования общества в политической экономии, но немарксистской.

«То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что существование классов связано лишь с определенными историческими фазами развития производства, 2) что классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов». /7. с. 427/. — Так сам Маркс оценил собственный научный вклад в политическую экономию, что вовсе не обязательно должно совпадать со всем тем же самым и в самой исторической действительности. Как оказалось, существование классов не связано капиталистической определенностью исторической фазы развития производства, а связано с разделением труда и собственности внутри общества, что имманентно исторически любому обществу, если, конечно, это общество человеческое, а не стадо животных. Как оказалось, классовая борьба ведет не к диктатуре пролетариата, а ведет пролетариат к улучшению его экономической жизни и жизни социальной. Как оказалось, классы есть неуничтожимый социальный атрибут общества, ибо неуничтожимо в обществе разделение общественного труда

и собственности. Так что общество без классов — это такая же иллюзия, что и коммунизм. — Маркс не сделал ничего научно нового в науке политэкономической.

Маркс связал существование классов с такими историческими фазами развития производства, вся определенность которых заранее оказалась именно в капиталистическом способе производства. Ленин, определяя классы, как «... большие группы людей, различающихся по их месту в исторически определенной системе общественного производства», одновременно различил их и «...по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства...». /8. с. 15/. Здесь нет даже намека на связь происхождения классов с происхождением исторически определенной фазы развития производства именно в капиталистическом способе производства. Ленин здесь точнее определил классы и поэтому оказался в противоречии с Марксом, да еще в одном из самых принципиальных «открытий» марксизма.

Казалось бы, что научно экономический подход в исследовании законов общества не может быть связан с тем обстоятельством, сказано ли на этот счет что-либо в юридических законах общества, или не сказано ничего. Ньютон открывал законы природы, не заглядывая при этом в энциклопедический свод физических законов Британского Королевского Общества. Законы Ньютона существуют независимо от того, есть ли о них упоминание в учебниках по физике или нет совсем. Здесь должно быть все то же самое, но только в области экономических законов. Ан, нет же. Лукавый все — так попутал Ленина, когда он различил классы «...по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства...». Без оформления законов общества юридическими законам у Ленина никак не получалось определить классы в политической экономии его самого. Вот уж действительно едва ли можно придумать лучший способ делать фундаментальные открытия в области политической экономии. Остается только пожалеть, что в юридических законах капиталистического общества того времени не было закона о диктатуре пролетариата, как юридически законного способа перехода от капитализма к коммунизму. Тогда Марксу и Ленину пришлось совсем освободить себя от непосильного для них бремени заниматься собственным научным трудом в социальной области фундаментальной политической экономии. Что касается открытия Маркса, будто классовая борьба ведет к диктатуре пролетариата, то постсоветская история эмпирически доказала, — и это открытие не стоит больше того, что стоит заблуждение. Классовая борьба — это проявление единства противоположных буржуазных классов и классов пролетарских. Диктатура одного из них необходимо уничтожает ненасильственную естественность их единства, поскольку искусственно привносит в их единство насилие одних классов над классами другими. Диктатура — это подмена естественного состояния общества общественным состоянием искусственным и поэтому болезненно проти-

воестественным. Именно к этому состоянию общества приводит диктатура, а не к уничтожению классов. Так что Маркс и здесь не сделал открытия. Что вовсе не удивительно. — Маркс каждый раз не замечал проблемы там, где проблема действительно существует научной проблемой. Но всякий раз находил проблему там, где проблема совсем не существует научной проблемой. Отсюда решения, которые предлагал Маркс, еще мистичнее, чем сами проблемы.

Маркс уподобился капитану, который отправился в плавание с неверной картой. Конечно, такой способ плавания много интереснее, нежели плавание с точной картой. Подобным увлекательным способом, полным приключений и неожиданностей, можно даже открыть Америку, но, что уж совершенно точно, ничего нельзя открыть в фундаментальной науке, в том числе и политической экономии. Принципиально нельзя открыть истину, заранее двигаясь не к ней, а в противоположном от нее направлении. Но принципиально возможно принять за истину ложь, которая, как известно, весьма искусно умеет перевоплощаться в свою противоположность. Недаром она сумела обмануть Колумба и всю его команду.

Нет положительного смысла и дальше исследовать логику «капитальной» политической экономии, ибо все прочее в ней же самой, так или иначе, но обязательно пропитано уже ложным логическим началом ее же самой. Если же идти дальше все в том же направлении, то потребуются исписать этой главой не меньше страниц, нежели страниц в «капитальном» томе, прочитав которые, зная заранее финал, есть дело не только скучное, но и уже бесполезное. Куда плодотворнее изменить направление исследования. Поэтому есть положительный смысл переоткрыть социально-экономическую и экономически социальную сущность самоорганизации развития истории человеческого общества и саморазвития организации капиталистического способа существования общества уже на основе неклассической гносеологии идеалистического материализма и материалистического идеализма, а так же на основе неклассической философии диалектической метафизики и метафизической диалектики. Разумеется, и на основе Науки в логике и Логике в науке ее же самой. С этой высоты, философски беспристрастной и беспристрастной гносеологически, да и беспристрастной социально экономически и экономически социально еще более доказательной становится научная ущербность марксовой политической экономии и в деталях ее же самой.

Обыватель может подумать, что открой Маркс капиталистический способ производства в его теоретически полном виде, то есть без скрытых социально-экономических параметров в нем же самом, все равно ничего не изменилось бы в самой марксовой политической экономии. Более того, если же и изменилось бы, то только в более убедительную сторону доказательства истинности все того же социально-экономического марксизма. Что ж, такая точка зрения уж точно не лишена положительного смысла, хотя для ученых из фундаментальной науки и науки фундаментальной из

ученых вполне очевидно, — размытое в своем философском фундаменте и фундаменте гносеологическом, да еще противоречивое в собственной же логике марксистское социально-экономическое учение никак не может состояться доказательно научным учением. Все же, обыватель — это не ученый. Ему дозволено рассуждать иначе. Пренебрегать этим качеством — это, значит, пренебрегать качеством большинства народа, что не делает честь исследователю, чей предмет исследования сам народ в социально экономическом и экономически социальном способе существования общества. Поэтому я продолжу исследование.

ГЛАВА 4.

ЛОГИКА ИССЛЕДОВАНИЯ В ИССЛЕДОВАНИИ ЛОГИКИ НЕМАРКСИСТСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ И СОЦИОЛОГИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ.

Надо отдать должное Марксу. Он уж точно понимал, что его собственное исследование капиталистического способа производства не может быть основано на той же философии, что и подобные исследования, принятые еще до него самого. В противном случае он повторял теоретические зады их же самих. Учитывая, что все предшествующие попытки объяснить капиталистический способ производства строились, так или иначе, но на философии идеализма, где преимущественно господствовала метафизика, то этого рода гносеологическая философия никак не годилась Марксу для фундамента его же собственного капитального исследования. Причины. Две. Первая — это идеализм. Почему, понятно. Вторая причина — это метафизика. Почему? — Да потому, что Маркс к этому времени уже имел в своей голове общую концепцию объяснения капиталистического способа производства, где истории развития человеческого общества от первобытного до капиталистического отводилось далеко не последнее место. Метафизика здесь не годилась, поскольку стояла на неизменности всего того, что существует неким явлением в самоорганизации сущности его самого. Другое дело диалектика. Она сама олицетворяет собой развитие. Отсюда еще задолго до написания «Капитала» Маркс уже знал и понимал, какую философию он положит в основание своего будущего исследования. — Конечно же, диалектику. Но не идеалистическую диалектику, — почему, понятно, — а диалектику материалистическую, — понятно, почему. Так он в свое время и сделал.

Я не менее Маркса понимал все то же самое. Вот почему доказывать теоретически научно теоретическую ущербность марксизма опять же марксистской философией диалектического материализма, — означало бы для меня воспроизводить все тот же социально-экономический марксизм и тем самым расписаться в собственной научной несостоятельности. Вот почему мне пришлось начинать с критического исследования научности самой описательной науки и научности марксистской политической экономики, научности гносеологии материализма в философии диалектическо-

го материализма и научности диалектической философии в философии диалектического материализма. Из этих исследований доказательно открылись ненаучность описательной науки и научность фундаментальной науки, научность-ненаучность идеализма и научность-ненаучность материализма, а также открылись научность-ненаучность метафизики и научность-ненаучность диалектики. Тогда-то открылась научная неклассическая философия из двуединства философии диалектической метафизики и метафизической диалектики и философии метафизической диалектики и диалектической метафизики. Тогда-то открылась научная неклассическая гносеология из двуединства гносеологии материалистического идеализма и идеалистического материализма и гносеологии идеалистического материализма и материалистического идеализма. Они уже существуют логической основой и основанием логики для исследования и открытия более фундаментальной политической экономии капитализма, нежели марксистская политическая экономия.

Человеческое общество не существует исторически неизменным, а оно развивается естественноисторическим процессом от первобытной общины к обществу рабовладельческому, и так далее. — Все же, было бы односторонним и в силу этого научно ущербным исследовать этот процесс только и исключительно только со стороны его развития, коль скоро здесь присутствует историческое саморазвитие организации в самоорганизации развития истории его самого. Вот почему корректно говорить, что человеческое общество не развивается, а самоорганизуется развитием в нем общественных отношений, заменяя экономически изжившие в нем социальные отношения и социально изжившие в нем экономические отношения на все то же самое не в том же самом экономическом содержании и содержании социальном. Новое содержание отвечает новым общественным потребностям человека в человеческом обществе и отвечает новым человеческим потребностям общества в обществе человеческом.

Человеческое общество не возникает сразу обществом человеческим, например, рабовладельческим. Этот процесс, хотя и происходит в исторических пределах одной и той же формации, например, рабовладельческой, но происходит уже по иному закону, нежели естественноисторический процесс смены одной формации формацией другой. В одном случае имеет место саморазвитие организации, а самоорганизация развития — в другом случае. Вот почему корректно говорить, что общество человеческое, например, рабовладельческое, не организуется, а саморазвивается организацией в нем уже складывающихся общественных отношений в отношениях социально-экономических и в экономически социальных отношениях. Вот почему корректно говорить, что история человеческая не развивается, а самоорганизуется развитием экономических социальных отношений в отношениях социально экономических путем замены одних отношений на отношения другие.

Естественно исторический процесс самоорганизации развития общества и процесс саморазвития организации общества существуют не отдельно друг от друга, а существуют вместе друг другом друг в друге. Раз так есть и на самом деле, то история человеческого общества в общественной человеческой истории его самого существует двуединством саморазвития организации в самоорганизации развития самого его, а общественная человеческая история в истории человеческого общества его самого существует двуединством самоорганизации развития в саморазвитии организации его самого. Как существуют эти процессы, так эти процессы и надлежит объяснять. Если, конечно, требуется объяснять доказательствами Науки логики в Логике науки ее же самой.

Я приступил к научному объяснению политической экономии капиталистического способа производства через 130 лет, после того, как Маркс уже изложил «Капиталом» свое объяснение того же самого. Поэтому я уже лучше Маркса понимал. — Исследование такого масштаба, как исследование капиталистического способа производства в ракурсе естественноисторического развития человеческого общества, может быть научно успешным, если в его основании лежат философия и гносеология, но теоретически концептуально и концептуально теоретически доказанные логикой Науки в научной Логике ее же самой, не обремененные ни гносеологической философией, ни философской гносеологией. Другое дело, что во времена Маркса логикой науки для него был материализм и диалектика. Ныне все то же самое доказывается далеко не тем же самым.

Во-первых, логика материализма ныне доказывается научной только в части признания материализмом зависимости природы познания от познаваемой природы, да и логика идеализма ныне доказывается научной только в части признания идеализмом зависимости познаваемой природы от природы познания. Здесь логика самой Науки в научности Логике ее же самой выше логики самого материализма, где он утверждает независимость познаваемой природы от природы познания, и выше логики самого идеализма, где он утверждает независимость природы познания от познаваемой природы.

Коль скоро «зависимое» из материализма соединяется с «зависимым» из идеализма, то получается взаимозависимое, а, именно, — природа человеческого познания, прямо зависящая от познаваемой человеком природы, и познаваемая человеком природа, обратно зависящая от природы человеческого познания. — Здесь есть прямая зависимость и обратная зависимость есть здесь, что делает взаимозависимость и прямо обратной взаимозависимостью, и взаимозависимостью обратно прямой. Единство прямой обратной взаимозависимости и взаимозависимости обратно прямой, существуя логикой Науки в научности Логике ее же самой, как раз и воспроизводит научность неклассической гносеологии идеалистического материализма и материалистического идеализма. Наконец-то, гносеология доказывается научной не самой гносеологией и не самой философией, а

логикой Науки в научности Логики ее же самой. Здесь балом правит не равноправность идеализма и материализма, а их неравноправная равноправность и равноправная неравноправность их, что иначе называется одним термином «равновеликость».

Сразу же специально отмечу универсальное значение этого термина, в силу чего экономика и социология так же находятся во власти равновеликости, коль скоро и они не существуют отдельно друг от друга в способе существования самого общества. Я уже отмечал, что существует экономика в социуме и социум в экономике существует. В первом одном случае речь идет о социально-экономическом их единстве, — здесь социум подчинен экономике, а экономика командует социумом, — а первом втором случае речь идет об экономико-социальном их единстве, — здесь социум командует экономикой, а экономика подчинена социуму. Здесь экономика и социум существуют не отдельно друг от друга, а существуют вместе друг другом друг в друге, как экономическое в социальном из социально-экономических отношений и как социальное в экономическом из экономически-социальных отношений. Эти отношения есть не одни и одни и те же отношения. В единстве социально-экономических отношений приматом существуют социальные отношения, тогда как в отношениях экономически-социальных приматом существуют отношения экономические. Здесь экономическое и социальное равновелики, — где социальное подчиняется экономическому, там экономическое командует социальным, в ином месте экономическое подчиняется социальному, но здесь уже социальное командует экономическим. Экономика в обществе существует социально-экономической, а экономически-социальным существует общество в экономике. Отсюда следует, что существуют социально-экономические условия способа самоорганизации развития капиталистического общества и существуют экономико-социальные условия способа самоорганизации развития общества капиталистического и только их двуединство, как единство прямо обратное и обратно прямое единство, теоретически полно раскрывает капиталистический способ самоорганизации развития общества. Из того же самого следует, что в обществознании существуют две одни, но не одни и одни и те же фундаментальные науки. Они равновелики, но одна называется обществознанием социально-экономической политической наукой, а другая — экономически-социальной наукой политической. — Повторяю, — это одни, но не одни и одни и те же науки. Но вместе они существуют взаимодополнительностью каждой из них из них каждой, что позволяет им существовать в обществознании двуединой наукой концептуально фундаментальной и фундаментально концептуальной. Следовательно, если строго точно соблюдать логику — соблюдать же необходимо, — то такая наука, как политическая экономия, своим названием отражает, да и то не полностью, только одну политическую сторону способа существования общества, — сторону экономическую. Это столь же верно, как верно обозначать экономику в обществе и

общество в экономике, но неверно обозначать экономику общества и общественную экономику.

Вот почему необходимо различать социально-экономические условия в обществе, — здесь экономическое подчинено социальному, и условия экономически-социальные в обществе, — здесь уже социальное подчинено экономическому. Здесь, если что-то экономически саморазвивается, то оно же организуется исключительно социально. Если же что-то социально саморазвивается, то оно организуется исключительно экономически. И с точностью прямо наоборот. Если что-то самоорганизуется экономически, то оно же развивается исключительно социально. Если же что-то самоорганизуется социально, то оно же развивается исключительно экономически. Здесь развитие существует саморазвитием, но существует саморазвитием организации. Здесь организация существует самоорганизацией, но существует самоорганизация развития. Здесь не только экономическое и социальное, но развитие и организацию запрещено отделять необъединяемым. Все это уже принципиально важно знать и понимать современному исследователю политической экономии общества, ибо здесь его философским основанием существует диалектическая метафизика — метафизическая диалектика.

Значение термина «равновеликость» требует с самого начала внести еще одно уточнение. Коль скоро гносеологическим основанием моего исследования существует неклассическая гносеология идеалистического материализма и материалистического идеализма, то материальное и идеальное в моем исследовании столь же равновелики, как и прочие противоположности, если, конечно, речь идет о противоположностях социальных и экономических, не противоречащих логике самой диалектики. Поэтому здесь и везде идеальное материально, а материальное идеально. Подчеркиваю. Это не я в своем желании соединяю материальное и идеальное в материально идеальное и идеально материальное, а таково условие неклассической гносеологии, а она, выполняя логику Науки в научности Логике ее же самой, и не может быть иной. Поэтому, если кажется, что именно я их соединяю, то это все только кажется, и не более того. Конечно же, равновеликость проявляет себя повсеместно и там только и только там, где речь идет о противоположностях и их единстве. Разумеется, что концептуальной вершиной фундаментальности противоположности и фундаментальной вершиной концептуальности противоположности существует противоположность между «противоположностью» и «тождеством».

Диалектика, по вполне понятной причине, не может посмотреть с противоположной стороны на саму же себя. Вот почему до открытия «тождества» в категориальном качестве противоположности «противоположности» дело так и не доходит в диалектике. Поэтому для самой диалектики не существует вопроса, существует ли философия, диалектически противоположная «диалектике»? — Однако этот вопрос, пусть не у диалектики,

но существует в философии, и ответ у него есть. — Не существует! Почему? — Да потому, что существует философия, противоположно тождественная диалектике и тождественно противоположная самой же себе. Имя этой философии «метафизика», как философия.

Метафизика и диалектика — это не диалектические противоположности, и не противоположности метафизические, а противоположности из противоположности «противоположности» и «тождества», но как противоположности тождеств в тождестве противоположностей и тождества противоположностей в противоположности тождеств. Раз так, то метафизика диалектична и диалектика метафизична, как тождество противоположностей в противоположности тождеств, а диалектика метафизична и метафизика диалектична, как противоположность тождеств в тождестве противоположностей. Этой концептуальной формулой существует двуединство диалектики в метафизике и метафизики в диалектике, а так же двуединство развития в организации и организации в развитии. Это и есть философия диалектической метафизики и метафизической диалектики, как неклассическая философия. Здесь диалектика и метафизика существуют не в одном и том же единстве и поэтому существуют двуединством. Все потому, что противоположностью «противоположности» существует «тождество», а единство тождества и противоположности никак не может быть единством диалектическим, ибо диалектическое единство по классическому определению самой диалектики существует единством всех других противоположностей, но не этих. Вот почему диалектика и метафизика существуют в философии друг в друге друг другом, но друг без друга не существуют в философии двуединством ее же самой.

Если противоположности существуют объединением, а тождества существуют разделением, то противоположности тождеств существуют объединением разделения, а тождества противоположностей существуют разделением объединения. Следовательно, объединение разделения в разделении объединения есть концептуальная формула противоположности тождеств в тождестве противоположностей, а разделение объединения в объединении разделения есть концептуальная формула тождества противоположностей в противоположности тождеств. Все это следует из единства «противоположности» и «тождества», как противоположности самой противоположности. Здесь полностью исчерпывает плодотворность себя самой диалектическая формула единства противоположностей и здесь начинается плодотворность формулы двуединства противоположности в «противоположности» и «тождества». Именно этой концептуальной формулой описывается способ существования общества, а общественное существо этого способа вписывается именно в эту концептуальную формулу. Вот почему, если продолжать описывать и вписывать природу общества и общественную природу в диалектическую формулу единства противоположностей, то она подобно прокрустову ложу сначала отрубит природу от общества, а затем и общество от природы. Вот почему без неklas-

сической философии диалектической метафизики и метафизической диалектики, общественнознанию, как фундаментальной науки, здесь никак не обойтись.

Оказывается, что метафизика в диалектике и диалектика в метафизике находятся между собой в отношениях противоположности тождества в тождестве противоположностей и тождества противоположностей в противоположности тождеств. — Так открываются философия метафизической диалектики и диалектической метафизики и философия диалектической метафизики и метафизической диалектики. Эти философии не порождают антагонистических противоречий между метафизикой и диалектикой, и не расставляют себя в философии по разные стороны баррикады в борьбе между собой. Наконец-то, диалектика и метафизика оказываются вместе по одну сторону баррикады, в центре которой — Истина в ложности и Ложь в истинности из двуединства их же самих. Вместо того, чтобы бороться между собой, теперь диалектика и метафизика вместе идут в бой за Истину во лжи и Ложь в истине. — Таковыми существуют диалектика и метафизика в философии метафизической диалектике и диалектической метафизике и в философии диалектической метафизики и метафизической диалектики. Метафизика в диалектике дополняет диалектику развития самоорганизацией развития, тогда как диалектика в метафизике дополняет метафизику саморазвитием организации. Их взаимодополнительность существует, хотя, конечно же, и не очевидна в явлениях их же самих. Что ж, так и должно быть, коль скоро сущность не совпадает с явлением. Здесь метафизика и диалектика существуют равновеликими.

Никакая организация не может существовать неизменяемостью существа естества ее же самой, не имея саморазвития естества существа ее же самой. Никакое развитие не может существовать изменяемостью естества существа самого же его, не имея самоорганизации существа естества самого же его. Диалектика, существуя независимо и в этом отношении отдельно от метафизики, не ошибается, обвиняя метафизику в отрицании развития, а метафизика, существуя независимо и в этом отношении отдельно от диалектики, не ошибается, обвиняя диалектику в отрицании организации. Действительно, метафизика, отстаивая абсолютную, подчеркиваю, абсолютную идею неизменности организации природы от века ее же самой, тем самым отрицает саморазвитие природы, а диалектика, отстаивая абсолютную, подчеркиваю, абсолютную идею изменяемости природы в веках ее же самой, тем самым отрицает самоорганизацию природы. Диалектика и метафизика, благодаря абсолютной отдельности друг от друга, быть другими и не могут. Только с обнаружением развития природы в самоорганизации развития ее же самой, и только с обнаружением организации природы в саморазвитии организации самой же ее становится понятно, что организация существует организацией саморазвития ее же самой, а развитие существует самоорганизацией развития самого же его. Поэтому абсолютизация развития может быть только за счет нивелирова-

ния организации, а абсолютизация организации может быть только за счет нивелирования развития. Что и наблюдается в отдельных друг от друга диалектики и метафизике. С преодолением абсолютности каждой из них не в относительности, а относительной абсолютности, как метафизики в диалектике, и с преодолением из них каждой не в абсолютности, а абсолютной относительности, как диалектике в метафизике, абсолютизация любой философии представляется ограниченной вдвойне. Вот почему с преодолением абсолютизации собственных мировоззрений, метафизика и диалектика не проигрывают друг другу, а выигрывают обе. Выигрывают же они обе в равновеликости самоорганизации в развитии и саморазвития в организации.

Исследуя ранее «научность», я ни словом не обмолвился об «истинности», хотя эти сущности уж точно взаимосвязаны, но как, — это проблема, которая нуждается в доказательстве ее решения. Теперь настало время и ее решения. Гносеология, будучи мировоззренческим основанием природы человеческого познания, так или иначе, но вынуждена сталкиваться с решением проблемы «истинности» самого познания и знания истины в нем же самом. Прежние, то есть классические гносеологии, решали эту проблему одним, но не одним и тем же способом.

Если познание материалистическое, то материалистические и знания в нем — это и есть гносеологическая, подчеркиваю, гносеологическая истинность знания. Если есть реальность материалистическая, и существует она независимо от природы человеческого познания, то должна существовать и истина, независимая от природы человеческого познания. Эта истина существует, и существует она объективной истиной в познаваемой человеком природе. На самом же деле, эта истина субъективно существует объективной истиной. Если же есть реальность материалистическая, и существует она зависимо от познаваемой человеком природы, то должна существовать и истина, зависящая от познаваемой человеком природы. Эта истина существует, и существует она субъективной истиной в природе человеческого познания. На самом же деле, эта истина объективно существует субъективной истиной. — Таковы материалистические истины в гносеологических координатах материализма.

Если познание идеалистическое, то и идеалистические знания в нем — это и есть гносеологическая, подчеркиваю, гносеологическая истинность знания. Если есть реальность идеалистическая, и существует она зависимо от природы человеческого познания, то должна существовать и истина, зависящая от природы человеческого познания. Эта истина существует, и существует она субъективной истиной в познаваемой человеком природе. На самом же деле, эта истина объективно существует субъективной истиной. Если же есть реальность идеалистическая, и существует она независимо от познаваемой человеком природы, то должна существовать и истина, независимая от познаваемой человеком природы. Эта истина существует, и существует она объективной истиной в природе человеческого

познания. На самом же деле, эта истина субъективно существует объективной истиной. — Таковы идеалистические истины в гносеологических координатах идеализма.

Мало того, что этого рода «истинности» логически противоречат друг другу. — Иначе и не может быть, коль скоро они происходят из альтернативных ответов на один и один и тот же основной гносеологический вопрос. К тому же, этого же рода «истинности» происходят из тождественно противоположных сторон материализма и идеализма, — где материализм существует «независимостью», там «зависимостью» существует идеализм. К тому же, этого рода «истинности» происходят из противоположно тождественных сторон идеализма и материализма, где идеализм существует «независимостью», там «зависимостью» существует материализм. Вот почему, где объективная истина субъективна в материализме, там, но в идеализме субъективная истина объективна. Где же в идеализме объективная истина субъективна, там же, но в материализме субъективная истина объективна. То и другое одинаково научно ущербно, но с тождественно противоположных гносеологических сторон и сторон гносеологических противоположно тождественных.

Вот почему сами по себе материализм и идеализм еще не означают, что добытое знание, например, наукой физикой, есть истинное и научное физическое знание. Физика может добыть ложное и ненаучное физическое знание, но оно добыто физикой на дороге материалистического познания. Немудрено. — Ведь кроме зависимости, и независимость присутствует в материализме. Физика может добыть истинное и научное физическое знание на дороге идеалистического познания. Немудрено. — Ведь кроме независимости, и зависимость присутствует в идеализме. Получается, что одного только материализма или одного только идеализма еще недостаточно, чтобы физическое знание было бы истинным и научным в физической науке. Так в любой науке, в том числе и в политической экономии. Оказывается, сам по себе материализм и идеализм сам по себе не гарантируют наукам их научную истинность и истинную научность в добытых ими знаниях. Что же материализм и идеализм им гарантирует, то только материалистическую их истинность либо их истинность, но идеалистическую. Эти же истинности не совпадают с истинностью научной. В этом-то и суть дела логической противоречивости сотрудничества классической гносеологии с наукой, разодранной непримиримостью идеализма и материализма.

Если нечто существует независимым от человеческого познания, то это нечто заранее наукой непознаваемо. Почему, понятно. Если же материализм в науке по факту все-таки познает нечто материалистическое, то это уж точно «чудо». Почему? Да потому, что здесь научная познаваемость природы заранее запрещена независимостью познаваемой природы от природы познания, но на деле она каким-то чудом разрешается. Именно в силу этой материалистической причины Эйнштейн утверждал: — «Сам

факт, что совокупность наших чувственных восприятий с помощью мышления ...может быть приведена в порядок, является, по-моему, поразительным, и мы никогда его не поймем. Мы можем сказать, что «вечная загадка мира — это его познаваемость. ...Сам факт этой познаваемости представляется чудом»». /11. с. 201/. На самом же деле, никакого чуда нет в факте познаваемости природы.

Материализм в науке познает только зависимое, а зависимым здесь существует природа познания от познаваемой природы. Идеализм в науке познает только зависимое, а зависимым здесь существует познаваемая природа от природы познания. Материализм и идеализм вместе в науке познают зависимую от природы познания познаваемую природу и зависимую от познаваемой природы природу познания. Поэтому вместе они познают взаимозависимое, как познаваемую природу в природе познания, так и природу познания в познаваемой природе. Познаваемость мира объясняется, и объясняется Наукой в логике и Логикой в науке. Поэтому никакой загадки и, тем более, вечной загадки здесь нет в факте познаваемости природы. Чуда, разумеется, здесь так же нет. Однако, как только материализм извлекается из независимости познаваемой природы от природы познания, и этого рода материализм увлекается наукой в качестве инструмента познания мира, так сразу же в материалистической науке возникает проблема познаваемости из непознаваемости ее же самой. В этот «чудесный» капкан как раз и попал Эйнштейн.

Не имея принципиальной возможности получить теоретически доказательный ответ на вопрос, как же материалистическое познание, будучи независимым от познаваемой природы, тем не менее по эмпирическому факту все — так положительно познает природу, материализм предлагает наукам формулу, заменяющую ответ на уже известный вопрос. Здесь критерием истинности знания и научности науки существует опыт естественный. Не имея принципиальную возможность получить теоретически доказательный ответ на вопрос, как же идеалистическое познание, будучи независимым от познаваемой природы, тем не менее по эмпирическому факту все — так положительно познает природу, идеализм предлагает наукам формулу, заменяющую ответ на уже известный вопрос. Здесь критерием истинности знания и научности науки существует мыслительный опыт. Опыт естественный и мыслительный опыт — не есть одно и одно и то же! Опыт материализма и идеализма опыт противоположен из них в каждом каждому из них. Такова плата за абсолютную отдельность друг от друга материализма и идеализма. Что есть правда и на самом деле.

Правда же оказалась еще и в том, что человек исторически раньше приступил к познанию природы естества в самом же себе и себя самого в природе естественной, нежели к познанию природы общества в самом же себе и себя самого в общественной природе. По этой причине, естествознание гораздо раньше превратило себя из естествоведения в естествознание, тогда как исторический процесс превращения обществоведения в об-

ествознание не завершился в науке еще до сих пор. По этой причине научный, гносеологический и философский авторитет естествознания в глазах общественных наук куда более высок, нежели все то же самое, но с точностью до наоборот. Учитывая, что науки естествознания, будучи эмпирическими и описательными, гносеологически оказались более близки материализму, нежели идеализму, то материалистическая формула верховенства опыта в знании над знанием в опыте сначала проникла в естествознание, а из него и в общественные науки. Авторитет он и есть авторитет. В фундаментальной науке, если он сам по себе и имеет положительный смысл, то только отрицательный. — Это есть гносеология фундаментальной науки, но не эту гносеологию исповедуют описательные науки и науки эмпирические, в том числе и ученые и из общественных наук. Поэтому они с легкостью заимствуют у естествознания его гносеологическую формулу истинности познания и знания в нем же самом. Она в сути все такая ж, хотя и выглядит в общественном знании несколько иначе. — «Практика человеческого общества — есть критерий истинности познания человеческого общества и знания в нем о нем же самом». Что мне сказать по этому поводу, кроме того, что я уже доказал здесь и другими опубликованными моими исследованиями. Все же, эта проблема сосредоточивает в себе и на себе сосредоточивает столь фундаментальную концептуальность и концептуальную фундаментальность естествознания, как фундаментальной науки, что не грех кое в чем и повториться из уже опубликованного мною на этот же счет.

Гносеология материализма, если не на словах, то на деле, конечно же, понимала, что нельзя безусловно доверяться эмпирическому факту познаваемости природы, не имея теоретической конструкции доказательства того же самого. Раз так, то в гносеологии материализма должно присутствовать что-то иное в качестве доказательства познаваемости природы, чтобы заменить им отсутствие теоретического доказательства того же самого. Житейская мудрость привела гносеологию материализма к гносеологической формуле, что Опыт есть критерий Истины. Теоретического доказательства познаваемости природы здесь уже не требуется, поскольку сам опыт ее познаваемости заменяет его. Теоретического доказательства истины здесь так же уже не требуется, поскольку опыт заменяет его. На самом же деле, здесь опыт подменил, а не заменил теоретическое доказательство истины.

Материализму надо бы фундаментально исследовать сам же опыт на теоретическую надежность и истинность самого же его в качестве критерия истины, тогда от материализма не ускользнуло. — Опыт по определению не существует будущим временем во времени настоящем, поскольку опыт таков, каков он есть, а он всегда и везде существует прошлым временем во времени настоящем. Истина же принадлежит будущему, поскольку любое Ее настоящее еще далеко от истинности Ее же самой. Вывод неизбежен: в интервале «прошлое — настоящее — будущее» логика

запрещает Опыту существовать критерием Истины. Вместе с тем, логика разрешает Опыту существовать критерием Лжи, которая является, подчеркиваю, является заблуждениями и ошибками, но существует-то, подчеркиваю, существует-то Она истинностью Ее же самой не в заблуждениях и ошибках, а в причине, их порождающей. — Являясь критерием Лжи, Опыт прошлым себя самого в самом себе же настоящем собою же доказывает факт явления Лжи заблуждениями и ошибками, но сам опыт не открывает заблуждениям и ошибкам истинной причины, породивших самих же их. Почему? — Да потому, что истинная причина заблуждения лежит не в явлениях Лжи, а в Ее сущности, а она принадлежит Истине, раскрыть которую сам опыт уже никак не может, поскольку Опыт принадлежит прошлому времени во времени настоящем, а Истина принадлежит будущему времени во времени настоящем. Настоящее связывает Опыт и Истину, но с противоположных временных сторон.

Ложь и Истина — это неразделимые две стороны одной и той же «медали», которая существует «человеком» в не одном и том же единстве человека в природе — природы в человеке. Ложь и Истина не противостоят друг другу, как абсолютные противоположности, ибо каждая из них существует не абсолютностью самой же себя в себе же самой абсолютной, а абсолютностью в относительности друг к другу, и относительностью в абсолютности друг в друге. Ложь и Истина суть равновелики. У Лжи обязательно присутствует момент истинности и поэтому Ложь истинна, но и у Истины обязательно присутствует момент ложности и поэтому Истина ложна. Поэтому с открытием ложности Истины, Истина не превращается в Ложь, но превращается в заблуждение без знания причины его самого. Поэтому с открытием истинности Лжи, Ложь не превращается в Истину, но превращается в заблуждение уже со знанием причины его самого.

Следует также иметь в виду логику. — Если опыт является критерием Истины, то опыт тогда есть критерий истинности и самого же себя, но тогда истинность есть то же самое, что и опытность, но сказанное другим словом. Коль все так и есть в логике материализма, то проблема критерия Истины посредством опыта снимается в материализме тождеством опыта и истины. Ошибаясь при постановке проблемы, неотвратимы заблуждения при ее же решении. Гносеология материализма как раз оказалась в капкане такого обыденного рода. Обыденный человек и описательная наука так и мыслят. Однако наука фундаментального порядка так точно уж точно не мыслит, иначе человечество могло бы обойтись и без нее, ограничившись только обыденным опытом и описательными науками. Фундаментальная Наука необыденна по определению. Поэтому и научный опыт у нее противоречит обыденному опыту. Опыт нужен фундаментальной науке, но не он существует критерием истинности ее же самой. Кроме фундаментальной науки, ничто другое не вносит в опыт опровержение его самого открытием истинных причин заблуждений и ошибок, присутствующих в настоящем опыте опытом прошлого его самого. У опыта есть будущее в

эмпирических науках, но не этим временем, а временем прошлым опыт существует во времени настоящем фундаментальной науки. Таков опыт, если исследовать его не глазами, зашоренными марксистской идеологией и гносеологией материализма, а мыслительным зрением логики фундаментальной науки, которая формирует опыт дня завтрашнего, каждый раз в настоящем по крупице выдавливая обыденную ограниченность его са-
* мого из прошлого в настоящем самого же его. Если не знать всего этого, то опыт экспериментальной науки и науки описательной обязательно обманет фундаментальную науку в опыте ее же самой, но откроется все это самой фундаментальной науке далеко не сразу. Иногда может потребоваться не один десяток лет. Поэтому эксперимент в опыте и опыт в эксперименте никак не могут быть абсолютными критериями самой Истины. Но критериями абсолютно относительными они вполне могут быть, но уже не самой Истины, а ошибок и заблуждений на ее счет. Но при этом должны быть теоретически строго доказаны условия проведения самого эксперимента в опыте и опыта в эксперименте. Иначе может быть беда, а то и катастрофа.

Почему я специально затронул этот универсальный вопрос? Находясь в авторитарной власти естествознания, общественные науки, теоретически обобщающие ее гносеологию и примеряющую ее на самих же себе, заранее оказывается в плену гносеологии самого же естествознания, где «опыт есть критерий истины», — и в этом есть гносеологическая истина естествознания. Все то же самое в общественных науках уже означает, что «практика есть критерий истины», — и в этом есть гносеологическая истина обществознания. «Опыт» и «практика» есть по смысловому содержанию одно и одно и то же, но сказанное не одним и одним и тем же словом. Если логика, требующая от естествознания использовать гносеологическую формулу «опыт — есть критерий истины» есть порочная логика, то и гносеологическая формула «практика есть критерий истины» есть так же порочная логика. С теоретическим доказательством, что не опыт и не практика существует критерием истины, проблема теоретического доказательства способа существования человеческого общества в его различных исторически содержательных формах и формальных содержаниях принимает принципиально иной постановочный вид, нежели все то же самое, но в марксистской политической экономии. Что открывает в ученых из общественных наук принципиально новую парадигму их общественного и научного самосознания. Здесь нет ни классической философии и гносеологии классической здесь нет. Зато здесь есть и научно плодотворно предлагают себя естествознанию и обществознанию неклассическая гносеология материалистического идеализма — идеалистического материализма и идеалистического материализма — материалистического идеализма. Здесь так же научно плодотворно предлагают себя обществознанию неклассическая философия диалектической метафизики — метафизической диалектики и метафизической диалектики — диалектической метафизики. Об

этих философиях следует сказать несколько подробнее, ибо здесь, то есть в обществознании, у неклассической философии есть своя «заморочка». — Оказывается, философия метафизической диалектики — диалектической метафизики и философия диалектической метафизики — метафизической диалектики есть не одна и одна и та же философия!

Примеры не одного и того же единства диалектики в метафизике и метафизики в диалектике существуют равно как в обществознании, так и в естествознании. Правда, до сих пор они оставались незамеченными, ибо не все то замечается только зрением в мышлении, что видится вместе мышлением в зрении и зрением в мышлении. Человеческое общество, — все равно, первобытное, рабовладельческое, феодальное, капиталистическое или даже социалистическое оно, — есть одно и то же человеческое в человеческом обществе и одно и то же общественное в общественном человеке. Почему? — Одним и одним и тем же фундаментом для их всех существует двуединство человека с человеком, как общественное их единство и единство их человеческое. Без этого двуединства нет человеческого в человеческом обществе и нет общественного в общественном человеке. Именно этим двуединством общество существует неизменно человеческим организмом от века его самого, а человек существует неизменно общественным организмом от того же самого века его самого. Здесь ничего не изменяется в человеческом из человеческого общества и в общественном из общества человеческого. Поэтому здесь торжествует метафизика!

Первобытное, рабовладельческое, феодальное или капиталистическое общество социально-экономически и экономически-социально исторически есть не одно и то же человеческое в человеческом обществе и не одно и то же общественное в общественном человеке. Почему? — Да потому, что фундаментом каждого из них существует не один и один и тот же способ социально-экономический и экономико-социальный способ существования общества каждого из них из них в каждом. Без узнаваемости организации этого способа в саморазвитии его самого невозможно распознать социальное в экономическом развитии и экономическое в социальном развитии человеческого общества от состояния первобытного до социалистического состояния его самого. Именно этим саморазвитием существует человеческое общество от века его самого и до настоящего времени в нем же самом. Здесь со сменой социально-экономического и экономически социального способа существования общества каждый раз исторически изменяется и социально-экономическая и экономически социальная самоорганизация самого общества.

Здесь все изменяется в человеческом из человеческого общества и в общественном из общества человеческого. Поэтому здесь торжествует диалектика!

Надо быть слепым, чтобы не заметить. — С социально — экономической изменяемостью и изменяемостью социально-экономической способа существования самого общества, само общество остается неизменным

именно в человеческой самоорганизации его самого человеческим обществом и именно в общественной самоорганизации самого же его обществом человеческим. — Здесь метафизика существует в диалектике единством диалектической метафизики, как единством «саморазвития организации». Есть в диалектике момент метафизики! — Но здесь метафизика подчинена диалектике. Вместе с тем, с исторической неизменностью человеческой самоорганизацией общества в естественной организации человека человеком естественным и исторической неизменностью общественной самоорганизацией общества в общественной организации человека человеком общественным исторически изменяются статус социально-экономический человека и человеческий экономически социальный статус. — Здесь диалектика существует в метафизике единством метафизической диалектики, как единством самоорганизации развития. Есть в метафизике момент диалектики! — Но здесь диалектика подчинена метафизике. Обществознание, если оно не обществоведение, существует философией, но не марксистской философией исторического материализма, а философией диалектической метафизики — метафизической диалектики, как неклассической философией. Пример другой.

Естественная природа, — независимо, существует ли она физическим единством геометрического пространства, или геометрическим единством физического пространства, химическим единством физического пространства или физическим единством химического пространства, — есть одна, хотя и не одна и та же природа естества. Почему? Да потому, что фундаментом их всех существует пространственное двуединство природы в виде пространственного единства природы естества с естественной природой ее же самой и единства естественной природы пространства с пространственной природой естества самой же ее. Именно этим пространственным двуединством Природа существует естественной от века ее самой, а естество существует природой от века его самого. Здесь от естественного века самой природы и до настоящего времени ее самой ничего не меняется в природе естества самой же ее. Здесь торжествует метафизика!

Физическое единство геометрического пространства и геометрическое единство физического пространства, химическое единство физического пространства и физическое единство химического пространства есть не одно и то же пространственное единство природы естества в естественной природе ее же самой. Почему? Да потому, что фундаментом каждого из них существует не один и тот же способ самоорганизации пространства из пространства организации его самого из них в каждом. Так, например, физическое единство геометрического пространства и геометрическое единство физического пространства существуют атомистикой пространства из пространственной атомистики самого же его. Тогда как химическое единство физического пространства и физическое единство химического пространства существуют молекулярностью пространства из пространственной молекулярности его же самого. Здесь имеет место развитие в са-

моорганизации единства природы естества с естественной природой ее же самой от одного уровня к уровню иному. Здесь торжествует диалектика!

Надо быть слепым, чтобы не заметить. — Сама природа пространства остается неизменной в естественности пространства ее самой, а само пространственное естество неизменным остается в пространственной природе его самого и с изменяемостью способа самоорганизации пространства природы естества в естественной природе пространства его самого. Здесь единство диалектики в метафизике существует метафизической диалектикой, как самоорганизацией развития. Есть в метафизике пространство диалектики! — Но здесь диалектика подчинена метафизике. С изменяемостью способа самоорганизации пространства природы естества в естественной природе пространства его самого сама природа пространства остается неизменной в естественности пространства ее самой, и само пространственное естество остается неизменным в пространственной природе его самого. Здесь единство метафизики в диалектике существует диалектической метафизикой, как саморазвитием организации. Есть в диалектике пространство метафизики! — Но здесь уже метафизика подчинена диалектике. Естествознание, если оно не природоведение в описательных науках, а естествознание из фундаментальных наук, то существует философией, но не классической философией диалектического материализма, а философией метафизической диалектики — диалектической метафизики, как неклассической философией.

Я не случайно привел концептуальные примеры фундаментального порядка из естествознания и из обществознания. Надо быть гигантски осторожным, чтобы не перепутать и тем самым не отождествить философию диалектической метафизики — метафизической диалектики с философией метафизической диалектики — диалектической метафизики. Это не одна и одна и та же философия!! — Первая одна философия есть философия человека в обществе — общества в человеке, где имеет место метафизическое тождество в противоположности диалектики, а философия одна другая есть философия природы в человеке — человека в природе, где имеет место противоположность метафизики в диалектическом тождестве. Обе философии соотносятся друг с другом, как первая одна — прямо обратная философия, тогда как первая другая — это обратно прямая философия. Обе философии взаимодополнительны. Обе философии равновелики. Здесь не арифметика. Здесь от перестановки мест слагаемых изменяется не только сумма.

Дело в том, что природа естества разнопространственно существует не одним и тем же пространственным единством с естественной природой пространства ее самой от века ее же самой. Это означает, что сама природа, существуя разнопространственным пространством, во времени пространственным единством не существует. Иначе пришлось искать природу вне пространства и пространство вне природы, чтобы они уже во времени соединились единством пространства природы естества в естествен-

ной природе пространства ее же самой. Природа вне пространства и пространство вне природы — это уже мистическое пространство и природа мистическая. Поэтому было бы противоестественным утверждать, что пространственная самоорганизация единства самой природы в не одних и тех же организационных пространствах самой же ее есть развитие пространства во времени и поэтому предполагает существование предыдущего уровня организации пространства единства природы с самою собой раньше, нежели уровня, следующего за ним. Подобное предположение, имея оно место в фундаментальном естествознании, есть концептуальное заблуждение, причем фундаментального порядка, и оно же есть фундаментальное заблуждение концептуального порядка.

Естественная природа в единстве с природой естества от века ее самой! сразу существует, подчеркиваю, существует сразу всеми пространственными уровнями самоорганизации ее пространства. Поэтому атомный уровень самоорганизации не произошел раньше молекулярного, а молекулярный уровень самоорганизации пространства не произошел позже атомного. Вместе они тоже не произошли, поскольку природа существует ими же от века ее же самой, а сами они существуют природой от века самих же их. Здесь нет пространства для времени! Здесь диалектика саморазвития организации имеет пространственное место, но в этом месте пространства отсутствует время. Иначе говоря, природа существует пространством, но не существует историей. Здесь господствует метафизическая диалектика над диалектической метафизикой. Вот почему философия прямо обратного двуединства прямого единства естественной природы с природой естества ее же самой и обратного единства природы естества с естественной природой самой же ее есть философия метафизической диалектики — диалектической метафизики. Нетрудно догадаться, что все то же самое, но в обществе, существует с обратной точностью прямо наоборот. — Здесь действует философия прямо обратного двуединства диалектической метафизики — метафизической диалектики.

Общество не существует исторически сразу всеми социально—экономическими и экономически социальными способами существования самого же себя, поскольку смена одного способа способом другим производится исторической заменой одного способа способом другим. Здесь диалектика развития социального пространства имеет временное место, но в этом месте времени отсутствует естественное пространство. Иначе говоря, общество существует историей, но история не существует природой естества. В природе общества господствует диалектическая метафизика над метафизической диалектикой, тогда как в природе естества метафизическая диалектика господствует над диалектической метафизикой. Вот почему философия диалектической метафизики — метафизической диалектики и философия метафизической диалектики — диалектической метафизики есть не одна и одна и та же философия. Стоит только их перепутать, так сразу же природа общества в общественной природе ее же самой

перепутается, именно перепутается, с природой естества в естественной природе самой же ее. Если же их не перепутывать, то они уж точно существуют взаимодополнительными философиями и разделяемо их объединяет естественность человека в человеке общественном, а объединяемо их разделяет человек общественный в естественном человеке. Так что от перестановки мест здесь все принципиально изменяется, и не только в сумме. Если уж кто-то полагает, что перестановка мест ничего не изменяет не только в арифметической сумме, что ж, пусть оставит себе именно это арифметическое мировоззрение, ибо оно уж точно комфортнее для подавляющего большинства земного населения в настоящем времени его бытия.

Несчетное число раз философы говорили и писали о том, что истинная постановка проблемы — это уже половина от проблемы ее научного решения, тогда как ложная постановка, согласно выражению Канта, — это то же самое, когда один, сменяя другого, поочередно доят козла, а другой, сменяя одного, поочередно держат под ним решето. Однако дальше разговоров и благих пожеланий на этот счет дело исторически не шло раньше, да и теперь дальше того же самого не идет. Никто из философов так и не сформулировал философскую проблему постановки научной проблемы, равно как не сформулировал научную проблему постановки философской проблемы. Есть ли причина? — Оказывается, есть и даже не одна!

Причина первая одна — это доказательно объяснимая в гносеологии концептуальная ограниченность фундаментальности классической философии и доказательно объяснимая в философии фундаментальная ограниченность концептуальности классической гносеологии. С философской помощью классической гносеологии и с гносеологической помощью классической философии даже не сформулировать философскую проблему постановки научной проблемы и даже не сформулировать научную проблему постановки философской проблемы. Причина — ненаучность из них каждой в каждой из них научности.

Следовательно, причина первая вторая — это сама же Наука, которая обязана формулировать собственную научность не аксиоматикой, а теоретическим доказательством научности ее самой в Логике науки из Науки логики самой же ее. С получением таких доказательств от науки, Логика науки из Науки в логике доказывается научной, если наукой, как исследовательским субъектом, соблюдается условие обнаружение субъекта в сущности исследуемого объекта, и если наукой, как объектом исследования, соблюдается условие обнаружение объекта в сущности исследуемого субъекта. До сих пор Наука не утруждала себя теоретическим доказательством того же самого, ссылаясь в качестве доказательства собственной научности либо на материализм в ней же самой, либо на идеализм в самой же ней.

Причина первая третья — это теоретически доказательно объяснимая в неклассической гносеологии концептуальная ограниченность фундаментальности Науки, если наука фундаментальная есть специализированная

наука, и теоретически доказательно объяснимая в неклассической философии фундаментальная ограниченность концептуальности Науки, если наука концептуальная есть наука специализированная. Специализированная наука заранее отказывает себе же самой в праве сформулировать постановку проблемы, фундаментальность которой была бы шире специализации науки в самой же нее, что, разумеется, отрицательно сказывается на концептуальной глубине самой же ее. Любой специализированной и в этом отношении отдельной фундаментальной науке по определению ее наукой отдельной недостает фундаментальности в собственной концептуальности, чтобы выделить из нее концептуальность еще большей фундаментальности, и поэтому же определению ей недостает концептуальности в собственной фундаментальности, чтобы выделить из нее фундаментальность еще большей концептуальности. Причина одна, но на всех. — Отдельность фундаментальной науки, как ее специализация без универсальности самой же ее не в ее же самой специализации.

В своем обыденном явлении этот факт представляется науке вполне логически обоснованным, — как же без специализации познания познавать природу естества или общественную природу?! Ведь в самом разделении человеческого познания на познание природы естества, — в виде естествознания, — и на познание природы общественной, — в виде обществознания, — уже содержится специализация познания. Что же тогда говорить о самом естествознании или о самом обществознании. — Здесь так же без специализации познания никак не обойтись. Раз так, то специализация — это вечный спутник человеческого познания. Конечно, специализация, кроме положительной своей стороны, имеет сторону и отрицательную. Однако ж выхода здесь нет, — с присутствием отрицательной стороны придется смириться. — Подобного рода рассуждения есть исторически сложившееся правило в науке, ставшее со временем парадигмой самой же ее.

Маркс был не исключением, подчеркивая, что «...без ограничения сферы деятельности нельзя ни в одной области совершить ничего значительного». /2 с. 378/. Вместе с тем, Марксу надо было одновременно и в том же самом месте отметить, что само ограничение сферы деятельности концептуально подлежит фундаментальному научному исследованию и фундаментально подлежит концептуальному научному исследованию. Без них, если и представляется что-либо совершить значительное, то разве что ошибку. Причем ошибка будет здесь тем значительнее концептуально, чем фундаментальнее беспринципность «ограничения сферы деятельности», и ошибка будет здесь тем значительнее фундаментально, чем концептуальнее беспринципность «ограничения сферы деятельности». Отметим все это Маркс, он тем самым обязательно совершил нечто значительное в науке, а, именно, открыл, что специализация слепа без универсализации, а универсализация беспомощна без специализации, и поэтому любое ограничение сферы деятельности нуждается в теоретических доказа-

тельстввах самого ограничения из единства специального в универсальном и единства универсального в специальном.

Если должным научным образом исследовать само явление факта «специализации» и, следовательно, открыть его сущность, то сущность как раз и раскроется всем тем, как специализация исчезает из человеческого познания отдельностью его фундаментальных наук. Но специализация вновь возрождается в человеческом познании, правда, уже элементом в элементарной системе человеческого познания и уже системой в системности элемента познаваемого человека. Человеческая природа познания в познаваемой человеком природе превращается в специально универсальную фундаментальную науку и в науку фундаментальную универсально специальную превращается познаваемая человеком природа в природе человеческого познания. Здесь специализация есть элемент в элементарной системе универсального познания, и здесь специализация есть система в системности элемента познания универсального. Здесь специальное существует универсальным в виде прямого единства специального в универсальном, и здесь же универсальное существует специальным в виде уже обратного единства универсального в специальном. Здесь нет места отдельностям, и поэтому нет места и специализации, отдельной от универсализации. Здесь природа познания и познаваемая природа неотделимы друг от друга. Вот почему подлинно научная фундаментальная наука — это наука специально универсальная и универсально специальная наука, как двуединая наука. Такая фундаментальная наука обязательно внешне концептуально открыта в закрытости внутренней концептуальности ее же самой. Поэтому здесь нет слепоты специализации, которая обязательно междисциплинарно присутствует в любой специализированной науке. Поэтому здесь нет беспомощности универсализации, которая обязательно внутридисциплинарно присутствует и в обществознании, и в естествознании присутствует. Выход, следовательно, есть!

Ныне же любая фундаментальная наука, будучи специальной наукой, — я подчеркиваю, фундаментальная наука «любая», так как исключения здесь нет, — еще только определяя специальную область своего исследования, искусственным способом отделяет ее от области, сопряженной с ней способом естественным. Здесь предмет исследования делается отдельной природой без теоретически доказательного объяснения фундаментальной концептуальности и концептуальной фундаментальности всего того, что же есть природа отдельного. Поэтому, глядя друг на друга, специальные фундаментальные науки не видят друг у друга всего того, что их объединяемо разъединяет в концептуальной фундаментальности, а в фундаментальной концептуальности их разъединяемо объединяет. Специально универсальная фундаментальная наука и фундаментальная наука универсально специальная в своем концептуальном двуединстве преодолевают подобную слепоту. Вот еще почему специальная фундаментальная наука, всегда имея предметом своего исследования «отдельную природу»,

склоняется к опоре на классическую гносеологию, опять же выбирая гносеологическую отдельность из них каждой, — материализм либо идеализм, — из них каждой по отдельности в каждой из них.

Появление неклассической гносеологии и неклассической гносеологии вместе с доказательством науки научности ее же самой в логике Науки из Науки в логике ее же самой принципиально изменяет сложившуюся веками ситуацию в отдельных фундаментальных науках. Не без великого труда им придется пересмотреть свои отношения с классической гносеологией и классической философией в пользу отношений с гносеологией неклассической и неклассической философией. К тому же фундаментальным наукам придется пересмотреть свои отношения и с описательными науками и науками экспериментальными. Другой положительной альтернативы у них просто нет.

Почему я говорю об этом именно здесь? — Все дело в том, что природа общества, если уж раскрывается научно человеческому познанию, то научное в человеческом познании уж точно должно быть теоретически доказанным, а не существовать декларативно неким аксиоматическим постулатом. Это, во-первых. Теперь, во-вторых. Все дело еще и в том, что общественная природа, если уж открывается познаваемому человеку, то в зависимости от человеческого познания, но если уж человеческое познание раскрывается общественной природой, то в зависимости от природы общества. Иначе и быть не может, коль скоро человек существует центром общественной природы, а природа общества периферийно существует человеком и, следовательно, они пространственно взаимосвязаны прямо обратным двуединством человека в обществе — обществом в человеке и обратно прямым двуединством общества в человеке — человека в обществе. Получается, что и философия, равно как и гносеология, обязательно должны быть теоретически доказаны и не иначе, как Логикой науки из Науки в логике ее же самой. Без всего этого исследование способа существования общества обязательно будет теоретически неполным в концептуальной фундаментальности и фундаментальной концептуальности его самого.

Если исследовать общество вне исторического контекста, то есть в исторически обезличенном виде его самого, то сам специальный способ существования такого общества есть универсальный способ существования любого общества и поэтому такого рода универсальную сущность представляется возможным обнаружить в исторически любом обществе, как бы специально оно ни называлось. Вот почему я начинаю специально исследовать общество с исследования универсальной сущности его самого, а она, естественно, существует человеком в природе естества, поскольку именно в силу этой универсальной причины общество специально называется человеческим обществом, а не обществом каким-то иным. Поэтому зафиксируем фундаментальность общества именно в этом концептуальном качестве его самого и тем самым согласимся, что любое исторически

обезличенное общество фундаментально существует именно этим концептуальным качеством. Это первый элемент в системности общества, который неизменно присутствует в любом обществе. Какой же второй элемент, коль скоро элементарная система обязательно существует двумя элементами и обязательно тождественно противоположными друг другу и друг другу противоположно тождественными, иначе они не образуют одного, но не одного и того же двуединства.

Второй элемент есть, и существует он концептуальностью общества в фундаментальности человека, и в этом фундаментальном качестве его самого тем самым согласимся, что любое исторически обезличенное общество концептуально существует именно этим фундаментальным качеством. Что же получается? — Получается же вот что. Фундаментальная концептуальность человека и человек из концептуальной фундаментальности его самого самоорганизуется прямо обратным двуединством человека из прямого единства фундаментальности в концептуальности и обратного единства концептуальности в фундаментальности и обратно прямым двуединством человека из обратного единства концептуальности в фундаментальности и прямого единства фундаментальности в концептуальности. В прямо обратном двуединстве человек существует тождеством концептуальности в фундаментальной противоположности, а противоположной концептуальностью в фундаментальном тождестве существует человек в двуединстве обратно прямом. Что же такое «концептуальность» и что же такое «фундаментальность» во всем том, чем человек существует в общественной природе и чем природа общества существует в человеке.

«Фундаментальность» здесь — это естественное качество человека в природе естества, которое делает человека человеком естественным в зрении природы естества из естественной природы ее же самой. «Фундаментальность» здесь — это естественная природа в человеческом качестве естества, которое делает человека человеком разумным в зрении естественной природы из природы естества самой же ее. Фундаментальность, следовательно, не уникальна, не единична, а двойственна в единственности ее же самой. Что ж, поэтому она и познаваема человеком! Именно этого рода двуединая фундаментальность и существует фундаментальностью человеческого в человеческом обществе. — Любого общества!!

«Концептуальность» здесь — это общественная природа в человеческом качестве общества, которое делает человека человеком общественным в зрении природы общества из общественной природы ее же самой. «Концептуальность» здесь — это общественная природа в человеческом качестве общества, которое делает человека человеком разумным в зрении общественной природы из природы общества самого же его. Концептуальность, следовательно, не уникальна, не единична, а двойственна в единственности самой же ее. Что ж, поэтому и она познаваема человеком! Именно этого рода двуединая концептуальность существует концептуальностью общественного в обществе человеческом. — Любого общества!!

Не одно и то же единство концептуальности в фундаментальности и фундаментальности в концептуальности есть существование человека в не одном и одном и том же двуединстве природы естества в общественной природе и естественной природы в природе общества и двуединства естественной природы в природе общества и природы естества в общественной природе. Здесь их двуединства есть двуединство прямо обратное и обратно прямое двуединство. Оказывается, человек, существуя подобным двуединым способом, этим же самым способом двуединым раздваивает и самого же себя в себе же самом. Вот оказывается, почему человек в одиночестве не одинок! Без этого замечательного качества человека общество не существует человеческим обществом, и общество не существует общественным человеком. — Любое общество!

Коль скоро человек только и только человек существует концептуальной фундаментальностью и фундаментальной концептуальностью человеческого в человеческом обществе и общественного в общественном человеке, то, разумеется, исследование того же самого в социально-экономическом порядке общества в общественном порядке экономически социальном его самого требует с самого начала исследовать, «что» же есть здесь экономическое в человеке и социальное есть «что» в нем здесь. Конечно, можно было бы позаимствовать все то же самое из арсенала уже имеющихся определений социально-экономической науки и науки политэкономической. Но, во-первых, в самой политической экономии, — любого классового происхождения, — нет даже намека в определениях всего то же самого. Что же касается социально-экономической науки, то и она в этом аспекте ныне не лучше политической экономии. Хотя у нее и есть определения экономики и социума, но они каждый раз разные, приспособленные к конкретному случаю и не идут дальше очевидного и самому обыденному мышлению, тогда как задачей фундаментальной науки существует смотреть и видеть шире и глубже и поэтому открывать специально универсальное и универсально специальное.

«Экономика» есть естественное качество человеческого мышления из поведения человека, как человека разумного в естестве природы его самого. Человек, существуя мыслящим существом, в существе его самого обладает идеальной составляющей в составляющей его материальную плоть, и обладает плотской материальной составляющей в составляющей идеальность его самого. Мышление есть проявление идеальности в явлении материальности человеческой плоти самой же себе в виде человека. Здесь мышление в идеальности его самого определяет человеческое в человеческом поведении человека, делая его целесообразным и адекватным. Стоит только исключить мышление в идеальности его самого в явлении материальности человеческой плоти, как сама материальность человеческой плоти оказывается «без руля и ветрил», то есть превращается в хаотическое поведение. В сравнении с ним поведение любого животного уж точно представляется упорядоченным, поскольку им руководят биологические

инстинкты, биологически заложенные в него генетически самой биологической природой. Животным управляет сама биологическая природа, тогда как человек выключен из биологической природы управления самой данностью у него мышления, ибо оно уже существует управлением самого человека им же самим. Где существует материальное в идеальном, там поведение подчинено мышлению, но где существует идеальное в материальном, там мышление подчинено поведению. Здесь идеальное и материальное равновелики.

Где поведение подчинено мышлению, там прежде что-либо сделать, человек сначала обдумывает дело в идеальном его представлении, а уж затем своим поведением материализует и само дело. Если поступать с точностью до наоборот, то здесь затраты времени на материализацию одного и одного и того же дела будут более большими затратами времени. Поэтому, где поведение подчинено мышлению, там есть человеческая экономия времени из времени человека, что и есть «экономика» в ее естественно первозданном виде. В зависимости от того, как правильно человек обдумывает дело, зависит больше или меньше человек потратит собственного поведенческого времени на материальное воплощение самого дела. Этим как раз и занимается в человеке идеальная составляющая его материального труда. — Это и есть экономика, как качество естественности человеческого мышления, внедренного в общественную природу уже общественным качеством человеческого мышления, что как раз и превращает экономику из качества естественного порядка в порядок общественного качества экономики, но уже в виде экономики общества. «Экономика» — это время человеческое в человеческом обществе. Ничего другого в сущности экономики нет! Все остальное, что есть в экономике, есть многочисленные различные явления этой двуединой сущности и не более того.

Теперь о социуме. «Социум» есть качество человеческого поведения из человеческого мышления, как разумного человека в природе естества его самого. Человек, существуя существом мыслительным, в существе его самого обладает поведенческой материальной составляющей в составляющей его идеальное мышление, и обладает мыслительной идеальной составляющей в составляющей материальность поведения его самого. Поведение человека есть проявление сущности материальности в явлении идеальности человека самому же себе в виде себя же самого человеком. Здесь человек существует поведенческим единством с самой собой и как прямым единством материального в идеальном, и как обратным единством идеального в материальном, что уже есть двуединство человека. Это поведенческое двуединство человека с самим же собой и есть «социум» в первозданном виде естества его самого. Где поведение общества есть проявление сущности общественного труда в труде общества из явления общества самому себе в виде себя самого обществом из объединительного разделения общественного труда и из разделительного объединения труда общественного, там «социум» — это двуединство общества с самим же

собой. Но здесь «социум» существует в первозданном общественном виде самого его. «Социум» — это пространство человеческого в человеческом обществе. Ничего другого в сущности социума нет! Все остальное, что есть в социуме, есть многочисленные различные явления этой двуединой сущности и не более того.

«Социум в экономике» есть противоположности тождества пространства человеческого в человеческом времени, но как экономика в социуме, они есть противоположность тождеств человеческого времени в пространстве человеческого. Если «экономика» есть идеальная производная от прямо обратного двуединства материального труда в труде идеальном и труда идеального в материальном труде, то «социум» есть материальная производная от обратно прямого двуединства труда идеального в материальном труде и материального труда в труде идеальном. Вот почему социально-экономическое/не есть то же самое, что экономически социальное. В любом обществе!

Природа бесконечна в явлениях ее самой. Однако сущность не только в качестве, но и в количестве не совпадает с явлением и, в том числе, потому, что одна и та же единичная сущность объясняет множество не одних и тех же явлений. Чем фундаментальнее единичная сущность, тем большее множество явлений она объясняет. Поэтому, если явлений бесконечное множество, то количество фундаментальных сущностей суть не бесконечно, а конечно и, следовательно, фундаментальная проблема научного определения их количества концептуально существует и не иначе, как системно элементарным образом в образе элементарно системном и элементарно системным образом в образе системно элементарном.

Элементарная система, если существует, то максимальное количество ее системных элементов минимально и максимально равно двум. Не больше, но и не меньше. Системный элемент, если существует, то минимальное количество его элементарных систем максимально и минимально равно двум. Не меньше, но и не больше. Единство элементарной системы в системном элементе и единство системного элемента в элементарной системе, если существуют системой двуединства, то количество ее элементов не может быть больше или меньше двух. Это означает, что любой уровень самоорганизации двуединства природы с самою собой включает в себя 6 составляющих. — Первые 2 описывают системную элементарность единства естественной природы с природой естества ее же самой, вторые 2 описывают элементарную системность единства природы естества с естественной природой самой же ее, а третьи 2 описывают их двуединство. Это же означает, что число «6» есть математическое выражение общего количества составляющих качество любого уровня самоорганизации двуединства природы с самою собой. Это же означает, что число качественно не одних и тех уровней в самоорганизации единства природы с самою собой так же равно «6». /13. с. 70-87/. Иначе не может быть, так как природа естества в естественной природе ее же самой элементарно системна в спе-

циальной универсализации и универсально специализирована в системной элементарности опять же она, но как естественная природа в природе естества самой же ее. Иначе не может быть и в природе общества из общественной природы ее же самой и в общественной природе из природы общества его самого.

Как и любая элементарная система существует элементами в системе из количества двух качественно противоположных системных элементов, точно так же и элементарная система человеческого общества существует элементами в системе из количества двух качественно противоположных системных элементов, — в данном случае, экономикой и социумом. В свою очередь, как и любой системный элемент существует системой в элементах из количества двух качественно противоположных элементарных систем, точно так же и системные элементы общества человеческого существуют системой в элементах из количества двух качественно противоположных элементарных систем. Здесь экономика, — это общественное время во времени человеческого труда, а социум — это общественное пространство в пространстве человеческого труда. Общественное время во времени человеческого труда и время человеческого труда в общественном времени в своем двуединстве и есть «элементарная система экономики», тогда «элементарная система социума — это двуединство общественного пространства в пространстве человеческого труда и пространства человеческого труда в общественном пространстве. Обе элементарные системы в том качественно противоположны друг другу, в чем качественно противоположны друг другу пространство и время.

Вместе с тем, каждая элементарная система существует собственной качественной противоположностью. Противоположностью между общественным временем и временем человеческого труда существуют противоположности экономики, а противоположности социума существуют противоположностями между общественным пространством и пространством человеческого труда. Обе противоположности здесь качественно противоположны друг другу. Здесь все противоположности есть количественные противоположности качества в качестве количества самих противоположностей, и все они доказываются числом 6, как элементарно системным числом и числом элементарно системным.

Противоположности притягиваются и поэтому существуют единством из них же самих. Притягиваются противоположности с противоположно тождественных сторон, то есть со стороны прямой из обратной стороны. Поэтому экономика и социум существуют единством противоположностей тождества из самих же себя, но как прямым единством экономики в социуме и обратным единством социума в экономике, что есть прямо обратное их двуединство. Притягиваются противоположности и с тождественно противоположных сторон, то есть с обратной стороны из стороны прямой. Поэтому социум и экономика существуют единством тождества противоположностей из самих же себя, но как обратным единством со-

циума в экономике и прямым единством экономики в социуме, что есть обратно прямое их двуединство. Притягиваются и противоположности из «противоположности» и «тождества», как противоположности тождеств и тождества противоположностей, существуя прямо обратным единством в единстве обратно прямом из двуединства противоположности тождеств в тождестве противоположностей. Поэтому прямо обратное двуединство социума и экономики и обратно прямое их двуединство существует двуединством противоположностью тождеств в тождестве противоположностей, а двуединство тождества противоположностей в противоположности тождеств существует обратно прямым двуединством экономики и социума и прямо обратным их двуединством. — Здесь уже притягиваются противоположности из «тождества» и «противоположности». Взаимное притяжение противоположности тождеств и тождества противоположностей самообразует систему из взаимозависимостей всего того, что существует элементами противоположности в системе, тождественной самой же себе из себя же самой, и существует элементами тождества в системе, противоположной самой же себе не в себе же самой, а в иной системе. Там система уже существует элементом другой системы. Поэтому здесь элементарная система существует связью взаимодействий, а взаимодействующими связями существуют системными элементами ее же самой. Не излагая все этого с самого начала, невозможно в Науке логики и Логике науки доказательно объяснить и понять человеческое общество в экономической системе из элементов социальности его самого и элементы экономики человеческого общества в социальной системности их же самих.

Общественное в обществе человеческом существует социумом из социального пространства прямо обратного двуединства материального труда в труде идеальном и труда идеального в материальном труде и обратно прямого двуединства труда идеального в материальном труде и материального труда в труде идеальном. Человеческое в человеческом обществе существует экономикой из экономического времени прямо обратного двуединства материального производства в потреблении идеальном и производства идеального в материальном потреблении и обратно прямого двуединства производства идеального в материальном потреблении и материального производства в потреблении идеальном. Здесь имеет место прямое единство производительного потребления в потребительном производстве и обратное единство потребительного производства в производительном потреблении. Общественное в обществе человеческом и человеческое в человеческом обществе вместе существуют социумом из социального пространства и экономикой из экономического времени как прямо обратным двуединством пространства социального в экономическом времени и экономического времени в пространстве социальном и обратно прямым двуединством экономического времени в пространстве социальном и пространства социального в экономическом времени.

Социум — это общественное ядро общества человеческого. Экономика — это человеческое ядро человеческого общества. Социум — это пространственная континуальность общественного пространства общества человеческого из общественного пространства человеческого труда, и социум — это пространственная дискретность общественного пространства общества из индивидуальности трудового человеческого пространства. Поэтому социум, как социальное пространство, существует системой из системного единства элементов общественного труда в труде индивидуальном, как единстве дискретности пространства в пространстве континуальности, и социум, как социальное пространство, существует системой из системного единства элементов труда индивидуального в общественном труде, как единстве пространства континуальности в дискретном пространстве.

Экономика — это временная континуальность общественного времени человеческого общества из общественного времени человеческого труда, и экономика — это дискретность общественного времени общества из индивидуальности трудового человеческого времени. Поэтому экономика, как экономическое время, существует системой из системного единства элементов времени общественного труда в труде индивидуальном, как единстве дискретности времени во времени континуальности, и экономика, как время экономическое, существует системой из системного единства элементов времени труда индивидуального в общественном труде, как единстве времени континуальности в дискретном времени.

Что такое есть здесь дискретность социального пространства во времени экономически континуальном? — Это социальный вакуум общественного социального пространства во времени экономического тела индивидуального труда. Что такое есть здесь континуальность социального пространства во времени экономически дискретном? — Это тело общественного труда социального пространства во времени экономической телесности труда индивидуального.

Что такое есть здесь дискретность экономического времени в пространстве социально континуальном? — Это экономический вакуум общественного экономического времени в пространственном социальном теле индивидуального труда. Что такое есть здесь континуальность экономического времени в пространстве социально дискретном? — Это тело общественного труда экономического времени в пространстве социальной телесности труда индивидуального.

Понимаю, что само появление дискретности времени может вызвать у некоторых коллег-экономистов дискомфортность в их мышлении. Поэтому поясню, что такое «дискретность времени» на конкретном примере. Само явление времени во времени прошлом, настоящем времени и времени будущем уже есть дискретность в континуальности времени. Экономистам так же хорошо известно такое явление, как «лаг». Это и есть та же самая дискретность времени, но только как одно из множества его кон-

кретных проявлений в экономическом времени человеческого общества. Только-то и всего. Поэтому ничего мистического нет в дискретности времени, хотя для человека, непосвященного в таинства экономики и экономической науки, подобное словосочетание уж точно настораживает.

Итак, человеческое в человеческом обществе и общество в обществе человеческого существуют системой из элементарного единства социумного ядра и ядра экономического, где оба ядра существуют элементами системности прямо обратного двуединства общества в человеке и человека в обществе и обратно прямого двуединства человека в обществе и общества в человеке. Коль скоро социум и экономика не существуют отдельно друг от друга, а существуют не одними и одними и тем же двуединствами, то общество в человеке и человек в обществе существуют единством из противоположности их социального в экономическом тождестве их же самих, а человек в обществе и общество в человеке существуют единством их тождества социального в экономической противоположности самих же их.

Чтобы существенно облегчить экономический язык и язык социологический от многословия при обозначении тех или иных сущностей фундаментального порядка, я обозначу их все специальными терминами, ранее, разумеется, не применявшимися обществознанием. Дискретность экономического времени или, то же самое, что и вакуум экономического времени в пространстве социальном, обозначается мною термином «вредиск» от буквенного сочетания слогов «вре» из «времени» и «диск» из «дискретности». Дискретность социального пространства, или, то же самое что и вакуум социального пространства во времени экономическом, обозначается мною термином «продиск». Континуальность экономического времени, или то же самое что и тело экономического времени в пространстве социальной телесности, я обозначаю термином «вреконт», а континуальность социального пространства, или, то же самое, что и тело социального пространства во времени экономической телесности, я обозначаю термином «проконт». Логика обозначения везде одна и одна и та же, что значительно упрощает многословную сложность в изложении исследуемых вопросов.

Так, например, экономическое ядро существует системой из единств вредиска во вреконт и вреконта во вредиске, где вредиск и вреконт — это тождественно противоположные элементы из системы экономического ядра. Ядро социума существует системой из единств проконта в продиске и продиска в проконт, где проконт и продиск — это противоположно тождественные элементы из системы ядра социума. Коль скоро оба ядра существуют системой двуединства из них каждого в каждом из них, но существуют уже иным уровнем единства системы, нежели система единства каждого из них, то ядро социума в экономическом ядре и ядро экономическое в социальном ядре, взаимодействуя друг с другом, существуют не этими элементами, а элементами иными.

Коль скоро экономическое ядро существует экономическим вакуумом времени в пространства социальном, то пространство социальное есть для экономического вакуума времени не что иное, как социальная телесность его самого, которую я обозначаю термином «сотел». Коль скоро социальное ядро существует социальным вакуумом пространства во времени экономическом, то экономическое время есть для социального вакуума пространства не что иное, как телесность экономическая его самого, которую я обозначаю термином «телэк». Так вот экономическое ядро и ядро социальное непосредственно взаимодействуют друг с другом посредством взаимодействия единства их противоположных телесностей, как сотела в телэке и телэка в сотеле. Вредиск и вреконт, составляя в своем единстве ядро экономическое тела, и продиск и проконт, составляя в своем единстве ядро социального тела, непосредственно внутриядерными составляющими не взаимодействуют во взаимодействии ядер между собой, ибо ядра взаимодействуют между собой посредством собственной внешней телесности, что и есть сотел и телэк. Что же получается? — Получается же вот что.

Система двуединства прямого единства человеческого из человеческого общества и общественного из общества человеческого и обратного единства общественного из общества человеческого и человеческого из человеческого общества существует прямым единством протела в эктеле и обратным единством эктела в протеле. Где протел и эктел — это тождественно противоположные и противоположно тождественные элементы системы двуединства человека в обществе и общества в человеке. Как терминологически обозначить эту систему, имея в виду двуединство социального пространства во времени экономическом и экономического времени в пространстве социальном, как элементы порядка двуединства пространства во времени и времени в пространстве в ней же самой. Я предлагаю называть эту элементарную систему из системности элементов ее же самой термином «*homo*».

«*Ното*», — в природе общества из его единства с общественной природой его самого, есть то же самое, что и «*атом*», — в природе естества из ее единства с ее естественной природой самой же ее. «*Атом*» — это самоорганизация пространственного порядка природы естества в естественном природном порядке пространства организации двуединства природы естества с естественной природой ее же самой. «*Ното*» — это самоорганизация пространственного порядка природы человеческого естества в общественном человеческом природном порядке времени развития двуединства природы общества с общественной природой его самого. «*Атом*» — это двуединный порядок фундаментальности природы естества в ее единстве с естественной природой самой же ее, а «*homo*» — это двуединный порядок фундаментальности природы общества в его единстве с общественной природой его самого.

Любое общество, если оно человеческое, и любое человеческое, если оно общество, существует системой и непременно из элементов ее же самой и существует элементами и непременно из системности их же самих. Именно в специальную силу этого универсального закона природа общества в общественной природе ее же самой и природа естества в естественной природе самой же ее существуют упорядоченной реальностью в реальности порядка их же самих. В противном случае природе человеческого познания никогда не познать человеческой сущности общественной природы в природе естества и человеческой сущности природы общества в естественной природе.

Исследование общества теоретически ущербно, если это исследование существует исследованием способа производства. Здесь «производство» по отношению к «потреблению» заранее существует привилегированным положением, что противно логике равновеликости. Разделять необъединяемо запрещено производства сферу и сферу потребления. Но разрешено и обязательно необходимо разделять их объединяемо в сферу производительного потребления, — здесь сфера потребления подчинена сфере производства. И разрешено и обязательно необходимо объединять их разделяемо в сферу потребительного производства, — здесь уже сфера производства подчинена сфере потребления. Иначе говоря, как и любые противоположности, так и производства сфера и сфера потребления есть равновеликие противоположности. Где потребления сфера подчинена сфере производства, там первичны экономические интересы производства, но социальные интересы производства там же уже вторичны, но социальные интересы сферы потребления здесь первичны, но вторичны уже экономические интересы потребления сферы. Только так и не иначе осуществляется взаимосвязь социального в экономическом и экономического в социальном из сферы производительного потребления. Все то же самое с точностью до наоборот в сфере потребительного производства, где потребления сфера подчинена сфере производства. Там первичны социальные интересы потребления, но экономические интересы производства там же уже вторичны, но социальные интересы сферы производства здесь первичны, но вторичны уже экономические интересы потребления сферы. Только так и не иначе осуществляется взаимосвязь социального в экономическом и экономического в социальном из сферы производительного потребления и в сфере потребительного производства. Вот почему корректно называть способ существования общества капиталистическим или феодальным или рабовладельческим или первобытным, но не корректно называть способ существования капиталистического общества капиталистическим способом производства. То же самое и с обществом феодальным, и так далее. Почему, теперь понятно.

Общество существует не столько общественным производством и потреблением общественным, сколько двуединством общественных сфер производительного потребления в потребительном производстве и потре-

бительного производства в производительном потреблении. Здесь принципиально важна не только прямая связь потребления с производством, но и обратная связь производства с потреблением. Всего этого нет в «Капитале», но в подготовительных рукописях к «Капиталу» у Маркса многое из того же самого уже обозначено. Цитирую: «Непосредственное единство, в котором производство совпадает с потреблением и потребление — с производством, сохраняет их непосредственную раздвоенность. Итак, производство есть непосредственное потребление, потребление есть непосредственное производство. Каждое непосредственно является своей противоположностью». Здесь же Маркс определяет «производство, как непосредственно идентичное с потреблением, в виде производительного потребления, а потребление, как непосредственно идентичное с производством, в виде потребительного производства». /9. с. 716, 717./ Конечно, не все здесь строго точно. Ибо на самом деле имеют место не непосредственности, а производственная непосредственность в опосредованности потребления и потребительная опосредованность в непосредственности производства. Более того. Здесь имеют место единство производительного потребления в потребительном производстве и единство потребительного производства в производительном потреблении. Всего этого нет ни в подготовительных рукописях к «Капиталу», ни в самом «Капитале».

Общество человеческое в человеческом обществе и человеческое общество в обществе человеческом существует двуединством сфер из общественного единства производительного потребления в потребительном производстве и из человеческого единства потребительного производства в производительном потреблении. Здесь прямое единство общественного в человеческом и обратное единство человеческого в общественном непосредственно не осуществляются. Но осуществляются непосредственно посредством «рынка» с прямо обратной стороны их двуединства, а со стороны обратно прямого их двуединства — осуществляются посредством непосредственности «рынка». Сущность «рынка» двуедина. Любого рынка!

Общество человеческое в человеческом обществе и человеческое общество в обществе человеческом существует двуединством сфер из общественного единства сфер материального производства в производстве идеальном и производства идеального в материальном производстве. Здесь прямое единство общественного в человеческом и обратное единство человеческого в общественном непосредственно не осуществляются. Но осуществляются непосредственно посредством «рынка» с прямо обратной стороны их двуединства, а со стороны обратно прямого их двуединства — осуществляются посредством непосредственности «рынка». Сущность «рынка» и здесь двуедина. Любого рынка! Это и понятно. — Существуя элементарной системой, социумное ядро существует системным единством из двух элементов социальных пространств, качественно противоположных друг другу, — социального пространства идеального труда в тру-

Любое общество, если оно человеческое, и любое человеческое, если оно общество, существует системой и непременно из элементов ее же самой и существует элементами и непременно из системности их же самих. Именно в специальную силу этого универсального закона природа общества в общественной природе ее же самой и природа естества в естественной природе самой же ее существуют упорядоченной реальностью в реальности порядка их же самих. В противном случае природе человеческого познания никогда не познать человеческой сущности общественной природы в природе естества и человеческой сущности природы общества в естественной природе.

Исследование общества теоретически ущербно, если это исследование существует исследованием способа производства. Здесь «производство» по отношению к «потреблению» заранее существует привилегированным положением, что противно логике равновеликости. Разделять необъединяемо запрещено производства сферу и сферу потребления. Но разрешено и обязательно необходимо разделять их объединяемо в сферу производительного потребления, — здесь сфера потребления подчинена сфере производства. И разрешено и обязательно необходимо объединять их разделяемо в сферу потребительного производства, — здесь уже сфера производства подчинена сфере потребления. Иначе говоря, как и любые противоположности, так и производства сфера и сфера потребления есть равновеликие противоположности. Где потребления сфера подчинена сфере производства, там первичны экономические интересы производства, но социальные интересы производства там же уже вторичны, но социальные интересы сферы потребления здесь первичны, но вторичны уже экономические интересы потребления сферы. Только так и не иначе осуществляется взаимосвязь социального в экономическом и экономического в социальном из сферы производительного потребления. Все то же самое с точностью до наоборот в сфере потребительного производства, где потребления сфера подчинена сфере производства. Там первичны социальные интересы потребления, но экономические интересы производства там же уже вторичны, но социальные интересы сферы производства здесь первичны, но вторичны уже экономические интересы потребления сферы. Только так и не иначе осуществляется взаимосвязь социального в экономическом и экономического в социальном из сферы производительного потребления и в сфере потребительного производства. Вот почему корректно называть способ существования общества капиталистическим или феодальным или рабовладельческим или первобытным, но не корректно называть способ существования капиталистического общества капиталистическим способом производства. То же самое и с обществом феодальным, и так далее. Почему, теперь понятно.

Общество существует не столько общественным производством и потреблением общественным, сколько двуединством общественных сфер производительного потребления в потребительном производстве и лотре-

бительного производства в производительном потреблении. Здесь принципиально важна не только прямая связь потребления с производством, но и обратная связь производства с потреблением. Всего этого нет в «Капитале», но в подготовительных рукописях к «Капиталу» у Маркса многое из того же самого уже обозначено. Цитирую: «Непосредственное единство, в котором производство совпадает с потреблением и потребление — с производством, сохраняет их непосредственную раздвоенность. Итак, производство есть непосредственное потребление, потребление есть непосредственное производство. Каждое непосредственно является своей противоположностью». Здесь же Маркс определяет «производство, как непосредственно идентичное с потреблением, в виде производительного потребления, а потребление, как непосредственно идентичное с производством, в виде потребительного производства». /9. с. 716, 717./ Конечно, не все здесь строго точно. Ибо на самом деле имеют место не непосредственности, а производственная непосредственность в опосредованности потребления и потребительная опосредованность в непосредственности производства. Более того. Здесь имеют место единство производительного потребления в потребительном производстве и единство потребительного производства в производительном потреблении. Всего этого нет ни в подготовительных рукописях к «Капиталу», ни в самом «Капитале».

Общество человеческое в человеческом обществе и человеческое общество в обществе человеческом существует двуединством сфер из общественного единства производительного потребления в потребительном производстве и из человеческого единства потребительного производства в производительном потреблении. Здесь прямое единство общественного в человеческом и обратное единство человеческого в общественном непосредственно не осуществляются. Но осуществляются непосредственно посредством «рынка» с прямо обратной стороны их двуединства, а со стороны обратно прямого их двуединства — осуществляются посредством непосредственности «рынка». Сущность «рынка» двуедина. Любого рынка!

Общество человеческое в человеческом обществе и человеческое общество в обществе человеческом существует двуединством сфер из общественного единства сфер материального производства в производстве идеальном и производства идеального в материальном производстве. Здесь прямое единство общественного в человеческом и обратное единство человеческого в общественном непосредственно не осуществляются. Но осуществляются непосредственно посредством «рынка» с прямо обратной стороны их двуединства, а со стороны обратно прямого их двуединства — осуществляются посредством непосредственности «рынка». Сущность «рынка» и здесь двуедина. Любого рынка! Это и понятно. — Существовая элементарной системой, социумное ядро существует системным единством из двух элементов социальных пространств, качественно противоположных друг другу, — социального пространства идеального труда в тру-

де материальном и социального пространства труда материального в идеальном труде. Существовая системой, экономическое ядро существует системным единством из двух элементов экономического времени, качественно противоположных друг другу, — экономического времени производительного потребления материального идеальным и экономического времени потребительного производства идеального материальным. Точно таким же способом существует рынок труда, валютный рынок, рынок финансовый, сырьевой рынок, рынок промышленных, сельскохозяйственный рынок, рынок ценных бумаг и долговых обязательств, и так далее, и так далее. Все эти рынки есть не одни и те же явления одной двуединой сущности рынка. — Любого рынка! Вне всего этого нет ни общества человеческого в человеческом обществе, и нет человеческого общества в обществе человеческом.

Появление в разделении труда общественной сферы идеального труда в капиталистическом обществе неотъемлемым элементом системы капиталистического способа существования общества исторически ознаменовало завершение существования самого капиталистического способа системой из единства двух противоположных элементов, — общественной сферы идеального производства и общественной сферы материального производства. Оба эти элемента существуют системой из прямо обратного двуединства прямого единства материального производства в производстве идеальном и обратного единства производства идеального в материальном производстве. Они же существуют системой из обратно прямого их двуединства, как обратного единства производства идеального в материальном производстве и прямого единства материального производства в производстве идеальном. Где осуществляется прямо обратное их двуединство, там приматом существует идеальное производство. Где осуществляется их обратно прямое взаимодействие, там приматом существует материальное производство. Учитывая, что оба двуединства существуют единством, то постоянно в переменности приматом существует идеальное производство, но производство материальное здесь же существует приматом переменного в постоянности. Тдким чередующимся способом, — порядком четности в нечетном порядке и нечетным порядком в порядке четности, — существует сам капиталистический способ существования общества из двуединств общественных сфер идеального производства в производстве материального и производства материального в идеальном производстве.

Точно таким же способом, но из иного «вещества» существует сама природа естества, а она существует прямо обратным двуединством прямого единства света во тьме и обратного единства тьмы в свете и обратно прямым двуединством обратным единством тьмы в свете и прямого единства света во тьме. Где осуществляется их прямо обратное единство, там приматом существует свет из тьмы в свете, но где осуществляется их обратно прямое двуединство, там приматом существует тьма из света во тьме. Учитывая, что и здесь оба двуединства существуют единством, то

постоянно в переменности существует приматом свет, но тьма существует здесь же приматом переменно в постоянности. Таким чередующимся способом, — порядком четности в нечетном порядке и нечетным порядком в порядке четности, — существует не только свет и тьма, но и сам способ существования естества природы из природы естества существования способа ее же самой. Этот способ называется «квантовым». Квантовая физика открылась физике именно с открытием квантовой природы света. Открылась не сразу всей оптической полнотой, а только оптически той квантовой физикой, где только свет существует квантовой природой в квантовой физике. Что ж, с открытием не одной и одной и той же неразрывности разрывностью света-тьмы и тьмы-света, а так же их не одного и одного и того же пространственного двуединства, физика обязательно откроет и другую квантовую физику, уже теоретически полную и, разумеется, без скрытых параметров в ней же самой. Здесь не только свет существует дискретными порциями пространства, но пространственными порциями дискретными существует и тьма, но существуют они порциями друг в друге, непрерывно прерывностями чередуясь друг за другом друг в друге прерывно непрерывностями, как постоянно в переменности свет-тьма-свет-тьма-свет-тьма-свет-тьма, и как переменно в постоянности тьма-свет-тьма-свет-тьма-свет-тьма-свет, но в единстве постоянной переменности-переменной постоянности они уже вместе существуют пространственной спиралью из спирального пространства и спиральным пространством из пространственной спирали. Поэтому свет во тьме и тьма в свете физически существуют не прямолинейным и не криволинейным геометрическими пространствами, а пространством прямокриволинейным из пространственной спирали. Поэтому тьма в свете и свет во тьме физически существуют не криволинейным и не прямолинейным геометрическими пространствами, а кривопрямолинейным пространством из спирального пространства. Здесь геометрия и физика пространственно существуют не отдельными друг от друга пространствами, а пространствами друг в друге, но как геометрической физикой и физической геометрией. Оказывается, вообще не случайно экономика и социология существуют не отдельно друг от друга, а друг в друге двуединствами как социальной экономикой в экономической социологии и экономической социологией в социальной экономике.

Социальное в экономическом и экономическое в социальном существуют в природе общества точно таким же квантовым способом, которым существуют свет во тьме и тьма в свете в природы естества. Так что не только геометрическая физика и физическая геометрия обнаруживают квантовый способ существования в существовании самой природы естества, но и социальная экономика и экономическая социология обнаруживают квантовый способ существования в существовании самой природы общества. Поэтому я здесь не отступил в сторону от проблемы теоретического доказательства способа самоорганизации общества, а только при-

ступил к этому доказательству, но с доказательством, что природа естества и природа общества, хотя и существуют не одним тем же способом, но способ существования у них один и один и тот же, — универсальный. Но с той лишь противоположностью, что у природы естества он — специально универсальный, а универсально специальный — он у природы общества. Кто не ограничивает собственное исследование отдельными друг от друга пределами естествознания и пределами обществознания, тот поймет концептуально фундаментальный смысл и смысл фундаментально концептуальный единства человека в природе — природы в человеке, без чего природа естества в общественной природе и общественная природа в природе естества не существуют единствами друг в друге. Тот, разумеется, поймет, почему и зачем я здесь сделал поворот в сторону естествознания, а, именно, к квантовой физике.

Исследование исторически обезличенной природы общества будет теоретически неполным без ответа на вопрос, — что же такое «собственность» из сущности ее же самой в исторически обезличенном виде самой же ее? «Собственность», как экономически социальное явление и явление социально экономическое — это не одно и одно и то же явление, а одно из двуединства его самого. Собственность в сущности — это способ не присвоения и не способ отчуждения, не способ владения и не способ овладения. Это в явлениях собственность так представляется человеку в обществе и обществу в человеке. Собственность в сущности — это единственность экономического состояния общества в общественном состоянии социального двуединства человека из человека в обществе и общества из общества в человеке. Собственность в сущности — это единственность социального состояния общества в общественном состоянии экономического двуединства общества из общества в человеке и человека из человека в обществе. Собственность существует двуединством того и другого из прямо обратного их двуединства и двуединства обратно прямого.

Все то же самое, но в естественных отношениях природы и человека, и в человеческих отношениях человека и природы представляется тем же самым не в том же самом. — Как природа в человеке, природа есть собственность человека. Как человек в природе, человек есть собственность природы. Как двуединство из единства природы в человеке и единства человека в природе, собственность существует их взаимной собственностью, и здесь она неразделима. Человек в природе, как естественная собственность, есть идеальная материальность человека в природе из материальной идеальности ее же самой, но природа в человеке, как собственность человеческая, есть материальная идеальность природы в человеке из идеальной материальности самого же его. Все то же самое и с собственностью в обществе. Она и здесь неразделима на отдельные собственности. Как общество в человеке, общество есть собственность человека. Как человек в обществе, человек есть собственность общества. Как двуединство из единства общества в человеке и единства человека в обществе, собст-

венность двуедино существует их взаимной собственностью, и здесь она так же неразделима. Поэтому верно, что общество владеет человеком, но и человек владеет обществом, — так же верно. Но общество владеет человеком, и человек владеет обществом не одним и одним и тем же способом, а способом двуединым, где один способ и способ другой существуют тождественно противоположными способами и способами противоположно тождественными. В этом *проявляется* равновеликость отношений человека в обществе и общества в человеке. С этих действительно фундаментальных позиций столь же верно, что личностные интересы человека выше, нежели человеческие интересы общества, но и столь же верно, что человеческие интересы общества выше, нежели личностные интересы человека. Никакого противоречия здесь нет. Суть равновеликости их дела в том, что личностные интересы человека выше не в том же самом, где выше человеческие интересы общества, но и человеческие интересы общества выше не в том же самом, где выше личностные интересы общества.

«Собственность», если, конечно, исследовать человека в природе и природу в человеке не отдельно друг от друга, а разъединяемо объединяемым естественным способом. И «собственность», если, конечно, исследовать человека в обществе и общество в человеке не отдельно друг от друга, а объединяемо разъединяемым общественным способом, то «собственность» открывается в сущности ее же самой и, разумеется, в принципиально ином виде, нежели ее увидел социально-экономический марксизм описательным зрением его самого. Если приземлить сущность собственности на грешную в своей человеческой обыденности историческую почву любого общества, где властвуют принципы рыночной экономики, — кстати, не рыночная экономика экономикой уже не существует, — то главный вывод состоит в том, что, во-первых, любая собственность, подчеркиваю, собственность любая не противозаконна, а закономерна по своему естественноисторическому происхождению. Закономерны, следовательно, в том числе корпоративная собственность и собственность личная, общественная собственность и собственность частная. Все эти собственности есть проявление двуединства собственности из собственности экономической и социальной собственности. Корпоративная собственность и собственность личная — это противоположные проявления сущности общественной собственности и собственности частной, соответственно. Поэтому у человека и человечества нет никаких научных оснований, подчеркиваю оснований научных, подозревать какой—либо один социальный класс-собственника в экономическом преступлении против какого—то другого социального класса-собственника. Но есть те же основания, чтобы рассматривать экономическое богатство одного социального класса и экономическую бедность класса социально другого, как социальную и экономическую производную от их собственности. Одно уж точно здесь научно запрещено, — рассматривать богатство одного класса и бедность

класса другого как социально и экономически несправедливое богатство и как экономически и социально несправедливую бедность.

В этом месте уж точно взбунтуется обыватель и обыденное мышление в нем же самом. Какая же это справедливость, — скажет он, — если на одной социальной стороне общества — богатство, а бедность — на противоположной социальной стороне общества? Как правило, подобный вопрос не возникает у богатых-обывателей, но у обывателей бедных он уж точно возникает. Их же большинство. Конечно же, здесь дело не обходится без социальной зависти. Однако ж дело не только и даже не столько в ней же самой, сколько в причинах ее порождающих. Что ж, отвечать мне придется строго точной логикой в доказательствах логичности ее же самой.

Во-первых, если уж общество человеческое в закономерности своего естественноисторического развития самоорганизуется себя человеческом обществом в социальном неравенстве и неравенстве экономическом, то откуда же, — я спрашиваю у бедных, — возьмется социальная справедливость и справедливость экономическая. Если не из сказок утопического общества с равенством социальным и экономическим равенством, то больше этому всему неоткуда взяться. Здесь сама логика естественноисторического развития человеческого общества в общественной самоорганизации неравенства его самого в неравенстве экономическом и социальном неравенстве есть логика вполне исторически естественная, и она была бы противоестественной исторически, если общество существовало экономическим равенством и равенством социальным. Следовательно, — желает ли обыденное сознание бедных сознавать этот факт естественным или противится ему, — эта логика все равно остается исторически естественной и, следовательно, ее надо принимать точно так же, как и закон Ньютона. Конечно же, не всем нравится, что «действие равно противодействию». Однако ж, что-то не видно на городских площадях протестующих против подобной несправедливости.

Теперь, во-вторых. Ведь общество человеческое самоорганизовано человеческим качеством из количества человек населения общества. Что это означает? — Вот что. Экономическая справедливость и справедливость социальная не означает равного богатства или равной бедности у всех членов общества, а означает равную социальную доступность всех без исключения членов общества к экономическому богатству или бедности экономической. Выбор остается за самим человеком. Чтобы осуществить этот выбор не на словах, а на деле, человек должен либо трудиться, трудиться и еще раз трудиться, — и тогда при определенных социально-экономических условиях есть уверенная надежда, что экономическое богатство из журавля в небе превратится в синицу в его руках. Либо он может трудиться с ленцой, — ему и в этом положении комфортно, — но экономическим богатством ему уж точно не владеть в пределах соблюдения юридической законности. Что вне этих пределов, то обсуждается в

иных исследованиях, — Вот почему, в известной мере, богатство или бедность — это выбор самого человека в обществе. Правда, так было и есть не всегда и не везде. Развиваясь естественноисторическим процессом, человеческое общество исторически постепенно приходит к практическому воплощению такого же понимания справедливости и в самом человеческом обществе. Поэтому в социальных и экономических условиях, например, рабовладельческого общества до подобного рода справедливости ему исторически даже и не дожить.

Наконец, в-третьих. Справедливость и несправедливость суть равновелики, что означает их относительную абсолютность в справедливой несправедливости и несправедливую справедливость, но в их абсолютной относительности. Абсолютной справедливости не существует, как и не существует абсолютной несправедливости. Существует справедливость относительная, но это уже несправедливая справедливость. Существует несправедливость относительная, но это уже справедливая несправедливость. Все то же самое и в человеческом обществе. В любом обществе!

Коль скоро речь идет об исторически обезличенных сущностях способа самоорганизации развития общества, а без государства общество человеческое не существует способом экономически и социально самоорганизованным человеческим обществом, то необходимо установить сущность государства, независимо от того, каким историческим видом государства является само общество. Ленин в свое время определил сущность государства в виде насильственного механизма принуждения или принудительного механизма насилия, что есть власть государства над обществом. На самом деле, рождая государство, общество исторически и не помышляет производить на свет собственного насильника. У Ленина нет ответа на вопрос, откуда же взялось само государство в обществе. — Иначе говоря, здесь нет ответа на вопрос, чем существует первопричина рождения обществом государства в самом же себе. Оказывается, такая причина есть и существует она экономическими и социальными потребностями самого общества в управлении человеческой самоорганизацией общественного развития его самого. Иначе общество существует неупорядоченной самоорганизацией, что адекватно хаосу и беспорядку, а беспорядок и хаос — это смерть для человеческого общества, если общество человеческое, а человечество общественное. Другое дело, каковы исторические социально-экономические и экономически социальные условия способа самоорганизации развития общества, таковы и способы управления самим обществом. Если здесь требуется насилие, то насилие обязательно востребовано самим же обществом для управления им же самим. Если же самосознание общества готово добровольно исполнять управленческие команды государства, то насилие не востребовано обществом самим для управления самим же им. Так что, насилие не есть тоталитарная составляющая государства, но эта составляющая существует обязательной по отношению к тем из общества, кто отказывается добровольно исполнять управляющие

команды государства. Поэтому насилие присутствует в государстве, но присутствует не естественной, а искусственной составляющей в нем же самом.

Итак, сущность государства двуедина. С одной стороны, она отражает добровольное желание части общества подчиниться управляющим командам для саморганизации порядка в развитии самого общества в государстве. Здесь не требуется насилие в государстве. Это и есть естественная норма государства в обществе. С другой стороны, она отражает нежелание части общества подчиниться тем же самым управляющим командам государства, что есть отклонение от естественной нормы государства в обществе. Здесь требуется насилие в государстве. Другое дело, какая часть общества существует большей-меньшей частью общества. Совсем не обязательно, что меньшая часть общества — это та часть, которая отражает собою нежелание добровольно подчиниться управляющим командам государства. Например, в рабовладельческом обществе и обществе феодальном как раз большая часть общества, — рабы и крепостные крестьяне, — добровольно не желают подчиниться государству. Поэтому обществом рабовладельческим и феодальным обществом востребовано преимущественное насилие в государстве. Меньшая же часть общества, — рабовладельцы и феодалы, — добровольно желают подчиниться государству, и тогда здесь государству не требуется насилие. Как ни удивительно, но здесь естественная норма государства принадлежит меньшинству обществу. Большинство же общества здесь существуют отклонениями от нее. Это и понятно. Иначе социально и экономически и быть не может в рабовладельческом обществе и обществе феодальном. Поэтому тирания и деспотия есть исторически естественные нормы государства в них же самих. Другое дело в капиталистическом обществе, где общество демократически существует гражданским обществом в государстве, а государство в обществе гражданском существует демократическими гражданами. Здесь естественная норма государства принадлежит уже большинству общества, но насилие государства здесь все равно востребовано обществом, правда, для меньшинства общества.

«Принудительная функция управления», что имманентно существует в составляющей государственное насилие, есть то же самое, что и «власть», но сказанное другим словом. Поэтому государственная власть, производная от насилия, естественна в противоестественности ее же самой в рабовладельческом обществе и обществе феодальном, но она же противоестественна в естественности самой же ее в обществе капиталистическом. Следовательно, государство и власть — это не обязательно совмещается в одном и одном и том же месте общества. Где общество законопослушно, там есть государство, но там нет власти государственной. Где общество уклоняется от исполнения законов, там есть государство из власти государственной. Если в обществе капиталистическом государство существует преимущественно государственной властью, там что-то не-

ладное существует либо с государством, либо что-то неладное существует с обществом, либо что-то неладное существует с обоими. Если же в капиталистическом обществе государство существует, но государственная власть едва заметна в нем, то здесь общество в государстве и государство в обществе существуют взаимным доверием и государству незачем, следовательно, власть употреблять.

Так уж исторически случилось, что обыденное сознание человечества, по вполне понятным причинам отождествляющее государство со страной, а страну — с обществом, логически необходимо приходит и к отождествлению государства и общества. Именно в силу этой причины Карамзин назвал историю российского народа «Историей государства Российского». Капкан, расставленный здесь явлениями общественной природы, существует природой общества самого же его. В этот капкан попал не только Карамзин. Почти каждый человек думает точно так же. На самом же деле, государство и общество не есть одно и одно и то же. Государство и общество существуют управленческой общей их частью в части их общего управления, и здесь государство управляет обществом, но и общество управляет здесь государством. Здесь есть не только прямая связь между ними, но между ними здесь есть и обратная связь. Отождествлять механизм государственного управления обществом и общественного управления государством с самим обществом или народом, населяющим его, есть фундаментальная ошибка или не менее фундаментальное заблуждение. Подобного рода заблуждение владеет почти всем человечеством, но наиболее всего оно свойственно народам, существующим тоталитарными режимами и исторически вышедшим из эпохи социализма и строившего коммунизм. Надо сказать, что тоталитарным государственным режимам политически выгодно подобное отождествление, ибо оно заставляет народ и общество принимать государство за народ, а народ за государство. Тем самым, если народу и приходится обижаться на государство, то народу приходится обижаться на самого же себя.

Теперь о политике. Недаром же политическая экономия называется политической, а не как-то иначе. Что же есть в сущности политика в политической экономии, если политическая экономия есть научное отражение способа самоорганизации развития общества. Политика — это прерогатива государства, а не общества. Почему? — Да потому, что общество доверяет управление самим же собой именно государству, но в механизм управления общество обратной связью с государством вкладывает в него собственные интересы, которые, кроме как экономическими и социальными, иными и не существуют. Государство же концентрирует эти интересы общества в государственную политику, в которой могут присутствовать, а могут и отсутствовать экономические интересы и интересы социальные в виде собственных государственных интересов. Если они присутствуют, то государственная политика существует смешением интересов общества и государственных интересов, — здесь обязательно верх берет

государство. Тогда существует государство не в обществе, а существует государством над обществом. Такие государства существуют рабовладельческим обществом и обществом феодальным. Капиталистическое общество, если оно еще не гражданское общество, а государство еще не демократическое государство, то и здесь государство существует не в обществе, а существует государством над обществом. Если же в государственной политике отсутствуют собственные экономические интересы и интересы социальные, то государственная политика существует концентрированным выражением исключительно тех же самых интересов, но общества. Здесь уже государство демократическое, а общество — это гражданское общество. Здесь государство существует в обществе, а не над обществом. Политика есть здесь государственное выражение интересов общества. Поэтому в известном смысле политика и государство есть два различных слова, но обозначающих одно и то же смысловое содержание. Недаром, *politika* производна в греческом языке от *polis*, что в русском переводе с греческого означает «государство».

Поскольку человеческий труд от естества его самого существует трудом человеческим из единства материального труда в труде идеальном и из единства труда идеального в материальном труде, то труд только и только труд существует фундаментом социально-экономическим и экономически социальным фундаментом человеческого общества. Любого общества!

Общественная форма труда прослеживается исторически в любом обществе, но содержательность труда исторически изменяется вместе со способом существования общества, но и сам способ существования общества изменяет содержательность этого труда. Именно в силу этого один способ существования общества исторически отличается от другого способа существования общества. Именно в силу этого содержательность человеческого труда в одном обществе отличается от содержательности человеческого труда в обществе другом. Установить все это политическим исследованием социально-экономическим и экономически социальным исследованием политическим как раз и составляет задачу политической экономии и политической социологии в их единстве. Чтобы ответить на этот вопрос, я продолжаю исследование.

ГЛАВА 5.

НЕМАРКСИСТСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ И СОЦИОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЕСТЕСТВЕННОИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПРИРОДЫ ОБЩЕСТВА ОТ ПЕРВОБЫТНОЙ ОБЩИНЫ ДО КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА И ОБЩЕСТВА ПОСТКАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО.

Если Маркс «Капиталом» исследовал естественноисторический процесс развития человеческого общества, то я исследую все то же самое, но «Трудом». Почему, понятно.

ГЛАВА 5.7

, СПОСОБ САМООРГАНИЗАЦИИ РАЗВИТИЯ ПЕРВОБЫТНОЙ ОБЩИНЫ

Самоорганизация человеческого в человеческом обществе и общественного в общественном человеке исторически началась в месте и одновременно с началом человеческого существования в первобытном его человеческом состоянии и состоянии общественном, но первобытном. Что же такое состояние первобытное в человеческом состоянии? Что же такое состояние общественное человека, но в первобытном его состоянии? — Все исследователи того же самого, так или иначе, но сходятся в одном. Коль скоро первобытный человек, кроме охоты на диких животных и собирания пригодной к употреблению растительности, ничем другим с самого начала еще не мог поддерживать собственную биологическую жизнь, то именно в этих видах трудовой деятельности исторически и сложилась первобытная и общественная жизнь человека. — Как человека первобытного в первобытном обществе, и как первобытного общества в общественном человеке. С позиций описательной науки здесь все верно, кроме

одного. Здесь неверны позиции самой описательной науки. Она по определению описывает то только и только то, что органами чувств в мышлении видит, слышит, осязает, обоняет и вкушает, и данностью только этих чувств в мышлении она фундаментально ограничена в своем объяснении и понимании мира ею познаваемого. С точностью до наоборот все то же самое, но в науке фундаментальной. Она по определению описывает то только и только то, что собственным мышлением в органах чувств видит, осязает, обоняет и вкушает, и данностью только мышления в этих органах чувств она ограничена фундаментальностью самого мышления в своем объяснении и понимании мира ею познаваемого. В описательной науке мышление включено в органы чувств и поэтому здесь мышление подчинено чувствам. Отсюда ничего в том удивительного нет, почему описательная наука, «что видит, то и поет». В фундаментальной науке органы чувств включены в мышление, и поэтому здесь чувства подчинены мышлению. Отсюда ничего удивительного нет, почему фундаментальная наука, если и «поет, то о невидимом, неслышимом, неосязаемом, необоняемом, безвкусном», но существующее реальностью природы или реально существующей природой, как бы она ни называлась, — естественной, общественной, общественно естественной или общественно естественной. Отсюда вполне понятно, почему описательная наука объясняет чувствами, тогда как наука фундаментальная чувства объясняет. «Чувствуете мышлением разницу?»

Прижизненная Марксу социально-экономическая наука и исторически существующая до него та же самая наука все еще были описательными науками. Не боюсь, что вызову на себя огонь из всех стволов социально-экономической науки уже нынешнего времени, если с доказательной уверенностью скажу. — Еще и в начале 21 столетия социально-экономическая наука существует преимущественно описательной наукой, а уж в политэкономическом своем разделе — уж точно. — Что лежало в основе заплесневших временем социально-экономических исследований, все то же самое лежит в основе и современных, а именно, — фотографии социально-экономической картины общества в его динамике, что называется иначе социально-экономической статистикой или социально-экономическими наблюдениями. Все это и доньше в больших количествах содержится в любом социально-экономическом исследовании политического порядка. Если из «Капитала» Маркса убрать экономическую статистику и статистику социальную, да приведенные им примеры, ее разъясняющую. — Убрать длинные рассказы о несправедливости и насилии юридической теории и практики капиталистического общества, особенно в период накопления капитала, с непременно указанием самих юридических законов. — Да убрать пересказы на ту же самую тему еще и предшественников Маркса, то собственно теоретические выводы и положения, завоеванные самим Марксом в самом «Капитале», займут, если без повторений, — не более 30 страниц. Все прочее, это повторение уже ранее ска-

занного и уже всем известного либо иллюстративный материал для практического, подчеркиваю, практического доказательства того же самого.

У Маркса, как и подобает материалисту, практика идет впереди теории. Если теория здесь и требуется, то для теоретического обобщения уже известной практики. Поэтому Маркс, если и утруждает себя теоретическими доказательствами, то он извлекает их опять же из практики капитализма. Практика она и есть практика, кроме самой социально-экономической поверхности в жизни общества она и не существует. Это лишь видимость социально-экономического айсберга, невидимая же его сторона и есть скрытая сторона, которая как раз и подлежит научному исследованию и объясняет сторону видимую в том виде, которым практически она и является. Поэтому было бы большим логическим заблуждением теоретически объяснять практику опять же практикой, но в теоретическом ее выражении. В подобном способе познания практики теория идет за практикой и никогда не опередит ее, тогда как задачей фундаментальной науки существует опережение существующей практики теорией, предсказывающей развитие самой практики. В любом другом случае теория будет лишь апологетом практики, то есть научно оправдывающей ее существование именно в том виде, которым она же и существует. Здесь практика в теории и теория в практике заранее неизменны, так как здесь нет момента развития практики в теории и нет момента развития теории в практике. Что, конечно же, делает практику застывшей в теоретических глазах науки, а теорию застывшей в практических глазах самой жизни. Если практика не противоречит истинности теории, то практика истинна в своем теоретическом воплощении, если же практика противоречит истинности теории, то виновата практика, извратившая истинность теории. Либо виноваты обе, но тогда теория неистинна, и неистинна практика. Одно уж точно здесь есть заблуждение, будто критерием истины существует здесь практика. Сама практика может заблуждаться, да столь фундаментально, что потребуются сотни, а то и тысячи лет, чтобы вполне теоретически доказательно убедиться в том же самом. Одним таким примером существует многотысячная навигационная практика использования мореплавателями птолемеевой астрономической системы. За тысячи лет она ни разу их не подвела! Хотя, с теоретическим открытием всего того же самого не в самом же том, но Коперником, стало ясно, — птолемеева система есть величайшее заблуждение человечества, хотя практика непосредственного наблюдения человеком со всей очевидностью доказывает, что не Земля вращается вокруг Солнца, а Солнце вращается вокруг Земли, что теоретически и обобщил Птолемей. Другим таким примером служит практика государственного строительства социализма на территориях бывшей Российской империи, — потребовалось почти три четверти столетия, чтобы эмпирически убедиться в ошибочности такой практики и всех социально-экономических учений, что своими теоретическими обобщениями той же самой практики каждый раз доказывали истинность этой

практики, а не иной. Иначе и не могло быть с наукой, лишь теоретически обобщающей практику и не более того. Практика в социально-экономическом учении — это сама социально-экономическая обыденная жизнь общества в социально-экономических явлениях ее же самой, а она, если и иллюстрируется, то только статистикой. До сущности самих явлений здесь еще ох как далеко! Что же получается? — Получается же вот что. Фундаментальное исследование первобытной общины необходимо требует исключить из него самого описательную сторону самой же общины первобытной в качестве доказательства экономической и социальной сущности первобытной общины, но требует оставить эту сторону в качестве доказательства явления ее же самой в самой же человеческой истории.

Итак, вернемся к вопросу о «труде» в первобытном обществе. Что же такое состояние человеческого труда в человеческом первобытном состоянии? Что же такое состояние труда общественного в общественном первобытном состоянии? — Все исследователи того же самого, так или иначе, но сходятся в одном. — Коль скоро первобытный человек, кроме охоты на диких животных и собирания пригодной к употреблению растительности, ничем другим еще не мог поддерживать собственную биологическую жизнь, то именно в этих видах трудовой деятельности исторически и сложилась первобытная его общественная жизнь, как человека в первобытном обществе, и как общества первобытного в человеке. Коль скоро первобытный человек охотился не в одиночку, то дело охоты уже есть дело многих первобытных человек. Где же количество человек уже больше одного, да всех их объединяет общее дело, то это дело общее в охоте есть уже общественная охота, что и есть, пусть конкретная, но уже общественная, подчеркиваю, общественная трудовая деятельность первобытных людей. Раз так, то здесь как раз и лежат исторические начала общества в обществе человеческом. Логика, конечно же, здесь есть. Правда, эта логика описательной науки, тогда как наука фундаментальная пользуется иной логикой. Она же задается совсем иными вопросами, а умение задавать вопросы природе, как известно, решает половину от целого решения проблемы.

Если человек некогда действительно исторически состоялся человеком в природе естества, то из естественной природы его выделяет в самом начале именно то качество, что опять же качественно его выделяет из качества биологической природы естества, а она качественно существует растительным миром и миром животным. Что же это за «качество»? — Человек с самого исторического начала его человеком существует данностью разума у него и именно этим качеством человек, будучи организмом биологическим, вместе с тем выделяется из организации всей биологической природы именно разумностью его самого, небιологического и биологического по происхождению. Человек существует разумом, но разум является мышлением в человеке. Сущность и явление не совпадают, иначе

наука вообще не была бы нужна. Это еще говорил Маркс, и здесь я с ним полностью согласен. Что же такое мышление, если пристально посмотреть на него экономическими глазами.

Впервые в экономическом исследовании то же самое сделал еще Маркс. Да, да, именно Маркс. Экономисты российского образования еще помнят рассуждения Маркса о пчеле и пауке, где он сравнивал их с человеком. Так вот Маркс увидел главное, что разделяет их пропастью. «Мы предполагаем труд в такой форме, в которой он составляет исключительное достояние человека. Паук совершает операции, напоминающие операции ткача, и пчела постройкой своих восковых ячеек посрамляет некоторых людей-архитекторов. Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса получается результат, который ужу в начале этого процесса имелся в представлениях человека, т.е. идеально»./2. с. 189/. Здесь Маркс проявил себя ученым в полной фундаментальной мере. Еще бы. За многочисленным множеством явлений человеческого труда, Маркс увидел сущность самого труда человеческого из единства труда идеального и материального труда. Маркс предельно точно обозначил, «что» именно в этом единстве труд «составляет исключительное достояние человека». На поверхности явлений дело представляется иначе и таким образом, что пчела трудится и трудится человек. На самом же деле человек действительно трудится, ибо в его материальном поведении присутствует идеальная составляющая, что и есть работа мышления, а в идеальном поведении присутствует материальная составляющая, что и есть работа рук. Тогда как пчела действительно не трудится, ибо в ее материальном поведении, если и присутствует идеальная составляющая, то она присутствует биологическими инстинктами природы биологического естества, а не мышлением самой пчелы. Идеальная составляющая материального поведения человека принадлежит самому же человеку и в этом суть пропасти, разделяющей поведение пчелы и человека поведение. Вот это свойство как раз и разделяет пропастью не только пчелу, но и любое животное и растение любое от человека. Вот почему первобытный человек, прежде всего, исторически состоялся человеком именно в этом ракурсе, а не каком-то ином, например, охотничьем труде. Труд охотничий, конечно же, важен, но он существует не причиной существования человека первобытным человеком в природе естества, а одним из многочисленных следствий явления человека первобытным человеком в естественной природе. Причина же существования первобытного человека человеком скрывается в данности мышления у первобытного человека. Без человеческого мышления охота первобытного человека была бы охотой не человека, а зверя. Здесь об обществе и речи быть не может.

Описательная социально-экономическая наука необходимо приходит к историческому объяснению и пониманию начала общества, как общест-

ва из количества человек, больше одного. Фундаментальная социально-экономическая наука, руководствуясь естественной причиной существа естества человека, как существа разумного из мышления его самого, приходит к историческому пониманию начала общества, как общества из качества в количестве одного двуединого человека. Человек существует самим собой в себе же самом двуединством естества его самого из прямого единства материального труда в труде идеальном и обратного единства труда идеального в материально труде. Здесь нет человека без общения человека с самим же собой, — а это уже общество, пусть из одного двуединого человека, но ведь общество и с этим уже не поспоришь. «Нет страшнее одиночества, чем одиночество в толпе, когда кругом всем-всем хохочется, но плакать хочется тебе». Эти поэтические строчки из описательной социологии. «Нет приятней одиночества, чем одиночества вдвоем, где я есть ты, а ты есть мы». Эти поэтические строчки уже из фундаментальной социологии. «Чувствуете мышлением разницу?» — Любовь к самому себе любимому — это роман, который длится всю человеческую жизнь. — Нет более умного собеседника, нежели в разговоре человека с самим же собой. Не все то же самое, если речь идет о любви или беседе между людьми. Но есть здесь и то же самое. Способ внутреннего общения человека с самим же собой, данный ему самою природой естества из естественного ее двуединства с самою собой, человеком превращается в способ общения человека с человеком, тем самым в том же самом уже самообразуется общественный способ существования уже общества.

Описательная социально-экономическая наука в своих доказательствах опирается только на количество качества, тогда как на единство качество в количестве и количество в качестве уже опирается в своих доказательствах фундаментальная социально-экономическая наука. Вот почему не случайно описательная наука ищет доказательную опору в статистике, где количественная составляющая есть преимущественная составляющая качество того или иного явления. Если есть выступления рабочих в защиту своих экономических прав и прав политических, но они малочисленны — это еще не классовая борьба пролетариата. То ли дело, когда все то же самое, но в массовом порядке. Вот это уже борьба, вот это уже борьба классов. Что сказать по этому поводу, кроме того, что я уже сказал. Наука фундаментальная потому и фундаментальная наука, что она видит явления сквозь их сущности, то есть в самом начале их проявления, а не когда они захватили уже весь организм. Чего стоит медицинское врачевание, если оно ставит точный диагноз болезни в то время, когда болезнь уже запущена и поэтому неизлечима. — Для самой описательной медицины ничего не стоит. — Это верно, но верно и то, оно стоит пациенту его собственной жизни. Если же медицинское врачевание ставит точный диагноз в самом начале болезни, когда внешних признаков ее же самой и не видно для описания клиники ее же самой, то такое врачевание стоит фундаментальности самой медицины и поэтому у пациента есть шансы излечиться. Все

то же самое, но в социально-экономической науке и науке экономически социальной. Только вместо биологического организма человека здесь присутствует социально-экономический организм человеческого общества.

Итак, фиксируем первый вывод. Человеческий труд есть в исторических началах первобытности его самого уже труд экономический, а экономическая составляющая в нем ничего иного не означает, как экономию времени за счет трудовой идеальной, подчеркиваю, идеальной трудовой составляющей в составляющей материальный труд. Думать надо, прежде чем делать — это то же самое, но сказанное другими словами. Если прежде не думать, то дело обернется долгим-долгим и, если не бесконечным делом, то уж точно по случаю удачным. Не так уж случайно так случилось в социально-экономической науке, что первобытная охота заслонила собою «мышление», — главное и основное, что делает человека экономическим человеком, а его поведение — именно социальным поведением в глазах самой природы естества. Что ж, описательная наука потому и описательная, что по иному она и не может видеть человека и его поведение, как видит его и сам обыденный человек. Зрение-то обыденное, а оно что видит глазами, то и поет о том же самом. Казалось бы, что открытие Марксом человеческого труда исключительно из единства материального труда и труда идеального, как естественного способа существования человека, должно было быть положено самим Марксом в основу его же «капитальной» политической экономии в качестве общественного способа существования общества из единства общественного материального труда и труда общественного идеального. Начинать же надлежало с исследования способа существования первобытного общества, где как раз исторически впервые и свершилось естественное единство материального труда и труда идеального. Логика требует именно такого подхода! Однако ж логика логикой, а Маркс Марксом. Маркс опоздал с этой логикой, поскольку открытие человеческого труда из единства идеального труда и труда материального Маркс сделал не в самом начале капитальной политической экономии, а в отделе о производстве абсолютной прибавочной стоимости. К тому моменту поезд «капитальной» политической экономии уже ушел с объяснением и пониманием человеческого труда из конкретного труда и труда абстрактного, и поезд уже было не догнать объяснением и пониманием труда человеческого из труда идеального и материального труда.

Маркс не случайно отказался исследовать способ существования первобытного общества. Зачем, если есть более близкие примеры того же самого. «Для исследования *общего*, т.е. непосредственно обобществленного, труда нам нет надобности возвращаться к той его первобытной форме, которую мы встречаем на пороге истории всех культурных народов. Более близкий пример нам дает деревенское патриархальное производство крестьянской семьи...». 12. с. 88/ — Вот так-то! Что ж, такая вот логика у описательной науки. Для нее нет ничего логически противоречивого в

том, если экономика и социум первобытного общества исследуется на примере деревенского патриархального производства крестьянской семьи. Мало того, что первобытная община, — в историческом начале ее же самой, — еще не знает земледелия и поэтому крестьянским трудом она не существует. Мало того, что первобытная община — это скорее матриархат, нежели патриархат. Мало того, что первобытная община, если и существует семьей, то скорее семьей из разделительного объединения противоположности полов, нежели семьей из объединительного разделения труда. Мало того, что первобытная община еще не знает собственного производства, ибо потребляет пока еще произведенное самою естественной природой. Да всего этого уже столь много, что Маркс просто обязан был знать все то же самое, чтобы при исследовании не подменять первобытную общину деревенским патриархальным производством крестьянской семьи и не оказаться во власти ошибок и заблуждений, которые уж точно последуют из подобного рода подмены. Что мне сказать, — и здесь Маркс оказался в науке с логикой обычного обывателя.

Оказывается, экономика исторически состоялась началом историческим самой же себя вместе и одновременно с историческим началом естественности человека человеком разумным в мышлении самого же себя человеком, где идеальная составляющая человека и есть первая одна составляющая экономику в ее идеальном индивидуальном труде или в общественном идеальном производстве, иначе называемое интеллектуальным производством, а материальная составляющая человека и есть первая вторая составляющая экономику в ее материальном индивидуальном труде или в общественном материальном производстве, иначе называемое вещественным производством.

Таким образом, индивидуальный труд человека, — что первобытного, что современного, — есть труд из единства идеальной составляющей, что составляет интеллектуальное содержание труда, и материальной составляющей, что составляет вещественное содержание труда. В этом отношении ничего не изменилось с тех исторических пор, когда человек исторически состоялся человеком в природе естества, и труд уже окончательно выделил его из биологической природы. В первобытной общине исторически все то же самое еще впервые и экономически, и социально в нем же самом. Ведь даже охота и то осуществляется первобытными людьми уже с умом, то есть заранее осмысленной и в этом отношении уже осуществляется каждый раз более упорядоченным процессом, что, конечно же, экономичнее, нежели все то же самое, что делает, например, волк в собственной охоте. Каждый раз и из поколения в поколение волчья охота, как две капли воды, похожа друг на друга, — момента совершенствования в ней нет совсем.

За исторически первичную форму естественного разделения труда Маркс принял не прямо обратное двуединство «человека» из человека в природе естества и «человека» из природы естества в человеке, где сама

историческая естественность человека существует объединяемым разделением труда идеального в материальном труде и разделяемым объединением материального труда в труде идеальном. Почему так, а не иначе, понятно. — Маркс следовал за материализмом, а материализм запрещает единство материального в идеальном и единство идеального в материальном. Но тот же самый материализм разрешает принять в качестве исторически первичной формы разделения труда разделение труда в семье, которое, опять же по утверждению Маркса, как «...естественное разделение труда возникает вследствие половых и возрастных различий, т.е. на чисто физиологической почве, и оно расширяет свою сферу с расширением общественной жизни ...». /2. с.364/. Свойство социальное и экономическое свойство труда на общественной почве здесь подменено Марксом свойством половых и возрастных различий на физиологической почве. Поэтому политическая экономия первобытной общины оказалась у Маркса замешана не на социально-экономической почве, а на почве физиологической. Точно такая же ошибка проявит себя и в объяснении Марксом политической экономии капиталистического способа производства, где абстрактный труд — это труд из физиологически мускульной силы.

Теперь об общинной стороне человеческого в человеческом первобытном обществе. Состоявшись одним двуединым человеком, историческое начало социальности тем самым исторически уже состоялось первобытным человеком, как человеком уже пространственно общинным. Историческое начало человеческого языка, как языка человеческого общения, исторически состоялось с языка общения человека с самим же собой, где посредником существовала сама окружающая природа в виде конкретности ее же самой. Только много позже в той же первобытной общине тот же самый язык постепенно превратился в язык межчеловеческого общения, где природа в ее конкретности была заменена опять природой, но уже в абстрактности ее же самой. Так вместо определенного и в этом смысле конкретного понимания, например, остро отточенного камня и камня тупо заточенного, появился камень, как абстрактное понятие, обозначающее камень в его уже обезличенном виде. Так постепенно во всем остальном. Еще с тех исторически давних времен в уже современных языках тем свидетельством остались так называемые «артиклы», обозначающие конкретную определенность понятия в слове и слова в понятии, но неопределенного и поэтому абстрактного. Без языка общения человека с самим же собой и его превращения в язык межчеловеческого общения всего того же самого в языкознании уже доказательно не объяснить научным способом.

Итак, социальность в ее исторически первоначальном виде — это не общественное отношение между двумя людьми, а отношения человека с самим же собой, которые уже есть общественные по определению существа естества человека внутренне пространственно двуединым его существом. Только исторически позднее эти отношения превратились в межче-

ловеческие отношения общественного порядка пространства в том социальном смысле «общественного», к которому всех нас уже приучила описательная социально-экономическая наука за последние двести лет. Конечно же, так точно было не всегда точно так.

Если резюмировать социально и экономически первобытный способ существования общины, то его экономика первобытная заключена в еще индивидуальный труд из единства труда идеального и материального труда, где экономика реализует себя идеальным трудом, а труд материальный лишь закрепляет экономику уже вещественным ее началом. «Экономика» здесь — это человеческое время из экономии его самого. Что касается социальности, то социальность первобытная в первобытно общинном строе заключена в социальность одного, но двуединого человека, но социальность общинная уже заключена в началах превращения социальности из одного двуединого человека в человеческую межсоциальность общины из двух и более человек. «Социум» здесь — это человеческое пространство из расширения его самого. Скорее всего, первой социальной общиной была семья из биологической противоположности полов, где сама противоположность полов биологическим инстинктом обеспечивала производство биологического воспроизводства самих же носителей социальности, в то время как сами участники семьи уже общинным трудом экономически обеспечивали и человеческую выживаемость самой биологической жизни. Собираение растений или охота или какой-то другой труд, еще не требующий, кроме самих рук и головы, производства иных средств труда, — это и есть социально-экономический и экономически социальный способ первобытно общинного строя в его первоизданном виде. Здесь труд — это человек, как он есть из существа естества самой природы естества в естественной природе существа самой же ее. В этом труде еще ничего другого нет, но уже есть «экономика» — благодаря мышлению в том же самом общинном труде, и уже есть «социальность» — благодаря общинному труду в том же самом мышлении. Животная стадность и поведение животных, хотя нет-нет, да еще ныне трактуется описательной зоологией в трудовых терминах социальности и социальных терминах труда, на самом деле ничего общего, кроме вещественности природы и природности вещества, не имеют друг с другом. Если что-то и кто-то делает их общим, то только описательность в описательной науке и откровенный антропоморфизм в ней же самой.

Не только политическая экономия, но и философия исследует человека в человеческом обществе и общество человеческое в человеке. Поэтому здесь представляет интерес, как же философия исследует первобытное общество. Вся предшествующая 21 столетию философия декларировала «предметом» своего исследования отношения человека «и» природы, рассматривая их в логике отношений сознания и бытия, субъективного и объективного, идеального и материального. Философия до дня сегодняшнего ничего принципиально нового не внесла в обозначение предмета своего

исследования, хотя со времен Платона, впервые употребившего термин «философия», прошло немногим меньше 2500 лет. За это время в недрах философии возникли и получили свое право на жизнь много-много философских «измов», но философское понимание самого предмета философии у философии осталось прежним. Как ни парадоксально, но так оно и есть на самом деле. Почему, — это другой вопрос. Здесь же примечателен сам этот факт.

Конечно, 2500 лет не прошли даром для философии. За это время человечество овладело гигантским пластом научных знаний о себе и природе, что позволило ему вырваться из стихийных сил природы и обрести состояние, которое называется технократической культурой и культурной технократией уже цивилизованного общества. Роль Философии в этом историческом процессе не менее значительна, нежели Науки. По крайней мере, без философии общество так и не открыло бы «демократию» и «тиранию» в качестве противоположных способов социально-политической самоорганизации самого же его. Да мало ли, что без философии общество так бы и не узнало никогда. Дело здесь вовсе не в этом, а в том, что за все это время предметная концептуальная фундаментальность в фундаментальной концептуальности предмета самой философии осталась той же самой. Как и 2500 лет тому назад, так и сейчас, она не едина, а все так же гносеологически непримиримо разодрана на не соединяемые философии и философски непримиримо разодрана на не соединяемые гносеологии. Почему? Конечно, дело не в деталях самого предмета философии, а в философской сути гносеологической предметности его самого и в гносеологической сути философской предметности самого же его. Что-то в них не так. Так что же?

Разделяя не объединяемым человека и природу, и объединяя не соединяемым природу и человека, невозможно гносеологически получить иного предмета философского исследования и невозможно философски получить иного предмета гносеологического исследования, что уже есть и существует 25 столетий. В самих предметах существующей философии и существующей гносеологии исторически изначально уже содержится все то, что разделяет на многие столетия вперед философию на принципиально не соединяемые философии, — диалектику и метафизику, — и на принципиально не соединяемые гносеологии, — материализм и идеализм. Есть, следовательно, гносеологически изначально в этих предметах некая философская ущербность и ущербность гносеологическая, быть может, исторически вполне объяснимые, но от этого не ставшие иными. Ущербность эта заключена в «и». Хотя «и» здесь «союз», но прежде чем объединить, он принципиально беспринципным способом разделяет неделимость человека в природе — природу в человеке на человека «и» природу. Выдергивая природу из человека в природе и выдергивая человека из природы в человеке, уже получают отдельные друг от друга человек и природа в качестве предмета философии и предмета гносеологии. Здесь скрыто,

но уж точно заранее утверждается, будто человек без природы и вне природы существует человеком, а природа вне человека и без человека существует природой. В противном случае логическое разделение «человека» и «природы» союзом «и» не имело бы соединительного смысла. — Вот в чем изначальная ущербность предмета всей предшествующей и нынешней философии в гносеологии и гносеологии в философии, ибо подобного рода состояние их предмета адекватно религиозному верованию, исходящего из признания существования человека, как Бога вне природы и над природой. Но человек-то не Бог. Человек существует природой и никак не может быть отделенным от нее, чтобы не умертвить самого же себя. Природа является человеком и никак не может быть отделена от него, чтобы не умертвить себя же саму. Желают того существующие философия и гносеология или нет, но предмет их исследования все еще исторически таков, что в нем исследуются отношения природы без человека и человека без природы, что, разумеется, искусственно разделяет человека и природу и делает их естественно не соединяемыми. По существу, от древнейших времен и до наших дней в предмете философии и гносеологии присутствует не человек, а некая мысленная конструкция видимости человека, которая ближе всего к тому, что называется «словесным трупом». Надо сказать, что в представлениях первобытного человека, человек, как таковой, тоже не существовал, правда, не точно так же. Парадоксально? — Вовсе, нет!

В первобытном сознании было все то же самое, что есть и сейчас, но только с точностью до наоборот. Надеясь естественные силы природы сверхъестественным началом языческого божества, первобытные люди представляли себя в нем объектом его действий, а его в себе — действующим субъектом. Первобытный человек действительно объективировал, но не естественную природу, отдельную от него, а себя в ней, тогда как субъективировал он естественную природу, но не отдельную от него, а в нем же действующим субъектом. В первородном сознании первобытный человек представляется себе объектом в действиях природы, а сама природа — действующим в нем субъектом. Здесь даже близко еще нет человека, как субъекта, но как объект действий природы человек уже существует в идеальных представлениях самого же себя. Следовательно, в этих представлениях еще нет представления человека о самом себе, как нечто отдельном от природы. Поэтому здесь еще нет и человека в представлениях отдельности самого себя в природе, как человека «и» природы. Первобытный человек есть плоть от плоти сама природа естества. Поэтому он неразличим в ней в своих представлениях о ней же самой. Эта истина досталась первобытному человеку от исторической непосредственности присутствия его самого в началах собственного происхождения из естества самой природы. И в этом суть дела. Чем дальше первобытный человек уходил от естественных начал собственного происхождения, тем больше и больше истинность его слитности с природой затушевывалась им же са-

мим, пока, наконец, она совсем не исчезла в философском предмете и предмете гносеологическом, в которых черным по белому уже написано человек «и» природа. К этому историческому времени из объекта действий субъективной природы человек уже превратился в действующий субъект объективной природы. Все перевернулось. В первобытном же состоянии было все тоже самое, но с точностью до наоборот. Как только через сотни тысяч лет человек перешагнул через первобытное состояние самого себя, он же перешагнул и в другую философию и в другую гносеологию самого же себя. Тем самым человек ушел от сущности его в природе к природе его явления в ней. Так исторически образовалась гигантская дистанция между сущностью человека в природе и явлением природы человеком.

Первобытный человек совсем не признавал себя субъектом в современном понимании этого слова. У первобытного человека все это еще исторически впереди. Его сознанию в осознании «Я» еще только предстояло стать действительно его сознанием, как ощущением собственной пространственной значимости в окружающем его пространстве природы. Как только все это свершилось и в самой исторической действительности, человек осознал «Я» в самом же себе и сразу же пусть мысленно, но уже «субъектом» выделил самого себя из природы. Общеизвестно, что не только человек владеет мыслями, но и мысли владеют человеком. Тут-то и подоспело исторического время гносеологического рождения философии и философского рождения гносеологии, как таковых. Из опыта обыденного мышления все то же самое перешло в предмет философии и в предмет гносеологии. Иначе и не могло быть! Было бы верхом наивности требовать от исторически еще не родившихся философии и гносеологии, чтобы они сначала исследовали будущий предмет их исследования, и только после доказательств его теоретической надежности научно признали в нем собственный исследовательский предмет. Поэтому уж совсем было бы глупо обвинять саму философию и саму гносеологию, в том числе и современные, что они есть такие первородные, какие они и есть от собственного обыденного, подчеркиваю, обыденного рождения. Однако все это вовсе не означает, что такими они будут и впредь. — Не будут!! На смену классической гносеологии, непримиримо раздирающей гносеологию на материализм и идеализм, приходит неклассическая гносеология идеалистического материализма и материалистического идеализма, предметом исследования которой существует природа познания в познаваемой природе — познаваемая природа в природе познания. Не смену классической философии, непримиримо раздирающей философию на диалектику и метафизику, приходит неклассическая философия диалектической метафизики и метафизической диалектики, предметом исследования которой существует общественная природа человека в человеческой природе общества — человеческая природа общества в общественной природе человека. В свою очередь, неклассическая философия метафизической диалектики и

диалектической метафизики существует предметом исследования природы естества в естественной природе — естественной природы в природе естества. Здесь и везде присутствует «человек», но присутствует не союзом «и», а разделяемым объединением природы естества человека в естественной природе его самого — объединением разделяемой общественной природы человека в природе естества самого же его. Человек присутствует здесь объединением разделяемой познаваемой человеком природы в природе человеческого познания — разделяемое объединением природы человеческого познания в познаваемой человеком природы. Вот как взаимосвязаны философия и гносеология с политической экономией. Начала же всего этого существуют историческими началами человеческого общества из общины первобытной. Поэтому не случайно философия и гносеология присутствуют в политэкономическом исследовании способа существования любого общества.

Что принципиально важно здесь заметить. Первобытная община еще не знала такого общественного явления, как политическая власть в государстве и государство в политической власти. Почему? — Все просто. — Во-первых, первобытные люди существовали не обществом, а общиной. Что есть далеко не одно и одно и то же. Община предполагает необходимость социального равенства и равенства экономического, тогда как общество начинается исторически с ликвидации того и другого и заменой их социальным неравенством и неравенством экономическим. Так появляется почва социально-экономическая и экономически социальная почва для того, чтобы эти неравенства не вернулись в равенства, а без принуждения к тому же самому все то же самое уже не осуществить. Так появился институт государства в обществе из основной составляющей его самого во всем том, что существует принуждением и называется «властью». «Политической» она станет не сразу, но непременно станет. «Государственной» власть станет не сразу, но непременно станет.

Из всей общечеловеческой истории развития человеческого общества история первобытной общины есть самая продолжительная история. В этом периоде сама история человечества как бы только начинает набирать ускорение своего развития, поэтому и процесс самого развития еще медленный, — это с высоты нынешнего времени, — и даже очень медленный. Едва ли ошибусь на порядок, если скажу, что он занял в общечеловеческой истории около трех миллионов лет его земной истории. По сравнению с периодом господства рабовладельческого способа производства, длившегося не более 5 тысяч лет, это целая вечность. Что же касается феодального способа производства, то его господство, например, в России длилось уже много-много меньше, — около девяти веков. Капиталистическое общество уже существует около пяти веков. Надолго ли? Все это весьма и весьма принципиально знать для фундаментального социально-экономического исследования, для которого принципиально важно объяснить и понять, — существует ли эта череда фактов развития общечелове-

ческой истории в ускорении социального и экономического общечеловеческого развития ее же самой не столько фактами, сколько самим законом. Почему с историческим временем во времени самой истории случилось именно так, а не иначе в самой социально-экономической истории развития самоорганизации человеческого общества, — вот какой вопрос задает себе фундаментальная социальная наука и наука экономическая. Если здесь имеет место закон, то он должен быть доказательно открыт из самой общечеловеческой истории и с самого начала должен быть сформулирован на языке естественной истории человечества и уж затем на социально-экономическом и экономически социальном языке общественной истории его же самого.

Факты — упрямая вещь, если, правда, факты не обманывают нас. Здесь же все говорит в пользу того, что факты ускоренного развития человеческой истории в историческом русле человеческого развития социально-экономических отношений и отношений экономически — социальных есть факты, как факты вполне безупречные в своей достоверности. По крайней мере, все то же самое подтверждает и технологически техническое и технически технологическая сторона общечеловеческой цивилизации. Сейчас мало кто задумывается, что всего-то каких-нибудь 140 лет тому назад человеческое общество еще обходилось без электричества, а без электричества — нет энергии, которая ныне приводит в действие все, то, без чего ныне уже не мыслит себя человеческое общество обществом человеческим. Без электричества нет ни телевидения, ни радио, ни проводной, ни сотовой, ни космической и ни привычной радиосвязи. Нет ни интернета, ни водопровода, и нет тепла в квартирах, нет лифта, нет автомобилей и самолетов, ракет и кораблей на электрической тяге атомных реакторов, нет автоматических средств производства, да нет и всего прочего, что было создано человечеством всего-то за последние 140 лет, без чего ныне уже немыслима жизнь человечества. Где-то на Земле еще живы люди, родившиеся в то время. Вот аж как! Еще двести лет тому назад человечество теряло человеческих жизней много-много больше не по причине самих болезней, а по причине отсутствия личной гигиены и санитарии, то есть по одной причине, но вызывающей причину множества самих смертельных болезней. Конечно же, все это подтверждает факт ускорения исторического времени во времени самой человеческой истории. Вот только как его объяснить логическим языком доказательств Науки в логике из Логики в Науки, то есть не ссылаясь при этом на все те же факты, в качестве доказательства.

Доказывать тем, что сначала постепенно, разумеется, еще очень-очень-очень медленно, затем, разумеется, медленно очень-очень, а уж потом, разумеется, очень медленно человек осваивал среду собственного обитания и на это, теперь уже по вполне понятным причинам, человечеству поэтому потребовалось около трех миллионов лет, — примерно до 10 тыс. лет до новой эры, — а, освоившись со средой обитания, дело, разуме-

ется, пошло быстрее и быстрее, — такая логика доказательства первобытной истории человеческой эволюции объясняет эволюцию эволюцией и поэтому ничего другого не объясняет, кроме доказательства собственной бездоказательности. Требуется иная логика, но какая и где ее взять? — Вот в чем вопрос.

Я не без логических доказательств исхожу из того факта, что присутствие самого «человека», как биологического существа в существе разума его самого, есть на планетарной Земле не результат развития биологической жизни планетарной Земли от самых низших биологических геотформ до формы геобиологической высшей, а есть результат посещения планетарной Земли некоей инопланетной космической экспедиции. Ее экипаж, по каким-то катастрофическим причинам, не смог покинуть Землю и остался на планете Земля вечным человеческим гостем и жителем ее же самой. Такой случай в те исторические времена был не единичным, а множественно единичным. Не без логики можно сказать, что таких «неудавшихся» экспедиций было не менее шести на Земле и все в различных ее местах, — именно столько же рас насчитывает ныне и само человечество. Учитывая, что имел место «катастрофический» момент не крушения корабля, а только момент невозможности его возвращения в инопланетное существование, то оставшиеся на Земле первые ее разумные существа были существа биологически живые и разнополые. Хотя все они сами были из разумных существ, да еще принадлежащих к высоко развитой технологически технической цивилизации, но, скорее всего, они переоценили ее надежность, коль скоро заранее исключали возможность самой катастрофы и поэтому заранее не приготовились к ней. В противном случае они уж точно взяли с собой в одном «чемодане» всю цивилизованную память собственных технических достижений и достижений технологических, чтобы, — в случае катастрофы невозвращения, — не начинать на Земле человеческую жизнь с самого исторического начала биологического естества ее же самой. Конечно же, возможна и иная версия того же самого. Некая инопланетная цивилизация совершила все то же самое, но в качестве космологически продуманного эксперимента. В этом случае все то же самое, но без момента «катастрофы». Случилось так, как случилось. Катастрофа или продуманный эксперимент невозвращения экспедиции сохранила инопланетным экипажам биологическую жизнь, трагедия которой заключалась в том, что сама жизнь разумная не смогла воспользоваться плодами собственной инопланетной цивилизации. Поэтому первым земным «человекам» пришлось начинать с биологического их начала в начале человеческого из первобытного состояния его самого. В этом только случае и случае в этом только у человека возникает исторически длительная временная потребность разумно приспособиться к Земной среде обитания и выжить в ней же самой именно человеком разумном. Здесь даже три миллиона лет покажется сроком малым.

В биологическом случае эволюционного объяснения происхождения человека из биологической природы планетарной Земли, еще не произошедший человек существует животной обезьяной, которая постепенно приспосабливается к среде обитания не человеческим еще способом, а способом животного. Поэтому, ископаемая обезьяна, только исторически состоявшаяся уже разумной, уже в человеке мыслящем находит все ту же среду обитания, но она уже заранее приспособлена для него обезьяньим его прошлым и инстинктами биологическими существует в нем же самом. Поэтому самому ископаемому человеку уже не надо тратить исторического времени, чтобы освоить эту земную среду и выжить в ней же самой. — Он уже жил ее самой и не один миллион лет, но обезьяньим прошлым его самого. Он выжил в ней самой и, следовательно, биологические инстинкты выживания присутствуют в нем же самом и, следовательно, нет и необходимости во временных затратах на решение проблемы выживания. Раз так, то с помощью биологической эволюции никак не объяснить гигантски длительную человеческую историю первобытно общинного строя. Вместе с тем, все то же самое уже логично объясняется, но в случае происхождения земного человечества инопланетным способом из способа двуединства космологического порядка в порядке вселенском и порядка вселенного в космологическом порядке.

Во-первых, происхождение земного человечества инопланетным способом снимает проблему происхождения человека на планете Земля способом земной биологической эволюции из ископаемой человекообразной обезьяны. Что уже есть научное достижение, поскольку биологический способ происхождения человека из биологической природы Земли доказывает эволюцию эволюцией и ничего другого не объясняет, кроме бездоказательности самого эволюционного способа. Во-вторых, происхождение земного человечества инопланетным способом не снимает постановку проблемы происхождения человека, а переносит постановку этой проблемы из земной колыбели в колыбель космологического порядка в порядке вселенском. Что уже есть достижение, поскольку разумность человека, как естество его самого, представляется на планетарной Земле исключительным биологическим существом в естестве биологическом самого же его из всей биологически земной природы. Сама же «исключительность» есть противоестественное состояние для природы естества. Как уникальность и неповторимость в явлениях ее же самой, «исключительность» находится вне пределов досягаемости человеческого познания, то есть заранее признается им принципиально непознаваемой им же самим. Смириться с подобным следствием означает признать агностицизм в качестве вечного спутника человеческого познания. Не знаю, кому как, но мне противна подобная логика человеческого познания. Поэтому ликвидация гипотезы эволюционного происхождения человека из гипотез научного порядка уж точно есть прогресс в развитии фундаментальной науки. Это и понятно. Ведь гипотеза земного биологического происхождения человека,

— пусть хоть тысячи раз одевать ее в одежды биологической эволюции,
— есть гипотеза, противоречащая логике естества самой природы, да и противоречащая логике ее познания самим человеком, ибо, где исключительность, там уже действует не познаваемость, а непознаваемость. Более того, именно в силу той же самой причины любая постановка проблема происхождения человека, ограниченная планетарной Землей, заранее не имеет своего научного объяснения. Хорошо бы все это знать и понимать не только в естествознании, но и в обществознании. Что уж точно заранее уберегло их фундаментальные науки от многих концептуальных ошибок и заблуждений фундаментального значения. Не без этой причины в монографии «СПИД и СПИД. Проблемы и решения» я специальной главой «Дарвинизм, как тупиковая ветвь положительного развития фундаментальной биологии в естествознании» исследовал «дарвинизм» именно с этой стороны его самого. /13. с. 381-420/. Увы, гносеология и философия скорее на словах признаются биологией плодотворными в них же самих. На деле же, если и представляется возможным увидеть в биологии философию, то философию гносеологическую, — что уже есть плохо, — но чаще в них видится философия обыденного мышления, — что уже на порядки еще хуже.

Итак, естественная история развития земного человеческого общества имеет в своем историческом арсенале искусственную историю человеческого в человеческом обществе, что как раз и объясняет необъяснимую иными способами длительность первобытного состояния человека и человечества. Если исключить из общечеловеческой истории историю искусственную, то период первобытного состояния общества уже представляется много-много более коротким, нежели все то же самое, но без понимания и объяснения существа происхождения человека человеком земным. По крайней мере, здесь уже речь идет о периоде, не большем 10 тысячи лет. Предшествующий период — это еще не первобытно общинный строй, а первобытный строй человечества, где есть только человеческий поиск общественного способа существования со средой его обитания, и поиск среды обитания для существования в ней способа человеческого общества, где есть поиск человеческого способа существования человека с человеком. Только кажется, что для этого не требуется много исторического времени. — Требуется, и именно столько, сколько он исчисляется миллионами лет. В этих условиях проблема уплотнения исторического времени временем истории его самого уже не выглядит столь масштабной. Уплотнение времени временем остается, но оно вполне уже объясняется на языке социально-экономическом и экономически социальном языке.

По мере увеличения численности первобытных общин становится все труднее и труднее обеспечивать их жизнедеятельность первобытным способом, где кроме рук и головы, других средств труда, исторически еще нет. Со временем появились вещественные средства производства, — камни, заточенные или затупленные силами самой природы естества. С их

помощью производительность первобытного труда, конечно же, увеличивается, и даже значительно, чтобы опережать биологически естественный рост первобытного населения и тем самым сделать пищевые и иные запасы впрок. Биологическое производство воспроизводства населения в условиях первобытного общества естественно ничем не ограничено, но искусственно ограничено производительностью общинного труда его самого в нем же самом. Естественно, что сам биологический способ размножения человечества не с самого начала входит в глубокое противоречие с тем способом производства воспроизводства экономического и социального в человеке, которым существует первобытно общинный строй. Противоречие, если долгие тысячелетия и разрешалось, то смертью лишних ртов. Другого способа у первобытного строя не было.

Конечно, со временем появились уже искусственные орудия труда, сначала из камня, затем из бронзы, а потом уж и из железа, что, разумеется, свершило революцию в орудиях ручного человеческого труда и резко увеличило производительность общинного труда в первобытно общинном строе. Однако ж время не стояло на месте, и в месте уже значительного первобытного населения вновь появилась все та же проблема биологического его выживания, правда, в уже больших количественных размерах населения. Вновь во весь экономический рост стала социальная сторона проблемы того же самого экономического противоречия. Исторически экономический ресурс опять же из совершенствования средств ручного труда к тому времени был уже полностью вычерпан. Производительность общинного труда замерла в ожидании качественного рывка, а жить и рожать все большем количестве приходится уже сейчас и здесь. Именно такая дилемма, пусть не в точно такой же ее постановке, но уж точно существовала в первобытно общинном строе в экономически и социально уже развитой его исторической форме. Как всегда, само общество и нашло выход. Но это уже был вход в рабовладельческое общество.

ГЛАВА 5.2.

СПОСОБ САМООРГАНИЗАЦИИ РАЗВИТИЯ РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА.

Первобытно общинный строй не знал экономического неравенства и, следовательно, не знал неравенства и социального. Не зная, как на самом деле преодолеть кризис, общество преодолевает его практическим методом проб на удачу, где случаются и ошибки. Ошибки отсекаются опытом, но удача есть удача. Она повторяется опытом и в опыте она превращается в положительный опыт уже общественный. Оказывается, если не всем

распределять поровну блага ручного производства, а больше тем, кто больше и производит, — но меньше тем, что и производит меньше, — то тогда, если уж суждено кому-то умереть из-за недостаточного роста производительности общинного труда, — пусть уж будут ими индивидуально малопродуктивные люди. Логика может быть и жестокой, но от этого она не перестает быть логикой. Конечно, могли быть и иные общественные мотивы, да и наверняка они были для появления экономического неравенства в первобытно общинном строе. Суть же в том, что, так или иначе, но экономическое неравенство все-таки исторически появилось в первобытно общинном строе и постепенно вызвало к жизни и неравенство социальное, а уже вместе они соединились в принципиально новый источник роста производительности общинного труда. Что, в конечном счете, как раз и превратило первобытный способ существования общины в рабовладельческий способ существования общества. — Само же экономическое неравенство и как, следствие, неравенство социальное само есть в их единстве принципиально новый для истории источник роста производительности общественного труда. — Вот аж как! Как оказалось, экономическое равенство и равенство социальное, но при производительности общинного, но ручного первобытного труда, есть равенство ущербно^ для расширяющегося биологического производства воспроизводства рода человеческого. Парадоксально? — Да! Что вовсе не означает, будто здесь есть что-то алогичное. Почему же неравенство экономическое и социальное неравенство в исторически этих социально-экономических условиях и условиях экономически социальных куда производительнее в общественном труде, нежели все то же самое, но в равенствах. — Все просто. Социальное равенство и равенство экономическое основано на отсутствии присутствия разделения труда в разделении уже общественного труда. Что и было в первобытно общинном строе. Строй рабовладельческий принес с собой разделение труда в разделении уже общественного труда. Рабовладельческое общество — это общество, исторически впервые существующее обществом человеческим.

Если в социальном равенстве и без разделения труда на общественное разделение труда каждый обязан думать, прежде чем делать, то с разделением труда на общественное разделение труда в социальном неравенстве его самый один только думает дело, но за всех, но зато все делают руками, но кроме одного. Что же получается? Получается же вот что, а, именно, — экономия труда на суммарных затратах идеального общественного труда. Чем масштабнее пространство социального неравенства, тем большая экономия времени пусть идеального, но ведь труда. Это и есть экономия общественного времени. Что и есть в результате повышение производительности общественного труда, и тем оно экономически замечательно, что, — надо же! — не требует никаких экономических затрат на его воплощение. — Вот даже как. Единственно, что требуется, так это осуществить неравенство экономическое и социальное неравенство уже в соци-

альных и экономических масштабах всего общества. Тогда рост производительности общественного труда станет столь же масштабным, что приведет к самоорганизации развития уже иного социально-экономического и экономически социального общества, нежели первобытно общинного. Таким обществом и стало общество рабовладельческое. Рабовладельческий способ производства в потреблении им рабского труда как раз и был тем способом *существования* общества, где *социальное* неравенство и неравенство экономическое радикально решило проблему повышения производительности общественного труда для победы нового рабовладельческого общества над общинно первобытным строем, уже смертельно составившемся экономически и социально.

Рабы превращаются в производительную силу самой биологической природы естества с максимально минимальным удовлетворением тех ее потребностей, которые не выходят за пределы того же самого, что и у животного. Кормить только для того, чтобы не умер, но работать, чтобы как живой. — Вот девиз рабовладельца. Раба разрешено уничтожить и создать. Ведь рабы биологически воспроизводят потомство, а в социально-экономических условиях и условиях экономически социальных рабовладельческого способа существования общества потомство рабов — это опять же рабы.

Хотя рабовладельческий строй оказался экономически более успешным в производительности общественного труда, нежели строй первобытно общинный, но ведь с моральной высоты дня сегодняшнего едва ли найдется хотя бы один человек, который бы сказал, что превращение социально и экономически свободного первобытного человека в человека-раба и господина-человека есть дело морально прогрессивное. Как бы получается, что сама история человечества здесь сделала шаг назад, а не вперед. Все же история требует иного подхода, ибо с ее позиций некорректно смотреть на историческое явление в явлении иного исторического времени, нежели в том, котором оно существует исторически. Мораль — это явление историческое в своей сущности. Что было моральной нормой во времена первобытно общинного строя, стало отклонением от нее в строе рабовладельческом, но в рабовладельческом строе утвердилось моральная норма, которая уж точно была бы отклонением в первобытно общинном строе. Так что раб в рабовладельческом обществе — это социально-экономическая норма и норма экономически социальная, а, значит, и норма моральная. Пусть все то же самое не угнетает мораль современного человека. — Не все и в современном обществе было бы моральной нормой для человека социально-экономической эпохи рабовладения.

Рабовладельческое общество это первое в человеческой истории общество, где уже существует разделение труда внутри общества разделением в нем общественного труда. Отсюда исторически впервые такие явления, как рынок, товар, стоимость и цена появились вместе с появлением общественной сферы производительного потребления и общественной

сферы потребительного производства самого рабовладельческого способа существования общества. Первобытный способ существования общины не зря называется не общественным, а общинным. Здесь есть труд, но он общинный, а не общественный труд. Здесь есть и сфера производства и сфера потребления, но они здесь существуют еще либо индивидуальными человеческими пределами, либо человеческими, но пределами общины, а не общественными пределами. Поэтому первобытный строй не знает такого явления, как рынок. Отсюда в нем нет ни товара, ни стоимости, ни цены. Все то же самое уже есть в рабовладельческом обществе, ибо в нем, повторяю, уже существует разделение труда внутри общества разделением в нем общественного труда.

Итак, все то, что существует в современном человеческом обществе и существует в нем разделением труда в разделении общественного труда общественными сферами производительного потребления и потребительного производства, существует рынком, товаром, стоимостью, ценой, наконец, самим обществом и политическим институтом власти — все это исторически впервые обнаруживается рабовладельческим способом существования общества. Все то же самое еще не было способом существования первобытной общины, но став способом существования рабовладельческого общества самое же то все стало отправным историческим пунктом для саморазвития организации всего того же самого уже в самоорганизации развития того же самого, но уже не в том же самом историческом содержании в других обществах. Установить сущность всех этих фундаментальных явлений именно там и тогда именно, где они исторически впервые и стали существовать экономически и социально, — как раз и составляет научную задачу политической экономии.

Конечно, можно сделать так же, как сделал Маркс в капитальной политической экономии, то есть исследовать все те же самые явления с высоты капиталистического способа производства или в исторически обезличенном их виде. Что ж, можно сделать и не такое с самой человеческой историей. Я же исхожу не из того, что можно делать исследователю с наукой политической экономией, а из того, что исследователю разрешено Наукой в логике и Логикой в науке делать в науке политической экономии, и что исследователю запрещено делать в ней же самой. Поэтому я следую не за Марксом, а за самим же собой, но имея в виду Науку в логике и Логику в науке.

Начну с разделения общественного труда в общественном разделении труда. Если в первобытно общинном строе труд человека — это естественное разделяемое его объединение в труде идеальном и материальном труде, как еще индивидуальном труде, то в рабовладельческом обществе труд существует уже трудом общественным. И объединен он в единство идеального общественного труда и материального общественного труда разделением общественного труда на те же самые составляющие. Что существует в первобытной общине разделяемым объединением труда инди-

в и дуального, то же самое существует в рабовладельческом обществе объединяемым разделением общественного труда. Поэтому исторически впервые именно рабовладельческое общество объединяемо разделило общественный труд на сферу идеального общественного труда, — где определяющим трудом существуют рабовладельцы, — и на сферу материального общественного труда, — где определяющим трудом существуют рабы. Идеальная сфера общественного труда — это сфера идеального общественного производства, тогда как материальное общественное производство — это сфера материального труда.

Разумеется, если существует производство, то без потребления оно не существует, равно как и наоборот, где есть потребление, то без производства оно не существует. Следовательно, общество существует производительным потреблением и потребительным производством существует. Применительно к социальным и экономическим условиям рабовладельческого общества все то же самое означает, что сфера идеального общественного производства, потребляя материальный продукт сферы материального общественного производства, тем самым превращается в общественную сферу материально идеального производительного потребления. В свою очередь, сфера материального общественного производства, потребляя идеальный продукт сферы идеального общественного производства, тем самым превращается в общественную сферу идеально материального производительного потребления. В одном случае материальное идеально, но идеальное материально в другом случае. Это означает, что сферы производительного потребления и потребительного производства есть тождественно противоположные общественные сферы и сферы общественные, но противоположно тождественные. Чтобы их объединяемо развести в самом обществе общество само существует разъединяемым объединением сферы производительного потребления, — здесь материальный труд подчинен труду идеальному. Чтобы их разъединяемо объединяемо свести в самом обществе общество само существует сферой потребительного производства, — здесь труд идеальный подчинен материальному труду. Общественная сфера производительного потребления и общественная сфера потребительного производства существуют обществом, и общество существует ими же, но существует их социальным единством и единством экономическим их существует. Где, как и в чем осуществляются эти единства?

Социальное единство и единство экономическое этих сфер существует двуединством явления общества самому же себе во всем том, что самим же обществом называется «рынком». — Вот где осуществляются эти единства, но как рынок осуществляет их двуединством? — Оказывается, сначала посредством превращения «продукта» общественного труда каждой из этих сфер в «товар», как социальное явление уже самого рынка. «Сущность товара» — это социальное рыночное взаимоотношение между общественными сферами производительного потребления и потреби-

тельного производства. Именно рыночно социальное их взаимоотношение! Поэтому рынок социально существует товарным рынком. Затем единство этих же сфер осуществляется посредством превращения «товара» в «стоимость» его, как уже экономическое явление рынка. «Сущность стоимости» товара — это экономическое рыночное взаимоотношение между товаром сферы производительного потребления и товаром сферы потребительного производства. — Именно рыночно экономическое их взаимоотношение! Поэтому рынок товарный существует стоимостным рынком.

Стоимость в товаре, — это социально-экономическое явление, тогда как явление социально-экономическое, — это товар в стоимости. Оба эти явления есть явления рынка, но сущность этих явлений принадлежит их рыночной сущности, а она раскрывается двуединством общественных сфер потребительного производства и производительного потребления, которые, конечно же, существуют не одним и тем же общественным единством материального труда в труде идеальном и труда идеального в материальном труде. Все возвращается к труду, но с труда все и начинается. Что вовсе не означает истинность марксовой трудовой теории стоимости. Истина стоимости скрывается в сущности стоимости, а она принадлежит рынку и существует там экономическим взаимоотношением уже известных общественных сфер. Здесь в сущности стоимости действительно нет ни одного атома вещества природы, тогда как Маркс, определяя стоимость абстрактным трудом, а труд абстрактный определяя физиологией человеческого труда, в, конечном счете, все равно пришел к атомному веществу природы, хотя и в молекулярном качестве физиологического вещества ее же самой. Так что Маркс обманывался сам, да и обманывал всех остальных, что в его стоимости нет ни одного атома вещества природы. — Есть!

Теперь, что касается «цены». Что же такое в научно фундаментальном исследовании «цена», если не опускаться до ее обыденного понимания в виде денежного выражения стоимости. «Стоимость» — это качественная экономическая составляющая «товар». Следовательно, должна существовать и количественная экономическая составляющая «товар», но «стоимостью» она никак не может существовать, поскольку из измерения качества качеством самого же его количества из качества никак не извлекается. Вот почему есть заблуждение или ошибка утверждать, что «стоимость уменьшается... или увеличивается стоимость». Стоимость не может быть меньшей или большей стоимостью. Правда, речь идет о «стоимости» не в Марксовом ее понимании, а в объяснении и понимании уже научно фундаментальном. «Цена» — как раз и есть та сторона качества стоимости, которая существует количественной ее стороной. Иначе говоря, «стоимость» и «цена» есть две стороны единства товара в его экономическом явлении самому же себе на товарном рынке. Стоимость в товаре существует экономическим качеством товара, а количественным измерителем экономического качества товара существует цена его самого. «Цена» — это ры-

ночное количественное выражение качества стоимости товара. — Ничего более! Вот почему цена принадлежит товару в стоимости, а не стоимости в товаре. Вот почему было бы ошибкой или заблуждением говорить «цена стоимости или стоимость цены». Тем более является ошибкой или заблуждением научно утверждать, что «цена есть денежное выражение стоимости». Цена не выражает стоимость, но выражает товар в стоимости. Цена есть мера количества товара в стоимости качества его самого. Сама же мера содержательно может быть в универсальной единице из денег, но может быть и из шкур овец, или из золота, или из железа, да мало ли из чего она может быть деньгами, — главное, чтобы она специально была мерой универсальной. Цена, равно как стоимость и товар, есть явление рыночное, но существует цена единством предложения и спроса. Предложение появляется на рынке продавцом, а покупателя приводит на рынок спрос.

Здесь уже присутствуют покупатель в продавце и продавец в покупателе, как посредники между прямым единством производительного потребления в потребительном производстве и обратным единством потребительного производства в производительном потреблении. Покупатель есть продавец в одном месте, но в ином времени продавец есть покупатель. Это столь же верно, как и то, что в одном времени покупатель есть продавец, но в другом месте продавец есть покупатель. Здесь покупатель и продавец существуют не одним и одним и тем же единством в одном и одном и том же рыночном лице, но существуют рыночно разновременно и не в одном и том же рыночном пространстве. Это и понятно. Ведь спрос и предложение так же не существуют отдельно друг от друга, а существуют прямым единством спроса в предложении и обратным единством предложения в спросе. Вот так-то, и не иначе, иначе абсолютное противопоставление покупателя и продавца и возврат к «капитальной» политической экономии.

Конечно, на поверхности социально-экономических явлений «цена», «стоимость», «товар», «рынок», «производство и потребление», «покупатель и продавец», да и сам «труд» — все это выглядит совсем не тем же самым, что обнаруживается сущностью всего того же, но из научно фундаментального исследования социального и экономического исследования. Что ж, так и должно быть. Ведь явление не совпадает с собственной сущностью. Иначе и наука фундаментальная не была бы нужна человеческому обществу для объяснения и понимания сущности его самого.

Рабовладельческий строй — вот такая самоорганизация развития общества исторически впервые в истории человеческого развития общества ответственна за появление рыночной социальной экономики и за появление рыночного экономического социума. На этом рынке именно раб был товаром номер один. Как бы сказал Маркс, раб — это и есть само средство ручного труда рабовладельческого способа производства. Товаром его делает рыночный социальный механизм экономики общества рабства-

дельческого. Но стоимостью его делает экономический механизм социума рабовладельческого общества. Цена же раба определяется рынком из двуединства спроса в предложении и предложения в спросе. Конечно же, рыночный экономический механизм и механизм социальный рынка, возникнув в рабовладельческом обществе, не оставались социально и экономически неизменными на столетия вперед. Много в них изменялось и изменялось значительно, но неизменным оставалось одно, —■ производительное потребление и потребительное производство в разведенном социально пространственном виде их же самих. Правда, при рабовладельческом строе производство уже было преимущественно общественным, а потребление преимущественно еще индивидуальным, — в этом уж точно есть неразвитость рынка рабовладельческого обществ. Вот почему здесь рынок — это преимущественно еще географическое место торговли, то есть базарная купля-продажа товаров, но уже существует и рынок в макроэкономическом значении того же самого явления. В этом отношении рабовладельческий рынок столь же недоразвит, сколь и развит исторически. Он такой, какой он исторически и должен быть в рабовладельческом обществе. Главное здесь — это то, что именно рабовладельческий способ существования общества исторически впервые породил «рынок», как социальный механизм регулирования экономики и как экономический механизм регулирования социума из двуединства общественных сфер производительного потребления и потребительного производства. Естественно, что и «товар» исторически появился рабовладельческим товаром вместе и одновременно с рынком. Так что не капитализм, и не феодализм, а именно рабовладельческий строй экономически ответствен за превращение самого продукта труда в товар, и не удивительно, что первым товаром во всемирной социально-экономической истории человечества оказался сам «человек». Разве могло быть иначе, коль скоро в человеческом обществе нет ничего дороже человека, но, кроме человека, нет ничего и дешевле в том же самом обществе. Поэтому было бы совершенно необъяснимым, почему иное нечто, а не человек стал бы исторически первым вещным товаром. Так что рабовладельческий товар — это, в первую очередь, человек, а уж вещные товары — это уже здесь во вторую очередь. Недаром же в рабовладельческом обществе даже сам раб был универсальным рыночным измерителем для цен всех вещных товаров. — Раба даже использовали вместо денег.

Главное же здесь и здесь оно же основное — это «труд». В рабовладельческом обществе — это рабский труд и труд рабовладельца в их единстве. В марксистско-ленинской политической экономии, не без социальной пристрастности ее же самой труд рассматривается только с позиций угнетенных классов, а из мировоззренческого окна их обыденной жизни, конечно же, видно, что трудятся только классы эксплуатируемые, — эксплуататорские же классы, конечно же, не трудятся, поскольку живут они за счет труда классов эксплуатируемых. Маркс и Ленин эксплуатировали в

своих «научных» трудах именно обыденное мышление пролетариата. Поэтому я и взял в кавычки их научные труды, ибо труды научные необыденны по определению.

Конечно же, в рабовладельческом обществе и рабовладельческий класс трудится, но не точно так же и не с таким содержанием труда, что и рабы. Труд управляющего — это уж точно труд. Труд законодательный — это то же труд. Да и труд полководческий, разве это не труд?! В современном капиталистическом обществе это понимает уже пролетариат и даже понимает[^] почему именно эти виды труда относятся к категориям высокооплачиваемого труда. Даже Маркс, хотя и был уверен, что труд не зависит от общественных форм условий самого же труда, и то наверняка бы здесь признал свою ошибку. — Зависит, да еще как! Только на обыденной поверхности явлений кажется «не зависит». Научный и непременно фундаментальный взгляд открывает здесь противоположное, а именно их взаимозависимость, и, следовательно, доказательное объяснение, что рабовладелец трудится и трудится раб, и только их совместный труд доказательно теоретически полно объясняет сам способ существования рабовладельческого общества. Труд рабовладельца зависит от того, каким общественным условиям труда социально и экономически принадлежит сам рабовладелец, а рабский труд зависит от того, каким общественным условиям труда социально и экономически принадлежит сам раб. Поэтому социальное содержание и содержание экономическое труда у каждого из них есть не одно и одно и то же из них в каждом.

Сама по себе универсальная способность человека к индивидуальному труду, как таковая естественная, некогда исторически востребованная первобытно общинным строем, теперь уже исторически востребована рабовладельческим обществом, но как таковая способность человека к уже общественному труду. Почему же рабовладельческий строй исторически оказался качественно более производительным в труде, нежели строй первобытный. Оказывается, все дело в неравенстве социальном и экономическом неравенстве, и как следствие единство труда рабовладельца и рабского труда. Во-первых, труд общественный с его разделением труда внутри общества производительнее труда индивидуального внутри общины. Почему, понятно. Но здесь требуется объяснить и понять не исторически общее, а частность историческую, а она раскрывается содержательностью труда рабовладельца и рабского труда в его содержательности.

В бытность первобытной общины, общинный человек, — каждый человек, — собственной головой думал дело, и дело обдуманное собственными же руками воплощал в саму же действительность. Проникнув в рабовладельческое общество, разделение труда внутри общества освободило рабов от одной из двух *составляющих естественное* разделение *труда* человека, — от идеальной составляющей в составляющей материальное. Но раб при этом остается живым человеком. Сделать в индивидуальном порядке то же самое с человеком-индивидом означает анатомически лишить

человека его же головы, что уж точно невозможно при сохранении его жизни. Оказывается все то же самое уже возможно сделать с человеком, но в общественном порядке. — Достаточно отнять у него идеальную трудовую составляющую, но в общественном порядке социальности самого общества, переадресовав исполнять ее, опять же в общественном порядке социальности, господам рабовладельцам. Теперь тысячам и тысячам рабам «что делать и делать как», — думать уже не надо, — за них все то же самое делает идеальный труд уже господ рабовладельцев. Рабам остается только материальная составляющая из общественного труда. Мало того, что общество сокращает таким способом гигантское общественное время за счет сокращения времени идеального общественного труда, но и оно же гигантски сокращает общественное время на производство воспроизводства главного товара и средства производства, — раба, — которому достаточно только того для жизни, чтобы он не умер здесь и сейчас. Труд раба, исключительно материальный по своему общественному содержанию, если что и экономически стоит самому рабовладельцу, то ничтожно малую часть из всего того, что экономически он приносит тому же рабовладельцу. В сумме того и другого рабовладельческий способ существования общества произвел класс рабовладельцев и сделал гигантский шаг вперед в деле производительности общественного труда, что, в конечном счете, и было решающим для победы именно этого общественного строя над строем первобытно общинным.

Правда, сама история человеческого общества заплатила за все это гигантскую цену. Она социальное равенство и равенство экономическое первобытно общинного строя заменила на экономическое неравенство и неравенство социальное в самой чудовищной форме, — это с высоты сегодняшней морали, — сделав из некоей части человечества человеческие части не равными в человеческом качестве себе же самим>а неравными вплоть до состояния животного. Конечно, история оправдывает все, что случилось в ней и стало историей ее же самой. Точно так же и здесь. Была ли у первобытно общинного строя другая социально-экономическая альтернатива и альтернатива экономически социальная исторического развития, нежели превращение его в общество рабовладельческое? — Другой альтернативы не было. — Эта альтернатива была самой-самой дешевой экономически и самой-самой социально простой по гениальности ее стихийного обнаружения самим обществом. Здесь не труд стал товаром, а товаром стал сам владелец труда вместе с трудом, — «человек». Раб, как товар, это товар человеческий. Он принципиально отличается от всех прочих товаров тем, что у него, хотя и индивидуально, но присутствует и идеальная составляющая. Правда, в рабском труде она существует не качеством креативным, а исполнительным качеством. Что, конечно же, важно, но куда важнее понимать, что не труд раба, а сам раб это товар. Что же из этого следует, — спросит мой собеседник-обыватель. Следует и весьма важное следствие.

Если обычные вещные товары приводятся обществом к единой и в этом смысле универсальной мере измерения деньгами, а деньги — не только не пахнут, но и не думают сами, — то все то же самое совсем не самое же то с рабом, как товаром человеческим, особенно, если этот товар уже существует международным рынком. Этому товару запрещено разделением общественного труда и способом существования самого же рабовладельческого строя мыслить общественным мышлением, но мышление индивидуальное ему никак не запретить. Раз уж он думает индивидуально, то пусть хотя бы во всех странах он думает духовно одинаково. Иначе, кто же купит рабский товар в Греции, если он духовно существует не по-гречески, а по-палестински духовно. Дело, следовательно, не в языке мышления, а в общественном осознании раба человеком из товара международного его самого. Если же кто и купит раба с духовно неменяемым общественным сознанием, то уж точно дешевле. Дешевле же — это всегда экономически невыгодно для продавца, а продавец-то — рабовладелец. Возникла остро насущная проблема и проблема возникла у рабовладельцев. — Что же делать рабовладельцам с таким специфическим товаром, как раб, чтобы он продавался экономически успешно на международных рынках, а не только на рынках внутренних?

Выход был найден точно такой же, что и в случае с обычным товаром, который приводится к универсальной мере измерения с помощью денег. Раб, как человеческий товар, кроме универсальной денежной меры измерения, должен измеряться и единой мерой духовного измерения. В те времена, кроме религии, фундаментально другой универсальной меры духовного измерения и не было. Здесь, разумеется, логично привести всех рабов к единому духовному измерению именно в одной и одной единственной религии. Такая религия появилась. И, — надо же! — исторически появилась именно там и именно тогда, когда и где в ней возникла насущная потребность именно экономического порядка и именно у класса рабовладельцев. Имя этой религии — христианство. Место и время рождения — еврейские поселения на палестинской провинции Римской империи, империи рабовладельческой в то время по социально экономическому и экономически социальному способу ее общественного существования. Иудаизм не годился, поскольку эта религия не для общечеловеческого использования, а для использования только одним человеческим народом. Возникнув в недрах иудаизма, христианство возникло религией общечеловеческой, и именно в силу этого оно было востребовано классом рабовладельцев для экономического его использования в духовной стоимости такого международного товара, как раб.

Энгельс в свое время доказывал, что христианство, возникнув в недрах иудаизма и на территории еврейской диаспоры в Палестине, именно на плечах рабов перешагнуло страны Европы и превратило их население из язычников в христиан. Здесь есть правда, но не вся. Энгельс из всего того же самого сделал вывод, что христианство — это религия социально

угнетенных масс, и поэтому первопричиной появления этой религии являются именно сами же рабы. На самом же деле, все с точностью до наоборот. Прежде всего и всего прежде, общественная экономическая потребность в единой духовной мере измерения раба, как уже международного товара, исторически возникает именно у рабовладельца, а не у самого раба. Раб, как товар, здесь уже религиозно вторичен и никак не может быть первопричиной необходимости единой духовной меры его самого, как товара человеческого. Вот в чем не вся правда Энгельса. Энгельс, как и Маркс, был социально пристрастен не только в политической экономии, но и в других науках общественного порядка. Поэтому ничего удивительного в том нет, почему Энгельс так и не дал всестороннего ответа на вопрос о первопричинах превращения христианства из религии еще иудейской по месту происхождения в происхождение общечеловеческой религии пусть не всего человечества, но именно той его части, где, так или иначе, но уже господствовал рабовладельческий строй.

Первопричина распространения христианства за географические пределы территории его же происхождения скрыта и в самом рабовладельце, как продавце — покупателе человеческого товара, и, конечно же, самом же рабе, как уже международном товаре на рынке опять же международном. Любое другое экономическое объяснение исторически того же самого явления обязательно будет односторонним, социально пристрастным и в этом отношении уж точно научно ущербным. Поэтому, — как это не покажется весьма и весьма парадоксальным для современного человека, — но распространению христианства до пределов общечеловеческих само христианство обязано рабовладельческому строю, с моральной высоты дня сегодняшнего самого чудовищного из всех ныне нам известных способов существования общества. Вот аж как случилась сама история человечества. — Рабство, как человеконенавистная мораль, и мораль христианская, как мораль человеколюбивая, — оказались взаимосвязанными одним и одним и тем же временем самой истории и одним и одним и тем же местом ее же самой и социально экономически и экономически социально. Вот уж действительно любовь и ненависть есть две стороны одной и одной и той же медали не только в личной жизни человека, но и в человеческой общественной жизни его самого, как человечества. Все же, жизнь сложнее, нежели ее описание, даже если оно беспристрастно социально и экономически беспристрастно.

Что принципиально важно здесь увидеть. Первобытный способ существования общества по вполне понятным причинам просуществовал самое исторически длительное время из времени всей общечеловеческой истории и за столь длительное историческое время, разумеется, «окаменел» в социальном равенстве и равенстве экономическом. Поэтому было бы заблуждением полагать, что первобытно общинный строй без исторического боя сдавал свои социальные позиции и позиции экономические грядущему рабовладельческому строю, с его экономическим неравенством и нера-

венством социальным. Бой был и был он исторически длителен. Наконец, был исторически найден социальный компромисс и компромисс экономический. О чем идет речь? — Да о том, что рабовладельческое общество — это не способ существования всего общества, на одной стороне которого рабы, а на другой — их собственники, то есть рабовладельцы. Все исторически свершилось несколько иначе. Первобытно способ существования общины одной социальной частью и частью экономической одной экономически неизменяемо и неизменяемо социально в социальном равенстве и равенстве экономическом перешагнул в рабовладельческий способ существования общества, но другая часть социально изменяемо и изменяемо экономически была перемолота рабовладельческим способом существования общества уже по его социальным законам и законам экономическим. Поэтому рабовладельческое общество строго точно не разделялось на рабов и рабовладельцев. В рабовладельческом обществе существовали и рабы и свободные от рабства граждане, но не все они были рабовладельцами. Часть из них и притом часть наибольшая была свободна и от рабовладения. Эта часть населения, свободная и от рабства и свободная от рабовладения существовала гражданами. Что такое есть «граждане» социально и экономически? Социально они предоставлены самим же себе, но себе же самим не предоставлены экономически. Эти граждане есть ремесленники в городах и мелкие землевладельцы в деревнях. Социально они независимы друг от друга, но экономически уже зависимы, поскольку, если что их и объединяет, то это разделение общественного труда между городом и деревней, и, следовательно, это уже рынок. Город потребляет продовольствие, а оно производится деревней, но деревня потребляет ремесленные изделия, а они производятся городом. Конечно, и деревня потребляет продовольствие, и город потребляет ремесленные изделия, но оставшееся от внутреннего потребления обязательно потребляется извне городом, и деревней извне. Город в лице ремесленничества и деревня в лице земледельцев в известной экономической степени уж точно взаимозависимы. Граждане — это народ из коренного населения общества рабовладельческого. Рабы же — это население негражданское, поскольку оно есть население некоренное, а насильственно завоеванное и превращенное в рабство странами-победительницами из населения стран, проигравших войну. Поэтому рабовладельческое общество существует двумя социально экономическими и экономически социальными системами, — одна гражданская, хотя и из социального неравенства и неравенства экономического, но там не было рабства, и другая, где было рабство, но там было социальное равенство и равенство экономическое. Парадоксально? — Да! Но все вполне объяснимо. Рабовладельческое общество совсем не принимает рабов в экономический расчет и расчет социальный. — Они же не люди. Иной подход к объяснению всего того же самого будет уже не историческим и поэтому научно ущербным.

Такое вот рабовладельческое общество. — Способ существования рабовладельческого общества двумя социально экономическими системами вовсе не случаен, а вполне исторически закономерен. Если, конечно, исследовать рабовладельческий способ и способ первобытный не отдельно друг от друга, а в исторической связи между собой. С появлением неравенства социального и экономического неравенства в обществе возникла потребность в государстве из власти и власти из государства. Что исторически впервые и случилось в рабовладельческом обществе. Раб и его собственник-рабовладелец вместе превращают человека в человека-раба и рабовладельца-человека. Отсюда вполне исторически объяснимо, почему демократия и тирания, как политические способы государственного управления, вместе исторически родились именно с рождением самого рабовладельческого строя. Парадоксально? — Да! Но только с современных исторических позиций.

Рабовладельческое общество социально и экономически существовало по принципу, общество одно — две системы. Система одна — рабовладельческая, а гражданская — другая система. Поэтому сам институт политической власти эпохи рабовладения был изначально раздвоен и раздвоен непримиримо, но примиримым способом. С одной социальной стороны, политическая власть здесь обязательно должна быть тиранией, — ведь тиранов делают тиранами в первую очередь рабы сами и сами тираны лишь во вторую очередь, но рабов делают рабами во вторую очередь рабы сами и сами тираны лишь в первую очередь. Со стороны социально противоположной политическая власть здесь обязательно должна быть гражданской, а она, кроме как демократической, иной и не может быть по определению. Получается, что политический институт власти в рабовладельческом обществе должен быть в одном и одном и том же месте и тиранией и демократическим одновременно. Что-то, конечно, явно несовместимое, но именно так исторически и было с институтом политической власти в рабовладельческом обществе. Вот почему, каждый правитель одновременно был вынужден быть и тираном, и демократом одновременно. Примеров тому более чем достаточно. Их перечисление не имеет смысла, они даже сейчас у всех на историческом слуху.

Что же получается? — Получается же вот что. Рабовладельческое общество, подчеркиваю, общество рабовладельческое и, — надо же! — первопричина исторического зарождения и рождения демократии, как политического института государственной власти. Да такого не может быть, так как такого не может быть никогда. Никогда не говори никогда. Здесь именно такой случай. Институт политической демократии исторически подарило человеческому обществу именно рабовладельческое общество. Здесь все верно, как верно и то, что институт политической тирании исторически подарило человеческому обществу все то же рабовладельческое общество. Вот такое было рабовладельческое общество. В нем существо-

вала и тирания, иначе бы оно не было рабовладельческим, и в нем же существовала и демократия, иначе бы оно не было и гражданским.

Наконец, пришла пора исследовать исторически уже существующие в рабовладельческом обществе социально-экономические отношения и отношения экономически социальные, формирующие содержательность той сущности, что в явлении называется «собственностью». Сам. Маркс много-много раз упоминал «собственность» в своем «Капитале», но нигде так и обременил себя специальным исследованием сущности ее же самой. Почему? — Скорее всего, по той же самой причине, — специальное исследование сущности «собственности» никак не вписывалось в логику исследования самого «Капитала». Поэтому-то Маркс и обошел стороной сущность «собственности». Отсюда в «Капитале» можно найти общинную собственность, собственность частную, общественную собственность, земельную собственность, собственность естественную и даже коммунистическую собственность, но собственность в ее исторически первозданном виде, — в виде собственности из рабовладельческого общества, — в том же «Капитале» уже не найти. Ее там просто нет.

Что же такое собственность в рабовладельческом обществе? — Конечно же, это первые в истории человеческого общества общественная собственность и собственность частная, а проявились они впервые в истории общества человеческого личной собственностью и собственностью коллективной. Они и не могли быть иными, где раб был и общественной собственностью и собственностью частной, а земля была и коллективной собственностью и собственностью личной. Такой она и случилась в рабовладельце, как собственнике человеческого товара, и раба, как рабовладельческой собственности. Конечно же, в рабовладельческом обществе все эти собственности только-только формировались и еще не были видны для обывательского зрения, но зрение научное проникает и в сокрытую от глаз реальность, а там все эти собственности уже видны и в рабовладельческом обществе. Так что было бы заблуждением и ошибкой вместе с Марксом утверждать, что «частная собственность» — это историческая прерогатива капиталистического способа производства.

Конечно же, Марксу обязательно надо было доказать основное противоречие капитализма именно через противоречие в собственности, а оно только тогда есть противоречие непримиримое, если доказывается непримиримость и в отношениях собственности на собственность средств производства, что и есть частная собственность. Кто владеет средствами производства? — Капиталисты и помещики. Кто не владеет средствами производства? — Пролетарские классы. Кто владеет общественной собственностью на труд? — Опять же пролетарские классы. Кто не владеет общественной собственностью на труд? — Опять же капиталисты и помещики. Кто присваивает большую часть продукта, произведенного общественным трудом пролетариата? — Капиталисты и помещики благодаря присутствию частной собственности. Кто получает меньшую часть продукта, про-

изведенного общественным трудом пролетариата? — Сам же пролетариат благодаря отсутствию частной собственности. Отсюда Маркс легко извлек противоречие между характером общественного труда и частным способом присвоения его результатов. Противоречие явно непримиримое, ибо только с уничтожением частной собственности вся собственность становится общественной. Отсюда призыв к пролетариату объединиться и свергнуть власть капиталистов и помещиков, да и самих помещиков и капиталистов уничтожить как класс. Разве не логично? — Еще как! — Поэтому-то массы трудящихся и доверились «капитальной» политической экономии. На самом же деле, — если, конечно, научным взглядом исследовать собственность из противоречий ее же самой, — таковые действительно в ней существуют, — то такого противоречия, что сформулировал Маркс в виде основного и непримиримого противоречия, — в собственности никак не обнаруживается.

Конечно же, собственность, если она раскрывается сущностью ее же самой самым же социально-экономическим и экономически социальным способом существования общества, то здесь собственность самую же самую в себе же самой исторически раскрывает основное противоречие общества между способом производительного производства и производительного потребления способом. Здесь противоречие есть, но оно не антагонистическое и поэтому существует социальными компромиссами и компромиссами экономическими, которые реализуются рынком. Ведь кроме «рынка», ничто иное не реализует «товар», а в товаре заключена «собственность», которая компромиссом спроса и предложения «ценою» уходит с рынка, чтобы вновь вернуться на рынок товаром. Маркс не исследовал «собственность» и, разумеется, не без этой причины не открыл ее сущности, но он воспользовался явлениями собственности для того, чтобы сформулировать иначе основное противоречие любого общества, как противоречие между частным способом присвоения и общественным способом производства /2. с. 773./ Здесь Маркс подменил сущность собственности одним из явлений ее же самой, как способом присвоения, тогда как не способ присвоения, а способ потребления противостоит противоположностью способу производства. Поэтому вместо противоположностей у Маркса появились различия, но не различия, а противоположности порождают противоречие. Не зная сущности собственности, у Маркса и не могло получиться иначе с основным противоречием. Что оно получилось у него антагонистическим противоречием, виноват не сам способ существования общества, а сам способ его марксистского исследования, логически противоречивый и описательный по существу его самого.

Объяснение сущности собственности, так или иначе, но необходимо связано с фундаментальными социальными явлениями и явлениями экономическими, которые не всегда имеют научный статус, поскольку существует только обыденными пределами экономическими и социальными пределами обыденными. Здесь царствует не научное мышление в осозна-

нии общественной ответственности его самого, а мышление обыденное в осознании безответственности его самого в обществе. Здесь скрываются объяснения, почему народ нет-нет, да существует толпой, почему угнетенные восстают против машин, а бунт не может кончиться удачей, тогда он называется иначе. Обыденное сознание есть массовое сознание, и оно тем более грандиозно по своим масштабам, что именно им преимущественно живет планетарное человечество. В этом сознании много есть мистического и мифического, иллюзорного и идиллического, фантастического и потустороннего, но превращенного тем же самым сознанием в видимость реальности их же самих, принять которую за реальную видимость самих же их не представляет труда для того же самого большинства планетарного человечества. Преодоление всего этого самим человечеством есть дело всего исторического развития самого же человечества, и едва ли оно когда-нибудь закончится. По крайней мере, если это и произойдет, то человечеству угрожает жизнь в бесконечной скуке ее же самой. Ведь все станет предсказуемо и заранее известно с такой точностью, что даже дата своего ухода в мир иной — и то уже не станет секретом для каждого человека. Поэтому я лично за бесконечность существования человечества в его обыденной жизни со всеми ее неожиданностями и приключениями. Вместе с тем, я лично за научную просвещенность обыденной жизни в истории человечества. Тогда оно станет умнее, бдительнее и осторожнее на поворотах самой человеческой истории.

Конечно же, раскрывая экономическую сущность и сущность социальную рабовладельческого строя, я совсем отстранился от многих частных в нем же самом, хотя они есть и имеют свое значение при том же способе существования общества. Если же я отстранил их от своего исследования, то причин здесь две. Во-первых, все эти частности, хотя и имеют значение, но не определяющее для всего того, что имеет принципиальное политическое значение в политической экономии и принципиальное экономическое значение в ней же самой. Если бы я все-таки позволил себе обратиться ко многим частностям, то я бы утопил в них сущность самой политэкономии, а заодно и с ней самого читателя. — Это уже, во-вторых. Нас же ожидает исследование уже исторически иного способа существования общества.

ГЛАВА 5.3.

СПОСОБ САМООРГАНИЗАЦИИ РАЗВИТИЯ ФЕОДАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА.

Что же случилось экономически с рабовладельческим строем, если и он все-таки уступил свое историческое место строю феодальному? Тот же самый вопрос, но перефразированный иначе, уже иначе и звучит. Чем экономически феодальный строй превосходит строй рабовладельческий? Поскольку труд только и только труд существует фундаментом человеческого в человеческом обществе, и только труд и труд только существует фундаментом общественного в обществе человеческом, то причину экономического превосходства феодального строя над строем рабовладельческим, кроме двуединства труда, искать больше нигде. Почему же производительность общественного труда человека и человеческого труда общества при феодализме качественно лучше и количественно больше, нежели все то же самое, но в рабовладельческом строе? Что есть такое экономическое и социальное есть в «труде» рабовладельческого строя, — уже известно. Повторяться не имеет положительного смысла. Что же такое экономическое и социальное такое есть в «труде» феодального строя, что именно они ответственны за улучшение качества производительности труда и его количественного роста, исторически превратившего рабовладельческий общественный строй в строй общественный феодальный.

Феодальный строй выдал раба из раба-человека, сделав человека, уже свободным от рабской зависимости, но не свободного от социальной зависимости, как таковой общественной. Что же здесь изменилось по сравнению с рабовладельческим строем? Главное же и оно же основное, так это то, что феодализм заменил зависимость рабскую человека на опять же человеческую зависимость, но крепостную. Общественной потребностью в таком социальном действии общества была именно экономическая потребность его самого. Рабский труд не перестал быть трудом общественно производительным. Он перестал существовать ростом производительности общественного труда в том объеме, в котором могли бы экономически и социально осуществляться биологическое производство расширенного воспроизводства самого населения феодального общества. Рабский труд, конечно же, экстенсивно увеличивался в своих производительных размерах, но увеличивался в меньших размерах, чем того требовало население рабовладельческого общества в биологически экстенсивном его воспроизводстве. Но и этот источник труда исторически не беспределен, поскольку завоевательные войны не всегда победоносны, а само же расширенное биологическое производство воспроизводства населения общества требовало все больших и больших объемов общественного производ-

ства, но они-то как раз и не обеспечивались необходимым экономическим ростом производительности того же самого рабского труда. Поэтому не могло не случиться, чтобы рабовладельческий способ существования общества не вошел исторически в непримиримое противоречие со способом рабского труда, уже исчерпавшим экономически все экстенсивные резервы роста производительности труда, а интенсивной составляющей у рабского труда нет по определению этого труда рабским. Обществу исторически срочно требовался интенсивный источник роста производительности общественного труда, но рабовладельческий способ существования общества обладал только экстенсивным источником того же самого. Замена экстенсивного источника роста производительности труда на источник интенсивный требовала замены рабовладельческого способа существования общества на иной способ существования общества. Стихийно, но он был найден самим же рабовладельческим обществом. Но само же рабовладельческое общество заплатило за него рабовладельческим способом существования самого же себя. Что же это за источник?

Пусть ремесленник и землевладелец в рабовладельческом обществе есть не основные виновники рабовладельческого характера рабовладельческого способа существования общества. Но они в нем существуют социально и экономически существуют, да и общество существует ими экономически и социально. Почему же им вместе не воспользоваться самими же собой для поиска иного способа производительного общественного труда, нежели труд рабский и уже не столь производительный, как требовалось обществу в населении и населению в обществе. Если и надлежит здесь сделать что-либо революционного, то освободить человека-раба от раба в нем же самом. Всего-то! Освобожденные от рабства пополнят ряды ремесленнического труда и труда крестьянского, — что уже есть благо для землевладельцев и ремесленников в деле пусть экстенсивного, но ведь расширения сельскохозяйственного производства и производства ремесленного. Да и землевладелец и ремесленник, из некогда мелкого землевладельца и ремесленника мелкого, превращаются в землевладельца уже крупного и крупного ремесленника. Однако ж все это экстенсивный фактор, но требуется фактор интенсивный. Ведь вопрос смены одного общественного устройства исторически другим решается именно в этой, а не иной плоскости. Надо сказать, вопрос не из легких, но его положительное решение, пусть стихийно, но должно было быть найдено самим обществом, и оно было им найдено. Это с высоты дня сегодняшнего кажется, что превращение человека-раба в крепостного человека было делом очевидным и быстрым, чтобы экстенсивная производительность рабского труда превратилась уже в интенсивную производительность труда крепостного. На самом деле, эта гениальная идея исторически пробивала себя столетиями, чтобы ее простота стала воплощением самой жизни уже иного общества, — общества феодального.

Если рабовладельческое общество существовало разделением общественного труда на материальную общественную составляющую, где были рабы, и на идеальную общественную составляющую, где были рабовладельцы, то рабовладельческое общество существовало точно таким же разделением труда, но труда индивидуального. Труд ремесленника существовал объединительным разделением его труда на труд идеальный и материальный труд. Ремесленник сам себе и ученый, и инженер, и технолог. В то же самое время и в месте том же самом он же сам себе и рабочий универсал. Все рабочие специальности ему, как говорится, по плечу. Интеллектуальная составляющая труда здесь соединяется с рабочей составляющей труда в одном и одном и том же человеке, но уже не первобытном человеке и его охоте, а ремесленнике и его мастерской. Сколько ремесленников, столько и мастерских. Параллелизма нет и нет конкуренции. Каждый ремесленник в своем деле неповторим, ибо подобен художнику в своей работе. Творческая составляющая у каждого ремесленника своя, ее не спутаешь ни с какой другой. Вот какой степени оригинальности труда ремесло достигло в том историческом времени. Производство штучное, но и штучная была работа. Все хорошо с позиций художественного творчества, эстетики и красоты. Одно только плохо. Труд-то ремесленный, хотя и был уже оснащен средствами труда, более производительными, нежели средства труда первобытного человека, но их объединял общий недостаток, один, но на двоих. — Их средства труда все еще оставались средствами ручного труда, подчеркиваю, труда ручного. Кроме того, труд ремесленника — это универсальный труд, а этот труд куда менее производителен, нежели труд специализированный. В этом историческая суть дела стратегической бесперспективности ремесленного труда в деле повышения производительности общественного труда, необходимого для победы нового общественного строя над строем рабовладельческим. Поэтому сам труд ремесленника, если и был трудом производительным, но уж точно не настолько, чтобы быть решающим производительным моментом в исторической смене рабовладельческого общества обществом иным. Однако ж, смена таковая исторически состоялась и состоялась фактом, а не мифом. Следовательно, должно быть и социальное, и экономическое объяснение этому факту. Если этого объяснения нет в ремесленном труде, то кроме труда землевладельца и крестьянского труда его больше и нигде искать. Так что есть положительный смысл исследовать именно этот двуединый труд. Чем же он так примечателен, что именно он только и только он ответственен за историческое превращение рабовладельческого общества в общество феодальное.

В рабовладельческом обществе, конечно же, были и землевладельцы. Но, во-первых, рабы здесь были крестьянской силой, а рабы заранее не специализированы на труде именно крестьянском, и поэтому здесь по определению они являются случайной рабочей силой. Во-вторых, источником рабства являются победные войны, а войны случаются не непрерыв-

но, тем более, войны победные. Поэтому приток рабской рабочей силы здесь sporadичен, а землевладельцу требуется хотя и сезонная, но постоянная в сезоне крестьянская сила, поскольку землевладелец не может сменить зиму на лето, а весну на осень. В силу этих причин землевладение в рабовладельческий период оставалось социальным делом экономически весьма и весьма рискованным и либо убыточным, либо малоприбыльным. Не без этой причины армии-победительницы в качестве военных трофеев всегда везли в метрополию и в огромном количестве так же и продовольствие. Следовательно, чтобы землевладение из экономически весьма и весьма рискованного дела превратилось в дело экономически выгодное и даже очень, ему необходима постоянная и квалифицированная крестьянская сила, причем не случайная, а специально подготовленная самими же естественными условиями сельскохозяйственного труда. Таковой силой никак не могла стать рабская сила, поскольку, повторяю, она случайна по происхождению, ее уже нет в необходимом количестве, да и сам рабский труд к тому времени уже не был столь производителен, как прежде. Все экономически перевернулось, как только человека освободили от рабства в нем же самом. Однако ж до этого надо было еще додуматься! Что ж, на то и существует метод проб и ошибок методом самой обыденной жизни человечества. Какое-то историческое время ушло и на то, чтобы этот метод привел-таки человечество к осознанию необходимости освободить человека от рабства в нем же самом.

Здесь крестьянин не раб, а крепостной крестьянин. Крепостной — уже человек. Раз крепостной-человек и человек-феодал, то у обоих непременно есть человеческое общее, а общее потому и общее, что существует противоположностями, ибо только противоположности существуют единством, а тождественные отталкиваются. Поэтому у феодала и крепостного противоположные экономические интересы соединяются в одно общее социальное дело, — общественное сельскохозяйственное производство. Правда, феодал владеет собственным управляющим трудом, да к тому же еще землей, да владеет еще и трудом крестьянина. Владеет почти всем, оставляя крестьянину только жизнь. — Что, уже гигантски много, если сравнивать с рабом. Заставить крестьянина работать как раба, уже экономически не выгодно и поэтому запрещено. Да это и социально уже стало опасно и поэтому вдвойне невыгодно. Труд раба к тому времени уже совсем себя изжил экономически. Причина — полное отсутствие экономической заинтересованности самого раба в результатах своего же труда. Ведь все без остатка присваивалось рабовладельцем. Наконец-то, это истина стала достоянием и землевладельцев, — отнимать все у крестьянина уже экономически невыгодно и невыгодно социально и, прежде всего, для самого землевладельца. Следовательно, вопрос качественной противоположности их взаимных экономических интересов переместился в сторону количества, — сколько оставить крестьянину, — вот вопрос. Так появились оброк. Чтобы не иметь дело с самой продукцией и не делить именно

ее, — что не каждый раз удобно, — землевладелец придумал более универсальный способ дележа, — он разделил крестьянское рабочее время и количественно выделил из него ту часть, что крестьянин работает на самого же себя. Так появилась барщина. Конечно, это часть была ничтожно мала по сравнению с известной другой частью. Но такая часть уже была и стала предметом экономической заинтересованности крепостного крестьянина в результатах собственного же труда. Сама идеальная составляющая труда крепостного крестьянина была нужна самому крестьянину только для точного исполнения управляющих распоряжений феодала. Во всем прочем за крестьянина думал сам же феодал. Именно он, выражаясь современным языком, был менеджером в сельскохозяйственном производстве того времени.

Сейчас уже всем ясно, что этот вид специализированного труда вполне экономически заслуженно существует одним из самых высокооплачиваемых видов труда, разумеется, труда наемного. Землевладелец, если и работал менеджером, то в найме у самого же себя, как владелец земли и крестьян владелец. Именно он был организатором и управляющим сельскохозяйственного дела от стадии производства продовольствия, его потребления самим же производством и до продажи излишков в город. Маркс, — по вполне уже понятной причине, — не исследовал труд самого землевладельца. В марксовом социально пристрастном понимании землевладелец был точно таким же социальным паразитом, как в прошлом рабовладелец и капиталист в будущем. Все они не работают, а только присваивают результаты труда пролетариев. Иначе говоря, все они паразитируют на пролетарском труде. — Маркс был в этом заранее уверен и поэтому в его «Капитале» нет даже намек на беспристрастное социально-экономическое исследование труда рабовладельца, феодала или капиталиста. Подобный пробел стоил Марксу научности его же социально-экономического учения. — Отстранившись от исследования труда господствующих классов по мифической причине отсутствия общественного труда у них же самих, Маркс тем самым лишил человеческое общество человеческого управляющего труда в самом же общественном труде. По Марксу получалось, что общество человеческое, хотя и было организовано человеческим в обществе и общественным в человеке, но исключительно только и только исключительно трудом Господа, ибо эксплуататорские классы, — рабовладельцы, феодалы и капиталисты, — конечно же, здесь причем, — ведь сами-то они, опять же по Марксу, не трудились. Пробел существенный в «Капитале», но пробел есть и в этом суть еще одной стороны в научной ущербности марксизма. Что ж, это был выбор самого Маркса. Выбор, — конечно, ошибочный и ничего бы в мире не случилось, не случись, что это был выбор Маркса, как одного из самых успешных и продвинутых исследователей капиталистического способа производства не только в 19 столетии.

■* Почему же земледельческое хозяйство стало аж таким производительным в труде уже крепостного крестьянина и землевладельческом труде, что произошла аж историческая смена рабовладельческого общества обществом феодальным. Во-первых, произошло отделение идеального общественного труда крестьянина от самого крестьянина и передача тех же самых функций феодалу-землевладельцу. Феодал умственно работал один за всех крестьян, но крестьяне работали руками всеми за одного феодала. Экономия затрат общественного труда на идеальном общественном труде здесь просто огромная, и она пропорционально увеличивается с ростом числа занятых крестьян в феодальном сельскохозяйственном производстве. Все то же самое могло бы быть и в рабовладельческом строе, но при одном условии, — чтобы крестьяне не были рабами. Правда, тогда это уже не строй рабовладельческий, а уже феодальный строй. Скачок роста производительности общественного труда в феодальном обществе по сравнению с обществом рабовладельческим был вызван не столько исчезновением идеального содержания труда у крестьянина-крепостного по сравнению с тем же самым, но у труда раба-крестьянина. Дело еще в изменении экономического содержания их труда. У труда крепостного крестьянина, наконец-то, появилось собственное экономическое содержание, а, именно, экономическая заинтересованность в результатах собственного труда. Пусть она еще ничтожно мала, но ведь появилась исторически впервые и впервые исторически появилась в общественном сельскохозяйственном производстве. Дело еще и в изменении содержания труда землевладельца-рабовладельца и содержания труда феодала. Рабовладельческий землевладелец в расширении своего сельского хозяйства полностью зависит от производства воспроизводства сельскохозяйственной рабочей силы, а она в то историческое время воспроизводилась рабами не столько биологическим способом, сколько способом военным. Поэтому расширение сельскохозяйственного производства сдерживалось теми общественными причинами, устранение которых не зависело от труда самого землевладельца-рабовладельца. Поэтому рабовладельческий землевладелец, если и осуществлял сельскохозяйственное производство, то, в первую очередь, для удовлетворения собственных потребностей, и, уж во вторую и последнюю очередь, для целей общественного производительного потребления. В таком типе производства не экономическое качество существует определяющей общественной силой, а качество социальное. Все изменилось с освобождением человека от рабства. Теперь только от труда землевладельца и крестьянского труда зависит расширение или уменьшение сельскохозяйственного производства, ибо масштабы производства воспроизводства крестьянской рабочей силы биологически зависят теперь от самого крестьянства, но уже и экономически зависят от феодала, вернее, от увеличения или уменьшения оброка или барщины. Вот аж каково влияние экономического содержания труда самого феодала-землевладельца, как менеджера. Всего этого уж точно не было в содержании труда рабства-
 **

дельца-землевладельца. Да у него и не было экономического содержания в содержании его же собственного труда!

Нет, не случайно экономически, а вполне экономически закономерно феодальный способ существования общества стал называться именно феодальным, а, например, не ремесленным, хотя ремесленничество и именно оно уже существовало прообразом того класса, который при капиталистическом способе существования общества уже будет существовать рабочим классом. — Именно землевладельческий труд и труд земледельческий именно, но в своем единстве, подчеркиваю, в единстве своем совершили качественный переворот в качестве производительности общественного труда, сделав его количественную производительность вполне достаточной уже для победы нового общественного строя, — феодального. Без исследования содержания труда землевладельца и крепостного труда в их единстве всего этого не объяснить социально беспристрастным способом, то есть способом научным в политической экономии.

Что же изменилось в «товаре» феодальном по сравнению с рабовладельческим «товаром»? — Если основным товаром рабовладельческого способа существования общества был «человек-раб», то уже «крепостной человек» существует основным товаром феодального способа существования общества. Почти все прочие изменения в товарах есть здесь «вещные» изменения в них же самих, и не более того. Они концептуально заслуживают исследовательского внимания, но не экономически фундаментального и не фундаментально социального. Появилось ли еще в феодальном обществе нечто такое товаром, чего совсем не было в товарных явлениях рабовладельческого общества? — Да! Здесь как раз и раскрывается смысл употребленного мной слова «почти». Появились исторически впервые ссудные деньги, деньги залоговые, вексельные деньги. Появилось все то, что позже капиталистическим способом будет именоваться банковским капиталом и капиталом финансовым. Впервые во всей истории человеческого общества именно в обществе феодальном человек, — финансист и банкир, — получил возможность зарабатывать себе на жизнь не руками, то есть материальным трудом, а трудом идеальным, то есть головой.

Как оказалось, — надо же! — головой, то есть трудом интеллектуальным и, следовательно, умственным трудом и трудом уже общественным стало возможным зарабатывать на жизнь, и жизнь много более богатую, нежели зарабатывать на жизнь руками, то есть трудом рабочего или крестьянина. Впервые в истории человеческого общества разделение общественного труда внутри общества проникло и в сферу общественного идеального труда, выделив в ней специализированный труд ростовщика, прообраза банкира и финансиста, и специализированный труд купца, прообраза бизнесмена. Это же заметил и Маркс. — «Средние века оставили после себя две различные формы капитала, которые достигают зрелости в самых различных общественно-экономических формациях и до наступле-

ния эры капиталистического производства считаются капиталом, как таковым: ростовщический капитал и купеческий капитал». /2. с. 759-760/. Впервые сами деньги стали «товаром». «Кредитные деньги возникают непосредственно из функции денег как средства платежа... Деньги становятся всеобщим товаром договорных обязательств. Ренты, подати и т. п. превращаются из поставки натурой в денежные платежи». /2. с. 151/ Маркс здесь заметил деньги в товарной их форме. Но этот товар у Маркса есть товар из договорных обязательств, что совсем не то же самое, что деньги, как товар, который продается и покупается по закону рынка, как и любой другой товар. Товаром деньги делает рынок, но рынок уже финансовый. Впервые у денег, как товара, появилась и «стоимость» в рыночном виде экономического взаимоотношения финансовых интересов общественной сферы производительного потребления и общественной сферы потребительного производства. Наконец-то, сами деньги обрели цену, но не ту, что обозначена цифрами на банковских билетах, а рыночную цену в цене кредитных денег, которая определяется спросом и предложением. Все это уже стало достоянием феодального способа существования общества, хотя еще в мало заметных явлениях его самого и уж точно не в массовых явлениях того же самого. Но стало — и в этом уже историческая заслуга феодального способа существования общества.

Не могу не сказать о «натуральном хозяйстве», как хозяйственном способе, приписываемого многими исследователями исключительно сущности феодального способа существования общества. На поверхности явлений феодализма все представляется именно так. — Разделение труда между городом и деревней еще не столь разительно. Поэтому и город, кроме ремесла, занимается земледелием, да и деревня, кроме земледелия, занимается ремеслом. Поэтому внутренний рынок развит, но весьма слабо. Международный же рынок, в связи с исчезновением в нем главного товара, — раба, — развивается, но крайне медленно. В этих условиях феодальное общество живет преимущественно раздробленными «натуральными хозяйствами». Именно таким обществом и увидел Маркс феодальное общество из исторических описаний его самого. — «Но оставим светлый образ Робинзона и перенесемся в мрачное европейское средневековье. Вместо нашего независимого человека мы находим здесь людей, которые все зависимы — крепостные и феодалы, вассалы и сюзерены, миряне и попы. Личная зависимость характеризует тут как общественные отношения материального производства, так и основанные на нем сферы жизни. Но именно потому, что отношения личной зависимости составляют основу данного общества, труду и продуктам не приходится принимать отличную от их реального бытия фантастическую форму. Они входят в общественный круговорот в качестве натуральных служб и натуральных повинностей. Непосредственно общественной формой труда является здесь натуральная его форма, его особенность, а не всеобщность, как в обществе, покоящемся на товарном производстве». /2. с. 87./ Что ж, если смотреть не

фундаментальной социологией и не экономикой фундаментальной, а скользить обыденным взглядом по поверхности явлений и им же описывать увиденное, — то здесь все верно. — Натуральная форма хозяйствования действительно представляется феодальной особенностью способа существования общества. На самом же деле, действительно научное исследование и объяснение феодального способа существования общества требует доказательного объяснения происхождения самой натуральной формы хозяйствования, а не объяснять самой данностью натуральной формы хозяйствования особенность феодального способа существования общества. Однако ж этого как раз и нет у Маркса. Почему, известно. — Описательный метод исследования обязательно объясняет им же увиденное увиденным же им самим.

Спору нет, натуральное хозяйство вполне типично для феодального способа существования общества. Более того. В известной мере вполне корректно можно утверждать, что натуральное хозяйство — это и есть феодальный способ существования общества. Некорректно только объяснять натуральным хозяйством феодальный способ существования общества. Почему, надеюсь понятно. Следовательно, научная проблема заключается в объяснении самого натурального хозяйства, точнее, — установления причин экономического порядка и порядка социального, которые породили натуральное хозяйство и сделали его типичной формой хозяйствования в «хозяйстве» феодального общества. Вторая причина — это экономическая недоразвитость внутреннего рынка, вызванная первой причиной — социальной недоразвитостью разделения общественного труда внутри общества. — Здесь причина одна, но двуединая. Здесь недоразвитость — это историческая норма естественноисторического развития человеческого общества в обществе человеческом из феодального способа существования его самого.

Теперь исследуем политический институт феодального общества. Былая двойственность политического института рабовладельческого общества заменена обществом феодальным на тип политического института опять же раздвоенного, но раздвоенного уже на сюзеренную власть и власть автократическую. Тирания рабовладения в рабовладельческом обществе заменилась в феодальном обществе сюзеренитетом, а демократия граждан в рабовладельческом обществе заменилась в феодальном обществе вассалитетом. Если сюзеренитет представляется более демократическим институтом политической власти, нежели тирания, то вассалитет в этом смысле куда менее демократичен, нежели гражданская демократия. Между вассалитетом и сюзеренитетом есть политическое различие, но противоположности политической между ними нет. В феодальном обществе исчезла политическая противоположность двух институтов власти, но она была заменена обществом феодальным на другую противоположность, на противоположность «центральной» государственной власти, где политическая власть принадлежит «государю-сюзерену», — он же глав-

ный феодал-землевладелец и владелец крепостных крестьян, — и «периферийной» политической власти, где власть принадлежит «сеньору», — он здесь уже «государь». Эта противоположность как нельзя лучше отразила собою основное противоречие феодального способа существования общества, — экономическое отсутствие и отсутствие социальное территориальной целостности общества феодального. Здесь как раз и сказались причины натурального хозяйства, и само натуральное хозяйство, как следствие их же самих. Вся политическая история эпохи феодализма есть поэтому внутренняя политическая борьба двух политических институтов власти, — центрального и периферийного. С постоянно переменным успехом, — то в сторону центральной власти, то в сторону власти периферийной, — эта борьба продолжалась с перемененно постоянной завидностью не одну сотню лет. Она заслоняла собой другую борьбу, которая уже исторически оформлялась в том же самом способе существования феодального общества классовой борьбой феодалов-землевладельцев и крепостных крестьян.

«Класс», как социальное и экономическое явление, в сущности его самого есть продукт самоорганизации развития человеческого общества, где присутствует разделение общественного труда внутри общества разделением в нем общественного труда на наемный труд и труд нанимателей. Поэтому классов еще нет в первобытном строе, — там есть община, но нет общества, и там есть разделение труда индивидуального, но общественно-го разделения труда еще нет. Там есть равенство экономическое и социальное равенство, но нет наемного труда и труда нанимателей. Все то же самое уже есть в рабовладельческом обществе. Поэтому «класс» исторически появляется вместе с появлением рабовладельческого общества классом рабовладельцев и гражданским классом. Рабы — это не люди в представлениях рабовладельческого общества. Поэтому в тех исторических условиях из условий исторических их же самих, рабы — это не класс. Ремесленники — это уже класс, ибо ремесленники занимают свою собственную нишу в разделении общественного труда внутри общества. Правда, ремесленник — он наемный труд у себя самого, но ремесленник сам же существует и трудом нанимателя. Что ж, и здесь присутствует неразвитость разделения общественного труда, но для ремесленного труда — это есть историческая норма, а не отклонение от нее. Ремесленник в феодальном обществе еще исторически долго будет существовать тем же ремесленником, каким он социально и экономически существовал в рабовладельческом обществе. Только с появлением мануфактуры, — это уже был закат феодального способа существования общества, — ремесленник перестанет существовать ремесленником. Однако ж это уже другая история.

Маркс последовательно доказывал своей «капитальной» политической экономией, что «классы» есть экономический продукт именно капиталистического способа производства. Поэтому и борьба классовая есть непреходящий атрибут именно этого общества. Что ж, и на этот раз заблуж-

дение не обошло Маркса стороной. С Марксом можно согласиться лишь в том смысле, в котором классовая борьба именно при капитализме исторически достигла своих размеров, видимых уже невооруженным взглядом самого обывателя. Здесь количество, а не качество существует определителем определяемого. Но Маркс-то — не обыватель, а ученый. Ему-то пристало смотреть вооруженным взглядом самой науки, а она, по определению, обязана видеть «скрытое» от обывателя и, следовательно, видеть здесь глубже и дальше количества. Иначе, зачем нужна Наука?! — В данном случае, как ученый, Маркс был просто обязан увидеть классы и классовую борьбу еще там и тогда, когда и где сам обыватель даже и не подозревает о наличии того же самого. Все же, все же. Запрещено требовать от Маркса-ученого большего, нежели могла дать Марксу наука его времени, а она была описательной в экономике и социологии. Маркс в этом отношении ничем не отличался от других ученых-социологов и экономистов его же времени. Смит и Рикардо, — величайшие предшественники Маркса в области исследования политической экономии, — были такими же «описательными» учеными, что и Маркс. Поэтому ничего в том удивительного нет, прочему Смит и Рикардо, заметив сами классы в капиталистическом обществе, но так и не увидели классовой борьбы между ними в том же самом капиталистическом обществе. — В их прижизненное с капитализмом время классовая борьба еще проявляла себя единичными явлениями, и лишь спустя девяносто лет эти единичные явления стали уже массовыми, — тут-то описательно их заметил Маркс. — Еще бы не заметить того, что уже очевидно даже обывателю. Здесь бы и Смит с Рикардо, живи они одновременно с Марксом, заметили все то же самое. Вот, например, заметил бы Маркс классовую борьбу при капитализме, живи он во времена Рикардо и Смита, — это вопрос, но ответ на него есть. — Не заметил бы! Почему? — Да потому, что описательным способом представляется возможным увидеть только очевидное, которое само же является нашим глазам. Неочевидное же прячется сущностью, которую, если и представляется возможным увидеть, то только не зрением в мышлении, а мышлением в зрении, что уже есть фундаментальная наука. Поэтому Маркс, как и все остальные социологи и экономисты его же исторического времени, замечали, обобщали и описывали очевидное и для обывателей. Если же Маркс и был успешнее их всех, то только потому, что смотрел шире и глубже обобщал увиденное. Лучше бы наоборот, смотреть глубже и обобщать шире, но это уже не описательная наука. Поэтому Маркс не увидел многое-многое и в капиталистическом обществе, хотя все то уже существовало сущностями капитализма, но они невидимы по определению.

Конечно же, раскрывая экономическую сущность и сущность социальную феодального способа существования общества, я совсем отстранился от многих частных в нем же самом, хотя они есть и имеют свое значение при том же способе существования общества. Если же я отстра-

нил их от своего исследования, то причины здесь опять те же самые. Во-первых, все эти частности, хотя и имеют значение, но не определяющее для всего того, что имеет принципиальное политическое значение в политической экономии и принципиальное экономическое значение в ней же самой. Если бы я все-таки позволил себе обратиться ко многим частностям, то я бы утопил в них саму сущность политэкономии, а заодно и с ней самого читателя. — Это уже, во-вторых. Нас же ожидает исследование уже исторически иного способа существования общества, — капиталистического.

ГЛАВА 5.4.

СПОСОБ САМООРГАНИЗАЦИИ РАЗВИТИЯ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА.

Я задамся теми же самыми вопросами, что задавался и при исследовании рабовладельческого и феодального способов существования общества. Что же случилось экономически с феодальным строем, если и он все-таки уступил свое историческое место строю капиталистическому? Тот же самый вопрос, но перефразированный иначе, уже иначе и звучит. Чем экономически капиталистический строй превосходит строй феодальный? Поскольку труд только и только труд существует фундаментом человеческого в человеческом обществе, и только труд и труд только существует фундаментом общественного в обществе человеческом, то причину экономического превосходства капиталистического строя над строем феодальным кроме труда, искать больше нигде. Почему же производительность общественного труда при капитализме выше качеством и количеством больше, нежели производительность опять же общественного труда, но при феодальном строе? Что есть такое экономическое и социальное есть в общественном труде феодального строя, — уже известно. Повторяться не имеет положительного смысла. Что же такое экономическое и социальное такое есть в общественном труде капиталистического строя, что именно они качественно ответственны за количественное повышение производительности общественного труда, исторически превратившего феодальный общественный строй в строй общественный капиталистический.

Начнем, конечно, с труда, точнее, — с разделения труда. Феодальный способ существования общества базировался в основном на разделении общественного сельскохозяйственного труда, где как раз и свершилась

революция в росте производительности общественного труда, следствием которой была смена рабовладельческого общества на общество феодальное. Маркс же доказывал, что капиталистический способ существования общества базируется в основном на разделении общественного промышленного труда, где как раз и свершилась революция в росте производительности труда, обусловившая смену феодального строя строем капиталистическим.

Если феодальный способ существования общества сделал из человека-раба крепостного человека и тем самым совершил революцию в росте производительности общественного сельскохозяйственного труда, то капиталистический способ существования общества сделал из крепостного человека-крестьянина уже крестьянина-человека свободного, но тем самым почему-то не случилось такой революции в росте производительности общественного сельскохозяйственного труда, чтобы она была причиной смены феодального общества обществом капиталистическим. Замена в сельскохозяйственном производстве крепостного крестьянина на крестьянина свободного превратила феодала в помещика, а крепостного крестьянина превратила в сельскохозяйственного рабочего и тем самым принципиально изменила социальное и экономическое содержание их труда. Здесь все верно. Верно и то, что эти изменения, конечно же, привели к росту производительности общественного сельскохозяйственного труда. Но величина этого роста оказалась исторически недостаточной, чтобы опять же исторически привести к смене феодального общества обществом капиталистическим. Почему? — Причина в том, что крестьянский труд, неважно, крепостной ли он еще или уже свободный, но он все еще здесь оставался ручным трудом, и средства его труда оставались средствами ручного труда еще и тогда, когда уже осуществлялся переход от феодального общества к обществу капиталистическому. Здесь ничего качественного не изменилось. Поэтому не произошло умножения социальных и экономических изменений в содержании крестьянского труда на технологические изменения и изменения технические в содержании того же самого труда. Отсюда не произошло и революции в производительности сельскохозяйственного общественного труда. Отсюда все то же самое не могло быть и причиной перерождения феодального способа в капиталистический способ существования общества. Однако ж факт остается фактом, — капитализм ведь появился! Следовательно, причина его исторического рождения скрывалась не в деревне, а в городе, где в общественном производстве господствовал труд ремесленника в ремесленной мастерской. Что-то здесь изменилось в ремесленном труде и изменилось столь радикально в нем же самом, что как раз стало революционным изменением качества в количественном изменении роста производительности уже не деревенского труда, а труда городского, не сельскохозяйственного труда, а труда иного, но еще не промышленного, уж точно.

Если никакой революции не произошло в промышленном труде, коль скоро промышленности, как таковой, еще и не существовало в феодальном обществе, а изменения в сельскохозяйственном труде, хотя и были значительными, но не столь, чтобы вызвать революцию в производительности общественного труда его самого, то как же исторически объяснить социально-экономическое и экономически социальное рождение капиталистического способа существования общества, если иначе все тоже самое не объяснить, как революционным ростом в производительности общественного труда. Возникает противоречие между фактом и его теоретическим объяснением. Как же и чем непротиворечиво их соединяет сама история развития человеческого общества? — Мануфактурой, — вот «чем», а «как» — это разделением труда внутри мануфактуры. Следовательно, мануфактура по принадлежности исторической — это еще феодальная форма общественного труда, но по экономическому содержанию и содержанию социальному разделению труда она уже капиталистическая. Вот двойственно как и так вот двойственно исторически распорядилась социальная и экономическая самоорганизация развития феодального общества в период заката саморазвития организации феодального способа существования его самого.

Сразу же скажу, что этот «пункт» существует историческим пунктом в социально экономическом переходе феодального общества к обществу капиталистическому, и он же существует пунктом экономически социальным в историческом переходе феодального общества к обществу капиталистическому. Вот почему социально-экономическое здесь замешано на историческом, а историческое здесь замешано на экономически социальном. Пусть не в столь явном виде и виде не столь строгом, но и Маркс не прошел мимо того же самого. — Он уж точно понимал, что именно здесь и здесь именно скрывается социально-экономическая тайна и тайна историческая происхождения капиталистического способа производства. Поэтому вовсе не случайно он отвел рассмотрению этого вопроса аж три главы, — 11, 12 и 13, — общим объемом из 182 страниц. Что составляет аж 23 процента страничного места из всех страниц первого тома «Капитала». Как же Маркс распорядился столь огромным страничным количеством, чтобы мануфактурой теоретически доказать качество именно капиталистическое, а не иное качество человеческого общества. Судите сами, господа коллеги и товарищи марксисты.

С самого начала 11 главы Маркс утверждает, что «капиталистическое производство начинается на деле с того момента, когда один и тот же индивидуальный капитал занимает одновременно многих рабочих, следовательно, процесс труда расширяет свои размеры и доставляет продукт в большем количестве. Действие многих рабочих в одно и то же время, в одном и том же месте для производства одного и того же вида товаров, под командой одного и того же капиталиста составляет исторически и логически исходный пункт капиталистического производства». /2. с.333/.

Здесь Маркс сформулировал все то общее, что содержанием остальных 182 страниц надлежало лишь в частностях подтверждать и подтверждать самое общее то же все. Поэтому я в основном ограничусь исследованием логики только этой цитаты, дабы напрасно не занимать дорогого страниценого места иными цитатами из тех же 182 страниц.

Во-первых, Маркс положил количество труда, а не его качество в основание доказательства происхождения капиталистического в капиталистическом производстве. На самом же деле, капиталистическое производство зарождается с того момента, когда феодальное качество ремесленного труда из труда сугубо индивидуального в индивидуальном разделении цехового труда, превращается в иное качество труда из труда сугубо общественного уже в разделении общественного труда внутри мануфактуры. Все это свершается еще в исторических пределах феодального общества. Двойственность как раз и состоит в том, что мануфактура исторически существует еще в феодальном обществе, но будущее общество капиталистическое исторически уже существует в нем мануфактурой.

Если ремесленный труд представлялся трудом общественным лишь в количественной сумме всех ремесленников в индивидуальном разделении изготовления продуктов труда между ними внутри общества, то мануфактурный труд представляется трудом общественным из качества суммы индивидуального пооперационного труда, разделенного специализированным трудом в трудовом универсальном объединении его общественным трудом уже внутри мануфактуры. Разделение общественного труда из труда общественного разделения количества ремесленного труда внутри общества превратилось в разделение общественного труда из труда общественного разделения качества специализированного труда внутри мануфактуры. Произошло качественное изменение в общественном разделении разделения общественного труда! Именно качественное изменение в изменении качества разделения труда ответственно за историческое дело, где «капиталистическое производство начинается...». Маркс же в определении исторического начала капиталистического производства начал с количества, а именно «когда один и один и тот же капитал одновременно занимает многих рабочих». Что и говорить, конечно же, капиталистический способ производства занимает все больше и больше рабочих, но это есть следствие развития качества капиталистического производства, а не причина самоорганизации капиталистического производства производством именно капиталистическим. Маркс, пусть не специально, но перепутал здесь причину со следствием. Что ж, это был выбор самого Маркса, конечно же, он изначально ошибочен, и ошибочен не случайно, поскольку ошибочен он здесь не только в этом.

Обратите внимание товарищи и господа, что Маркс уже здесь говорит о рабочих и даже о многих рабочих, и даже говорит о капиталисте, который командует ими. Спросить бы господина Маркса и марксистов, откуда здесь могут взяться рабочие и даже много рабочих, да еще вместе с капи-

талистом, если рабочие и капиталисты — сами же есть следствие превращения исторического процесса саморазвития общественной организации феодального общества в процесс исторической самоорганизации общественного развития капиталистического общества. Понимаю, конечно же, мысленно удобно и поэтому не составляет умственного труда исторически объяснять капиталистическое начало капиталистического производства всем тем же самым, что исторически уже существует и составляет само же капиталистическое в капиталистическом производстве, где основная суть капиталистического производства как раз и существует «рабочим» и «капиталистом» существует. Но эта логика есть порочная логика, поскольку она извлекает существо еще только исторически определяемое из уже исторически существующего определенным явлением. Да и сам же Маркс скрыто подтверждает то же самое, когда открыто заявляет, что «действие многих рабочих под командой одного капиталиста составляет исторически и логически исходный пункт капиталистического производства». На самом же деле, эта «логически исходная логика» исторически ничего иного не объясняет, кроме как научной несостоятельности самой этой логики. Оппонируйте, товарищи марксисты, только не обращайтесь за аргументами доказательств к цитатам из того же Маркса. Ибо, во-первых, Маркс, сам по себе, только для вас существует аргументом научного доказательства, и, во-вторых, хотелось бы надеется и верить, что вы сами существуете в современной политэкономической науке самодостаточным научным способом, чтобы ссылаться в качестве доказательств на собственные аргументы, если, конечно, они есть.

Предвосхищая аргументы оппонентов, замечу, что Маркс, конечно же, увидел и качественную составляющую в количественных изменениях труда. Поэтому следом он написал: «Итак, сначала разница только количественная». /2. с. 33/ Таким образом, смыслом слова «сначала» Маркс все-таки признал, что качество где-то есть, но начинать «сначала» надо с количества. Количество идет здесь впереди качества. Более того, Маркс даже возвеличивает количество, когда далее утверждает: «Даже при неизменном способе труда одновременное применение значительного числа рабочих вызывает революцию в материальных условиях процесса труда». /2. с. 335/. Понимаю, конечно же, — уж очень хочется как-то оправдать логику примата количества в качестве. Но таким способом, — это уж точно откровенная натяжка! — Если вместо одного рабочего с одной лопатой поставить тысячу рабочих с тысячами лопат и поручить им выкопать котлован одной и той же глубины, то, конечно же, тысяча рабочих сделает эту работу в тысячу раз быстрее, нежели один рабочий. Неизменный способ труда уж точно здесь есть. Но где же здесь революция в материальных условиях процесса труда? — Производительность труда здесь не изменилась, а осталась одной и одной и той же, поскольку производительность труда определяется не абсолютной величиной, а величиной относительной, то есть определяется отношением произведенного количества про-

дукции на одного работающего в единицу времени. Разве в одиночку работающий рабочий с лопатой менее производителен, чем тот же одиночный рабочий с лопатой, но работающий вместе с остальными 999 рабочими с теми же лопатами? — Конечно же, нет! Все они производительны одинаково! Поэтому никакой революции в материальных условиях труда нет при изменении количества одного и одного же труда. Другое дело, если вместо тысячи рабочих с лопатами поручить выкопать котлован той же глубины одному рабочему, но с экскаватором вместо лопаты. Здесь, правда, уже изменяется качество самого труда, но зато совершается и революция в условиях материального труда, следствием которой является революция и в количестве производительности труда. — Что еще мне сказать, кроме того, что и здесь Маркс ошибся, причем ошибся ошибкой, которая никак не должна присутствовать в исследовательском труде научного экономического порядка. Из количества одного и того же качества труда, сколь многократно его ни множь, извлекается все то же самое количество в качестве производительности труда. Даже не будучи ученым, все то же самое уже знал любой профессиональный экономист еще во времена Маркса. Да и Маркс знал все то же самое. Беда же ученого Маркса заключалась в том, что в силу противоречивости его исходной логики он был вынужден то и дело прибегать к «натяжкам», а они как раз и существуют отступлениями от профессиональных знаний и от Науки логики в Логике науки ее же самой.

Все же, все же. Открыв форму комбинированного труда в кооперации труда, Марк тем самым открыл качественно «первое изменение, которое испытывает самый процесс труда вследствие подчинения его капиталу. Изменение это совершается стихийно. Одновременное употребление многих наемных рабочих а одном и том же процессе труда, будучи условием этого изменения, образует исходный пункт капиталистического производства». /2. с. 346/. Здесь, хотя Маркс и открыл новое качество труда в кооперации труда, но и здесь он продолжает настаивать на логике примата количества в качестве, поскольку и здесь употребление многих рабочих есть условие этого качественного изменения. Поэтому Маркс продолжал ошибаться и далее, утверждая, что «кооперация, основанная на разделении труда, приобретает свою классическую форму в мануфактуре. Как характерная форма капиталистического процесса производства, она господствует в течение мануфактурного периода в собственном смысле этого слова, т. е. приблизительно с половины 16 столетия до последней четверти 18.». /2. с. 348/. Мануфактура, как процесс производства, есть частный случай из истории саморазвития организации феодального способа производства. Вместе с тем, мануфактура есть капиталистический по экономическому содержанию и содержанию социальному процесс производства. Здесь все верно. Неверно лишь утверждать, что «как характерная форма капиталистического процесса производства, мануфактура господствует с половины 16 столетия до последней четверти 18». Почему, неверно? —

Вторая половина 16 столетия до последней четверти столетия 18 — это уже историческое время существования капиталистического способа существования общества. Утверждать здесь мануфактуру господствующей формой капиталистического процесса производства означает здесь же мануфактуру, как характерную форму, подчеркиваю, как форму характерную капиталистического процесса производства, отождествлять с самим капиталистическим способом существования общества, который, конечно же, никак не сводится к мануфактуре. Это заблуждение стоило Марксу научности всех его доказательств в объяснении исторического происхождения капиталистического способа производства и в объяснении капиталистического способа существования общества.

Доказывая исторически социальное и экономическое исторически происхождение капиталистического общества, я, в противоположность Марксу, не обращаюсь к самому капиталистическому в капиталистическом способе производства, чтобы доказать исторически то же самое в самом же капиталистическом производстве. Логика в науке и Наука в логике заставляют меня искать причину происхождения капиталистического производства еще в феодальном обществе, где, по вполне понятным причинам, исторически еще нет ни рабочих, ни капиталистов исторически еще нет. Поэтому я не имею логического права подобно Марксу соединить рабочих в много рабочих, поставить одного капиталиста командовать ими и тем самым в самом же том объявить на весь мир, что это и есть исторический момент капиталистического начала капиталистического способа производства. Конечно же, в этом случае у меня сразу же возникает фундаментальная проблема концептуального научного порядка и здесь же возникает концептуальная проблема фундаментального научного порядка, а их единство уже есть двуединая проблема необходимости доказательного объяснения происхождения капитализма. Что, само по себе, указывает, — искать надо не там, где светло, а там, где потеряли. Потеряли же научную логику и потеряли ее в темноте марксистского способа объяснения капиталистического способа производства и его исторического происхождения. Вот почему сначала мне пришлось осветить темноту марксистскую, обнажить тем самым ее логическую противоречивость и мнимую научность. Одновременно открыть причины, приведшие марксизм к ложному объяснению политической экономии капиталистического способа производства, чтобы, во-первых, самому же не повторить то же самое, и, во-вторых, открыть иную политическую экономию капитализма, уже не отягощенную ложностью марксизма.

Я открываю мануфактуру в качестве уже капиталистической по экономическому содержанию и содержанию социальному, но исторически еще феодальной по исторической принадлежности мануфактуры феодальному обществу. Так было исторически и на самом деле, поскольку мануфактура родилась и начала существовать относительно самостоятельной жизнью исторически еще в феодальном обществе. Поэтому именно с этого

исходного пункта я исторически исследую саму же мануфактуру. Маркс беспринципно поступил принципиально иначе. Он сделал саму мануфактуру историческим началом самого капиталистического общества, как капиталистическим способом производства его же самого. Поэтому у Маркса капиталистическая мануфактура объясняет капиталистический способ производства, что есть объяснение капиталистического опять же капиталистическим. Мало того, что здесь логика тавтологична и уже поэтому она порочна, но она еще и антиисторична, поскольку принимает за исторически исходное как раз то существующее, что еще только предстоит доказать исторически существующим и на самом деле. Более того. Мануфактура — это только капиталистический процесс производства, но еще не есть капиталистический способ существования общества. Маркс же свел капиталистический способ организации процесса производства в мануфактуре, к капиталистическому способу существования общества в обществе капиталистическом. У Маркса получилось, что мануфактура — это микро слепок с капиталистического общества. Что, конечно же, есть концептуальное заблуждение фундаментального порядка. Заблуждение не абсолютное, а абсолютно относительное, — ибо доля истины есть в том, что мануфактура отражает в себе капиталистическое общество, правда, не капиталистический способ существования его самого, а само существование способа капиталистического.

Специализация ремесленного труда внутри мануфактуры погубила универсализацию труда ремесленника, но зато специализация сделала здесь рывок в росте производительности общественного труда. Вместе с тем, только этим действием здесь еще не объяснить саму революцию в росте производительности общественного труда. Специализация сделала главное и оно же основное. — Она временем отделила в мануфактуре труд идеальный, сохранив его прошлым идеальным трудом, но труд материальный остался настоящим трудом. Как раз труд материальный сразу же подвергся специализации. Но еще раньше возникло разделение труда на труд идеальный и материальный труд в отделении идеального труда от труда материального, и именно эта отделительная специализация труда стала решающей в революционном деле роста общественного труда в самой мануфактуре. —

Мануфактурное производство того времени исторически еще пользовалось, — да притом почти бесплатно, — техническими и технологическими результатами ремесленного труда, в котором же, конечно, существовала интеллектуальная составляющая, она же есть составляющая идеального труда. Именно благодаря ремесленнику и изобретательности его ума человечество обязано почти всем конструктивно-технологическим достижениям и достижениям технологически конструктивным, которые, так или иначе, но использовал капиталистический способ производства уже в массовом производстве. Почему же в «Капитале» есть материально вещественное общественное производство и его носители, — рабочие и

крестьяне, но производства общественного интеллектуально идеального, — и его носителей ученых и инженеров, — такого общественного производства в «Капитале» нет. Обывательским зрением их не увидеть, а зрением научным увидеть все то же самое не составляет труда, если, конечно, такое зрение есть. — Ремесленный труд, долгое историческое время существовавший неразрывным единством труда материального и идеального труда, накопил столь огромное техническое богатство и богатство технологическое в результатах своего интеллектуального, то есть идеального труда, что его хватило мануфактуре, а в дальнейшем и промышленности на десятилетия времени вперед, чтобы не обременять ее в настоящем времени собственным интеллектуальным трудом по производству того же самого. Если «часы» изобретены и уже существуют технологическими деталями и деталями техническими, то изобретать их уже не надо, а воспроизвести их технические детали пооперационным технологическим способом мануфактуры много производительнее, нежели способом ремесленным. — К тому же не надо тратить идеальное время на изобретение самих часов и технологию производства деталей из них. Учитывая, что речь идет не только о «часах», то в результате экономия общественного времени на времени идеального труда просто гигантская, а затраты в настоящем времени на достижение всего того же самого, — да никаких. Что касается труда материального, то специализация материального труда достигает здесь уровня пооперационной специализации в универсализации комбинированного труда. Если в мастерской ремесленника технологические операции выполнялись одновременно и последовательно, то мануфактуре все то же самое делается параллельно и одновременно. Наконец-то, свершился качественный технологический прорыв в росте производительности общественного труда! Свершился еще в феодальном обществе, но благодаря мануфактуре, уже капиталистической по экономическому и социальному содержанию труда. Именно в этом отношении феодальный способ существования общества мануфактурной «частью» уже был капиталистическим. Как бы сказал Маркс, феодальное общество было беременно капиталистическим обществом, но эмбрион еще существовал только мануфактурой. Маркс, как ученый, обязан был увидеть все то же самое. Что-то, конечно, он действительно увидел, но увиденное оказалось запутанным его же противоречивой логикой.

Наука в мануфактуре существует мощной производительной силой, но она существует прошлым овеществленным трудом из труда идеального и в этом суть ее бесплатного дела для настоящего мануфактурного дела в еще феодальном обществе. Наука здесь существует еще и тем, что именно ей исторически принадлежит заслуга изобретения самой «мануфактуры», как способа кооперации специализированного труда в труде универсально комбинированном. Конечно, этот «способ» имеет конкретного автора-изобретателя, но прижизненная история не сочла автора этого изобретения столь значительным, чтобы в знак благодарности оставить на века его

имя благодарным потомкам. Что ж, так история будет повторяться еще не раз. Наконец, со временем она все-таки отметит изобретение «конвейера» в конкретном изобретателе по фамилии Форд, хотя Форд только усовершенствовал все то, что открыл до него безымянный изобретатель «мануфактуры». Форд соединил мануфактуру с конвейером и тем самым окончательно превратил феодальную мануфактуру в завод капиталистический. — Мануфактура вместе с феодализмом умерла, да здравствует завод, промышленность и капитализм!

Заметить в феодальном обществе производительную силу науки, если и возможно, то уж точно не способом описательной науки. Ведь в настоящем мануфактурном времени науки нет, да ее и нет и в самом феодальном обществе в виде самостоятельной общественной сферы идеального производства интеллектуального продукта. Поэтому, куда ни посмотришь взглядом описательной науки, кругом в феодальном обществе только сфера материального производства. Вместе с тем, все то же самое представляется совсем не тем же самым, если смотреть не описательным зрением в мышлении, а фундаментальным мышлением в зрении. Здесь уж точно невидимое становится видимым. Конечно же, наука была и в феодальном обществе и даже в обществе рабовладельческом, и существовала она идеальной составляющей труда ремесленника, но она была неразрывно слита в нем с материальной составляющей его же труда. Идеальная составляющая труда существовала идеальным трудом граждан и управляющим трудом рабовладельцев в рабовладельческом обществе. Да и управляющий труд феодалов есть идеальный труд. Поэтому без фундаментального объяснения естественности самого труда из единства идеального труда и труда материального, например, в ремесленном труде, описательным способом никак не увидеть идеального труда и в обществе феодальном. Вместе с тем, как только есть фундаментальное объяснение естественного единства процесса труда из труда идеального и материального труда, то вполне объяснимо и, следовательно, понятно, откуда взялись в феодальном обществе и обществе рабовладельческом изумляющие до сих пор по художественной красоте, технике и технологии образцы ремесленного труда? — Конечно же, из самого же ремесленного труда, но не из рук, а из головы его самого, — руки только материализовали идеально выполненное головой.

Маркс, взявшись социально и экономически исследовать сущность капиталистического способа производства, просто обязан был увидеть сферу идеального производства в ее естественноисторическом развитии еще с рабовладельческого общества и, наконец, раскрыть ее капиталистическое социально-экономическое значение и значение экономически социальное в единстве с общественной сферой материального производства. Причем, раскрыть все это капиталистическим способом существования общества. Маркс же счел, что «...проявления капиталистического производства в данной области так незначительны в сравнении со всем произ-

водством в целом, что могут быть оставлены совершенно без внимания». (9. с. 421/ Так он и сделал, — оставил без внимания. Вот почему еще в подготовительных рукописях к «Капиталу» он однозначно определился, что предмет его исследования — «...это прежде всего материальное производство». /10. с. 17/. Что ж, именно «невнимательным» способом Маркс положил свою политическую экономию капитализма только на один бок самого капитализма, — набок его материального производства. Конечно, что-то увидеть можно в капитализме и с этого его бока. Это верно. Но верно и то, что увиденное будет обязательно однобоким и поэтому научно ущербным. Кроме этого совсем не увиденным оказывается в капитализме другая сторона его самого, и, что самое главное, совсем не увиденным оказывается в капитализме все то, что составляет социально-экономическое их единство и единство их экономически социальное в капиталистическом способе существования общества. Вот уж точно здесь в социально экономическом марксизме имеется в полном наборе все то, что иначе называется в науке теоретической неполнотой, а, например, в квантовой физике, называется скрытыми параметрами.

Что прижизненное Марксу капиталистическое общество в явлениях его самого, подчеркиваю, в самих его явлениях было социально недоразвито и недоразвито экономически не вызывает сомнений. — В явлениях капитализма, — это верно. В сущности же самого капитализма — это неверно. Развиваются явления, а сущности не развиваются. К естественному примеру, например, явлений электричества множество и каждый раз открываются все новые и новые электрические явления, но сущность электричества остается неизменной и одной и той же для всего множества электрических явлений, как уже известных и неизвестных еще. К общественному примеру, например, явлений человеческого труда множество и каждое общество открывает все новые и новые виды специализированного человеческого труда. Но сущность труда из единства противоположностей идеального труда и труда материального остается неизменной и одной и той же для всего множества трудовых явлений, как уже известных и неизвестных еще. Не без этой причины, сущность не совпадает с явлением, а сущность капиталистического общества не совпадает с явлениями его самого, Коль скоро все так есть и на самом деле, то политическое социально экономическое исследование и исследование экономически социальное, опять же политическое, по определению их научными исследованиями обязаны открывать скрытую сущность капиталистического общества, в том числе даже из тех явлений его самого, что еще невидимы для обывателя. Ведь «скрытое» как раз и существует предметом исследования науки! Недаром сам же Маркс утверждал: «...если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишня...»./17. с.384/. Исходя из этой логики, Маркс, как ученый в политэкономической науке, просто был обязан искать и найти сущность капиталистического общества, даже несмотря на то, что в явле-

ниях само капиталистическое общество еще не являлось тогда множеством всех явлений его самого. На самом деле, Маркс не был ученым в науке политэкономической, но был в ней обывателем. Обыватель же видит только то, что видит зрением в мышлении. Коль скоро общественная сфера идеального производства еще не видна обывателю в прижизненном Марксу капитализме, то в капитализме ее и нет, поэтому ее и нет в «капитальной» политической экономии. Я спрашиваю товарищей марксистов и господ коллег. — Представляется ли научным исследование капиталистического способа существования общества, если в самом исследовании этого способа заранее, подчеркиваю, заранее отсутствует одна из двух противоположных сфер, — сфера идеального общественного производства, которая в самом капиталистическом способе существования общества существует различными отраслями общественного производства интеллектуального продукта со всеми признаками его товарного воспроизводства. У меня ответ есть. — Такое социально экономическое исследование никак нельзя назвать научным. Поэтому и выводы из него не стоят больше того, что стоит односторонность самого учения.

Краеугольным камнем социально экономического марксизма, по собственному признанию его основоположников, является доказательство происхождения прибавочной стоимости, как основной сущностью капиталистического способа производства. Однако открыть, что такое «товар», «цена», «стоимость», и, следовательно, «прибавочная стоимость» и открыть все это из положения «на боку», да еще научным способом, — если нечто и возможно, то разве что в сказке, но никак не в реальности из реальности ее же самой, которую Маркс называет объективной. Что же тогда Маркс открыл научного в политической экономии капитализма? — Ничего, ибо рассказанное им со слов исторических летописей и очевидцев было известно и до него, а все прочее в открытом им же капитализме, — это навязанное капиталистическому способу производству ущербным методом его исследования. Поэтому сам капиталистический способ существования общества как существовал во времена Маркса, независимо от политической экономии Маркса, так точно и продолжал существовать и исторически впредь. Именно поэтому в капиталистическом обществе обнаруживается историческое развитие, совсем не совпадающее с развитием его же самого по Марксу. Что является лучшим эмпирическим доказательством научной несостоятельности марксистской политической экономии.

Социальная и экономическая сущность общественной сферы идеального производства и «науки» в ней же самой в сущности капиталистического способа производства уж точно осталась незамеченной «Капиталом», но Маркс — таки увидел науку в экономических явлениях и явлениях социальных капиталистического общества. Так, анализируя «величину стоимости товара», Маркс пришел к выводу, что ее изменчивость, кроме всего прочего определяется «...уровнем развития науки и степенью ее

технологического применения, общественной комбинацией производственного процесса, размерами и эффективностью средств производства, природными условиями» /2. с.48/. Далее, — горячее. «Духовные потенции производства расширяют свой масштаб на одной стороне потому, что на многих других сторонах они исчезают совершенно. ...Этот процесс отделения начинается в простой кооперации... Он развивается далее в мануфактуре... Он завершается в крупной промышленности, которая отделяет науку, как самостоятельную потенцию производства, от труда и заставляет ее служить капиталу». /2. с. 374/. Казалось бы «дело сделано». Осталось только отождествить науку со сферой идеального производства и вместе со сферой материального производства раскрыть их социальное единство и единство экономическое в общественном разделении труда самим капиталистическим способом существования общества. — Казалось бы, рассматривая «Процесс капиталистического производства, взятый в целом» в третьей книге «Капитала», Маркс, пусть мимоходом, но обязан был заметить идеальную составляющую общественного труда в разделении общественного труда. Так и есть. «Заметим мимоходом, что следует различать всеобщий труд и совместный труд. Тот и другой играют в процессе производства свою роль, каждый из них переходит в другой, но между ними существует также различие. Всеобщим трудом является всякий научный труд, всякое открытие, всякое изобретение. Он обусловливается частью кооперацией современников, частью использованием труда предшественников. Совместный труд предполагает непосредственную кооперацию индивидуумов.» /6. с. 109/. Что ж, быть может с обозначением разделения труда на «материальный» труд и труд «идеальный», Маркс, пусть с опозданием, но 3 —им томом «Капитала» все-таки успел догнать и сесть в поезд капиталистического общества, почти четверть века тому назад ушедший с его первыми двумя томами, но без упоминания в них разделения труда на труд материальный и идеальный труд.

Чуда, конечно, не произошло. В 3 томе «Капитала» Маркс использовал «пушечную» силу разделения общественного труда на научный, то есть идеальный, и кооперативный, то есть материальный. Однако использовал ее, чтобы выстрелить ею по «воробьям», иначе говоря, чтобы доказать, что «...издержки, которых требует ведение предприятия, применяющего новые изобретения, всегда значительно больше, чем издержки последующих предприятий, возникших на его развалинах. Это до такой степени верно, что предприниматели-новаторы банкротятся, и лишь их последователи, в руки которых строгения, машины и т. п. попадают по более дешевым ценам, процветают. Именно поэтому наибольшую выгоду из всякого прогресса всеобщего труда человеческого ума и из общественного применения этого прогресса комбинированным трудом в большинстве случаев извлекают самые ничтожные и жалкие представители денежного капитала.» 16. сЛ09-110./ Во-первых, и здесь Маркс сделал принципиально ошибочный вывод, утверждая, что издержки производства, использующе-

го достижения технического прогресса, выше, нежели издержки того же самого производства, но уже технически и технологически устаревшего. В абсолютной величине эти издержки, конечно, выше. Но, спрашивается, кроме обывателя, кому еще и еще что могут доказать абсолютные величины, извлеченные из экономической действительности?!

В экономической науке, да и в самой действительности экономической жизни общества величина издержек производства, использующего достижения технического прогресса, в суммарной ценовой стоимости произведенной товарной массы всегда ниже величины издержек того же самого производства, использующего достижения технического прогресса, но уже морально устаревшие. В противном случае было бы невозможно с помощью науки осуществить рост производительности общественного труда, да и всякое использование промышленностью достижений науки и техники оказалось бы экономически неоправданным, и тогда общество навсегда застыло в первобытной технологической форме цивилизации. Этого, к счастью, не наблюдается ни в прошлой истории человечества, ни в настоящей его истории. Не наблюдается именно потому, что Маркс на самом деле заблуждался, утверждая, что «...издержки, которых требует ведение предприятия, применяющего новые изобретения, всегда значительно больше, чем издержки последующих предприятий, возникших на его развалинах».

Во-вторых, следует из первого. Утверждать, что «...наибольшую выгоду из всякого прогресса всеобщего труда человеческого ума и из общественного применения этого прогресса общественным производством в большинстве случаев извлекают самые ничтожные и жалкие представители денежного капитала», — конечно же, не запрещено в пристрастном исследовании. Но в исследовании беспристрастном все то же самое означает, в лучшем случае, идти на поводу у обыденного мышления той части рабочего класса, которая, в свое время уничтожала машины, видя в них причину своих социальных бед и экономических несчастий. Худшим случаем уж точно здесь существует обыденное утверждение, будто «наибольшую выгоду из всякого прогресса человеческого ума извлекают самые ничтожные и жалкие представители денежного капитала», хотя, конечно же, исключением из правил существовали и такие случаи, но уж точно не они были социально и экономически типичны для класса капиталистов. Ведь и фабрикант Энгельс, друг и идейный соратник Маркса, был из их числа.

Наконец, в-третьих. «С наукой, — писал Маркс, — дело обстоит так же, как с естественными силами. Раз закон отклонения магнитной стрелки в сфере действия электрического тока или закон намагничивания железа проходящим током открыты, они уже не стоят ни гроша». 12. стр.398/. Раз наука бесплатна, то экономического смысла в ней нет. Это действительно верно. Неверно лишь, что наука бесплатна. Дальнейший здесь комментарий, как говорится в таком случае, излишен.

Тем не менее, Маркс был уже у цели, чтобы открыть и идеальную составляющую общественного труда в разделении общественного труда и вместе с материальной составляющей общественного труда в разделении общественного труда открыть их трудовое единство, как специфически общественный и специфически человеческий капиталистический способ существования общества. Случилось же то, что случилось. Быть у самой цели, еще не означает ее достичь. Идеальное и материальное, как составляющие гносеологическую непримиримость материализма и идеализма в решении основного гносеологического вопроса философии Маркса, не без этой причины так же не сошлись единством в политической экономии Маркса идеальной сферой общественного труда и материальной сферой общественного труда в решении основного социально экономического вопроса о способе существования капиталистического общества. Самому Марксу здесь не оставалось сделать ничего другого, кроме как подчинить собственную политическую экономию собственной же философии материализма. Поэтому Маркс так и не открыл сущность капиталистического способа существования общества, как способ естественного единства противоположностей материального труда и труда идеального из уже общественного единства двух общественно противоположных сфер общественного труда, — труда идеального и материального труда.

Капиталистический способ существования общества единством общественных сфер идеального производства и производства материального не только производит валовый внутренний продукт, но и овладевает экономическим способом его социального управления и социальным способом его экономического управления. Как? — Постоянно в переменности и перемененно в постоянности он экономически стимулирует и стимулирует социально общественную сферу идеального производства в изобретении и открытии все более производительных средств производства и производства средств производства. Их производительное потребление общественной сферой материального производства с каждым разом сокращает удельные общественные затраты экономического времени на единицу производства валового внутреннего продукта. Непрерывно происходит все то, что называется интенсивным ростом производительности общественного труда за счет научно-технического прогресса, использование которого материальной сферой производства фундаментальная экономическая наука называет «экономией затрат общественного времени», хотя точнее это явление я называю «уплотнением экономического времени» в росте производительности общественного труда. Именно таким способом прибавляется внутренний валовый продукт и его цена. У Маркса же все с точностью до наоборот. «Источником прибавочной стоимости является только переменная часть капитала...» /2. с.418/. Переменной же частью капитала Маркс называет ту «часть капитала, которая превращена в рабочую силу...» /2. с.220/. В свою очередь, рабочая сила по Марксу, принадлежит общественной сфере материального производства. Все опять сомк-

нулось в порочном логическом круге. В него уже невозможно ввести интеллектуальную составляющую идеального человеческого труда, ибо тогда всю политическую экономию капитализма надо начинать заново и совсем не так, как начал ее исследование сам Маркс. Противоречивость логики в «капитальной» политической экономии столь фундаментальна, что она не могла не дать хотя бы один пример абсурдности ее же самой. Так и есть. «С удлинением рабочего дня масштаб производства увеличивается, между тем как часть капитала, затраченная на машины и здания, остается без изменения. Благодаря этому не только возрастает прибавочная стоимость, но и уменьшаются затраты на ее получение. Конечно, это явление, в большей или меньшей мере наблюдается вообще...» /2. с.416/. Именно таким примитивным и тавтологическим по своей логической сути образом Маркс открыл в «удлинении рабочего дня» производителя «абсолютности» в прибавочной стоимости. Кто же тогда производит «относительность» в прибавочной стоимости? «Машина производит относительную прибавочную стоимость...» /2. с.417/. Свершилось, наконец, чудо из чудес. Надо же! Общество «машин», а не человеческое общество, по Марксу существует экономическим производителем прибавочной стоимости. Мистика, да и только. Что ж, иной реальности и нельзя ожидать от Марксовой политической экономии капитализма.

Если основным законом капиталистического способа производства Маркс сделал закон производства прибавочной стоимости, то беспристрастное исследование капиталистического общества открывает, что общество капиталистическое, если и существует производством, то наравне с потреблением и существуют они единством общественных сфер производительного потребления и потребительного производства. Отсюда капиталистическое общество существует не капиталистическим способом производства, а капиталистическим способом существования общества, где существуют производительное потребление и потребительное производство в их единстве. Раз так, то основной закон капиталистического общества никак не может быть основным законом капиталистического способа производства и, следовательно, закон производства прибавочной стоимости в этой логике не имеет права называться основным законом капитализма.

Спрашивается, есть ли у капитализма основной закон? Если признать, что такой закон у капитализма действительно есть, то логика обязательно требует назвать другие законы капитализма второстепенными. Что же получается? Получается, что законы между собой не равноправны, да подобного никак не должно быть, если, конечно, речь идет о законах. В здравом уме уж точно никому не придет в голову мысль, что в природе физической законы электричества главнее законов магнетизма, а законы гравитации главнее их вместе взятых, а уж оптические законы еще главнее и поэтому эти законы существуют основными законами физической природы. В здравом уме физиков нечто подобное невозможно даже себе

Представить, но в марксистском уме экономистов и социологов, да еще в политэкономическом уме, — надо же! — подобное нечто присутствует и даже выдается за научную истину. Кто же сошел с ума, — естествознание в лице физики или обществознание в лице марксовой политической экономии? — У общественной природы нет главного или основного закона. Все законы в природе общества суть главные и основные. Поэтому нет положительного смысла искать основной закон капитализма, иначе приходится искать нечто несуществующее, находить мифическое и выдавать его за действительную реальность. Что и осуществил Маркс.

Другое дело «в чем» само капиталистическое общество открывается из себя законами, и «что» открывает законами марксистская политическая экономия в обществе капиталистическом. Не секрет, что Маркс называл свою теорию стоимости законом стоимости, производство прибавочной стоимости — основным законом. У него есть даже законы народонаселения и убывающего плодородия почв, есть даже естественные законы капитализма, и так далее. Чего уж точно нет в капитальной политической экономии Маркса, так это логического исследования того, что же есть такое «закон». Без доказательства подобного рода есть риск и весьма большой оказаться вне закона и тогда уж поздно будет цепляться за сам закон. Маркс оказался именно в такой ситуации. На самом деле, из всего того, что Маркс сформулировал своей политической экономией, нет ни одного положения, которое бы «тянуло» на статус существовать «законом» самой общественной природы, если конечно, исходить из того, из чего и должна исходить Наука в логике из Логике в науке. — Закон отражает сущность, а она не совпадает с явлением. У Маркса же все его «законы» — это «законы» из сгустков явлений обыденной жизни капиталистического общества. Здесь кавычки необходимы по определению закона законом из сущности, а она не является в самой же себе. Конечно же, такого рода марксовы «законы» обязательно будут делиться на *главные*, основные и второстепенные законы. Конечно же, такого рода законы есть марксовы законы, но не законы самого капиталистического общества.

Что же фундаментального изменилось в капиталистическом способе существования общества в сравнении с феодальным способом существования общества, если речь, прежде всего, идет о самом «труде». Из крепостного труда труд превратился в свободный труд. Из крепостной зависимости труд превратился в зависимость наемную. Это же заметил и Маркс. В отличие от способа существования феодализма и рабовладельческого способа существования общества, капиталистический способ производства сам труд, как естественную способность человека, превратил в товар, но в товар уже с разделением его общественным разделением труда. Покупаться и продаваться стал не труд вообще, а специализированный труд. Сама по себе универсальная способность человека к труду, как таковая, некогда востребованная первобытно общинным строем и строем рабовладельческим, и, в известной мере, феодальным обществом, уже не требует-

ся капитализму, ибо ему требуется специальные трудовые способности. Отныне появились рабочие специальности, и число их не одних и одних и тех же продолжало расти. Этого уже Маркс не заметил. — Он отрицал, что труд существует стоимостью. В отличие от феодального способа производства, капиталистический способ существования общества опосредовал «машинами» непосредственный труд, превратив его из ручного труда в труд машинный. Так началась первая в истории человечества промышленная революция, которая, конечно же, своим процессом непрерывно революционизировала материальные условия рабочего труда, делая их все более и более производительными. Это же заметил и Маркс. Причем для своего времени он исследовал этот вопрос столь тщательно, что порою приходится удивляться, почему же Маркс так и не открыл общественную сферу идеального производства в капиталистическом способе производства. Чтобы заранее отвести аргументы моих оппонентов в пристрастном моем отношении к Марксу и его трудам, я процитирую Маркса в доказательство всего того же самого, что доказываю и я, но, правда, я довожу доказательства до сущности доказательства самого капиталистического способа существования общества. Тогда как Маркс остановился со своими доказательствами на полпути к доказательству капиталистического способа существования общества.

Маркс начал с утверждения: «В мануфактуре исходной точкой переворота в способе производства служит рабочая сила, — в крупной промышленности — средство труда». /2. с. 382/. В принципе все верно, если не принимать в расчет детали, а дьявол, как известно, скрывается именно в них и ими именно. Даже Маркс понимал, да и писал, что при известных обстоятельствах рабочая сила и есть средство труда. Поэтому различие здесь рабочей силы и средства труда, если имеет положительный смысл, то только отрицательный. Все то же самое перефразируется иначе. — В мануфактуре исходной точкой переворота в способе производства служит кооперация специализированного ручного труда в труде ручном универсально комбинированном, — в промышленности все то же самое, но — кооперация специализированного машинного труда человека в человеческом труде машинном и универсально комбинированном. Все то же самое доказывал и Маркс, но только через несколько страниц. «Подобно тому как многочисленные орудия составляют лишь органы одной рабочей машины, точно так же многие рабочие машины образуют теперь лишь однородные органы одного и того же двигательного механизма. ...Здесь вновь выступает характерная для мануфактуры кооперация, основанная на разделении труда, но теперь она представляет собой уже комбинацию частичных рабочих машин». 12 с. 390/. В принципе все верно, если не иметь в виду, что и в мануфактуре присутствует комбинация труда, но присутствует она там комбинацией из кооперации ручного труда. Поэтому Маркс не ошибался, когда далее писал: «В тех отраслях, где система машин вводится впервые, сама мануфактура в общем и целом доставляет для нее

естественную основу разделения, а следовательно, и организации процесса производства. ...Итак, крупная промышленность должна овладеть характерным для нее средством производством, самой машиной, и производить машины с помощью машин» /2. с. 391, 396/. Маркс пошел еще дальше: «С увеличением числа изобретений и возрастанием спроса на вновь изобретенные машины все более развивалось, с одной стороны, распадение машиностроения на многочисленные самостоятельные отрасли, с другой стороны — разделение труда внутри машиностроительных мануфактур. ...На место самого рутинного и самого нерационального производства приходит сознательное технологическое применение науки». /2. с. 393/. Направление выбрано правильно. Им бы идти дальше и дальше. Тогда уж точно открылось и самому Марксу, что изобретения в науке и наука в изобретениях не сваливаются бесплатно на голову промышленности с небес, а производятся обществом, но производятся сферой идеального производства, тогда как потребляются они сферой материального производства, которая как раз и существует промышленностью. Маркс остановился на пол пути к открытию того же самого, хотя исследованиям проблем «машин и крупной промышленности» он отдал аж 133 страницы из своего «Капитала». На этих страницах есть множество примеров и иллюстраций, рассказов из жизни камвольных и шелковых фабрик, есть даже статистика о числе фабрик в Англии, Шотландии и Уэльсе, о числе паровых ткацких станков, веретен и занятых рабочих. Здесь приводятся многочисленные выдержки из юридического законодательства, фабричных актов и даже из следственных комиссий, и так далее, и так далее. Все для того, чтобы этими извиняюсь «научными» доказательствами доказать. — «Капиталистическое производство, следовательно, развивает технику и комбинацию общественного процесса производства лишь таким путем, что оно подрывает в то же самое время источники всякого богатства: землю и рабочего». /2. с. 515/. Пристрастность и еще раз пристрастность. В науке она до добра уж точно не приведет.

Конечно, важно заметить, что капиталистический способ производства превратил сам труд в товар и тем самым отменил человека в товаре. Вместе с тем куда важнее заметить, что только этим никак не объяснить революцию в производительности общественного труда, которая сменила феодализм на капитализм. Труд свободный в мануфактурном труде, как пооперационный специализированный труд в труде универсально комбинированном — это уже революция в производительности общественного труда, но еще не вся революция, а только одна из двух ее сторон. Почему? — Да потому здесь везде идет речь о материальном труде и только о нем, тогда как труд существует и идеальным трудом, и только их единством труд существует человеческим трудом. Поэтому речь должна идти о революции в производительности общественного труда в единстве общественных сфер идеального труда и труда материального. Здесь же все то же самое представляется совсем иначе, нежели в пределах общественной

сферы только материального труда и только материального производства. Здесь производительной силой общественного труда существует сама общественная сфера идеального труда, которая производит интеллектуальный продукт для потребления его материальной сферой общественного труда. Какой интеллектуальный продукт? — Предметы ручного труда, средства ручного труда, предметы машинного труда, средства машинного труда, передовые приемы труда и более совершенную организацию процесса труда, и так далее, и тому подобное, называемое языком политической экономии «средствами производства» и «средствами производства для производства воспроизводства средств производства». Конечно, все это существует «чертежами и проектами» в конструкторско-технологической документации и документации проектной. — Это верно. Но верно и то, что без всего этого общественная сфера материального производства, если и сможет существовать в настоящем, то всем тем же самым, но из прошлого того же самого. Но тогда она каждый раз будет воспроизводить в настоящем прошлое самой же себя. Общественная сфера материального производства тогда каждый раз овеществляет производительную силу общественной сферы идеального производства, когда материализует настоящее науки, а не научное прошлое ее же самой. Общественная сфера материального производства мертва в своем положительном развитии без использования интеллектуального продукта общественной сферы идеального производства. Конечно, без общественной сферы материального производства продукты интеллектуального труда общественной сферы идеального производства так и останутся чертежами и проектами, ибо без вещественной их материализации они так же мертвы. Поэтому бессмысленно рассуждать, что здесь важнее, — производство идеальное или материальное производство. Они оба важны одинаково, но не в одном и одном и том же. Поэтому они важны одинаково неодинаково и неодинаково одинаково. Иначе говоря, и здесь имеет место «равновеликость».

Капиталистический способ существования общества как раз и заключается в том, что естественное разделение труда первобытного человека из его разделения в объединении идеального труда и труда материального, он через рабовладельческий способ существования общества и через феодальный способ существования общества довел до того же самого разделения в объединении идеального труда и труда материального, но уже общественного разделения в объединении общественного идеального труда и труда материального, но опять же общественного. Естественный способ существования человеческого труда из единства труда идеального и материального труда, наконец-то, через тысячелетия тысячелетий исторически вновь возродился единством, но уже общественным способом существования капиталистического общества из единства общественной сферы идеального труда в общественном идеальном производстве и общественной сферы материального труда в общественном материальном производ-

стве. По-существу, капиталистический способ существования общества — этот тот же самый способ существования первобытного человека, но возрожденный не в общинном его состоянии, а состоянии общественном. Для этого идеальный труд первобытного человека должен превратиться в общественную сферу идеального труда, где наука, культура и образование составляют ядро в идеальном общественном производстве. Для этого материальный труд первобытного человека должен превратиться в общественную сферу материального труда, где промышленное производство и производство сельскохозяйственное составляют ядро в материальном общественном производстве. Для этого они должны существовать единством одного в другом, и только тогда естественный способ существования первобытного человека исторически превращается в общественный способ существования капиталистического общества. За эти тысячелетия тысячелетий человеческой истории идеальная составляющая человеческого труда столь глубоко проникла в материальную составляющую единства природы естества, что человеку, наконец-то, открылась и идеальная составляющая природы естества. Их единство уже открыло человеку, что способ его естественного существования в единстве с самим же собой есть точно такой же способ, что и способ существования природы естества в естественном ее единстве с самою собой. Но открылось это только с пониманием того, что каждый из них из них в каждом существует тождественно противоположным способом и способом противоположно тождественным. Это означает, где человек существует единством идеального в материальном, там природа естества существует единством материального в идеальном, но где природа естества существует единством идеального в материальном, там человек существует единством материального в идеальном. Поэтому природа естества существует прямо обратным двуединством материального в идеальном и идеального в материальном, а человек существует обратно прямым двуединством идеального в материальном и материального в идеальном. Их двуединства друг другу тождественно противоположны и противоположно тождественны друг другу их двуединства. Поэтому природа естества познаваема человеком, а человек познает природу. Ведь тождественным тождественное запрещено познавать, — не случайно тождественные отталкиваются и разделяются. Притягиваются и объединяются противоположности, а здесь уже имеют место такие противоположности, как «противоположность» и «тождество». Почему, понятно. Иначе никак теоретически доказательно не объяснить, почему же природа естества по факту познаваема человеком, и почему человек по факту познает природу естества.

В этом своем умственном поединке с природой естества человек за тысячелетия тысячелетий овладел гигантским пластом положительных знаний и знаний отрицательных, как о самом себе в природе естества, так и о самой природе естества в себе же самом. Что, разумеется, позволило ему, наконец, овладеть той технически технологической цивилизацией,

которой он ныне владеет, но и сама технологически техническая цивилизация владеет ныне человеком. Их обоюдное владение существует не только положительным пространством, но и пространством отрицательным существует. Как же иначе, ведь кроме положительных знаний, и знания отрицательные, — в виде ошибок и заблуждений, — обязательно внедряются в материальную жизнь человечества. Примеров тому существует легион легионов. Октябрьский переворот и последующее за ним строительство социализма — это только один из них, но впечатляющий масштабами, грандиозными как по численности населения и территории, так и исторической длительности, исчисляемой жизнью нескольких поколений. Вот еще почему политэкономическое исследование капиталистического способа существования общества должно тщательно выверено беспристрастной гносеологией, беспристрастной философией, беспристрастной наукой, а подобное нечто, если ныне и возможно в самой действительности, то только с помощью неклассической гносеологией идеалистического материализма и материалистического идеализма, неклассической философии диалектической метафизики и метафизической диалектики и Науки в логике из Логике в науке ее же самой.

Итак, решающей причиной превращения феодального способа существования общества в капиталистический способ существования общества — это саморазвитие организации единства двух общественных сфер, — идеального труда в производстве идеальном и материального труда в производстве материальном. Конечно же, без замены крепостной зависимости на зависимость наемную эти сферы производства не смогли бы существовать общественными сферами. Поэтому превращение человека из человека крепостного в наемного человека — это обязательное условие капиталистического функционирования капиталистического способа производства. Не только вещи стали капиталистическим товаром, не только товаром стал и производитель вещей, — труд, — но товаром стали так же вещные производители, — сами заводы, фабрики и так далее, и, наконец, сами же деньги стали товаром товаров. С тех пор товарный «рынок» капитализма — это рынок труда и вещный рынок, рынок валютный и фондовый рынок, рынок собственности и кредитный рынок. Все это вместе есть капиталистический рынок, а рынок в базарном его виде — это обывательское отражение того же самого, но существующее для личного, а не общественного производительного потребления.

Пусть повторюсь, но еще раз отмечу. Капиталистический товар и рынок — это рынок и товар именно в этих всеобщих формах. Здесь все взаимосвязано единым капиталистическим способом существования общества. Все то же самое было уже и в прижизненном Марксе капитализме, но еще в единичных явлениях его самого, что, естественно, уже было доступно для исследования, если оно, конечно, не приземлено обыденным мышлением обывателя. Уже в прижизненном Марксе капитализме «биржа», как таковая, играла заметную экономическую роль, ибо начала она существо-

вать капиталистической формой самоорганизации рынка аж с 15 столетия, пусть не Германии, а в Италии и Голландии, но ведь уже начала существовать! Ко времени Маркса все это уже не было секретом. — Купля-продажа сырья и готовых продуктов, земли и труда, заводов и фабрик, и, наконец, купля-продажа денег, — все это уже тогда было именно капиталистическим рынком, хотя и не обозначенным точным географически местом его пребывания. Поэтому сфера общественного производительного производства уже существовала наряду со сферой общественного потребительного производства, и только так и не иначе, как их единством, рынок уже социально экономически и экономически социально существует рынком капиталистическим. Почему именно капиталистическим? — Да потому, что еще феодализм развил феодальную сферу потребления, но преимущественно индивидуального потребления, в сферу производительного потребления, но уже мануфактурой и развил уже в сферу общественного производительного потребления. Да потому, что именно капитализм развил мануфактурную сферу производства, уже преимущественно общественную, в общественную сферу потребительного производства. Только при капитализме и капитализме только сфера общественного потребительного производства и сфера общественного производительного потребления равновелико существуют единствами друг другом друг в друге. Где все это в «Капитале»? Там повсеместно речь идет только об общественном производстве и о производстве общественном только. Если же и появляется потребление, то оно появляется применительно к явлениям, не имеющим общественного статуса и, следовательно, не имеющим социального значения и значения экономического. Вот тому пример из «капитальной» политической экономии Маркса. — «Труд потребляет свои вещественные элементы, свой предмет и свои средства, пожирает их, а потому является процессом потребления. Это производственное потребление тем отличается от индивидуального потребления, что в последнем продукты потребляются как жизненные средства живого индивидуума, в первом — как жизненные средства труда, т. е. действующей рабочей силы этого индивидуума». /2. с. 195/ Еще бы шаг и обобщить то же самое производственное потребление, но до уровня общественного производительного потребления, чтобы открылось и потребительное производство общественное, а уж тогда и открылось их не одно и одно и то же социальное единство и единство экономическое и открылось, не иначе, как сущностью самого «рынка», — всего то шаг осталось сделать здесь Марксу.

Шаг оказался длиною, больше века. Маркс шагал не по этой дороге, а в стороне от нее же самой. Поэтому что-то разрозненное встречается отдельными мыслями и рассуждениями. «Во всяком случае, на товарном рынке только товаровладелец противостоит товаровладельцу, и та власть, которой обладают эти лица один по отношению к другому, есть лишь власть их товаров. ...Таким образом, товаровладельцы различаются между собой лишь как продавцы, владельцы товара, и как покупатели, владельцы

денег». /Капитал, с. 167/. — Только-то и всего и не без путаницы в мыслях. Только на товарном рынке, как базаре местного географического значения, товаровладельцы различаются между собой лишь как продавцы, владельцы товара, и как покупатели, владельцы денег. На товарном рынке капиталистического общества все то же самое есть уже совсем не то же самое. Во-первых, все то же самое уже не корректно утверждать, поскольку деньги при капитализме — это тоже товар. Поэтому, если уж быть последовательным в собственной же логике, то Маркс должен был бы здесь говорить о двух владельцах товара, но у одного товар вещный, а денежный товар у другого. При этом, вовсе не обязательно у кого денежный товар, тот покупатель. Ведь деньги продаются и покупаются деньги. Поэтому у кого деньги, тот, может быть, не только покупателем, но так же и продавцом. Если же два продавца встречаются на рынке, то кто же из них покупатель и где же тогда рынок?! Правда, те деньги, что продаются и покупаются, — это не одни и одни и те же деньги, — их различает не одна и та же их курсовая цена. Но об этом же уже было известно и самому Марксу. Так что тайна не одного и того же валютного курса денег не одних и тех же стран так же не была за семью печатями скрыта и от Маркса.

Почему же Маркс свел товарный рынок капитализма к географическому месту базарного рынка, то есть к деньгам покупателя и продавцу товара? — Да точно так же мыслил «рынок» и сам обыватель в том же самом историческом времени. Поэтому Маркс проявил себя обывателем, а не ученым в собственной политической экономии. Что ж, тогда понятно, почему здесь даже и в помине нет рынка в социально-экономическом его понимании именно рынком капиталистическим. Случайно? — Конечно же, нет! Откуда капиталистическому рынку было взяться в «Капитале», если там же в капитализме нет общественной сферы потребления в виде производительного потребления. Без нее социально-экономическую сущность товара приходится объяснять только исключительно сферой производства, а в таком одностороннем подходе приходится объяснять уже «напряжками» в трудовой теории стоимости, иначе ведь и не объяснить. Без общественной сферы производительного потребления и без общественной сферы потребительного производства и без их единства никак не объяснить «рынок», где балансирование спроса и предложения в их единстве есть рыночный механизм экономического саморегулирования общественного производства потребностями общественного потребления и экономического саморегулирования общественного потребления возможностями общественного производства. Есть ли все это уже в капитализме, при жизненном самому же Марксу? — Конечно же, есть! Почему же всего этого нет в марксовой политической экономии? Ответ, надеюсь, не следует вновь повторять и повторять вновь.

Сам Маркс застал капиталистическое общество своего времени именно в том социально-экономическом виде, в виде экономическом и социальном оно тогда исторически и существовало. Конечно, оно уже было

исторически более развитым в собственной социально-экономической самоорганизации, нежели при Смите и Рикардо. Это заметил и Маркс, обратив внимание на наличие в нем массовой классовой борьбы, которая, если и была во времена Рикардо и Смита, то уж точно единичными проявлениями. Правда, это был не экономический аспект, а аспект социальный. Что ж, этого рода сторона не менее важна, нежели сторона экономическая. Поэтому заслуга Маркса уж точно есть, что он не прошел мимо и заметил-таки эту сторону в ее развитии. Вместе с тем, кто-кто, а уж Маркс точно понимал, что социальное есть продукт экономического, его результат. Если уж социальное взорвалось классовой борьбой, то, непременно, должна быть тому экономическая причина и, разумеется, искать ее в количественной стороне экономики в виде усиления эксплуатации наемного труда — уж точно было бы научно ошибочным шагом. При капитализме все как раз с исторической точностью до наоборот. Только-только возникнув, капитализм демонстрировал наивысшую степень экономической эксплуатации наемного труда. Но классовой борьбы, тем более в массовых ее проявлениях тогда совсем не было. Почему же, если в марксовой логике абсолютной прибавочной стоимости она уж точно обязательно должна быть? — Все просто. У наемного рабочего тогда еще был социальный выбор, — уйти в ремесленники, где рабочий сам же себе и хозяин. С позиций политической экономии рабочий здесь уходит не столько в ремесленника, сколько в феодальный способ производства. На этапе становления капиталистического способа производства, конечно же, феодальный способ присутствовал в нем, пусть умирающим общественным строем, но ведь присутствовал, — и в этом суть социального дела, — почему классовой борьбы не было даже в период наивысшей экономической эксплуатации наемного рабочего труда. Социально беспристрастный взгляд и взгляд беспристрастный экономически обязательно обнаружит, — вся история развития самоорганизации капиталистического способа производства от его становления и до дней нынешних есть история не усиления экономического гнета классами капиталистов пролетарских классов, а история ослабления того же самого. Факт для марксистов необъяснимый именно марксизмом и поэтому факт для них явно невероятный, но от этого факт не перестает быть фактом. Иначе сейчас мы имели в капиталистических обществах не 8 и 7 часовой рабочий день, а, по меньшей мере, вдвое больший.

Ортодоксы-коммунисты непременно скажут, что все это не благодаря капиталистам, а вопреки им, поскольку здесь заслуга принадлежит рабочим профсоюзам. Что ж, в известной мере они правы. Но мера известности состоит здесь и в том, что будь профсоюзы хоть тысячу раз профсоюзами, но они не добились того же самого, не будь у капиталистов экономических условий для достижения профсоюзами тех же социальных успехов. Экономические условия капиталистического общества изменяются и изменяются они в силу непрерывного роста производительности общественного труда, а сама уж более высокая производительность обществен-

ного труда создает экономические условия для капиталистов для относительно большего накопления капитала и расходования его части для ослабления экономического гнета труда наемного, то есть пролетарских классов. Другая же часть идет на производительное потребление, то есть опять же на стимулирование роста производительности общественного труда. Так всякий раз. Конечно, прогрессивная роль профсоюзов здесь есть. Кто бы спорил, только не я. Но профсоюз, будь он тысячу раз рабочий, никак не перепрыгнет экономически через экономические условия капиталистического накопления, которые существуют в данный исторический момент самого капиталистического общества. Если в данный исторический момент в нем нет экономических условий для повышения оплаты наемного труда или снижения продолжительности дня рабочего времени, — всего этого и не будет в данном историческом моменте, пусть хоть профсоюзы выведут на улицы тысячи тысяч наемных рабочих. К экономическому коллапсу все то же самое может привести, но не к социальной победе профсоюзов.

Надо сказать, что за столетия существования капитализма рабочие профсоюзы стали в этом общественном отношении экономически образованными и, следовательно, грамотными стали и их социальные действия, как правило, соразмерные в экономических требованиях к работодателям, то есть капиталистическим классам. Поэтому не без участия профсоюзов, но процесс облегчения экономического гнета идет в капиталистических странах по мере роста производительности общественного труда в них же самих. Поэтому ныне в развитых капиталистических странах пролетарские классы, — рабочие и крестьяне, а также инженеры, менеджеры и ученые, — зарабатывают и социально защищены куда больше и лучше, нежели все те же самые классы, но в неразвитых капиталистических странах. Марксизмом всего того же самого никак не объяснить. Не только потому, что капитализм в мировоззрении Маркса — это чудовище из прибавочной стоимости, которая высасывает кровь из рабочих до тех пор классовой ненависти, пока рабочие, наконец, возьмутся за пролетарский булыжник и ударят им по голове буржуазной гидре. Суть прибавочной стоимости марксизма в доказательствах все большего и большего уровня эксплуатации трудящихся масс по мере развития самого капитализма. Иначе никак не объяснить необходимость в социалистической революции.

Хотя и сам Маркс понимал социально-экономическую роль производительности общественного труда, но он еще не понимал ее так же исторически фундаментально, подчеркиваю, фундаментально исторически так же, как и Ленин. «Производительность труда, — это в последнем счете самое важное, самое главное для победы нового общественного строя». Эти ленинские слова, ставшие в свое время общим местом для всего советского народа в партийных и уличных лозунгах его самого, заслонили от самого же советского народа саму суть этих слов. — Конечно, сам Ленин имел в виду, прежде всего, социалистическое общество, как новое. На

самом же деле, производительность общественного труда — вот главная экономическая причина, которая заставляет один общественно социально-экономический строй исторически сменяться другим, где производительность общественного труда более высокая не за счет экстенсификации самого труда, а за счет его интенсификации. Иначе говоря, причину качественного, подчеркиваю, качественного роста производительности общественного труда следует искать в изменении качества самого труда, как еще индивидуального и общественного уже. Здесь к месту надо бы вспомнить и Маркса, который говорил как пророчество, — одна социально-экономическая эпоха отличается от другой социально-экономической эпохи не тем, «что» производит, а тем, «как» это «что» она производит. — «Экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда». /2. с. 191/.

Конечно же, Маркс и Ленин не во всем ошибались, и заблуждались они точно уж не во всем. Здесь они уж точно не ошибались, но момент Заблуждения здесь все-таки есть и у них. — Дело в том, что конструктивная мысль и мысль технологическая, — так уж исторически сложилось, — идут преимущественно параллельно друг другу, если и пересекаясь, то в некотором моменте, а затем вновь параллельно. Так каждый раз. Поэтому «как» производить — это технологический вопрос. Вопрос же конструктивный — это «что» производить. Отсюда конструкторские отделы озадачены тем, «что» производить, а отделы технологические — тем, «как» производить это что. Естественно, что здесь «технология» вторична по отношению к «конструкции», но в логике Маркса именно технология есть определяющая причина, исторически отделяющая одну социально-экономическую эпоху от другой. Либо что-то не так в логике Маркса, либо что-то не так в логике разделения конструкции и технологии, либо что-то не так в их обеих. — Верно третье. — Не так что-то в них обеих. Что же здесь в них «не так»?

Дело в том, что «конструкция» и «технология», на самом деле, неразделимы в сущности из них каждой в каждой из них сущности, хотя на явленной поверхности того же самого они вполне отделимы друг от друга. Если пользоваться сущностными определениями, — что и должно быть, если определения научные, — то конструкция технологична, а технология конструктивна. Другими словами, они существуют отношениями тождества противоположностей и противоположностями тождеств, что обозначает равновеликость в их взаимоотношениях. Иначе быть может, но в обыденных, а не научных представлениях о том же самом.

Маркс не исследовал специально взаимозависимость «технологии» и «конструкции» и поэтому воспользовался обыденными представлениями на все то же самое. В том же самом ключе, то есть ключе обыденном, все то же самое осталось самым все тем же и до сих пор в политической экономике. Поэтому, что логика Маркса здесь хромала на обыденность мышления, на ту же обыденность мышления хромает здесь логика и до сих

пор. Именно это и есть «не так» в обеих логиках. Логика Маркса в определяющем значении «технологии» оказалась в противоречии с тем, где «конструкция» определяет «технологию». На самом же деле, верно и то и другое верно. Конструкция определяет технологию, и тогда технология конструктивна. Но и технология определяет конструкцию, и тогда конструкция технологична. Здесь уже нет абсолютного противопоставления конструкции и технологии, поэтому нет вопроса, что же из них главнее, и нет, следовательно, противоречащих друг другу альтернативных ответов. Зато здесь есть равновеликость технологии в конструкции и конструкции в технологии. Это означает, что в некое социально-экономическое время определяющей качество в количественном повышении производительности общественного труда существует конструкция в технологии, — здесь технология конструктивна. В исторически ином же социально-экономическом времени определяющей качество в количественном повышении производительности общественного труда существует технология в конструкции, — здесь конструкция технологична. Если конструкция технологична, а технология конструктивна — и все это вместе служит решающим качеством в количественном повышении производительности общественного труда, — это все вместе как раз и существует причиной, — третьим способом исторически отличающей одну социально-экономическую эпоху от другой, но в ином историческом времени. Варианты здесь есть, и они не альтернативны в противоположности техники и технологии.

Используя эту логику для исследования логики исторической смены одной общественной формации формацией другой, — имея при этом в виду, что в центре исследования находится, не что иное, как «труд», — «труд» необходимо рассматривать и в качестве самой же причины исторической смены одного общественного строя строем общественным, но другим. Что-то в самом «труде» концептуально изменяется столь фундаментально и фундаментально изменяется столь концептуально, что в результате даже эпохи так социально изменяются и изменяются экономически так, что сменяются одна другой. Свести все эти изменения к изменениям «как» производит эпоха, — что как раз и делал Маркс, — уж точно означало выбросить из всех изменений не только «что» производит эпоха, но и все существующее их единством в «труде» из «как в что» и «что в как». Понимая все это и дабы не повторять ошибку Маркса, я исследовал «труд» как конструктивную технологию самого способа существования общества из прямо обратного общественного двуединства прямого единства материального труда в труде идеальном и обратного единства труда идеального в материальном труде. — Здесь приматом существует общественная сфера идеального производства в ее единстве с общественной сферой материального производства. Одновременно я исследовал «труд» как технологическую конструкцию самого способа существования общества из обратно прямого общественного двуединства обратного единства труда

идеального в материальном труде и прямого единства материального труда в труде идеальном. — Здесь приматом существует общественная сфера материального производства в ее единстве с общественной сферой идеального производства. Единство двух этих двуединств есть «труд», и как способ существования общества, он раскрывается уже научно во всей теоретической полноте его самого и самого же способа существования общества, — любого общества, а не только капиталистического. Вот почему при социальном исследовании и исследовании экономическом способа существования общества я исторически исследовал социальные условия и условия экономические в содержательной форме общественного труда и труда общественного из формального содержания.

Когда речь идет о конструктивной технологии и технологической конструкции в социально-экономических условиях и условиях экономически социальных, то речь, конечно же, идет не о каком-то вещном и конструктивно технологическом продукте и не о вещном продукте каком-то технологически конструктивном. Речь идет о том, что существует фундаментом человеческого в человеческом обществе и о том, что существует фундаментом общественного в общественном человеке. Этим как раз и существует «человеческий труд» в человеческом из человеческого общества и существует этим как раз «труд общественный» в общественном из общественного человека.

Казалось бы, что не может быть ничего более простого, нежели «труд» для научного исследования фундаментального социально-экономического порядка и порядка экономико-социального, опять же фундаментального. На самом же деле, все с точностью до наоборот. Пожалуй, нет ничего более сложного для того же самого фундаментального исследования простого и, прежде всего, потому, что непосредственно именно здесь и здесь именно непосредственно лицом к лицу встречается труд, как исследовательская предметность, — он же субъект исследования, и встречается труд, как предмет исследования, — он же исследования объект. Непосредственно лицом к лицу лица не увидеть! Что вовсе не означает, будто запрещено познать труд трудом. Непосредственно запрещено. — Это верно. Но непосредственно в опосредованности природой естества и опосредованно в непосредственности общественной природы все то же самое уже разрешено. Именно так только и только так надлежит исследовать саморазвитие организации общества в смене одной социально-экономической формации формацией другой, и самоорганизацию развития общества от этапа становления его организации до саморазвития ее же самой.

Здесь для исследования сущности капитализма не нужны центнеры железа, кварталы пшеницы, сапожная вакса, золото, алмазы, уголь, кирпич, холст, сюртук и прочая, прочая вещная продукция. Ибо здесь нет необходимости сравнивать их все для того, чтобы установить, к примеру, что 20 аршин холста стоят одного сюртука. В самом обществе, где рынок есть экономический способ и способ социальный существования самого

общества, рынок сам же делает все то же самое, но не с помощью подобного рода расчетов, а посредством прямого единства спроса в предложении и обратного единства предложения в спросе. Если же на холст нет рыночного спроса, но спрос есть на сюртуки, то хоть тысячи раз попробуй продать 20 метров холста за один сюртук, — такого покупателя на рынке все равно не найдется. Хотя по Марксу такие покупатели уж точно все время находятся на рынке. Как же иначе, коль скоро так требует его трудовая теория стоимости. Поэтому, если рынок и присутствует в «капитальной» политической экономии, то присутствует там формулой $T \rightarrow D \rightarrow T$ (товар) — Д (деньги) — Т (товар), где $T \rightarrow D$ — «Первый метаморфоз товара, или продажа». /2. с. 116/, но где «Д — Т, там «второй, или заключительный метаморфоз товара — купля». /2. с. 120/. Вот и весь рынок по марксистски. Примитивно? — Еще как! На эту примитивность в простоте ее же самой как раз и купился обывательский народ. Как же иначе, ведь это и есть рынок в глазах обывателя. — Не без этой причины все то же самое и так очевидно для каждого обывателя еще со времен появления рынка в рабовладельческом обществе. Поэтому, если кто всего того же самого и не знал раньше Маркса, то разве что сам Маркс. Иначе никак не объяснить, зачем Маркс выдавал за научное достижение и так известное всем обывателям всех времен и народов. Зачем, спрашивается, тогда нужна наука. Кого и в чем хотел Маркс убедить столь «сложной математической формулой»? — Прежде всего, самого же себя, иначе никак не поверить в истинность собственной трудовой теории стоимости. — Прежде всего, и сами массы трудящихся, ибо иначе как собственными представлениями их не убедить.

Конечно жё, рынок без денег и товара, — это не рынок. Но объяснять превращение денег в капитал рыночным превращением товаров в деньги — это то же самое, что объяснять товар товаром, ибо «деньги» — это то же товар. Не зная этого Маркс не мог. Более того, не мог Маркс не знать, что и «капитал» существует товаром. Почему же он объяснение всеобщей формулы капитала начал с утверждения: «Товарное обращение есть исходный пункт капитала. ...Мировая торговля и мировой рынок открывают в 16 столетии новую историю капитала». /2. с. 157/. — Все просто до примитивности. Маркс понимал «капитал» как денежное выражение товаров. — «Если мы оставим в стороне вещественное содержание товарного обращения, ...то мы найдем, что деньги представляют его последний продукт. Этот последний продукт товарного обращения есть первая форма проявления капитала». /2. с. 157/. — Конечно же, «капитал» в сущности его самого не имеет ничего общего с деньгами, как таковыми, хотя деньги, конечно же, являются одним из многих явлений, подчеркиваю, явлений капитала человеку. Среди явлений капитала существуют и такие, как интеллектуальная собственность и собственность имущественная, в том числе и земельная. Частная собственность, наконец. Но все это даже вместе взятое не объясняет сущность капитала, ибо она скрывается от собствен-

ных явлений за явлениями собственности ее же самой. Сущность никогда не совпадает с явлением. Поэтому-то человечеству требуется наука, в том числе и политэкономическая наука. Если же политическая экономия выдает денежное «проявление капитала» за сущность его самого, то тем самым она подменяет сущность явлением, что есть обман или самообман, но уж точно такая политическая экономия не есть наука. Оппонируйте, товарищи марксисты. Ведь задета честь самого «Капитала».

Надо сказать, что экономическая наука и наука социология, равно как и медицинская наука и наука биологическая, так или иначе имеющие дело с «человеком», как объектом исследования их же самих, в то же самое время и сами вступают здесь «человеком», но как исследовательским субъектом в них же самих. Пикантность подобного положения приводит к тому, что в экономике, социологии, медицине и биологии каждый обыватель считает себя «докой». Что же из этого следует? — Весьма важный вывод. Как никакие другие науки, эти науки, кроме, разумеется, вполне теоретически оправданных наукой положений и терминов, вместе с тем пропитаны обывательскими представлениями и понятиями обывательскими, которые в самих науках самими же науками не редко одеваются в наукообразные одежды специальных «терминов» или даже научных «выводов». Не буду приводить примеры, ибо они повсеместны, известны и имя им несчетное. — Жаль тратить на них место и время. Скажу только, что «капитал» из чисто обывательского языка перекочевал в марксистский политэкономический язык и даже стал в ней основным научным термином, — именно по этой причине.

Маркс не был ученым в науке политэкономии, но обывателем и не без творческих способностей, он уж точно в ней был. Странно, невероятно и даже оскорбительно это звучит для слуха марксистов всех времен и народов и всех тех, кто получил образование не без помощи учебных курсов по научному коммунизму и всей душой поверил в истинность его самого. Но ничего не поделаешь. Это — не только есть правда, но и истина в ней же самой. В результате Маркс чисто обывательское понимание капитала превратил в «капитал», как социально-экономическое явление, для обозначения которого он опять же использовал все то же обывательское понятие [капитал, но уже в виде научного термина, обозначающего основное явление капиталистического способа производства. — Недаром же он назвал свою политическую экономию именно «Капитал», а не как-то иначе.

Что такое есть «капитал» на обывательском языке обывателя? — Конечно же, деньги, что же еще. Но у большинства обывателей количественные размеры денег, как правило, не столь велики, как у капиталиста, — у капиталиста их аж «огромное количество», как и «огромное количество товара» у капиталистического общества. Поэтому у бедняка деньги — это еще не капитал. У капиталиста деньги — это уже большие деньги, а деньги в большом количестве — это уж точно «капитал» и, конечно, именно такой капитал есть «капиталистический капитал» и у Маркса. Да и чело-

век с большими деньгами этот уже не простой обыватель, а «капитал»-ист. Именно эта логика и никакая другая присутствует капиталом в «Капитале», но тогда Марксу оставалось объяснить уже политэкономией все то же самое. Что он и сделал описательными объяснениями. На самом же деле, «капитал», как явление экономическое, существует социальными пределами обывательской жизни человечества, за человеческими пределами, которой «капитал» не имеет ни научного экономического смысла, ни смысла социального научного. Объяснять же обывательскими понятиями сущности научного порядка равносильно тому, чтобы, например, зоологией объяснять молекулярную биологию. Наоборот разрешено, но запрещено иначе. Все то же самое и в политической экономии. Она по определению призвана объяснять обывательскую в своих экономических явлениях жизнь человеческого общества, но ей при этом запрещено обращаться к экономическим явлениям самой обывательской жизни человечества в научном качестве доказательных аргументов сущности ее же самой. Иначе следует отождествление явления с сущностью, а отсюда и все прочие ошибки и заблуждения.

Теперь понятно, почему я так и не предпринял специальное исследование всего того, что Маркс называл «капиталом». Теперь понятно, почему я назвал собственное политэкономическое исследование не «Капиталом», а «Трудом». — У «капитала» нет другой сущности, кроме отсутствия ее самой в присутствии научного исследования. Еще точнее, сущность «капитала» — это научное доказательство отсутствия ее самой в явлении капитала капиталом обыденным по происхождению. Все то же самое на языке научной политической экономии существует «частной собственностью» или, что самое же то, «экономической собственностью», что и есть «капитал», но на языке обывателя это совсем не тот капитал. Если не путать экономический язык обывателя и научный экономический язык политической экономии, то не возникает научной проблемы «капитала» в качестве доказательства его социально экономической сущности, но возникает научная проблема теоретического доказательства экономической сущности «частной собственности» и «экономической собственности» в собственности. Стоит только перепутать эти языки, так сразу же возникает «капитальная» политическая экономия, да еще с претензией называться наукой.

Я, равно как и Маркс, «смотрю на развитие экономической общественной формации как на естественно исторический процесс». /2. с. 10/. Но смотрю на этот процесс не точно так же, как Маркс. Я смотрю на естественно исторический процесс как на процесс экономического развития социальной самоорганизации его самого человеческим трудом в труде человеческом из экономической организации социального саморазвития его самого. Здесь важно понимать, что у самой общественной природы нет проблемы выбора в естественно историческом развитии самоорганизации природы общества ее же самой, хотя в обыденных случаях у человека

проблема выбора всегда присутствует. Поэтому, присутствуя собою в естественно историческом процессе развития самоорганизации общества, человек невольно переносит собственное самосознание необходимости каждый раз делать выбор на выбор всего то же самого, но в историческом процессе саморазвития организации общества. На самом же деле, человеку и человечеству, обыденному в опыте его самого, запрещено вмешиваться в естественную историю развития самоорганизации и организацию саморазвития человеческого общества больше, нежели в силу социально-экономических причин и причин экономически социальных общество саморазвивается и самоорганизуется собственным общественным естественно историческим способом. Любое другое понимание заставляет вмешиваться человека и человечество в ход естественно исторического развития его самого и тем самым либо искусственно замедлять его развитие, либо опять же искусственно ускорять его, либо опять же искусственно помогать тому и другому. В конечном счете, все это одинаково безуспешно, но цена такого масштабного вмешательства для человечества, разумеется, ущербна и так же по-человечески масштабна. Маркс фарисействовал, когда писал: «Общество, если даже оно напало на след естественного закона своего развития ... не может ни перескочить через естественные фазы развития, ни отменить последние декретами. Но оно может сократить и смягчить муки родов». /2. с. 10/ Анастезия, — другого способа смягчить роды здесь нет. Что означает обезболивание общества в развитии его самого от капитализма к социализму с помощью марксистской политической экономии, — лучше всего знает российский народ в советском исполнении. Октябрьский переворот и последующие за ним события — только один из подобного рода примеров. Они же, увы, множатся и множатся, и размножает их все та же марксистская политическая экономия с помощью обывательского самосознания трудящихся масс. Еще бы, ведь именно марксизму принадлежат формулы. — Пролетариям нечего терять, кроме своих цепей. Пролетарским классам нечего ждать милостей от естественной истории саморазвития капитализма, насильственно взять их у нее — вот пролетарская задача. Перефраз того же самого в период строительства советского социализма в устах его же вождей уже означал. «Нечего ждать милостей от природы, взять их у нее наша задача». Если дозволено насилловать общественную природу, то природу естественную так же разрешено насилловать. Все здесь логически последовательно и верно, если, конечно, верна марксистская политическая экономия. На деле же научном все оказалось с точностью до наоборот. Марксистская политическая экономия на поверку ее логической надежности оказалась беспринципным соединением принципиально несоединяемого.

Немарксистская политическая экономия существует принципиальной иной логикой, а, именно, той логикой, которой не является, а существует сам естественный способ существования человека в обществе и сам общественный способ существования общества в человека. Любого общества!

Маркс, конечно же, был прав, когда говорил, что жить человеку в обществе и быть не зависимым от жизни общества человеком — это невозможно. Марксу бы еще продолжить и сказать, что общество живет человеком и быть не зависимым от жизни человека обществом — это так же невозможно. Марксу бы еще дальше продолжить и сказать. — Это столь же верно, как верно и то, что существовать человеку природой естества и быть не зависимым от естественной природы человеком — это невозможно, как и невозможно природе естества существовать человеком и быть не зависимой от человека естественной природой. Здесь общественная природа и природа естественная существуют не отдельно друг от друга, не независимо друг от друга, а взаимозависимо друг в друге природой естества в общественной природе и общественной природой в природе естества и, прежде всего потому, что их разъединяемо объединяет «человек», как существо естественное в общественном существе его самого, и их объединяемо разъединяет «человек», как общественное существо в естественном существе самого же его. Здесь торжествуют диалектика в метафизике и метафизика в диалектике, дисгармония в гармонии и гармония в дисгармонии. Именно здесь все логично и логически последовательно. Однако ж как же все это разительно отличается от истории развития человеческого общества по-марксистски, где именно насилие и еще раз насилие есть потенция развития человеческого общества.

Конечно же, рынок существует капиталистическим обществом, равно как и капиталистическое общество существует рынком. Но рынком существовали и рабовладельческое общество и общество феодальное. Чем же так выделяется капиталистический рынок, коль скоро он именно капиталистический, а не иной? — Исторически впервые именно на этом рынке присутствует уже общественная сфера идеального производства, и присутствует она там не только интеллектуальным трудом, как товаром, но и товарными продуктами интеллектуального труда со всеми признаками его специализации. — Это, конечно же, в первую очередь труд ученых, управляющих, конструкторов, технологов, инженеров и продукты их труда, — технологические изобретения и изобретения технические. Господа оппоненты, только не говорите мне, что всего этого еще не было во времена Маркса, и именно поэтому Маркс и не заметил этого всего своей политической экономией в общественной сфере идеального производства. — Было! Более того. Сам же Маркс писал черным по белому, что все это уже есть, но оно столь незначительно, что не стоит обращать даже внимания, хотя на изобретения Маркс был вынужден обратить свое внимание, как был вынужден обратить внимание даже на труд самого капиталиста. Оказывается, когда надо самому Марксу, то даже у Маркса капиталист трудится. «Как армия нуждается в своих офицерах и унтер-офицерах, точно так же и для массы рабочих, объединенных совместным трудом под командой одного и того же капитала, нужны промышленные офицеры

(управляющие) и унтер-офицеры (надсмотрщики), распоряжающиеся во время процесса труда от имени капитала». /2. с. 343-344/

Конечно же, труд управляющего есть труд идеальный по своему содержанию. Далеко не всегда и во времена Маркса сам же капиталист был одновременно и управляющим. Следовательно, и тогда уже не было секретом, что управляющими работали наемные люди, а они уже есть работники интеллектуального наемного труда. Однако ж, где же капиталист находил себе управляющего? — Конечно же, на рынке труда. Следовательно, и во времена Маркса на рынке труда продавался и покупался не только материальный труд рабочих, но уже и идеальный труд. Этого уж точно не было во всех прошлых способах существования общества. Поэтому я с полным правом могу утверждать, что капиталистический рынок труда и во времена Маркса — это рынок материального труда и труда идеального. Причиной тому существует сама общественная сфера идеального труда в идеальном общественном производстве, которое выступает на рынке труда предложением, тогда как спросом здесь выступает общественная сфера материального труда в материальном общественном производстве. Товаром уже становится не только материальный труд, но труд идеальный уже становится товаром. Раз есть товар, то есть и его стоимость. Но «стоимость» здесь — это экономическое общественное взаимоотношение и взаимоотношение рыночное между идеальным общественным производством и производством общественным материальным. Экономическое их взаимоотношение, как стоимость, регулируется единством спроса в предложении и предложения в спросе. Регулятором, разумеется, здесь существует «цена», которая то повышается, если спрос превышает предложение, то цена понижается, если предложение превышает спрос, то цена держится стабильной, но только до тех пор, спрос и предложение не отклонятся друг от друга в противоположные стороны. Исторически прежде капитализма идеальный труд прижизненно не существовал ни товаром, ни стоимостью, ни ценой.

Разумеется, что владельцы идеального управляющего труда здесь выступали на социальной стороне капиталиста, но только до тех пор, пока их экономические интересы не входили в противоречие с экономическими интересами самого капиталиста. Тогда они уже выступали на собственной социальной стороне — стороне наемного труда, где, кстати, находились и рабочие из материального труда их же самих. Пусть попеременно, но уже и тогда существовали моменты, когда наемный идеальный труд и труд материальный, но опять же наемный, объединялись по одну и одну и ту же сторону баррикады, но Маркс всего этого упорно не хотел замечать, всякий раз замечая, что наука, как производительная сила, противостоит рабочим, как чужеродная социальная сила. Для подтверждения Маркс даже ссылается на сочинение английского экономиста W. Thompson, извлекая из него следующую цитату образца 1824 года: «Человек науки отделяется от производительного рабочего целой пропастью, и наука вместо то-

го, чтобы служить в руках рабочего средством для увеличения его собственной производительной силы, почти везде противостоит ему...». /2. с.374/. Это и понятно, ибо в пристрастных представлениях Маркса, если наука что и делала, то давала в руки капиталистам все более изощренные средства эксплуатации рабочего класса, каковыми были, разумеется, и машинные средства производства. Другого социально-экономического и экономически социального смысла Маркс так и не увидел в науке. Что ж, чем смотришь, то и видишь.

Наконец-то, в истории самоорганизации капиталистического общества и общественной сфера идеального производства оказалась в поле зрения собственности и, разумеется, ничего противоестественного в том нет, что и идеальное общественное производство оказалось в экономической собственности капиталистов, то есть стала частной собственностью, но идеальный труд в ней же самой, как был социальной собственностью труда человека, так и остался в собственности у него. Что же получилось? — Получилось же вот что. Класс капиталистов, в собственности у которого уже была собственность на общественную сферу материального производства, расширилась за счет собственности на общественную сферу идеального производства, и таким способом капиталистическая собственность, — она же частная собственность, — получила принципиально иное социальное содержание и содержание экономическое. Класс наемного труда, в социальной собственности у которого уже был собственный материальный труд, расширился за счет собственности на идеальный труд. Исторически впервые появился новый класс наемного труда, класс интеллигенции. Таким способом пролетарская собственность получила принципиально иное социальное содержание. Отныне пролетарский класс — это класс наемного труда из рабочего класса, класса крестьянства и класса интеллигенции.

Вторая половина 20 столетия внесла в этот «процесс процессов» радикальное изменение. Теперь основным и решающим средством производства в производстве средств производства становится общественная сфера идеального производства во главе с Наукой, как общественной производительной силой, единственно способной качественно обеспечить рост производительности общественного труда в больших объемах производственного потребления, нежели объемы потребительного производства. Теперь сохранение в настоящем и в историческом будущем самого способа существования капиталистического общества зависит от того, как решается самим капиталистическим обществом вопрос о собственности на Науку, то есть общественную сферу идеального производства. Конечно же, она становится экономической собственностью капиталистических классов, либо тех, которые к тому же историческому времени уже владеют собственностью на общественную сферу материального производства, либо новоявленных капиталистов из ученых. В этом случае, капиталистический класс расширяет свою экономическую собственность за счет об-

щественной сферы идеального производства, но и пролетарский класс расширяет свою социальную собственность за счет идеального труда интеллигенции.

К рабочему классу присоединяется класс интеллектуальный, а вместе они уже составляют принципиально иное экономическое содержание и содержание социальное, нежели все то же самое в пролетарских классах, но в исторически предшествующем периоде. — Впервые за всю капиталистическую историю человеческого общества рабочий труд наконец-то соединяется с трудом интеллектуальным в общественно классовых значениях каждого из них из них в каждом. Теперь пролетарским движением, наконец-то, могут со знанием научного дела руководить сами же пролетарии, но кооптированные из трудового интеллектуального класса. Раньше подобное было невозможно. Наконец-то, интеллигенция, из социальной прослойки, превращается в социальный класс, у которого единственный политический союзник — это рабочий класс и класс крестьянский. Раньше интеллигенция была политическим заложником у капиталистических классов, поскольку просвещенное образование социально долгое время было экономически доступно именно этим классам. Со временем все изменилось и здесь, — просвещенное образование стало общедоступным экономически, а, значит, и социально. Наконец-то, численность просвещенного пролетарского населения столь значительно увеличивается, что население «белых воротничков» в ряде капиталистических стран сравнивается, а затем становится и доминирующим по количеству его самого в обществе.

Прежде всего и всего прежде, изменилось социальное качество самого производства средств производства, — только из материального его производства оно же дополнилось и идеальным его производством, что, наконец, привело их к единству прямому в единстве сфер производства идеального в материальном производстве и обратному единству сфер материального производства в производстве идеальном. Изменилось и экономическое качество и в собственности. Теперь класс промышленных собственников пополнился классом интеллектуальных собственников, но приматом в их отношениях становится класс интеллектуальных собственников, — почему, понятно. — Все что материально производит промышленность, отныне раньше, но идеально производится наукой. Чтобы идти в ногу с конкурентами, промышленникам приходится воевать между собой за право владеть интеллектуальной собственностью на тот или иной идеальный продукт интеллектуального труда. Этот продукт можно только купить, но продавцом здесь выступает класс интеллектуальных собственников. Так самоорганизуется принципиально новый рынок труда, — труда интеллектуального, — и одновременно с ним так же самоорганизуется принципиально новый товарный рынок, — рынок открытий, изобретений, технической технологии и технологической техники, что и есть рынок авторских прав. На этом рынке противостоят друг другу не столько капи-

талисты и рабочие, сколько сами капиталисты, но капиталисты-промышленники и интеллектуалы-капиталисты. Появилось противоречие между капиталистическими классами, которого раньше капитализм и не знал. Все то же самое, но не в том же самом возникло и в пролетарских классах, где появилось противоречие между наемным трудом интеллектуальным и рабочим наемным трудом. «Белые воротнички» и «воротнички синие» — уже сами названия говорят сами за себя. Однако ж все эти противоречия есть противоречия, не выходящие за социально-экономические и экономически социальные условия всех тех же самых условий, которым существует сам способ существования капиталистического общества. Поэтому они не угрожают самому способу существования его же самого. Основное противоречие капитализма не сместилось из области противоречия между капиталистическими классами и классами пролетарскими в область противоречия между самими капиталистическими классами и между самим пролетарскими классами. Основное противоречие как было, так и остается, но, в известной мере, оно, разумеется, смягчается противоречиями внутриклассовыми. Главное же и оно же основное открывается в том, что человеческое капиталистическое общество не содержит в себе антагонистического противоречия, разрешение которого обязательно требует социальной революции в нем же самом. Поэтому социалистическая революция, о которой так долго говорили большевики, хотя и свершилась на территориях Российской империи, но свершилась супротив естественной логики развития самого капиталистического общества и супротив логики самой истории развития человеческого общества.

Капитализм российского общества в том историческом времени был исторически недоношенным куда более, нежели капитализм английского общества в прижизненные Марксу времена. Поэтому сам российский капитализм еще не мог сопротивляться тому, что было бы уже противно ему же самому в развитом состоянии его самого. Тем более не могли сделать того же самого уже экономически изжившие к тому времени социальные классы помещиков-феодалов. Вот почему насильственный переворот в 1917 году так и не встретил сопротивления во времени самого же переворота. Сопротивление возникло позже, но политическая власть насилия уже была не у сопротивления, что, в конечном счете, и решило дело сопротивления его же поражением.

Если во времена Маркса как-то еще было можно по обыденному говорить о противостоянии науки рабочему классу, то отныне раз и навсегда самим капиталистическим обществом получен прямо противоположный ответ. Мало того, что здесь нет классового антагонистического противостояния между идеальным трудом и трудом материальным, — хотя противоречия здесь, конечно же, есть, — но здесь же обнаруживается единство их социальных интересов и единство их интересов экономических. Теперь капиталистическое общество достигает такого уровня экономического саморазвития в социальной организации его самого, что, наконец-то,

предельно четко обозначились классы капиталистические и пролетарские классы. Ни те, ни другие друг без друга не могут существовать. Поэтому запрещено пролетарским классам превратиться в классы капиталистические, и запрещено капиталистическим классам превратиться в пролетарские классы. Так уж их расставило само естественно историческое развитие человеческого общества, повернуть которое в сторону или вспять, если кому-то и дано, то разве что Всевышнему. Поэтому нет положительного смысла по обыденному или научно возмущаться, что пролетарские классы беднее классов капиталистических, а капиталистические классы богаче классов пролетарских. Так распорядилась сама естественная история за тысячи тысяч лет, и нет оснований ее подозревать в том, что за столь длительный путь своего развития она не была столь умна, чтобы решить все иначе, а, именно, либо всех сразу сделать бедными, либо сразу всех сделать богатыми. В том-то и дело, что история развития человеческого общества оказалась действительно умной, чтобы не сделать сразу всех богатыми — это еще исторически впереди у самой истории развития человеческого общества. Поэтому история развивается так, как и должна развиваться умная история, а умность ее в историческом настоящем как раз и заключается в том, что не все бедные, да и богатые не все.

Капиталистическим классам столь же естественно необходимы классы пролетарские, как и пролетарским классам естественно необходимы капиталистические классы. Друг без друга они не существуют. Конечно, можно искусственно превратить капиталистические классы в классы пролетарские, — отобрав и разделив их экономическую собственность между пролетарскими классами. В этом случае, пролетарские классы будут владеть и социальной собственностью и собственностью экономической. Здесь либо возникнет все то же противоречие, но уже между пролетарскими классами, и тогда тот из них, что побойчее кулаками, обязательно завладеет уже всей экономической собственностью, тем самым вновь возродит капиталистический класс. Либо исчезнет сама противоположность между экономическим и социальным, исчезнет и противоречие между ними, и, следовательно, не будет и двуединства экономического в социальном и социального в экономическом, а вместе с исчезновением их двуединства уж точно останется одна только непримиримость. Вот тут-то и разыграется антагонизм, но разыграется где? — Конечно же, внутри пролетарских классов.

Монополизируя экономическое и социальное пределами собственности только одних и одних и тех же классов, эти же классы необходимо породят в себе же самих антагонизм. Чего нет и быть не может быть при демонаполизации собственности, то есть в ее объединяемом разделении на экономическую собственность, — где вещественные средства производства есть собственность экономическая, — и социальная собственность, — где сам труд человеческий есть собственность социальная. Если кто думает, что в социальной собственности труд человеческий беднее,

нежели богатство в экономической собственности, тот уж точно ошибается. Ибо, — во-первых, сравнивает несравнимое, и, — во вторых, возвращает политическую экономию к марксистским ее началам, где капиталистическое богатство общества — это не «труд», а «вещное богатство товаров в их огромном количестве». Недаром в народе говорят. — Если Бог хочет наказать человека по полной программе, то он отнимает у него не жизнь и не экономическое богатство в жизни человека, а разум в нем же самом. Разума же куда больше в самом труде, нежели в вещных его результатах.

Понимаю, что среди современных марксистов есть еще и такие ученые-экономисты, кто с научной уверенностью верит, будто общенародная собственность и есть благо для общества, которое как раз и состоит из народа. Однако народ-то — это не манная каша, где все крупички тождественны друг другу. Народ существует экономическим способом и социальным способом. Эти способы расставляют народ разделением в нем общественного труда. Здесь общественный труд материальный и идеальный общественный труд есть не один и один и тот же труд. Здесь пролетарские классы, существующие производными от социальной собственности на труд, и капиталистические классы, существующие производными от экономической собственности на средства производства в воспроизводстве средств производства, есть не одни и одни и те же классы. Их социальная взаимодополнительность и взаимодополнительность экономическая друг в друге и есть народ в экономическом существе и существе социальном. Стоит только пролетарским классам уничтожить революцией экономическую собственность и вместе с ней капиталистические классы, то кроме владения социальной собственностью на труд, они овладеют еще и экономической собственностью на средства производства воспроизводства средств производства, получая в результате монопольную общенародную собственность. Собственность монопольная есть тоталитарная собственность, а собственность тоталитарная неминуемо приведет к замене института политической власти демократии на институт политической власти тоталитаризма. Такова Наука в логике и Логика в науке и ничего с ними не поделаешь. Что сделает тоталитаризм политической власти с капиталистическими классами и с самими пролетарскими классами, — мне доказывать уже нет необходимости. Все это уже существует в истории исторически кровавыми российскими уроками в ней же самой. Хотите повторить, товарищи ученые — марксисты?

Никакой противоестественности нет в классе капиталистов. Классы буржуазные и пролетарские классы — это вполне естественное звено из цепи капиталистического способа производства, классы, которые именно собою соединяют в единое целое общественную сферу идеального производства и общественную сферу материального производства. И, тем более, в классе капиталистов нет экономической сущности, которая приводила бы к принципиальной непримиримости между ним и классами наемного

труда. Противоречие между ними есть, равно как есть противоречие между сферам идеального производства и материального производства, но естественного места для антагонизма в их противоречиях не было, нет, да и не могло быть в силу вполне естественного экономического закона, благодаря которому общество капиталистическое существует капиталистическим обществом в силу естественноисторического развития человеческого общества. Такова естественная экономическая сущность социального происхождения класса капиталистов. Любая другая будет уже искусственной и, следовательно, политически пристрастной, а, значит, и политически ангажированной.

Коль скоро класс интеллигенции исторически впервые появляется в исторически определенный период саморазвития организации капиталистического общества и появляется классом именно в капиталистическом обществе, то есть положительный смысл размежеваться здесь с пониманием интеллигенции в традиционно российском ее понимании, как интеллектуального и образованного слоя общества и непременно обремененного общечеловеческими нравственными началами и началами моральными, опять же общечеловеческими. Поэтому в российском понимании интеллигенции обязательной определяющей чертой ее же самой существует даже и не наличие самого интеллектуального образования, а присутствие общечеловеческих нравственных и моральных ценностей в нем же самом. Поэтому интеллектуально образованный человек, но не добрый, без чести и совести, — это уж точно в России не интеллигент. Напротив, даже не очень интеллектуально образованный человек, но добрый, с честью и совестью, — этот человек есть интеллигент уж точно.

Надо сказать, что я не случайно выделил здесь именно Россию. Дело в том, что такого явления, как «интеллигенция», кроме как в российском обществе и его словарном языке, в обществе географически другом и нет. Не знаю, хорошо или плохо, но так уж есть и на самом деле. Политическая экономия капитализма не может существовать отдельной политической экономией для российского капитализма, а для капитализма, например, английского, требуется уже иная политическая экономия. Политическая экономия капитализма — она одна на все капиталистические общества, как бы они ни были географически разбросаны континентами. Раз так, то и понимание класса интеллигенции здесь должно быть одно на всех.

Разумеется, что классовое понимание интеллигенции производно от тех социально-экономических условий и условий экономически социальных, в которых и которыми существует сама же интеллигенция, как класс наемного труда из общественной сферы идеального производства. Раз труд наемный, то интеллигенция, будучи наемным интеллектуальным трудом, прежде всего выделяет и отличает себя именно интеллектуальной составляющей, и именно эта составляющая существует здесь качественно определяющей социальное содержание труда класса интеллигенции. Здесь интеллектуальное образование играет решающую роль. Раз труд наемный,

то и социальная психология у этого труда адекватна именно наемному труду, а не труду капиталиста. Учитывая, что наемный труд в обществе представлен рабочим трудом и трудом крестьянским, то социальная психология их труда, хотя и различаются друг от друга и от труда интеллигенции, но вместе они не различаются в фундаментальном значении их единства как социального единства наемного труда. Здесь их социальная психология одинакова, и существует она защитой и выражением социальных прав уже всех классов наемного труда. Единственно, что здесь выделяет класс интеллигенции, так это то, что это класс из интеллектуального труда, и, следовательно, он лучше другого класса наемного труда объясняет и понимает, как эффективнее защищать и выражать социальные интересы их всех. Естественная привилегированность интеллигенции естественно же выдвигает ее на роль гегемона в пролетарских классах. Здесь мораль и нравственность, честь и совесть, добро и жалость уже существуют и общечеловеческими производными и одновременно производными от того места в обществе, которое занимают классы наемного труда, а в них — класс интеллигенции. Здесь уже вполне реальны противоречия между пониманием добра в общечеловеческой морали и морали социальной. Так, к примеру, по-русски интеллигентный человек подаст милостыню нищему человеку, не задаваясь вопросом, почему же сам этот человек, с виду вполне здоровый и адекватный, не работает общественно полезным трудом, а зарабатывает трудом нищего. Интеллигентный человек, но с самосознанием класса интеллигенции, не подаст милостыню такому нищему человеку, но предложит ему работу. Милостыня здесь социально развращает человека и дающего милостыню, и милостыню берущего. Вот как противоположно понимается ими «доброе» дело. Что ж, ничего непонятного в том нет. Именно такой противоположностью и существует российская ментальность интеллигентного человека и человека интеллигентного в ментальности класса интеллигенции. Подобные примеры можно продолжить, но смысла в том нет. Главное понять. — Не надо смешивать российское явление интеллигентности и явление интеллигентности в социальном классе интеллигенции. Тогда не будет и путаницы.

Экономическое содержание труда крестьянского и рабочего труда существует материализацией интеллектуального продукта идеального труда интеллигенции для того, чтобы овеществить интеллектуальный труд прогрессивной производительностью в производительности общественного труда. — Так каждый раз. Экономическое содержание труда интеллигенции существует идеализацией социального содержания труда крестьянского и рабочего труда для того, чтобы открыть в их материальном труде регрессивную производительность в производительности общественного труда и заменить ее на производительность, но прогрессивную. Так каждый раз. Материальный труд рабочего класса и класса крестьянского и идеальный труд класса интеллигенции друг без друга не существуют **общественно** производительным трудом. Но друг в друге, — как прямой свя-

зью, так и связью обратной, — они существуют единством материального труда в труде идеальном и единством труда идеального в материальном труде, и этим их двуединством они существуют прогрессивной производительностью в производительности общественного труда.

Теперь о политическом институте государственной власти в капиталистическом обществе и о капиталистическом обществе во власти государственной политики. Для начала определимся в ответах на вопросы, что в сущности есть интересы капиталистического общества, и государственные демократические интересы есть в сущности что. Демократическое государство в обществе капиталистическом — это политический институт власти в обществе и, следовательно, государственные интересы — это интересы политические, подчеркиваю, политические интересы в обществе. — Не политические интересы общества, а политические интересы государства в обществе! Политика демократического государства в обществе — это концентрированное выражение интересов экономических и социальных интересов капиталистического общества в государстве демократическом. Вот почему у демократического государства в его политических интересах нет собственных, подчеркиваю, собственных нет интересов экономических и социальных интересов, ибо в политике демократического государства в обществе капиталистическом нет ничего иного, кроме реализации тех же самых интересов, но капиталистического общества в государстве демократическом. — Так есть в капиталистических обществах, которые демократически существуют гражданским обществом в государстве и существует демократическим государством в обществе гражданском. Здесь нет причин для противостояния общества и государства, нет и недоверия между ними. Если же, в капиталистическом обществе, например, в современной капиталистической России все то же самое наблюдается с точностью до наоборот, то причина в том, что у государства российского, кроме собственных политических интересов, — которые естественно и должны быть у него, — есть свои собственные экономические интересы и интересы социальные. — Они же противоестественны для него самого, и поэтому их у него не должно быть. Причина и в том, что у российского общества, кроме собственных экономических интересов и интересов социальных, — которые естественно должны быть у него, — есть и свои собственные политические интересы, а они-то противоестественны для самого же него. Поэтому их у него не должно быть. Откуда же у демократического государства появляются собственные экономические интересы и интересы социальные, и откуда же у общества демократического появляются собственные политические интересы?

Интересы существуют производными от собственности. Поэтому, имея в государственной собственности собственность частную и общественную собственность, государство, помимо естественных политических интересов, имеет еще в них же и противоестественные экономические интересы и интересы социальные, опять же собственные. Такого смешения

интересов никак не должно быть, но оно есть и в этом, например, проблема проблем государственности современной России. Откуда же у общества, кроме вполне естественных для него экономических и социальных интересов, появляются противоестественные политические интересы? — Да все оттуда же, но уже из обратной связи общества с государством.

Государство, имея собственные экономические интересы и интересы социальные, удваивает их силу, смешивая их с интересами политическими. В результате государство уже политически существует собственными экономическими и социальными интересами, но интересами экономическими собственными существует бизнес в обществе и общество в бизнесе существует собственными социальными интересами. Противостояние общества и государства здесь неизбежно и оборачивается экономическим и социальным давлением государства на бизнес в обществе и на общество в бизнесе. Общество в бизнесе и бизнес в обществе стремятся как-то компенсировать подобное прямое давление давлением обратным уже на государство. Другого способа, кроме как заняться собственной политикой, здесь у общества в бизнесе и у бизнеса в обществе нет. На собственный вызов государства обществу, общество отвечает государству собственным вызовом. —

У демократического капиталистического государства в принципе, то есть по определению, нет и не должно быть в государственной собственности частной собственности и собственности социальной и, следовательно, экономического богатства и богатства социального так же не должно быть у него в собственности. Строго точно, в собственности государства нет и не должно быть даже денег, как таковых. Причин объективных много, но основная и фундаментальная состоит в том, что «деньги» — это всегда «власть», а большие деньги — это большая власть. Огромные деньги — это огромная власть, но безграничная власть не у того, у кого денег даже не сосчитать, а у того, у кого в легальной собственности денежный станок. Безграничная власть денег — это уже тоталитарная власть. Такая власть и есть власть государства над обществом. Экономическая сущность происхождения политической власти государства над обществом изощренно спрятана от общества именно здесь. Чтобы заменить политическую власть государства над обществом на политическую власть государства в обществе, государство не должно иметь в государственной собственности частной собственности и собственности социальной, а обществу в государстве и государству в обществе вместе надлежит контролировать печатный денежный станок.

Какая же собственность должна быть в собственности государственной у государства демократического в капиталистическом обществе? — Бюрократическая собственность на экономическое и социальное управление государством в обществе и обществом в государстве. Здесь нет цели извлечения прибыли самим государством для самого же государства. Что же служит извлечению прибыли самим государством для государства са-

мого, то в собственности у государства не должно быть государственной собственностью.

Государство осуществляет политическую власть, а власть политическая осуществляется административным механизмом управленческой системы, элементами которой существуют «органы» административного управления государством и государственное управление административными «органами». Органы административного управления и управление административными органами в единстве и есть все то, что существует бюрократическим механизмом в бюрократической собственности государства и существует в нем естественной государственной собственностью. Эта собственность не имеет никакого непосредственного отношения ни к экономической частной собственности, ни к социальной общественной собственности. Здесь государственная собственность есть естественная производная от механизма политической власти. Стоит только государству смешать эти собственности, так государство сразу становится капиталистом, но стоит только капиталисту перепутать эти собственности, так капиталист сразу становится государством. Тут правят балом государственная путаница, коррупция и неразбериха общественная. Тут правят не естественные законы двуединства общества в государстве и государства в обществе, а законы в понятиях обыденной драки государства и общества. Чем больше путаницы в вопросах собственности, тем меньше взаимного доверия, но тем больше взаимного недоверия и коррупции. Ведь здесь само государство становится капиталистом и становится в ряд с другими капиталистами, а ряд-то неровный. На этом экономическом рынке уже правит балом не добросовестная, а недобросовестная конкуренция, да и экономическое управление государством, нет-нет, да сбивается на государственное управление экономикой, — что есть далеко-далеко не одно и одно и то же. Ведь здесь сам капиталист становится государством и становится в государственный ряд чиновников, а ряд-то неровный. На этом бюрократическом поприще уже правит балом не добросовестное, а недобросовестное экономическое управление государством. Здесь уж точно возникают кризисные явления в экономике. Здесь уж точно есть причины для происхождения коррупции в самих органах государственного управления.

Как же она не возникнет, если государственная собственность владеет частной собственностью и, разумеется, у чиновничьего класса появляется собственный экономический интерес под прикрытием собственного экономического интереса уже государства. Как же она не возникнет, если государственная собственность владеет общественной собственностью, и, разумеется, у чиновничьего класса появляется собственный социальный интерес под прикрытием собственного социального интереса уже государства. Как же она не возникнет, если бизнес в обществе и общество в бизнесе отвечают государству теневой экономикой и собственными политическими интересами. Здесь обязательно царствует противостояние государства и общества, и здесь обязательно берут верх собственные экономи-

ческие интересы государства, но не эти экономические интересы существуют интересами экономическими у общества в государстве.

Здесь судебная система только у государства, а эта система существует государственной прокуратурой и государственными судами, тогда как здесь только адвокатура не существует государственной. Чаши весов-то не равновесны, да и государственное зрение у государственного суда, на один глаз открыто косит в сторону государства, но в сторону общества другой глаз плотно закрыт. Поэтому, где в судах разбираются спорные экономические дела с экономическими интересами государства из государства в обществе и с экономическими интересами общества из общества в государстве, там по извращенным собственностью логическим правилам обязательно выигрывает государство. Причина коррупции в суде — не в судьях, а в государственности суда и в государственности прокуратуры. Причина же их совместной государственности скрывается в государстве из противоестественности государственного смешения государственной собственности, собственности частной и общественной собственности. Отсюда суд и прокуратура, будучи государственными, обязательно будут продолжателями экономических интересов государства в суде и прокуратуре. Вот как далеко и глубоко скрывается фундаментальная причина, например, российской коррупции из раковой опухоли экономической государственности ее же самой, которая дальше разрастается метастазами и поражает уже весь организм общества в государстве и государственный организм в обществе. Здесь уже не до гражданского общества. — Как бы не случилось гражданской войны.

Прокуратура, конечно, и должна быть государственной, но суд должен существовать единством государства в обществе и общества в государстве. Что достигается присутствием института присяжных заседателей в судебной системе, как неотъемлемого элемента общественной судебности ее же самой. Причем институт присяжных заседателей должен присутствовать не только в уголовных делах, но и делах арбитражных, если это совместные дела общества и государства. Только в этом случае существует равновесность суда в судебной системе из элементов государства в обществе и общества в государстве. Только в этих условиях адвокатура и прокуратура существуют равными состязательными элементами в системе присяжных заседателей суда и судей федеральных. Только из этих условий рождается гражданское общество.

С фундаментальными причинами, порождающими коррупцию, есть движение не к политической демократии в единстве общества в государстве и государства в обществе, а есть движение к политическому тоталитаризму государства, где государственная власть в обществе — это власть государства над обществом. Вот аж какой извращенной общественной собственностью существует коррумпированное демократическое государство в капиталистическом обществе. Здесь даже речи не может быть о взаимном доверии общества и государства. Такова логика событий и ни-

чего с ней не поделаешь, если, конечно, не изменить саму логику. Знать и понимать все то же самое остро необходимо и капиталистическому обществу в государстве демократическом, и государству демократическому в капиталистическом обществе, и каждому человеку, сознающему ответственность за настоящее и будущее себя, своей семьи, общества в государстве и государства в обществе. Только в совместном понимании того же самого есть залог их совместного движения вперед к созданию взаимного доверия между ними. Одному государству либо одному обществу отдельно друг от друга и при взаимном недоверии эту проблему проблем уж точно не решить.

Конечно же, сам капиталистический способ существования общества вызывает к политической жизни самого общества демократический институт государственной власти, который наиболее всего социально отражает экономические интересы капиталистических классов и наиболее всего экономически отражает социальные интересы классов пролетарских. При этом политический институт власти непременно должен соблюдать паритет преимущества экономических интересов капиталистических классов и преимущества социальных интересов пролетарских классов, не подменяя при этом социальные интересы пролетарских классов их экономическими интересами, но и не подменяя при этом экономические интересы капиталистических классов их социальными интересами. Почему? — Да потому, что у пролетарских классов нет собственных экономических интересов. Им неоткуда взяться, так как пролетарские классы не владеют экономической собственностью, тогда как экономические интересы суть производим именно отсюда. — Да потому, что у капиталистических классов нет собственных социальных интересов. Причина все та же, но в ином. Им неоткуда взяться, так как капиталистические классы не владеют социальной собственностью, тогда как социальные интересы производим именно отсюда. Зато капиталистические классы, владея экономической собственностью, находят социальную собственность в пролетарских классах. Зато пролетарские классы, владея социальной собственностью, находят экономическую собственность в капиталистических классах. Зачем, спрашивается, иметь у себя то, что имеется у другого, тем более, что им обоим приходится существовать системным единством. Система потому и существует системой из единства элементов ее же самой, что элементы обязательно должны быть противоположны друг другу в качестве из них каждого в каждом из них качестве. Здесь как раз и существует такого системного рода элементарная противоположность. Что же из этого следует? — Следует и весьма принципиальное.

Специально научно не исследуя экономической и социальной сущности самого гражданского общества, не составляет труда принять многочисленные общественные явления его самого за саму сущность гражданского общества. Здесь представляется, что достаточно свести все многочисленные общественные организации общества, — от филателистическо-

го общества и общества слепых до общества ветеранов войны и общества защиты прав потребителей, — в одну общественную организацию, например, «общественную палату», с представительским статусом ее же самой при президенте, так проблема гражданского общества, например, в России сразу же начнет решаться. — Не начнет!! Этот путь есть путь заблуждений и ошибок. Первая проблема проблем построения гражданского общества — это проблема постепенного освобождения собственности государственной от частной собственности и от собственности общественной. Здесь скрывается экономическая сущность и сущность социальная начал социальных и экономических начал построения гражданского общества капиталистического в демократическом государстве капиталистическом. Проблема проблем построения гражданского общества — это проблема невмешательства бизнеса в обществе и общества в бизнесе в политику государства в обществе. Решается эта проблема второй решением первой проблемы.

Политический институт государственной власти в демократически существующем капиталистическом обществе — обществе гражданском защищает и развивает экономические интересы капиталистических классов и защищает и развивает социальные интересы пролетарских классов. Защищать — это, значит, не нападать. Развивать — это, значит, создавать экономические условия и условия социальные, стимулирующие положительное развитие гражданского общества. Практически представить подобное невозможно, если, правда, принять марксистскую истину за истину самого же капитализма в том, что интересы пролетарских классов и классов капиталистических противоречивы и непременно антагонистически противоречивы. Как оказалось, марксистская истина не есть истина на все времена. Пришло время доказательства, что этого рода марксистская истина, на самом деле, есть ложная сторона истины капиталистического способа существования общества. Истинная же его сторона существует в том, что противоречие здесь действительно есть, и оно действительно существует противоположностью пролетарских классов и классов капиталистических в самом же капиталистическом способе существования общества. Но эта противоположность существует естественным единством их противоположности, где противоположность есть условие существования самой системы из противоположности элементов ее же самой. Без противоположности нет и элементов системности, нет и элементарной системы. Конечно же, здесь в противоположности капиталистических классов и классов пролетарских есть общественное противоречие, но оно естественное по общественному его существу. Это противоречие и раньше не было противоречием антагонистическим, и не будет им и впредь, ибо естественное единство не может быть общественно противоестественным по определению. Уж точно по этой причине последние десятилетия 20 столетия и начало 21 столетия развитый капитализм не демонстрируют человеческой истории социальные битвы классового характера, хотя баталии

экономические и по характеру неклассовые, конечно же, существуют. Они и должны быть, коль скоро и противоречия здесь есть.

Политический институт государственной власти в капиталистическом обществе вовсе не случайно существует демократическим институтом, но и само общество капиталистическое не случайно существует гражданским институтом демократии. Любой другой из известных политических институтов власти обязательно тащил исторически назад капиталистическое общество в социальном развитии и развитии экономическом самоорганизации самого же его обществом гражданским. Основным условием политической эффективности демократического института государственной власти здесь существует условие разделения собственности на экономическую собственность и собственность социальную и отделение экономической собственности от институтов самой государственной власти, оставляя в ее власти бюрократическую собственность и то в пределах механизма политического управления обществом.

Экономические интересы экономической собственности из капиталистических классов обязательно должны быть и политическими интересами у интересов политических самой государственной власти, а не противостоять друг другу, как нечто антагонистическое и, следовательно, несовместимое. Иначе капиталистические классы не будут существовать капиталистическими в капиталистическом обществе. Социальные интересы пролетарских классов должны быть и политическими интересами у интересов политических самой государственной власти, а не противостоять друг другу. Иначе и пролетарские классы не будут существовать пролетарскими в капиталистическом обществе. Поэтому было бы гигантской ошибкой и величайшим заблуждением полагать, что у капиталистических классов нет политических интересов в капиталистическом обществе. Есть, но они не собственные политические интересы, и поэтому они реализуются собственной политикой самой же государственной власти! Точно такой же ошибкой и величайшим заблуждением было бы полагать, что у пролетарских классов нет политических интересов в капиталистическом обществе. Есть, но они не собственные политические интересы, и поэтому они реализуются собственной политикой самой государственной власти!

В естественном порядке самоорганизации капиталистического общества капиталистическим способом существования его самого в самом же нем, политический институт власти демократии есть продолжение в самом же нем экономической власти классов капиталистов и социальной власти пролетарских классов. Иначе и не может быть осуществлена на деле политическая демократия, ибо экономическая власть и власть социальная принадлежат не государственной власти, а капиталистическим классам, — власть экономическая, а социальная власть — классам пролетарским. Как же иначе, ведь власть социальная и экономическая власть есть производные от собственности, а собственность принадлежит не государству и его политическому институту, а классам, единым в своей противоположности.

Другое дело, если капиталистические классы либо классы пролетарские желают подменить непосредственно собою, подчеркиваю, собою непосредственно политическую власть во власти политической самого государства. Здесь уже сами классы пытаются оттеснить от власти политической саму политическую власть. Это те же самые порочные действия, но уже со стороны классов, а не государства.

Подобные порочные действия с противоположных сторон возникают тогда и там, где и когда самим капиталистическим обществом не отработан общественный механизм самоорганизации в нем гражданского общества, где уже необходимо присутствует общественное сознание осознания обществом единства из политических интересов власти государства в обществе и общества в государственной власти. — Но из единства экономических и социальных интересов их же самих в самих же их. Здесь политическая власть государства в обществе есть не что иное, как концентрация экономической власти классов капиталистов и социальной власти пролетарских классов не у них же самих, а у государства в обществе. Поэтому самим классам незачем собою подменять политическую власть, но и политической власти незачем собою подменять власть экономическую и социальную власть. Тогда у обеих сторон будут не конфликты, а противоречия будут, а они и должны быть, если, конечно, общество саморазвивается в организации его самого.

Получается, что определяющим условием успешного развития капиталистического способа существования общества является историческая необходимость освобождения его института политической власти, как государства, от экономической собственности и собственности социальной. Что обеспечит максимально минимальное участие самого государства в рыночной экономике в качестве непосредственного участника ее же самой, а, значит, и снизит до максимального минимума участие государства в регулировании рыночной экономики государственными, а не рыночными способами. Все то же самое устранил появление самих причин для возникновения «конфликтов» между политической властью и ее представителями и представителями экономической власти и власти социальной. Самое же главное и оно же здесь основное, что подобный способ единства института политической власти и власти экономической и социальной власти обеспечивает устойчивый рост производительности общественного труда, поскольку не мешает заниматься собственным делом ни классам капиталистов, ни пролетарским классам, ни политическим институтам власти. Каждый здесь при своем деле и дело из них каждого в каждом из них существует неотъемлемым элементом общественной системы, которая как раз и называется капиталистическим способом существования общества.

Освобождение демократического института государственной власти от частной собственности и собственности общественной из государственной собственности в условиях существования капиталистического об-

щества обществом гражданским есть вполне закономерный результат естественноисторического саморазвития организации человеческого общества. — Оглядываясь назад на всю прошлую человеческую историю, невозможно не заметить общую закономерность развития истории человеческой от прошлой рабовладельческой человеческой истории до истории капиталистической в настоящем времени ее же самой. Одной такой закономерностью из общей закономерности существует историческая закономерность постепенного освобождения труда человеческого от рабской, крепостной и наемной зависимости, начиная от тотальной принудительной зависимости труда из рабовладельческого способа существования общества и завершая тотальным освобождением труда от необходимости в нем совсем зависимости такого социального рода из капиталистического способа существования гражданского общества. Наконец-то капиталистический способ существования общества разрешает человеку быть в найме у себя же самого и при этом не только не умереть от голода, но и еще зарабатывать, да зарабатывать вполне достаточно, чтобы жить богато и экономически. Конечно же, речь идет об идеальном труде и его интеллектуальной составляющей, продуктом которой существуют, например, авторские права. История капиталистического общества знает много примеров, когда владельцы авторских прав становились капиталистами не благодаря использованию наемного труда, а благодаря использованию собственного интеллектуального труда. Имена называть не буду. Они общеизвестны.

Другой такой закономерностью из такой общей закономерности существует историческая закономерность постепенного освобождения от экономической собственности и собственности социальной из государственной «собственности» самих институтов политической власти, начиная от тотального владения ими государством в рабовладельческом обществе и завершая тотальным освобождением от них государства в капиталистическом обществе — обществе гражданском. Феодальный способ существования общества был в этом ряду некоей исторической серединой, где политический институт государственной власти уже был вынужден поделиться сюзеренной собственностью с сеньорами, а они, в свою очередь, — с вассалами. Что ж, история действительно умна, были бы столь же умны и люди в ней же самой, тогда у самой истории не было бы исторических отступлений в вывертах исторических самой же ее.

Маркс исследовал «Капиталом» капиталистический способ производства, но, так или иначе, для исследования того же самого был вынужден обращаться и к исследованию всеобщей формы развития человеческого общества. Почему, понятно. Поэтому в самом «Капитале», нет-нет, да встречаются моменты исследования и других, кроме капитализма, общественных формаций. Желал того Маркс или нет, но таким бессистемным в этом смысле хаотичным способом не доказать теоретически строго и точно капиталистический способ производства, как историческую частность из всеобщего развития человеческого общества. Что-то вырванное, выхва-

ченное и в этом смысле отдельное, конечно, возможно установить. Вместе с тем, как невозможно доказать только наличием почек и печени физиологическую и анатомическую целостность биологического организма человека, точно так же невозможно доказать капиталистический способ производства, не исследуя всесторонне сам его общественный организм и организмы общественные в исторических формациях, ему предшествующих и в нем же самом. Отдельностями эту научную проблему положительно не решить. Сам же Маркс доказал то же самое своим «Капиталом» отсутствием в нем же самом цельного исследования способа существования первобытной общины, способов существования рабовладельческого общества, общества феодального и капиталистического общества. Повторяю. Что-то, конечно, есть и там. Но все это фрагментарно и без соединения в целостную картину, где даже и рама вписана в саму картину.

Развитие самоорганизации капиталистического способа существования общества исторически необходимо привело к появлению в самом же капиталистическом обществе качественно новой революции в производительности общественного труда. Но теперь революция произошла не в материальном общественном производстве, а производстве общественном идеальном. Промышленная революция, десятилетиями совершающая технологический переворот и переворот технический в средствах машинного производства и в производстве машинных средств, раз от разу заменяя средства машинного производства и производство машинных средств на более и более производительные в общественной сфере материального труда, для дальнейшего своего положительного развития потребовала иную революцию, — революцию, как технологический переворот и переворот технический в сфере идеального труда, где еще господствовали «ручные» средства умственного труда. Без этой революции революция в общественном материальном производстве столкнулась с противоречием фундаментального порядка. — Средства машинного производства и производство машинных средств никак не соединялись между собой в технически единую технологическую цепь производства и в производственную технологически единую техническую цепь без создания всего того, что как раз и объединяло бы обе цепи в цепь двуединого производства. Что самое существенное, обе эти цепи, если и могли быть соединены прямо обратным способом и способом обратно прямым, то только опять же машиной, но такой, которая сама управляла всеми машинами по точно заданной программе, где средства машинного производства и производство машинных средств оказывают строго точные управляющие воздействия друг на друга. Иначе говоря, требовалась машина, опосредующая собою непосредственность технически технологического и технологически технического единства всех звеньев машинной цепи из двуединства ее же самой.

Сама сфера общественного материального производства такой управляющей машины создать не может, ибо прежде такую машину должна

изобрести сфера общественного идеального производства. Что она и сделала изобретением всего того, что ныне существует привычными для всех явлениями, и вместе они называются «компьютером» и «программным обеспечением». Единство одного в другом и другого в одном дало в руки материального общественного производства присутствие того, отсутствие чего гигантски сдерживало его положительное развитие, — а, именно, управляющий мозг, но из вещества геометрически физического и физически геометрического, а не биологического вещества природы. Наконец-то, в самом материальном производстве соединились машины, как средства автоматизации механизированного материального, то есть рабочего труда, и машины, как средства автоматизации механизированного идеального, то есть умственного труда, и тогда уж оставалось соединить их единством умственного труда в труде рабочем и единством труда рабочего в умственном труде. Что и сделала «роботизация»! Роботизация есть всего лишь первый результат революции в революции труда.

Наконец-то, вместо человека в его разделении объединением пооперационного живого труда в труде живом комбинационном, на конвейере появилось физически «железное» геометрическое воплощение человека, но геометрическими движениями физически делающее то же самое и даже точнее, да еще без усталости и биологических потребностей и потребностей социально-экономических. Только физическая энергия электричества работает энергией железного человека-робота, у которого есть умелые «руки» и даже умная «голова» есть, и все это, — надо же! — существует не отдельно друг от друга, а в их двуединстве. Не хотелось бы называть эту революцию второй революцией, имея в виду первую революцию, как промышленную революцию. Обе революции есть революции в промышленности, как сфере материального производства, но, вместе с тем, обе революции превратили и сферу идеального производства в промышленность, что случилось исторически впервые именно в капиталистическом способе существования общества и именно способом капиталистическим его самого. Наконец-то, революция промышленная состоялась в самой промышленной революции. Обе они есть первые, иначе одна революция невольно принижается либо возвеличивается за счет другой. Что, конечно же, было бы ошибочно. Я бы предложил назвать первую одну революцию революцией материального труда, а первую вторую революцию назвать революцией идеального труда, а их вместе — революцией промышленной в промышленной революции. Тогда обе революции в своем единстве есть революция материального труда в труде идеальном и революция труда идеального в материальном труде, как одна, но двуединая промышленная революция в капиталистическом способе существования общества.

20 столетие совершило революцию не только в «ручном» труде рабочих. Труд ученых из научного труда их же самих и научный труд в труде ученых из них же самих из непосредственно умственного труда превратился в опосредованный машиной автоматизированный умственный труд.

Оказалось, что в содержании умственного труда есть стандартные операции и решения программные, которые поддаются формализации специальным языком, а он уже есть операционный язык и язык программный. Конечно, речь идет о составляющей исполнительной, а не творческой составляющей в умственном труде. Но, как это не покажется кому-то невероятным, именно исполнительная составляющая есть по времени самая трудоемкая, да еще и самая рутинная часть умственного труда в труде ученого. Поэтому автоматизация этой части умственного труда есть прорыв в повышении производительности общественного идеального труда, что, конечно же, позволило делать открытия и изобретения много быстрее, а порою и более фундаментальные. Что, разумеется, при их внедрении не могло не сказаться качественным повышением производительности общественного труда и в сфере материального производства. Конечно же, этот фактор долговременный и его использование самим капиталистическим обществом делает общественный труд в нем же самом все более и более количественно производительным, а, значит, все более богатым становится и все общество. Все ли в обществе становятся богаче, — вот в чем вопрос.

Докапиталистические способы существования общества такой революции еще не знали. Конечно же, этого рода революция внесла существенные социальные изменения и изменения экономические в содержание самого человеческого труда. В капиталистическом обществе появились специальности и профессии, которых раньше и не знало человечество. В свою очередь из жизни капиталистического общества исчезли специальности и профессии, которые еще со времен раннего капитализма столетиями необходимо существовали в нем же самом. Тенденция преимущественного роста в занятости материального роста сменилась тенденцией преимущественного роста в занятости идеального труда. Наконец-то, к 70 годам прошлого столетия в развитых капиталистических странах из общего количества занятых в капиталистическом обществе, количество занятых рабочим трудом уступило количеству занятых интеллектуальным трудом, — инженеров, технологов, ученых, менеджеров, и так далее. — Чего уж точно не было в докапиталистических способах существования общества. Это был революционный результат изменения в качестве самого капиталистического способа существования общества. Самое же важное, что сделали обе революции — это совершили революцию в качестве производительности общественного труда, как материального в идеальном, так и идеального в материальном. Отсюда произошло гигантское увеличение в количестве производительности общественного труда. Эта революция, уже была революцией в революции, и поэтому она не могла не привести к замене капиталистического способа существования общества обществом, со способом существования уже исторически иным социально и экономически.

Во времена Маркса капиталистическое общество имело уже солидный возраст, — уж точно не меньше 300 лет. С тех пор прошло еще 150 лет. Итого 450 лет. Возраст достаточный, чтобы заново исследовать явления капиталистического общества из сущности его самого. Едва ли кто обратил политэкономическое внимание на тот замечательный факт, что существующая ныне общечеловеческая цивилизация в технически технологических достижениях и достижениях технологически технических ее же самой существует воплощением всего того же самого, что было изобретено или открыто человеческим обществом именно в исторический период его существования капиталистическим обществом. Случайно? — Конечно же, нет! — Ведь именно капиталистический способ существования общества впервые в общечеловеческой истории существует обществом капиталистическим благодаря двуединству двух его общественных сфер, — материального производства в производстве идеальном и идеального производства в производстве материальном. Поэтому нечего удивляться, что общественная сфера идеального производства выдала на гора столь много открытий и изобретений. Иначе и не могло быть. Именно этого требовала общественная сфера материального производства. Требовала же потому, что без всего этого невозможно осуществить процесс непрерывного качественного роста производительности общественного труда. Здесь прогноз Маркса и Ленина уж точно не оправдался. Ведь Ленин, вторя Марксу, утверждал, что капиталисту выгоднее положить «изобретение» в стол, нежели овещать его материальным производством. История здесь посрамила Ленина и Маркса. Это, во-первых. Во-вторых, не оправдался прогноз Ленина о невозможности капиталистическим странам Европы объединиться в Соединенные Штаты Европы. Как оказалось, невозможное дело с позиций марксизма, уже с капиталистических позиций самого капиталистического общества оказалось вполне не только делом возможным, но и действительно реальным делом. Евросоюз существует уже единой валютой, единым центральным банком, единым рынком, единой конституцией, безграничным внутренне, но внешне пограничным пространством, и еще немного исторического времени, как станет фактом. — Европа — это уже не географический набор стран, а одна страна, объединенная капиталистическим способом самоорганизации развития общества.

Ленин уж точно осрамился, доживи он до дней сегодняшних. Еще бы, он мечтал и по марксистски научно верил в мировую социалистическую революцию с неременной гибелью капитализма, а тут, нате вам, мировой социалистической революции так и не случилось. Более того. Случилось обратное. Даже те революции социалистические, что свершились и не без участия Ленина, не выдержали натиска капитализма и приказали долго жить. Соединенные штаты Европы уже существуют, хотя и существуют Европейским Союзом. Да Ленину и в страшном сне не могло такое привидеться, а ныне все то же самое уже существует и не во сне. Было бы наивным объяснять сущность этого процесса самим же этим процессом из яв-

лений его самого. Здесь следует искать сущность, которая заставляет капиталистические страны объединяться не в межгосударственные союзы, а в экономический союз капиталистический и капиталистический союз социальный. Здесь уже обнаруживается Европейское государство и политика европейская. Чего раньше капитализм и не знал. Поэтому сущность этого процесса никак не отождествляется с капиталистическим способом самоорганизации развития капиталистического общества, но отождествляется с сущностью естественноисторического процесса саморазвития организации капиталистического общества в общество посткапиталистическое с иным способом самоорганизации развития его самого, нежели капиталистическим. Следовательно, социальная и экономическая история человечества не остановилась на капиталистическом способе существования общества.

ГЛАВА 5.5.

СПОСОБ САМООРГАНИЗАЦИИ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА, ИСТОРИЧЕСКИ СЛЕДУЮЩЕГО ЗА КАПИТАЛИСТИЧЕСКИМ ОБЩЕСТВОМ

Маркс «социализмом научным» и «научным коммунизмом» так фундаментально подмочил репутацию социально-экономической науки и науки экономически социальной в существовании из них каждой в каждой из них политической экономией и социологией политической, что ныне в политэкономии нет хуже и неблагодарнее дела, нежели прогнозировать саморазвитие организации капиталистического общества. Тем более прогнозировать за исторические пределы человеческого общества, где уже само капиталистическое общество сменяется уже иным способом существования общества, нежели способом капиталистическим. Тем не менее, коль скоро логически необходимо признается и признается логически корректно, что общество человеческое саморазвивается естественно историческим процессом, то возникает проблема теоретического доказательства посткапиталистического общества в самоорганизации развития его самого из саморазвития организации общества капиталистического. Либо необходимо теоретически доказать, что способ существования капиталистического общества существует обществом капиталистическим в исторически беспредельном существовании его самого именно капиталистическим обществом, поскольку социально-экономический и экономически социальный ресурс повышения производительности общественного труда суть так же исторически неисчерпаем в самоорганизации развития обще-

ства человеческого человеческим обществом из капиталистического способа существования его самого. — Здесь посткапиталистическое общество есть общество капиталистическое на все времена.

Почему речь идет опять о производительности общественного труда? — Да все по той же причине. Экономическое развитие социальной самоорганизации общества существует противоречием с самоорганизацией экономических условий социального развития его самого, и наоборот. Социальное развитие экономической самоорганизации общества существует противоречием с развитием социальных условий экономического развития его самого. Разрешается это двуединое противоречие качественным ростом количества производительности общественного труда. Если же количественный рост производительности общественного труда осуществляется непрерывно и в требуемых размерах для социального расширенного производства воспроизводства экономических условий и условий социальных существования капиталистического общества обществом капиталистическим, то общество капиталистическое так и остается в вечном плену капиталистического способа его существования. Ибо здесь нет самой фундаментальной причины для исторической смены одной формации формацией другой. Учитывая, что труд и труд только существует самым же способом существования капиталистического общества, то обозначенные здесь проблемы сводятся к одной проблеме. — Что есть в качестве из количества его самого и что есть количество в качестве самого же его, как трудовой ресурс социально-экономический и экономически социальный трудовой ресурс капиталистической самоорганизации развития общественного труда и капиталистического саморазвития организации труда общественного. Если они беспредельны, — что ж, капиталистическое общество венчает собою всю человеческую историю, но в саморазвитии одного и одного и того же способа организации общества в ней же самой. Если же они ограничены, то с их исчерпанием у капиталистического общества возникает качественная проблема количественного роста производительности общественного труда, решение которой уже находится в способе существования посткапиталистического общества. Здесь уж точно не капиталистическое общество есть венец естественно исторического развития человеческого общества. Все эти постановки одного и одного и того же вопроса обязательно должны были сформулированы и сформулированы логически точно и прежде, чем начинать решать сам же вопрос, — что же исторически дальше за капиталистическими горизонтами?

Как ни покажется логически парадоксальным, но начну я доказывать решение этого вопроса вопросов с доказательства политического института власти в капиталистическом обществе и общества капиталистического во власти института политического самого же его. Существующий политический институт демократии, реализуя принцип доминирования количественного большинства общества над меньшинством количественным в нем же самом и, в известной мере, не без уважения к меньшинству, тем не

менее, вынужден существовать в обществе подавляющим большинством, где меньшинство уже есть подавленное меньшинство. Такова логика нынешней демократии. Конечно, подавленное меньшинство существует не в смысле каких-либо политических репрессий уголовного порядка, а в смысле политического давления избирательной системы путем общественного преимущества способа мышления большинства населения над способом мышления меньшинства населения того же самого общества. Демократически подавленное большинством меньшинство населения составляют здесь занятые интеллектуальным трудом «ученые» в совокупном значении этого явления, то есть все те, что своим трудом составляют «ядерное тело» общественной сферы идеального производства, а здесь научный способ мышления принципиально отличается от обыденного мышления большинства населения, занятого общественной сферой материального производства. Мышление научное устремлено из человеческого настоящего в будущее человечества, тогда как обыденное мышление устремлено из человеческого прошлого в настоящее человечества. Так всякий раз. Что же получается? — Получается же вот что.

Капиталистическое общество в экономическом саморазвитии социальной организации его самого и в социальном саморазвитии экономической организации самого же его непрерывно нуждается в улучшении качества и повышении количества производительности общественного труда в нем же самом. — Здесь решающая и определяющая роль принадлежит общественной сфере идеального производства из интеллектуального труда науки в ней же самой. — Раз так, то политический институт власти самого же общества должен, прежде всего, опираться именно на этот человеческий ресурс, и ресурс человеческий этот именно должен иметь адекватное его роли и значению место в избирательной системе общества. — На деле же, все с точностью до наоборот. — Существующий политический институт демократии капиталистического общества с помощью избирательной системы его самого вынужден ориентироваться на количественное большинство населения общества, а оно существует общественной сферой материального производства, но не эта сфера общественного труда существует решающей и определяющей в прогрессивном развитии экономики и социума самого же капиталистического общества. Создалась исторически беспрецедентная ситуация, в центре которой фундаментальное противоречие между демократическим институтом политической власти и социально-экономическими и экономически социальными потребностями капиталистического общества в прогрессивном развитии самого же его.

Противоречие? — Да, и еще какое! Где же выход, если «человеческое тело» общественной сферы идеального производства существует количественным меньшинством в силу естественной причины уровня разделения общественного труда внутри общества и никак не может быть искусственно прирасти в размерах его же самого без насилия над естеством самого же общества. Выход только один. — Изменить сам демократический

институт политической власти и именно в том направлении, где демократия, как демократия большинства, уже не будет иметь политического места. Но ее место исторически займет не тоталитаризм, а опять же демократия, но демократия, опирающаяся не на количественное большинство и не опирающаяся на количественное меньшинство, а опирающаяся на них вместе в месте одного не одного и того же их единства.

Ныне народ, население, они же электорат существуют в избирательной системе капиталистического общества людьми, абсолютно равными, подчеркиваю, равными абсолютно в избирательных правах. — Один человек — голос один. Подобное равенство, кроме количественного равенства математического, другого смысла абсолютного равенства не имеет. Почему? — Да потому, что абсолютное не существует ни в природе общества, ни в природе естества естественной реальностью или реальностью общественной его самого в себе же самой общественной реальности или реальности естественной. Поэтому, если абсолютное и существует, то только иллюзией реальности в реальной иллюзорности самой же ее. Такая реальность как раз существует математической реальностью, поскольку математика, — по гносеологической природе ее же самой, — абстрагируется от реальности природы естества и общественной природы. Математике вполне достаточно реальности ее математического мышления в мыслительных пределах самой же математики. Вот почему, если абсолютное равенство чисел существует в уме математической науки математическим мышлением из абсолютных чисел ее же самой, то абсолютное равенство в общественной природе и в природе естества, не существует реальностью их же самих, а относительное равенство уже есть неравенство по определению. На самом деле, равенство и неравенство существуют равновеликими. Поэтому они существуют единствами равенства в неравенстве и неравенства в равенстве. Именно такое их содержание непротиворечиво согласуется с философией общества, — философией диалектической метафизики и метафизической диалектики. Любая другая их взаимозависимость есть уже односторонняя зависимость, а она, в лучшем случае, твердит зады отдельных друг от друга материализма и идеализма, диалектики и метафизики, социологии и экономики. Что же получается? — Получается же вот что.

Внедряя в избирательную систему принцип абсолютного математического равенства, политический институт демократии вместе с математикой внедряет в ту же самую систему абсолютное политическое равенство уже в избирательных правах каждого человека-избирателя. Здесь математика и политика соединяются в нечто математически политическое и политически математическое, что есть точно такой же бред, как и бред из соединения тупого с белым. Математику и политику запрещено соединять, ибо они не соединяемы в силу логики каждой из них из них в каждой логики. Здесь действие есть действие явно эклектического порядка, но оно присутствует в современном капиталистическом обществе и присутствует

в нем соединением не соединяемого в избирательной системе, ибо абсолютное равенство не существует реальностью самого общества в общественной реальности его самого. Там равенство в неравенстве существует и существует неравенство в равенстве там же, и все это действительно существует реальностью общества в общественной реальности его самого. Получается, — ныне действующий избирательный институт системы политической демократии, мало того, что содержит в себе противоестественный элемент «подавления» большинством меньшинства, но к тому же он существует не реальностью самого общества, а иллюзией реальности его самого. Что ж, самообман не такое уж редкое явление в жизни человека. Случается такое и с человеческим обществом.

Я спрашиваю, нужна ли обществу избирательная система политической власти, которая, хотя и называется демократией, но существует миржом, иллюзией, обманом, видимостью реальностью общества, но не реальной видимостью самого же его? — Обществу в политической власти — уж точно такая избирательная система не нужна!! Нужна ли такая избирательная система политической власти, — это вопрос еще без ответа. — Если действующая политическая власть существует властью не в обществе, а властью над обществом, то, разумеется, такая власть стремится любой ценой удержаться у власти политической и, разумеется, здесь за ценой не постоит. — Именно такая точно избирательная система ей и нужна. Такая власть за власть себя же самой готова заплатить регрессивным развитием общества. Если же государственная политическая власть существует концентрированным выражением экономических и социальных интересов бизнеса в обществе и общества в бизнесе, а экономические интересы и интересы социальные общества существуют продолжением политической власти государства, то им вместе такая избирательная система уж точно не нужна. Нужна принципиально иная, которую я называю политическим институтом «равновеликой демократии».

Политический институт равновеликой демократии существует такой избирательной системой, где ее элемент — это каждый «голосующий человек», но он равноправен в неравноправности и неравноправен в равноправности. На деле этот принцип означает. — Количественная составляющая числа голосов у голосующего населения с меньшим относительным количеством в большем социальном качестве его самого, — сфера идеального производства из идеального труда, — должна быть заранее искусственно уравнена с числом голосов относительно большего количества населения с меньшим социальным качеством самого его, — сферой материального производства из материального труда. Если, к примеру, соотношение их количества друг к другу в разделении общественного труда составляет в обществе один к пяти, то голос одного избирателя из электората общественной сферы идеального производства равен пяти избирательным голосам, тогда как голос одного избирателя из электората общественной сферы материального производства остается одним избира-

тельным голосом. Это неравенство есть точно такое же количественное неравенство, что и неравенство качественное в самом общественном разделении общественного труда на труд интеллектуальный и в этом смысле творческий труд и на труд рабочий и в этом смысле исполнительный труд. Это неравенство есть сама правда социальной жизни и жизни экономической в естественном неравенстве общества, подчеркиваю, в общественном неравенстве человеческого труда. Заменять или подменять естественную правду общественной жизни жизнью общественной в ложном представлении ее же самой, да еще именно эту ложную жизнь делать демократическим основанием избирательной системы, — конечно же, означает ставить все с ног на голову и в политической системе власти, которая является продуктом этой системы. Иное дело равновеликая демократия. Она не только сохраняет сам институт демократии, но и развивает его в ногу с прогрессивным развитием способа социально-экономического и экономически социального способа существования общества в современном капиталистическом его виде. — Здесь исчезает существующее противоречие между прогрессивностью роли общественной сферы идеального производства, существующей количественным меньшинством населения, и политическим институтом демократии, опирающимся исключительно на количественное большинство населения. Привычный своей убедительностью и правдоподобностью тезис, будто количественное большинство общества всегда глаголет истину и поэтому именно большинству общества принадлежит вечное право выступать от имени всего общества, — наконец-то превращается фундаментальной наукой в тезис глубоко ошибочный и поэтому вредный для прогрессивного развития самого же общества. — Правда, на исторически определенном этапе его исторического развития. Демократия количественного меньшинства в большем качестве ее же самой и количественного большинства в меньшем качестве самой же ее политически реализуют себя в обществе двуединой и равновеликой демократией, которая, конечно же, адекватно отражает социально экономические и экономически социальные потребности прогрессивного развития капиталистического общества. Здесь нет замены одной избирательной системы, — подавляющего большинства в меньшинстве подавленном, — системой избирательной другой, — подавляющего меньшинства в большинстве подавленном, — где все равно сохраняется элемент «подавленности». Демократия и подавление в своем соединении не есть лучшее соединение в изобретении человечества. Куда лучше, если политический институт равновеликой демократии устраняет совсем из себя «подавление».

Кто-то наверняка скажет, что «ученому» вовсе не запрещено быть той части населения, которая составляет в демократии подавляющее его большинство и в избирательной системе. Раз так, то зачем изменять уже веками действующий политический институт демократии. Пусть политики, претендующие быть избранными на руководящие посты в государстве,

сами борются между собой за голоса «ученых», а ученые, — в зависимости от собственных политических убеждений, — проголосуют именно за того политика, который глубже и масштабнее мыслит и поэтому лучше понимает проблемы самого государства в обществе и общества в государстве. В этом случае вовсе не исключено, что все ученые как раз окажутся в той части избирательного населения, которая как раз и составляет в нем демократически подавляющее большинство. — Что мне ответить всем тем, кто скажет именно так. Дело вовсе не в том, где оказывается ученый, в голосующем большинстве или меньшинстве голосующем. Дело в принципиально ином. — Именно в том дело, что один избирательный голос «ученого» в совокупном понимании и один избирательный голос «неученого» в совокупном понимании равны друг другу в количестве. Но в качестве из количества, занимаемого каждым из них места в разделении общественного труда, из них каждый уж точно не равны друг другу. Но неученых-то в обществе много-много больше, нежели ученых. Учитывая, что ныне действующий институт политической демократии ориентирован на подавляющее большинство населения, а оно и существует неучеными, то социальный популизм и популизм экономический — вот здесь главное оружие политика в избирательной системе.

Это для неученых секрет, но не секрет для ученых, что популизм современного института демократической власти есть, на самом деле, игра в поддавки большинства избирательного населения и власти того же большинства избирателей. В обмен на обещания политической власти сделать жизнь большинства общества богатой и счастливой, осчастливленное словесным богатством большинство общества голосует за эту же власть политическую. Без составляющей лукавство в этой игре власти с большинством избирателей, политический институт демократии никогда не станет властным политическим режимом, а ему приходится переизбираться постоянно и, следовательно, популизм есть постоянное идеологическое оружие всех политиков, если, конечно, они действительно реальные политики. Такова их заранее predetermined логика, которую делает необходимой сам же институт политической демократии, опирающийся только на подавляющее количественное большинство. Именно эта логика преимущественно руководит демократией и в практических действиях ее же самой. Популизм эффективен и даже очень, но где? — Оказывается, именно в обыденной среде, она же и есть самая большая часть электората из народа. Обмануть популизмом обыденное большинство народа не так уж трудно. — Примеров тому легионы легионов, где один из самых чудовищных — это фашистский режим в Германии, который пришел к политической власти не путем насильственного переворота, а используя все тот же самый популизм в политическом институте демократии и используя все тот же самый политический институт демократии в популизме.

Обмануть популизмом обученное наукой и владеющее наукой меньшинство народа из электората — есть дело трудное, даже очень, а порою

просто невозможное. По самому способу мышления мышление ученого есть с самого начала научная убежденность в том, что явления не совпадают с собственной сущностью. В этом отношении любой ученый прекрасно понимает, что политик глаголет не истинами, а его популизм заранее, подчеркиваю, заранее завлекательно приманчив, но обманчив уж точно, как только политик приходит к власти. Иначе это не популизм и не политик, существующий институтом политической демократии в его современном виде. Не без этих причин ученых почти нет в избирательном большинстве населения, но в избирательном меньшинстве населения их избирательный голос — это голос из подавленного количественного меньшинства. Популизм и популистские политики, — еще только избираемые во власть, — это объективное следствие субъективности политической системы демократии, и они же, — уже избранные во власть, — это субъективная причина объективной неизменности ее же самой. Поэтому было бы верхом наивности полагать, что «ученые» не поражены в избирательных правах при ныне существующем политическом институте демократии. — Поражены, да еще как! Но это не столько их проблема, сколько проблема самого гражданского общества, ибо политически, экономически и социально проигрывает оно же само, если избирательный голос ученого количественно приравнен к избирательному голосу неученого, тогда как в самом населении общества их соотношение, к примеру, один к пяти.

О каком политическом влиянии меньшинства населения из ученых может здесь идти речь, если в избирательной системе они существуют подавленным меньшинством?! Другое дело, если избирательный голос одного ученого избирательно весит в пять раз больше, нежели один избирательный голос неученого. Хотя они оказываются здесь неравными по количеству избирательных голосов из них в каждом относительно каждого из них, но из них в каждый здесь оказывается равен каждому из них в голосующем качестве одного избирателя. Здесь популизм уже не пройдет в качестве безошибочно стреляющего избирательного оружия политиков. Здесь не пройдет ни административный ресурс, ни ресурс финансовый. Исторический конец популизма начинается в месте и времени превращения исторически сложившейся системы политического института демократии на основе подавляющего количественного большинства населения в политический институт равновеликой демократии на основе равного неравенства и неравного равенства избирательного права меньшинства населения из общественной сферы идеального производства и большинства населения из общественной сферы материального производства.

Конечно, политический институт демократии, в основании которого существует количественный принцип подчинения меньшинства большинству, уж точно существует с меньшими издержками для народа, нежели политический институт тирании, в основании которого лежит все тот же количественный принцип подчинения, но уже с подчинением большинства меньшинству. Принцип-то один и один и тот же, — количественный, —

но в качестве из них каждого каждый из них противоположен друг другу. Зная все это, политики часто прибегают к тезису, — «Конечно, политический институт демократии не безупречен, но ничего лучшего человечество так и не придумало за всю историю собственного общественного развития. Так надо довольствоваться тем способом политического управления обществом, что наиболее комфортен для подавляющего большинства народа. Всем уж точно не угодишь». — Конечно, правда общественной жизни в жизни общества уж точно здесь есть. Чего же здесь нет совсем, так это непонимание того научного факта, что наука и ученые есть качественно определяющая и решающая производительная сила в силе производительности общественного труда, но в существующей избирательной системе она есть элемент ее же самой из подавленного большинством меньшинства народа. Это меньшинство народное как раз и составляет тело общественной сферы интеллектуального труда в нем же самом, а ученые из фундаментальных наук, в том числе и наук общественных, составляют в самом этом теле уж совсем малую его часть. Получается, что в действующей ныне избирательной системе политическое влияние этой части общества, — весьма малой по количеству, но по качеству достойной по социальному праву называться экономически и социально определяющей в деле повышения производительности общественного труда, — сводится к только количеству самой этой части, что по существу есть глас вопиющего в пустыне. Нужна ли такая избирательная система самому обществу? — Нужна, если лучшей демократии нет. Нет, не нужна, если есть лучшая демократия. Такая демократия есть, и существует она равновеликой демократией. Надо ли тогда сохранять худшую демократическую избирательную систему, если открывается опять же демократическая избирательная система, но лучшая, хотя и идущая наперекор ложному пониманию абсолютной равноправности каждого избирателя в избирательном населении? — Конечно же, нет! Поймет ли большинство населения общества такую избирательную систему, где один избирательный голос каждого избирателя неученого весит в пять раз меньше голоса одного каждого избирателя-ученого, но из меньшинства населения? — Да, поймет, хотя, конечно, здесь есть проблема. Но она вполне решаема доказательными разъяснениями, если, правда, не держать большинство населения за население, неспособного понять здравый смысл логики и отличить его от логического смысла явно порочного и поэтому ущербного смысла.

Согласимся, наконец, господа из количественного «большинства» и из «меньшинства» количественного. Ведь один человек в общественных отношениях с другим человеком уж точно мыслят себя по способу мышления не равными друг другу, а неравными, если один из них — «ученый», а «неученый» — из них другой. Да социальный статус и статус экономический у них не один и один и тот же. Так уж развело их общественное разделение труда внутри общества. Но это неравенство не есть социально оскорбительное для неученого, и оно же не есть социально возвеличи-

вающее ученого. Оно не унижает их, но, правда, и не возвеличивает их. Поэтому в таком неравенстве нет ничего уничижительного для сферы общественного материального труда, ядром которой существует рабочий труд. Почему же тот же самый «рабочий», — в совокупном смысле этого социального явления, — станет протестовать против точно такого же неравенства и в избирательной системе, которая, уничтожая бывшее избирательное преимущество в ней количества «рабочих», теперь одинаково уравнивает их неравенством. — Теперь они качественно избирательно равны в своем неравенстве количественном, и они же количественно избирательно неравны в своем равенстве качества избирателей и, следовательно, у каждого из них нет избирательного преимущества из них в каждом. От такого равного неравенства и неравного равенства выигрывает все гражданское общество, в том числе и «неученые» и «ученые». Во-первых, исчезает почва для политического популизма, — политической игры демократической власти в избирательной системе, явно унижающая большинство населения искусственным возвеличиванием количественной роли его самого в качестве человеческой жизни самого общества. Во-вторых, у гражданского общества есть много больше шансов привести к непосредственному управлению государством людей с научным типом мышления, еще мало понятного для обыденного большинства населения, но зато верного в принятии решений и их научном обосновании. Ныне та же самая проблема решается, но далеко-далеко не лучшим способом.

Действующая ныне избирательная система обязательно приводит к управлению государством людей с обывательским типом мышления, но политический уровень такого мышления у них, как правило, достаточен, чтобы понять, — без научного типа мышления им не справиться эффективным способом с самой проблемой управления государством в обществе и управления обществом в государстве. Поэтому нанимается команда ученых-экспертов, которые делают все то же самое, что делали бы и сами руководители государства, будь они избранными из числа «ученых». Получается, что на деле управляет государством команда ученых, которую само население не избирает. Правит двор, а не государь. Так не лучше ли сделать все то же самое непосредственно самому же населению и ему самому привести к управлению государством команду ученых, из числа которых управлять государством будет только один лучший из них? — Обоснованнее социально и экономически куда обоснованнее поступить именно так. Здесь риски ошибок самого избирательного населения общества куда меньше, нежели при избрании «артиста» руководителем страны с чутьем политического деятеля находить помощников с интеллектом мышления, конечно же, ученого, а не артиста. Что если окажется, что такого чутья как раз у него и нет. Риск ошибиться сразу населению всей страны здесь гигантски высок для дела прогрессивного развития всей страны. — Вот каков здесь масштаб ошибки!! Понимая все это, большая избирательная часть населения уж точно согласиться качественно урав-

нять свои избирательные права с меньшей избирательной частью населения, хотя это и приведет к количественному неравенству голосов у каждого человека из большей части населения и населения в меньшей его части. Повторяю, — только не надо держать большинство населения общества за население, принципиально неспособное понять здравый смысл логики равновеликой демократии. Если же на деле все-таки происходит непонимание или недопонимание, то это проблема объясняющего человека, а не человека, не понимающего объяснение. — Здравый смысл человека вполне точно поймет здравый смысл избирательной системы, где демократия есть не демократия количественного большинства, подавляющего количественное меньшинство, и не тирания количественного меньшинства, подавляющее количественное большинство, а равновеликая демократия равных в неравенстве общества и общественно неравных в равенстве. Эта демократия ликвидирует демагогию избирательного равенства в его абсолютном математическом исчислении, но отныне избирательное право утверждает себя относительно абсолютным, как равноправное неравенство, и утверждает себя абсолютно относительным, как неравноправное равенство. Что ж, ничего абсолютного, кроме «ничего» в абсолютности его самого из самого же его, и не существует.

На этапах становления и формирования капиталистического общества обществом капиталистическим, общественная сфера идеального производства входит в организм его социального тела и тела экономического только тогда и тогда только, когда потребность в науке становится уже общественной потребностью в производительной силе самого человеческого мышления в мышлении научном его самого. Исторически этот процесс начался с середины 19 столетия и действует исторически все актуальнее, актуальнее все исторически и до сих пор. Конечно же, этот процесс начался не везде и не одновременно во всех капиталистических странах, а сначала только в странах западной Европы, а затем уж и в странах Америки, восточной Европы, юго-восточной Азии и Африки. Наибольших успехов здесь достигли капиталистические страны, которые принято называть «развитыми», — США. Канада, Япония, Франция, Германия, Англия, Италия. На пятки им наступают и другие капиталистические страны. В Европе — это Россия, Испания, Голландия, Португалия, Бельгия. В Африке — Египет и ЮАР. В Азии — Индия, Пакистан, Израиль, Турция, Австралия, Малайзия, Индонезия, Тайвань. Во всех этих странах действует институт политической демократии и, следовательно, у них уже сейчас есть причина для изменения избирательной системы. Чем менее развито экономически капиталистическое общество, тем более остра у него политическая потребность в изменении собственной избирательной системы. Почему? — Да потому, что здесь ученого населения много-много меньше, нежели неученого населения. Поэтому здесь и острее противоречие между социальной необходимостью прогрессивного экономического развития общества и его избирательной системой, опирающейся на подавляющее

количественное большинство. Чего не скажешь о капиталистически развитых странах, где политическая система демократии выходит из этого противоречия естественным увеличением числа ученых. Здесь действует закон. — Чем более развито экономически капиталистическое общество, тем менее остра у него потребность в изменении собственной избирательной системы и политического института демократии. — Здесь численность «ученого» населения приближается к численности населения «неученого». Тем не менее, в большей степени или в степени меньшей, но фундаментальная проблема с институтом демократии ныне существует во всех капиталистических странах и не считаться с этой проблемой может разве что та политическая власть, которая существует властью над обществом, а не властью в обществе.

Конечно же, институт политической власти есть историческая производная от социально-экономических условий и условий экономически социальных самого способа существования общества. Следовательно, что-то в капитализме столь качественно изменилось в нем же самом и именно в исторических условиях последних ста лет, что даже веками сложившийся институт политической власти капитализма, — демократия, — оказалась-таки в противоречии именно с этими же условиями. Так что же это «что-то»? — Коль скоро революция в количестве производительности общественного труда производна от качества из количества занятых интеллектуальным трудом в общественной сфере идеального производства, то это «что-то» и есть сама общественная сфера идеального производства из интеллектуального труда науки в ней же самой.

Исследуя существующий политический институт демократии капиталистического общества, необходимо обнаруживается противоречие между этим институтом и условиями социально-экономическими и экономически социальными условиями самоорганизации прогрессивного развития самого общества капиталистического. Не имея капиталистическое общество в существе его самого общественную сферу идеального производства с интеллектуальным трудом в ней же самой, — этого противоречия и не было бы. Поэтому подобного противоречия и не было в рабовладельческом обществе, хотя институт политической демократии там уже был. Что из этого следует? — Без исторического исследования института политической демократии в капиталистическом обществе я бы не открыл капиталистический способ существования общества до тех исторических пределов, где сам капиталистический способ уже входит в противоречие с существующим в нем же самом институтом политической демократии. Это уже дорогого стоит, поскольку задача как раз и состоит в том, чтобы обнаружить капиталистический способ существования общества в исторически капиталистически предельном обществе и обществе запредельным исторически, как посткапиталистический способ существования общества. Вот почему я начал с исследования политического института демократии.

Итак, если сам капиталистический способ производства обеспечивает постоянный рост производительности общественного труда за счет изменений в социальных и экономических условиях труда в единстве общественных сфер идеального производства и производства материального, но при этом не выходит за капиталистический характер самих этих условий, то такое общество есть вечно капиталистическое общество. Вопрос заключается только в том, — обеспечивает или не обеспечивает. Обеспечивает, но только до определенного предела, за пределами которого капиталистический способ производства утрачивает свое прежнее доминирующее значение именно в капиталистическом характере самого способа.

Вполне определенное историческое время капиталистическое общество самоорганизуется за счет развития и использования внутренних социальных и экономических ресурсов. Разумеется, они не безграничны. Наступает историческое время, когда этот факт становится фактом, сдерживающим капиталистическое развитие в развитии самого капиталистического способа существования общества. Что же происходит в этом кризисном случае? Есть два способа решения этой проблемы. Один — это насильственный, то есть война одних капиталистических стран против стран капиталистических других. Война за обладание их внутренними ресурсами, в том числе и их рынками. Этот способ лежит на поверхности, его не надо искать научным способом. Другой способ — это естественный, то есть экономический союз капиталистических стран, — союз, разрешающий использовать внутренние ресурсы из страны каждой в каждой из стран, превращая тем самым частный ресурс в ресурс общий для всех союзных стран. Зачем завоевывать ресурс вооруженной силой, если все то же самое возможно сделать ненасильственно. Правда, этот способ не лежит на поверхности. Его надо открыть и открыть в сущности, поскольку и явления такого еще нет. Что же это за сущность. — Да все та же самая экономическая сущность и сущность социальная капиталистического способа существования общества, которая иначе называется «рынком». Только-то и всего! Только здесь требуется внутренний рынок каждой страны сделать рынком общим для всех стран. Что и было сделано Евросоюзом! — Без насилия, а вполне естественно. Без революции, но эволюцией. Правильно, зачем же подстегивать естественное развитие человеческой истории. Конечно, сделано не по марксистски. Это и понятно. Марксизмом этого уж точно не сделать. Расширяя свои государственные границы за границы государств собственных стран, и преобразуя их в общегосударственные границы экстенсивно расширяющего капиталистического общества, общество капиталистическое тем самым обнаруживает в себе принципиально новый интенсивный источник качественного роста производительности общественного труда. Что как раз и превращает капиталистический способ существования общества в общество с посткапиталистическим способом существования его самого.

Во времена Маркса подобного развития событий сам Маркс уж точно даже представить себе не мог и не потому, что фантазия не была свойственна Марксу. Как раз с точностью до наоборот. Фантазия не обошла его стороной, но стороной его обошла наука, а та «описательная наука», которая оказалась в его стороне, если и предсказывала развитие капиталистического общества, то только смертью капиталистического общества в революционной жизни общества социалистического. Однако ж пролетариат так и не стал могильщиком капитализма. Напротив. Приняв в свои ряды класс интеллигенции, он вдохнул в пролетарскую жизнь капиталистического общества принципиально новую жизненную силу производительности его самого, качественно куда более производительную, нежели все то же самое, но без нее. Все случилось супротив марксизма, но случилось по законам капиталистического общества и по законам самоорганизации развития истории самого человеческого общества.

В исторических условиях посткапитализма его же политический институт демократии, — если, конечно, институт равновеликой демократии действует не на словах, а на деле, — то он обязательно должен привести к политической власти пролетарские классы, — точнее, — их представителей из интеллектуального класса интеллигенции. Подобное развитие политических событий обречено существовать самой логикой развития капитализма на историческом этапе его посткапиталистического развития. На то же самое направлен и политический институт равновеликой демократии. Если все так и есть, то возникает вопрос. — Возможна ли в самой социально-экономической действительности и действительности экономически социальной политическая власть пролетарская в капиталистическом обществе? Маркс, Энгельс и Ленин уж точно непомерно удивились на том Свете, услышав только саму постановку этого вопроса. Такое им никак не могло бы предвидеться. — Вот аж как меняется историческая обстановка в развитии способа существования капиталистического общества! Как ни покажется невероятным современным марксистам, но подобное не только возможно в самой капиталистической реальности в реальности посткапиталистической, но сама современная капиталистическая реальность требует именно такого политического развития ее же самой в реальности посткапиталистической. Марксисты сразу же подумают, конечно же, по-марксистски. — Придут пролетарские классы к политической власти в капиталистическом обществе и тогда конец капитализму в нем же самом и конец буржуазным классам в самом же нем. Пролетарская революция все-таки неизбежна! — Понять марксистов можно, но оправдать их логику логикой научной — нет, и еще раз, нет.

Еще в капиталистическом обществе социальные классы, — пролетарские и буржуазные, — но уже вместе, берут на себя экономическую ответственность и ответственность социальную уже перед всем обществом за успешное развитие его самого. Это и понятно. Реализовать эту двуединую ответственность, если и возможно, то только вместе. Социально-

экономический компромисс между социально-экономическими противоположными классами здесь диктуется самими капиталистическими условиями способа существования самого же капиталистического общества. Поэтому не удивительно, что компромисс исторически состоялся, пусть не без борьбы, не без ошибок и с противоположных сторон, но он не мог не состояться, ибо сам капиталистический способ существования общества требует единства именно такой социально-экономической противоположности, а не какой-то иной.

Как ни покажется невероятным для марксистов, но пролетарским классам вовсе не нужна насильственная революция, чтобы придти к политической власти в обществе. Само же посткапиталистическое общество и непременно с помощью института равновеликой демократии добровольно вручит политическую власть пролетарским классам. Пролетарским классам постоянно, а не временно, нужны классы буржуазные, иначе какие другие классы будут владеть частной собственностью? Ведь кроме классов пролетарских, других классов в этом случае уже нет. Но тогда пролетарские классы, кроме владения социальной собственностью на труд, овладеют еще и экономической собственностью на средства производства, получая в результате монопольную собственность, а собственность монопольная есть тоталитарная собственность, а собственность тоталитарная неминуемо приведет к замене института политической власти демократии на институт политической власти тоталитаризма. Такова логика и ничего с ней не поделаешь. Что сделает тоталитаризм политической власти с буржуазными классами и с самими пролетарскими классами, — мне доказывать уже нет необходимости. Все это уже существует в истории исторически кровавыми российскими уроками в ней же самой.

Политическая власть пролетарская в посткапиталистическом обществе имманентно существует научным трудом в труде интеллектуальном, а этот труд обладает способностью научного предсказания развития событий, в том числе социально-экономических и экономически социальных. Поэтому такая пролетарская власть сама обладает способностью видеть глубже и дальше, нежели подавляющее большинство народа, в том числе и народа из капиталистов. Все то же самое, но в социалистическом уже обществе, отсутствует по определению собственности собственностью общенародной, то есть монопольной собственностью и определению пролетарского его класса — классом рабочих и крестьян, — где интеллигенции нет места, ибо здесь ее место — это место прослойки между политической властью государства и пролетарскими классами. В результате заранее интеллектуально обезглавленная политическая власть пролетариев получила то, что получила. Власть же пролетарская, но возглавляемая научным трудом интеллектуального класса, есть власть уже политически владеющая собственным научным предсказанием развития событий, а там не только не надо отбирать собственность у буржуазных классов, а, на-

оборот, ее надо укреплять и именно в капиталистической собственности из собственности частной.

Что же получается в посткапиталистическом обществе? — Получается же вот что. Пролетарские классы, владея социальной собственностью на труд, контролируют и осуществляют политическую власть и власть социальную в капиталистическом обществе, а капиталистические классы, владея частной экономической собственностью, осуществляют и контролируют экономическую власть в обществе посткапиталистическом. Тотальный дефицит в экономической собственности полностью компенсируется здесь тотальным избытком политической власти и власти социальной, — все это имеет место в пролетарских классах. В капиталистических классах, — тотальный дефицит в политической власти и власти социальной полностью компенсируется тотальным избытком экономической власти. Так самой историей развития самоорганизации капиталистического общества в обществе посткапиталистическом самообразуется политический баланс социально-экономических отношений и отношений экономико-социальных в обществе посткапиталистическом с пролетарской политической властью. Здесь, конечно же, есть противоречия между пролетарскими классами и классами капиталистическими, но они не антагонистические и поэтому перманентно существуют политически разрешаемыми в социальных компромиссах и компромиссах экономических. Здесь самой историей самоорганизации развития капиталистического общества никак не запрограммирована любая социальная революция! Здесь революция свершается эволюционно естественным способом и совершается естественноисторическим развитием самого общества. Поэтому любой призыв к социальной революции есть здесь политическая провокация, и не более того. Именно такое историческое будущее у капиталистического общества в социально-экономической перспективе и перспективе экономически социальной из посткапиталистического общества, которое столь же капиталистическое, сколь же и пролетарское.

Все ли станут богаче в таком обществе. — Да, все. Не все станут одинаково богатыми, — это верно, но верно и то, что богаче станут все. При чем богатеть будут быстрее пролетарские классы, нежели классы капиталистические, но и они тоже будут богатеть, но медленнее. Противоположность между бедными и богатыми, бедностью и богатством превращается в различия между более богатыми и богатыми менее. Как же иначе, коль скоро политическую власть в посткапиталистическом обществе осуществляют пролетарские классы, а у них есть вполне рыночные способы осуществить этот процесс и на самом деле. Экономический разрыв между противоположными классами будет сокращаться и сокращаться, но, достигнув социально приемлемой экономической величины для обеих сторон, он все равно останется и останется вполне естественным разрывом, но не между бедностью и богатством, а между богатствами.

Идиллия? — Вовсе, нет! Так обязательно и будет, коль скоро народ в посткапиталистическом обществе существует народом гражданским и посткапиталистическое общество в народе существует гражданским обществом. Так обязательно и будет, коль скоро политическая власть в посткапиталистическом обществе есть не власть над народом в обществе, и есть не власть над обществом в народе, а есть власть политическая самого же народа, но из равновеликого единства двух его противоположных классов. В этих исторических условиях будущего посткапиталистического общества — это общество столь же капиталистическое, сколь же и пролетарское. Поэтому оно по капиталистически пролетарское общество и по пролетарски капиталистическое общество то же оно. Каков способ существования общества такова и общественная сущность в названии его самого. Что она двуедина, так такой она и должна быть по существу двуединства и самого общества. Это есть посткапиталистическое общество. Как его назвать, — это уже не проблема научного порядка. Я бы назвал этот способ существования посткапиталистического общества гражданским способом существования его самого. Это уже не призрак, который бродит по Европе. — Здесь уже сама Европа, пусть не вся, но существует Евро-союзом и существует реальным прообразом будущего гражданского способа существования посткапиталистического общества.

Разумеется, что властный политический институт посткапиталистического общества существует неким отражением всего того же самого, но существующего институтом политической демократии в самом обществе из общественно политических партий, которые, побеждая на общенародных выборах, и осуществляют руководство властными политическими институтами. В этой связи представляет специальный интерес универсальный вопрос о государственном устройстве посткапиталистического общества. Что это государство есть государство демократическое из равновеликой демократии, — это понятно. Вместе с тем, демократическое общество существует не одним типом государственной демократии, а типами двумя, — республиканско-демократическим и демократически республиканским.

Республиканско-демократический тип государственной демократии утверждает преимущество республиканской составляющей в составляющей демократию, и воплощается он высшими полномочиями президентской формы государственной власти. Парламент здесь существует законодательной властью, но у президента есть полномочия распустить парламент и назначить досрочные выборы. Демократически республиканский тип демократии утверждает преимущество демократической составляющей в составляющей республику, и воплощается он высшими полномочиями парламентской формы государственной власти. Президент здесь существует исполнительной властью, но он не имеет полномочий досрочно распустить парламент и, разумеется, не имеет полномочий назначать досрочные выборы. Причем одновременно они существовать не могут в одном и

одном и том же обществе из одной страны. Следовательно, само общество должно осуществить выбор, — каким типом демократии ему существовать. Либо республиканско-демократическим типом, либо типом демократически республиканским.

Надо сказать, что обе демократические формы государственной власти, хотя и похожи друг на друга, но, вместе с тем, и разительно отличаются друг от друга. Коль скоро, оба типа государственной власти не могут существовать в одной и той же стране одновременно, то выбор надлежит осуществить народу, а народ политически представлен политическими партиями. Следовательно, в посткапиталистическом обществе существуют всего две политические партии, первая одна — республиканец демократическая партия, и ее политической программой существует либо сохранение существующей республиканско-демократической формы государственной власти либо реставрация ее. Вторая другая — это демократически республиканская партия, и ее политической программой существует либо сохранение существующей демократически республиканской формы государственной власти либо ее реставрация. Здесь есть строгое и существенное различие между двумя партиями и, разумеется, есть то же самое и между их избирательными программами.

Надо сказать, что подобного рода различие не надумано мною для удобства политического размежевания политических партий, а постоянно в переменности и переменности существует реальной общественной проблемой в самоорганизации развития самого посткапиталистического общества. Почему? — Да потому, что в одном историческом моменте, в силу некоей одной определенности экономических отношений и отношений социальных, — обществу в государстве и государству в обществе экономически и социально выгодна республиканец демократическая форма правления, но в другом историческом моменте, в силу некоей другой определенности отношений социальных и экономических отношений, — государству в обществе и обществу в государстве социально и экономически выгодна демократически республиканская форма правления. Подобного рода исторические моменты могут меняться часто или реже, но меняются уж точно. Следить за этими моментами как раз и должны политические партии, чтобы, во-первых, верно оценить исторически собственные шансы на политическую победу в выборах, и, во-вторых, чтобы адекватно историческому моменту подготовить предвыборную программу, и, наконец, в третьих, адекватно сориентировать развитие общества в случае победы на выборах.

Глядя из дня сегодняшнего, сразу возникает вопрос? Что с каждым историческим моментом придется изменять и конституцию? — Нет, не придется. В конституции посткапиталистического общества нет надобности в такой статье, которая раз и навсегда устанавливает, какой политической формой правления существует общество. Но есть необходимость в конституционной статье, какой из двух политических форм правления, —

республиканско демократической либо демократически республиканской, — общество существует по итогам общенародных выборов. Иначе говоря, статья о форме государственного управления в конституции есть, но она нежесткая, а балансирующая, что позволяет народу в обществе и обществу в народе осуществить свободный выбор и самой формы государственного управления. Тем более, что такая потребность есть историческая потребность самой истории. Не делать же каждый раз революцию для смены политической формы правления, если все то же самое представляется возможным сделать волеизъявлением народа и вполне конституционным способом в пределах одного и одного и того же способа существования общества.

Посткапиталистическое общество навсегда уходит от баррикадного противостояния классов, и поэтому у него уже нет общественной потребности в партиях классового типа, таких как коммунистической, рабочей, крестьянской, буржуазно демократической. Нет и общественной потребности и в классово размытых партиях, таких как консервативная, социал-демократическая, либеральная, либерально демократическая и прочие партии, созданные для удовлетворения текущих потребностей части общества либо власти. Все эти партии останутся в прошлом, ибо политическое будущее ожидает только две партии, и имена их уже известны сейчас.

Надо сказать, что сама история развития человеческого общества столь изощренно запутана и перепутана собственными историческими изысками, что она выдает почти точно такое же решение, но с исторически обратной своей стороны, а именно, со стороны развития социалистического общества. Если пристальным научным взглядом посмотреть на китайскую модель социализма и социалистическую модель вьетнамскую, то теперь уже не покажется столь уж исторически невозможной такая самоорганизация социалистического общества, где политическую власть осуществляют пролетарские классы, а классы капиталистические осуществляют экономическую власть. Одна страна, но две системы, — социалистическая по политической власти и по власти экономической — капиталистическая. Такая вот история уже есть у истории человечества!

Конечно же, «китайский» и «вьетнамский» капитализм в социализме и социализм в капитализме не есть исторически то же самое, что ожидает в будущем развитие капиталистического общества в его превращении в общество посткапиталистическое. В самой истории развития человечества, если что-то и совершается, то это что-то уже подготовлено самой же историей к свершению в ней же самой. Вот почему опережать естественную историю столь же опасно, сколь же опасно и отставать от нее. Китайский и вьетнамский капитализм в социализме и социализм в капитализме опередили естественную историю точно так же, как в свое время монгольский феодализм социализмом монгольским опередил историю. Столкнувшись с непреодолимыми трудностями экономического развития социалистиче-

ского общества на монопольных принципах общенародной собственности, китайское политическое руководство и руководство политическое вьетнамское вполне научно поняло и осознало всю историческую бесперспективность экономики социализма с его административным механизмом управления экономикой. Осталась единственная альтернатива, — вернуть рыночную капиталистическую экономику, но вернуть ее в политический социализм. — Пусть капиталистическая экономика с ее уже рыночным механизмом работает, но работает на политическую систему социализма и под ее руководством. Конечно, для этого государственной собственности пришлось поделиться частной собственностью с классами капиталистов. Что ж, ведь другого выхода нет. Иначе вновь придется вернуться в неэкономную социалистическую экономику.

Китайская и вьетнамская модели социализма есть не естественный, а неестественный исторический результат истории развития человеческого общества, и есть исторический пример тупикового развития человеческого общества, если само его развитие подстегивается искусственно, а не свершается самою собой. Поэтому человечеству не надо строить человеческое общество, им надо жить таким, которое оно есть сегодня из прошлого и в будущее оно же само устремленное естественным способом. Вот почему китайская и вьетнамская модели социализма в капитализме и капитализма в социализме есть лишь исторически временное решение, ибо на самом деле обе эти модели есть ответ самой истории общественно-го развития на появление в ней искусственной болезни под названием социализм. Вот почему китайская модель социализма в капитализме, равно как и вьетнамская модель того же самого, самой историей обречены превратиться в естественные капиталистические общества с той же самой политической системой власти, которой общества капиталистические существуют и сейчас. Всему свое время. Тоталитарная коммунистическая власть обязательно будет естественным способом заменена на власть политического института демократии. Это всего лишь вопрос исторического времени и не более того.

Для китайского народа и народа вьетнамского лучшим выходом из этой исторической ситуации было бы осознание всего того же самого самим политическим руководством этих же стран. Тогда ответ на вопрос исторического времени был бы более кратким, а пока придется ждать результата от самой истории. Она же торопиться медленно, ибо история общественного развития должна состояться естественно историческим процессом собственного развития, даже если это развитие вспять. Не запрещено искусственно и не зная самих законов ее развития ускорять или замедлять их. Марксисты попытались и получили в полной мере, даже с лихвой. Правда, получили не все марксисты. Что ж, и остальные будут побиты самой историей общественного развития.

Европейский Союз — это только пример посткапиталистического начала исторической эпохи посткапиталистического общества. Не за горами

время, когда точно таким же посткапиталистическим способом станут существовать страны Северной Америки, а затем и страны Латинской Америки. Позже, но к этому придут и страны Азии. Еще позже, но и страны Африки объединяться общим африканским рынком. Способ-то экономически куда более эффективен, нежели капиталистический. Еще более он же эффективен, когда уже общие рынки Европы, Америки, Африки и Азии станут искать и находить способ самоорганизации развития глобального рынка в планетарном масштабе саморазвития организации его самого. Этого не избежать, если, конечно, планета Земля не задохнется собственными экологическими проблемами и проблемами неравномерности экономического развития и развития социального капиталистических слаборазвитых стран и стран высоко развитых. Эти проблемы необходимо решать уже сейчас и решать с умом фундаментальной науки, иначе эти же проблемы, но фундаментально не решенные наукой, вновь и вновь будут появляться практическими проблемами. Одна из таких проблем уже есть, и называется она антиглобализмом.

ГЛАВА 6.

О СУЩНОСТИ ЯВЛЕНИЙ АНТИГЛОБАЛИЗМА.

Если все общество социально существует экономически бедным обществом, — это есть справедливая несправедливость лишь в том смысле, что общество могло бы состояться и богатым, но оно не состоялось таковым по собственной субъективной причине, за что объективно наказано экономической бедностью его самого» Здесь виноват сам народ в обществе и само общество в народе виновато, но виноваты только в том, что у них отсутствует собственная сфера интеллектуального труда и идеальное общественное производство, а без них не установить подлинных причин собственной бедности, и, следовательно, не разработать программу, как выходить из бедности к богатству. Ждать подачек от богатых капиталистических стран, — это не выход из бедности, а напротив, еще более изощренный вход в ту же самую бедность. Есть другой выход. За счет изменений в социальном качестве и качестве экономическом условий самого труда качественно изменить и производительность общественного труда, обеспечив его рост в экономических размерах, превышающих производство воспроизводства самого же общества в обществе из существующих размеров самого же себя. Здесь без общественной сферы идеального труда никак не обойтись. Если ее нет в обществе, то надо стимулировать ее появление и развитие. Тем временем покупать на международном рынке «высокие» технологии и внедрять их внутри общества. Нет собственных денег, так надлежит добиваться от развитых стран инвестиционных кредитов. Не дают кредитов, поскольку нет стабильной политической власти и власти демократической, — что ж, это проблема народа в обществе и общества в народе. Желают они идти от бедности к богатству, так, господа, решайте и эту проблему, ибо за вас никто ее не решит. Иначе говоря, проблема бедности народа в обществе и общества в народе — это в первую очередь внутренняя проблема самого народа, но и проблема внешняя, правда, во вторую очередь. Хорошо бы все это знать бедным странам и не ждать милостей от стран богатых. Хорошо бы это все знать и богатым странам, чтобы вместо списания долгов бедным странам способствовать тому, чтобы у тех же самых стран не было невозвращаемых долгов.

Если общество социально существует экономически богатым обществом, как, например, развитые капиталистические страны, — это есть несправедливая справедливость, но только в экономических глазах тех стран, которое существуют рядом и существуют обществом из бедного населения. Здесь причиной несправедливой справедливости уже существует социальная зависть. Она обыденно присуща не только отдельному человеку, отдельному классу, но и группам населения, деклассированным в том смысле, что эти группы существуют из всех классов, даже и из классов капиталистических* Их всех объединяет одна причина, — богатство меньшинства стран мира, что является в их глазах причиной бедности большинства стран мира. Здесь в их представлениях в первую очередь не сами бедные страны виновны в бедности их же самих, а страны богатые. Все с ног на голову существует в общественном сознании антиглобализма. Поэтому и социальное поведение этого движения не адекватно здравому смыслу. Однако ж в силу этого оно еще более опасно. В силу того же самого, движение антиглобализма, прежде всего, опасно для бедных стран, ибо оно борется не с бедностью, а с богатыми.

Конечно, само движение антиглобализма появилось на свет стихийным ответом на вызов все углубляющейся планетарной пропасти между бедностью большинства стран и богатством меньшинства стран. Проблема подобного рода пропасти, конечно же, существует, но ее положительное решение лежит в стороне от существующего движения самого антиглобализма, ибо сам антиглобализм существует ложным пониманием той же самой проблемы.

Антиглобализм — есть обыденное проявление все той же социальной зависти бедного человека к человеку богатому, но уже в социальных масштабах земной планеты. Противоречие между людьми богатыми и бедными людьми в одном обществе превратилось в то же самое противоречие, но планетарное и уже между бедными странами и странами богатыми. В силу вопиющей неравномерности развития капиталистических стран, это должно было когда-то случиться. Вот и случилось.

Все же, это только одна сторона сущности антиглобализма. Есть, следовательно, и другая сторона той же самой сущности. Она обнаруживается уже не камнями и проклятиями в адрес развитых капиталистических стран, а куда более активными действиями, имя которым международный терроризм. Причина все та же. — Противоречие между людьми богатыми и бедными людьми в одном обществе превратилось в то же самое противоречие, но планетарное и уже между очень бедными странами и странами богатыми очень. В силу вопиющей неравномерности развития капиталистических стран, это должно было когда-то случиться. Вот и случилось не только демонстрациями протеста с камнями и проклятиями в адрес высокоразвитых стран, но случилось и международным терроризмом. Насильственные методы борьбы разные, но причина одна. Недаром географические корни международного терроризма окопались в слаборазвитых

странах капитализма. Причина международного терроризма скрывается именно в этой сущности антиглобализма. Конечно, подобная причина не оправдывает международный терроризм, но объясняет его — это уж точно. — Международный терроризм — это проявление все той же сущности антиглобализма. Так что демонстранты-антиглобалисты и террористы из Аль-Каиды — это все антиглобалисты. Объединяет их всех обыденная по своему происхождению социальная зависть, но замешанная на почве чудовищной несправедливости, разделяющей пропастью богатые страны и страны бедные.

Конечно же, это противоречие обыденное по своему происхождению, но ведь и население всех стран суть обыденное население и, разумеется, оно не научено мыслить научным способом, чтобы объяснить самому себе и понять в самом же себе, — бедность народа — это, в первую очередь, собственная проблема того же народа. Поэтому положительная перспектива у антиглобализма, конечно же, есть. Но она лежит в плоскости борьбы с экономической бедностью в неразвитых капиталистических странах, в плоскости ускорения их экономического развития, в плоскости решения многих политических проблем и проблем этнических в тех же самых странах, но вовсе не лежит там, куда летят проклятия, камни и бомбы антиглобалистов, а летят они в тысячи безвинных людей, а не только в витрины богатых магазинов, ресторанов и в адрес политических руководителей развитых стран. Поэтому было бы куда эффективнее, если антиглобализм и его лидеры понимали все то же самое не по обывательски, а по научному пониманию. Поэтому не бросали камни, а камни собирали.

Единение всех капиталистических стран планеты в общий планетарный рынок, а со временем в общий планетарный союз с единым планетарным правительством и политической властью тоже единой на планете — этот исторический процесс есть естественноисторический процесс саморазвития общественной организации человечества в человеческую самоорганизацию общества из развития его самого историей естественной самого же его. Этот процесс не остановить ни антиглобализму, ни любому другому антиизму. Этот процесс обязательно ликвидирует неравномерность экономического развития капиталистических стран. Посткапиталистическое общество в беспредельном пределе своего исторического развития — это планетарное общество. Здесь уже не будет государственных границ и границ таможенных, как и не будет многого из того, что ныне существует государственными атрибутами в разных капиталистических странах. Не будет и стран, ибо будет одна страна и называться она будет Землей, а ее жители — землянами. Нации, народности и расы, конечно же, останутся, но останутся свободными от тех ограничений, которыми необходимо они существовали в государственных границах границами самих же государств.

ГЛАВА 7.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. БУДУЩЕЕ НАЧИНАЕТСЯ ПРОШЛЫМ, А ПРОШЛОЕ ЗАВЕРШАЕТСЯ БУДУЩИМ, НО СУЩЕСТВУЮТ ОНИ НАСТОЯЩИМ.

Время в жизни общества и общество во времени жизни существуют временем противоположным в тождестве общественной жизни самой же себе. Общество во времени жизни и жизнь во времени общества существуют жизнью тождественной в противоположности времени общества самому же себе. История человеческого общества начинается с человеческого в человеческом обществе, а общественная человеческая история начинается с общественного в обществе человеческом. Если общество существует жизнью, то жизнь общества не существует такой же жизнью, как и человек. Человек существует смертельной жизнью и, следовательно, жизнь человека существует конечным временем из времени общественной человеческой истории, тогда как общество существует бессмертной жизнью и, следовательно, история человеческого общества бесконечна во времени, что и есть вечность. Вот тут-то и возникает противоречие между конечным временем из времени общественной человеческой истории и историей человеческого общества из бесконечного времени ее же самой. Другими словами, противоречие это есть противоречие между временем и вечностью. Причиной этого противоречия есть противоречие между человеком и обществом. Причиной этого противоречия есть смертная жизнь человека и бессмертная жизнь общества.

Если смертельная жизнь человека — это не болезнь, а естественный закон самой биологической природы, то это противоречие есть противоречие вечное, что, согласимся, приводит к логическому конфликту с логикой противоречия между временем и жизнью. Почему? — Все просто. Противоречие между временем и вечностью не может быть вечным, ибо тогда из самого противоречия исчезает время, а между вечностями нет противоречия. Что здесь не так. «Не так» здесь со смертельной жизнью человека, как законом самой биологической природы. Как по иному? — По иному следует не без фундаментальной науки доказать, что смертельная человеческая жизнь — это болезнь, — пусть весьма продолжительная и длиною в жизнь, — но болезнь. Раз болезнь, то из болезни смертельной

она имеет положительную перспективу превратиться в излечимую болезнь, но тогда и жизнь смертельная превращается бессмертную жизнь. Правда, для этого надо отказаться понимать смертельную жизнь человека в виде естественного закона биологической природы. Что ж, ради такого случая, почему бы и не отказаться, чтобы опять вернуться к биологической природе и заново спросить у нее. — Пусть все биологические особи смертны, но из всех биологических ведь только человек обладает разумом. Должна же в этом быть какая-то естественная целесообразность?! — Я исхожу из того, что такая целесообразность здесь есть, и существует она смыслом человеческой жизни собственным разумом в ней же самой разгадать тайну такой болезни, как сама смертельная человеческая жизнь. Тогда смертельная человеческая жизнь, как болезнь болезней, станет, наконец, объектом научного и, разумеется, фундаментального исследования, положительные результаты которого сделают эту болезнь излечимой болезнью, а сама человеческая жизнь тогда превратится из смертной в бессмертную жизнь. Вот тогда и исчезнет противоречие между человеческой жизнью и жизнью общества, между временем и вечностью. Вот тогда-то станет понятно, почему будущее начинается прошлым, а прошлое завершается будущим, но существуют они настоящим.

Будущее посткапиталистическое общество в прошлом его самого уже в настоящем его самого существует бессмертным человеком, что революционизирует производительность общественного труда в нем же самом, избавляя все планетарное человечество не только от болезней, но и от самой общественной сферы здравоохранения вместе с общественной сферой фармакологического производства, медицинской науки и медицинского образования. Все это становится лишним, как только становится известной лекарственная формула излечения «болезни болезней» в естественной формуле биологического, а не химического лекарства. Это лекарство существует и производит его воспроизводством не фабрика фармакологическая, а биологически воспроизводит производством сам же человеческий организм организменным половым двуединством его самого из мужского пола в поле женском и женского пола в поле мужском. Причем производит воспроизводством в более чем достаточном количестве для всего планетарного человечества. Лекарство от смертельной человеческой жизни, как болезни, длиною в саму человеческую жизнь, выходит биологическими составляющими жизнь из *одного*, но не одного и одного и того же организма человека, а из двух биологически противоположно тождественных и тождественно противоположных биологически друг другу организмов, — мужчины и женщины. — Речь, конечно же, идет о четырех половых составляющих, составляющих женский пол из двух нуклеиновых составляющих и из двух составляющих аминокислотных. Речь, конечно же, идет о четырех половых составляющих, составляющих мужской пол из двух его нуклеиновых составляющих и из двух аминокислотных составляющих. Надо только вернуть их все вместе в место организма муж-

чины и в место женского организма, но вернуть в места анатомически тождественно противоположные физиологически и физиологически противоположно тождественные анатомические места. Все остальное в организме человеческом сделают для выздоровления его больной биологической жизни его же самого сами же его составляющие аминокислотные и нуклеиновые составляющие, но составляющие прямое половое единство организма мужчины в женском организме и составляющее обратное половое единство женского организма в организме мужском. Ибо они вместе и есть составляющие противоположно тождественную и тождественно противоположную биологию зарождения самой биологической жизни человека мужского пола и пола женского человека. Этого рода «половое» лекарство есть внешнее следствие полового двуединства организма мужского и женского организма. Возвращенное биологическими составляющими двуединства его самого внутрь человеческого организма, сам же организм использует его в качестве внутренней причины излечения себя самого от смертельной болезни, длиною в человеческую жизнь. /13. с. 504-556/. Здесь следствие, как естественная норма биологической жизни, становится причиной не отклонения жизни биологической от нормы естества ее же самой.

Тайна лекарства от такой биологической болезни, как смертельная жизнь, столь же проста, сколь же проста тайна саморазвития организации в самоорганизации развития биологической жизни человека из двух человеческих организмов, — организма мужского и женского организма. Только надо их рассматривать не как противоположные по полу организмы, а как организмы, тождественно противоположные по аминокислотным составляющим женский пол и пол мужской, и как организмы, противоположно тождественные по нуклеиновым составляющим пол женский и мужской пол. Тогда открываются две двуединые тайны саморазвития организации в самоорганизации развития биологической жизни человека. Совмещение этих двух двуединых тайн тайной их прямо обратного двуединства и двуединства обратно прямого как раз и раскрывает тайну лекарственной формулы биологического бессмертия человека. Вот-вот эта лекарственная формула станет практическим достоянием всего человечества. Поэтому не только посткапиталистическое общество будет уже владеть тайной биологической бессмертности человеческой жизни, но этой тайной успеют овладеть еще и ныне существующие капиталистические общества.

Правда, в этом случае у человечества возникает другая проблема проблем. — Биологическая бессмертность человечества, будучи безграничной, сразу же сталкивается с дефицитом в энергии, которая ограничена в силу естественного ограничения минеральных ресурсов земными ресурсами планеты Земля. Биологическое бессмертие человека, следовательно, требует и безграничности энергии, а таким источником может существовать лишь вечный двигатель. Конечно же, он запрещен термодинамиче-

скими законами физики, как науки. Однако ж, если исходить из того, что вечный источник энергии не обязательно должен быть механическим источником и, следовательно, двигаться ему вовсе не обязательно, то здесь и не обязательны термодинамические законы, поскольку эти законы есть законы механики. Механика есть наука физическая. Это точно, как точно и то, что механика есть описательная физическая наука. Почему, понятно. — Всякий раз, описывая законами механические взаимодействия, сама механика не объясняет геометрически физическую сущность самой механики и механическую сущность физически геометрическую самих взаимодействий. Так есть на самом деле и в законах Ньютона, и в любых других законах механики, в том числе и термодинамических законах. Учитывая, сама природа естества в естественной природе ее же самой и сама естественная природа в природе естества самой же ее, существуя энергетически, но существуют связующими взаимодействиями и взаимодействующими связями, где нет механических взаимодействий и связей механических то же нет, то энергия природы существует энергией, но не существует энергией механической. Коль скоро природа вечна, то и энергетический источник природы суть так же вечен. Пространственная самоорганизация элементарной системы атома в элементах системности его самого, открываемая геометрической физикой атома и физической геометрией его самого, открывает немеханический энергетический источник, которым как раз энергетически и существует сама природа. Это и есть не двигающийся вечный двигатель. Здесь энергия воспроизводится без энергетических затрат на ее производство. Раз так, то и в этом случае удастся вырваться из запретительных законов описательной физики. Что уже есть достижение, ибо перед фундаментальным естествознанием, наконец-то, открывается положительная перспектива открытия вечного источника энергии и овладения им человечеством в бессмертности каждой человеческой жизни. Здесь не радиоактивность тяжелого ядерного вещества из атомов урана существует источником энергии. Здесь источником энергии существует телеактивность легкого ядерного вещества из электрического ядра гелия и радиоактивность тяжелого ядерного вещества из магнитного ядра гелия. Тождественная противоположность их геометрической физики в физической геометрии их же самих, и противоположная тождественность их физической геометрии в геометрической физике самих же их пространственно раскрывается вечным энергетическим источником, подключиться к которому уже разрешено человечеству. Здесь вечным топливом вечного источника энергии существует гелий, но существует он не веществом, а конструктивно технологической элементарной системой пространства атома из атомных пространственно системных элементов технологически конструктивных. Здесь, хотя и используется радиоактивность, но она используется в фоновой величине ее же самой. Поэтому здесь нет радиации, даже потенциально опасной для человека человечества. Здесь атом есть действительно атом мирный. /15. с. 5-61/. Есть основа-

ния утверждать, что еще капиталистическое общество успеет решить эту проблему проблем. Тогда уже откроется и иной технологически конструктивный и иной конструктивно технологический способ существования энергетической цивилизации общества, — общества в цивилизации посткапиталистического общества. Тогда придут и другие исследователи политической экономики и социологии политической.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.

ВНУТРЕННЯЯ СОЦИОЭКОНОМИКА В СОЦИОЭКОНОМИКЕ ВНЕШНЕЙ И ВНЕШНЯЯ СОЦИОЭКОНОМИКА В СОЦИОЭКОНОМИКЕ ВНУТРЕННЕЙ.

Как-то так случилось в экономической науке, что социальные аспекты общества оказались совсем вне исследовательского внимания ее же самой. То же самое случилось и с социологической наукой, поскольку экономические аспекты общества оказались вне исследовательского внимания самой же ее. Почему так случилось, понятно. — Виновата специализация человеческого познания, которая по живому разрезала общество на две науки, уже несоединяемые живым организмом самого общества. Та и другая науки ссылаются на науку политическую экономию, где социальные аспекты и аспекты экономические исследуются вместе. Подобное оправдание неоправданно. Политическая экономия соотносится с экономической наукой и наукой социологической как два различных уровня познания одного и того же и того же объекта. Только-то и всего. Поэтому нет, да и не может быть отдельных друг от друга наук, — экономической и социальной. Но есть и должны быть две науки, одна, — социально-экономическая, где приматом существует социальное, — и экономически-социальная, — другая наука, где приматом существует экономическое. Только этим наукам по силам вместе открыть законы макроэкономики в макросоциологии и макросоциологии в макроэкономике. Только эти науки исследуют внутреннюю социэкономику и социэкономику внешнюю в их неразрывном двуединстве. Любой другой подход обязательно будет односторонним и поэтому научно ущербным.

Сразу же скажу, что здесь объектом исследования существует капиталистическое общество в тех социально-экономических условиях и условиях экономически-социальных, которыми существуют ныне развитые капиталистические общества. В качестве конкретного объекта исследования я порою исследую российское капиталистическое общество, хотя капиталистически развитым капиталистическим обществом оно уж точно не существует. Чтобы сразу ответить моим оппонентам, почему, открываю и причину. Во-первых, развитые капиталистические общества существуют бо-

лее упорядоченными двуединствами экономики в социуме и социума в экономике. Но доказательно объяснить все то же самое на языке науки, если и возможно, то только в сравнении с капиталистическим обществом, где экономика в социуме и социум в экономике менее упорядочены. Российское капиталистическое общество ныне как раз и существует таковым, и, кроме этого, я сам существую этим же обществом, и мне не безразличен ответ на научный вопрос, в чем же капитализм в российском исполнении менее развит, нежели, например, капитализм в финском исполнении или исполнении чешском, или даже в североамериканском исполнении. Конечно, речь идет о сущностях, а не о явлениях. Это уже, во-вторых.

Общество существует государством, но и государство существует обществом. Где общество существует государством, там у общества есть экономическая обязанность содержать социальное государство. Не социально содержать государство, а экономически его содержать. Где государство существует обществом, там у государства есть социальная обязанность поддерживать экономику общества. — Не экономически поддерживать общество, а социально поддерживать его экономику. Здесь очень важно и поэтому принципиально не смешивать и не перепутать бюджет государства и бюджет общества. Это далеко не одно и одно и то же! Почему? — Да потому что бюджет государства формируется доходом из расходов семейных бюджетов и бюджетов предприятий. Здесь источником доходного финансирования государства существуют налоги. Семейные бюджеты и бюджеты предприятий формируются расходами из доходов собственных. Здесь источником их расходного финансирования существуют доходы их же самих. Вместе с тем, семейные доходы и доходы предприятий частью включают в себя расходы государственного бюджета, а доходы государственного бюджета частью включают в себя семейные расходы и расходы предприятий. В этом уже прямо обратном отношении двуединства доходов в расходах и расходов в доходах, государственный бюджет входит в бюджет общества, а бюджет общества входит в государственный бюджет.

Что такое экономическая обязанность общества содержать социальное государство? — Обязанность общества платить налоги и тем самым формировать доходную часть бюджета государства. Итак, налоги есть определяющая составляющая, составляющая определенность отношений экономики в социуме и социума в экономике государства в обществе и общества в государстве. Если в этих отношениях отсутствует системно элементарное понимание и понимание элементарно системное, то нет и экономически социального государственного порядка в обществе и общественного порядка в государстве социально экономическом тоже нет. Следовательно, здесь общество и государство обязательно будут перманентно находиться в состоянии противостояния друг другу, что уж точно обернется в них же самих для самих же них кризисными экономическими явлениями и явлениями социальными кризисными.

Кроме фискальной составляющей, налоги существуют составляющей стимулирующей. Если налог существует неизменной ставкой налога, то здесь чем больше налогооблагаемая база, тем больше сумма взимания налога равно как в абсолютной величине, так и величине относительной. Здесь стимулирующая составляющая налога присутствует, но присутствует со знаком минус, поскольку стимулирует налогоплательщиков занижать доходы и тем самым скрывать их полную величину. Если налог существует изменяемыми ставками налога, но ставки налога увеличиваются по мере увеличения налогооблагаемой базы, то здесь стимулирующая составляющая присутствует двойным знаком минус. Если же налог существует изменяемыми ставками налога, но ставки налога уменьшаются по мере увеличения налогооблагаемой базы, то здесь стимулирующая составляющая присутствует и присутствует со знаком плюс и для налогоплательщика, и для государства, поскольку стимулирует налогоплательщиков не занижать налогооблагаемую базу, а даже увеличивать ее. Тем самым восполняются убытки государственного бюджета от недоплаты налогов. Здесь важно соблюдать меру. Стоит только избыточно стимулировать налогоплательщиков, так они начинают искусственно завышать прибыль, — что ныне имеет место в экономике США, — но стоит только дефицитно их стимулировать, так они начинают искусственно занижать прибыль, — что ныне имеет место в экономике России. Виноваты не налогоплательщики, а налоговая система, элементы которой не сбалансированы в фискальной составляющей и составляющей стимулирующей. Соблюдать здесь меру — это пусть налоговое, но искусство уж точно в точности исполнения меры его самого.

Кроме «налогов», у государства нет иного эффективного и системного способа рыночного управления экономикой в социуме и социумом в экономике. Что означает, — иные способы есть, но они социально вредны экономике и экономически вредны социуму. — Это закон первый один.

Государство в обществе и общество в государстве существуют взаимозависимо друг в друге и, следовательно, «налоги» — это их совместный способ рыночного управления друг другом. Что означает, — можно и по иному, но иное противно взаимному доверию государства и общества. — Это закон первый второй.

Коль скоро только рыночная экономика существует экономикой, а общество в государстве и государство в обществе существуют экономическим способом управления друг другом, то их налоговые взаимоотношения отношения, кроме рыночных, другими и не могут быть. Эти отношения экономически существуют взаимовыгодными и иначе называются бизнесом. Что означает, — можно и иначе, но иначе это называется администрированием, что совместимо с государственным управлением экономикой, но не совместимо с экономическим управлением государством. — Это закон первый третий.

Государство осуществляет политическую власть, а власть политическая осуществляется административным механизмом управленческой системы, элементами которой существуют «органы» административного управления государством и государственное управление административными «органами». Органы административного управления и управление административными органами в единстве и есть все то, что существует бюрократическим механизмом в бюрократической собственности государства и существует в нем естественной государственной собственностью. Эта собственность не имеет в собственности ни частной собственности, ни общественной собственности, поскольку у государства в рыночной экономике нет, да и не может быть в государственной собственности частной собственности и собственности общественной. Что означает, — иные варианты есть, но они уже коррупцией и беспорядком вредны экономике в социуме и социуму в экономике. — Это закон первый четвертый.

Государство, противоестественно имея в собственности государственной частную собственность и собственность общественную, имеет уже собственные экономические интересы и интересы социальные собственные, и удваивает их силу, смешивая их с собственными интересами политическими. В результате государство уже политически существует собственными экономическими и социальными интересами, но в то же время интересами экономическими собственными существует бизнес в обществе и общество в бизнесе существует собственными социальными интересами. Противостояние общества в государстве и государства в обществе здесь неизбежно и оборачивается в первую очередь экономическим и социальным давлением государства на бизнес в обществе и на общество в бизнесе. Общество в бизнесе и бизнес в обществе, уже в свою очередь, стремятся как-то компенсировать подобное прямое давление давлением обратным уже на государство в обществе. Другого способа, кроме как заняться собственной политикой, здесь у общества в бизнесе и у бизнеса в обществе нет. На собственный вызов государства обществу, общество отвечает государству собственным вызовом. — Если государство бросает вызов обществу в бизнесе и бизнесу в обществе в том, что экспроприирует у них часть экономических интересов и интересов социальных, смешивая их с собственной политикой, то общество в бизнесе и бизнес в обществе в ответ бросают вызов государству в том, что экспроприируют у него часть политических интересов, смешивая их с собственными экономическими интересами и интересами социальными. Если в законе Ньютона действие равно противодействию, то здесь противодействие общества государственным действиям равно действиям государства в общественных противодействиях. Но действия общества государственным противодействиям здесь равны противодействиям государства в общественных действиях. Таков двуединый закон взаимодействий государства и общества, если государство в обществе и общество в государстве существуют противодей-

ствующими действиями. — Это закон первый пятый. Можно и иначе, но иначе, кроме бюрократической собственности, государство не должно иметь в собственности государственной частную собственность и собственность общественную.

Каждый человек, вынужденный жить в социальной системе рыночной экономики только потому, что принципиально иной системы в экономике нет по определению экономики рыночной экономикой, обязан и поэтому должен знать некую экономическую аксиому рынка. Рынок — это власть денег. Для тех, кто родом из социализма, следует отбросить советское лицемерие социализма, утверждавшего, что экономика существует советской политической властью, а ее деньгами не купишь. На самом деле, экономика, если существует экономикой реальной, то существует исключительно реальной властью денег. Деньги в экономике управляют экономикой только потому, что другого универсального измерителя любого экономического богатства общества нет, да и никогда не было. Здесь не только человек, общество и государство владеет деньгами, но и деньги владеют государством, обществом и человеком. Это — закон первый шестой. Другое дело не все богатство существует богатством экономическим, и тогда не деньги имеют принципиальное значение. Но, если речь идет об экономике, то здесь балом правят деньги, что вполне естественно для любого цивилизованного общества, в том числе и российского.

Рыночная экономика каждой страны обязательно входит в мировую рыночную экономику. Коль скоро деньги и только деньги специально существуют универсальным товаром в рынке каждой из стран, а страна из каждого рынка в товаре универсальном специально существует мировым рынком, то деньги страны существуют конвертируемой валютой. — Это закон первый седьмой. Иначе можно, но иначе мировая экономика конвертирует экономику страны, да так, что уже будет невозможно отыскать в ней логику здравого смысла.

Деньги патриотичны, если им хорошо там, где отечество не делает им плохо. Здесь деньги работают и работают на свое отечество. Иначе можно, но иначе деньги убегают из отечества. — Тогда деньги непатриотичны. Деньгам лучше не там, где отечество, если там отечество делает им там плохо, а там, где им хорошо, если даже там нет отечества. Здесь деньги работают и работают на чужое отечество. Это — закон первый восьмой. Либо — либо, но можно и иначе. Иначе это тогда, когда деньгам хорошо и в своей экономике и в экономике чужой хорошо. Но даже тогда деньги выбирают там, где лучше.

Если чем и необходимо управлять государству в экономике из экономики в социуме и в социуме из социума в экономике, то разве что управлять производительностью общественного труда. Кроме этого универсального фактора, никакой иной специально не решает проблемы качественного роста экономики и количества в ней же самой и качественного роста социума в количестве его самого. Экстенсивные факторы, хотя и

обеспечивают количественный рост экономики, но не обеспечивают качественного роста ее же самой. Следовательно, в отношениях государства и общества должен быть обозначен приоритет в экономическом стимулировании государства тех отраслей производительного потребления и потребительного производства, которые как раз и обеспечивают в экономике рост производительности общественного труда за счет интенсивных факторов. — Это разработка, производство и внедрение технически высокой технологии и технологически высокой техники, а также лицензионная покупка того же самого на мировом рынке с последующим внедрением самого же того в производительном потреблении и потребительном производстве. Это — и фундаментальная наука, но с приоритетом экономического стимулирования тех отраслей, где отечественная наука либо не отстает, либо опережает все то же самое в науках зарубежных. Здесь нужны государственные преференции для бизнеса в науке и для бизнеса в промышленности, но законодательно столь профессионально продуманные, чтобы ими не воспользовались в целях коррупции государство и бизнес. Можно, конечно, размазать приоритетность управления экономикой страны и по другим специальным аспектам, — их ведь и не перечесть, — но это уже иной вариант, — уж точно не лучший для экономики в социуме и социума в экономике. — Это закон первый девятый.

Конечно, важно собрать налоги и тем самым обеспечить доходную часть государственного бюджета необходимыми денежными средствами. Но не эта проблема есть проблема, которая решает бюджетную проблему эффективного управления экономикой. Здесь система сбора налогов должна быть заранее отработана таким способом, чтобы она сама же воспроизводила себя же саму вместе с необходимыми для бюджета денежными средствами. Если система работает иначе и поэтому требует специального управления ею, то здесь нет системы в налоговой системе и, следовательно, что-то в ней надо изменить. Эта проблема вполне решаемая, но не она существует решением государственной проблемы управления экономикой. — Обоснование государственного бюджета по расходным статьям его самого, исходя из единства интересов государства в обществе и общества в государстве в интенсивном развитии экономики, — это уже работа по управлению экономикой в социуме и социумом в экономике. Если государственный бюджет по расходным статьям готовят все заинтересованные министерства и субъекты федерации, а министерство финансов централизованно сводит их все в один бюджетный документ, то быть беде. Почему? — Да потому, что каждое министерство и субъект федерации вполне логически закономерно тянет бюджетное одеяло на себя, а министерство финансов подавляющую часть своего времени вынуждено в этих условиях тратить на поиск компромиссных решений. Оставшегося времени едва хватает, чтобы технически свести их все одним документом. Иначе быть не может, коль скоро министерство финансов по своей экономической природе есть то же самое, что и бухгалтерия, но в масштабах

всей страны. Иначе должно быть, но тогда правительство должно иметь экономически обоснованную политическую доктрину интенсивного развития экономики страны, где центральное звено — это преимущественное развитие тех отраслей, которые действительно решают дело интенсивного повышения производительности общественного труда. Какие это отрасли — это не секрет за семью печатями. Решение этой проблемы налоговой системой и расходными статьями государственного бюджета действительно решает проблему интенсивного развития экономики страны, а здесь и лежит положительное решение проблемы бедности страны. — Принципиально важно, чтобы в государственном бюджете нашли свое отражение первые девять законов. — Это первый десятый закон. Иначе можно, но иначе не будет интенсивного развития экономики страны и вместо борьбы с бедностью, с богатыми будет борьба, а она, хотя и по душе большинству населения, но приведет к еще большей бедности его самого, ибо борьба с богатыми ведет к перераспределению богатства опять же между богатыми.

Все десять законов есть все первые законы рыночной экономики капитализма. Будучи экономическими законами природы общества, все они, — в противоположность естественным законам природы, которые в явлениях не зависят от человека, — содержат в себе человеческую составляющую, что делает их все в известной мере зависимыми от человека. Известность этой меры определяется мерой человеческого невежества в знании экономических законов. Если эта мера присутствует, то она же присутствует и в управленческих решениях государства, а они уже сказываются такими явлениями в экономике, что экономика страны становится странной и даже очень. Так ли это и на самом деле?

Российская экономика, которой ныне существуют государство в обществе и общество в государстве такова, что она уже существует мировой экономикой. Здесь российский бизнес, — как один из основных игроков на нефтяном мировом рынке, — зарабатывает на благоприятной конъюнктуре цен не только профицит государственного бюджета, но и профицит в профиците в нем же самом. Речь, конечно, идет о так называемом стабилизационном фонде. Если это не явление истекших трех лет, а явление, тенденцией продолжающееся и в следующие годы, то государству в обществе и обществу в государстве надлежит иметь совместную программную позицию по тому же самому вопросу. Ныне правительство убеждает общество, что нефтяные сверхдоходы, что образуют профицит государственного бюджета, само же правительство и радо бы направить в отечественную экономику, да никак нельзя. Почему? — Да потому, что они, мол, заработаны благоприятной конъюнктурой мировых цен, но не заработаны трудом самой российской экономики, ибо рост самой российской экономики не был тем же самым, что и рос мировых цен на нефть. Не заработанные трудом деньги подобны деньгам излишне напечатанным. Такие деньги, — речь же идет о сумме в 600 млрд, рублей, — если направить их

в экономику страны, то они обязательно вызовут в ней скачок инфляции, которая съест те же деньги, да вдобавок повышением цен нанесет ущерб населению страны. Отсюда есть здравый смысл часть профицитных денег заморозить стабилизационным фондом, — на случай падения мировых цен на нефть, — а другую часть направить на преждевременное погашение внешнего долга. В этом случае, — говорит правительство, — профицитные деньги уж точно не вызовут инфляцию в отечественной экономике.

Убедительно? — Для непосвященных в таинства экономической науки и науки социальной подобные аргументы представляются вполне правдоподобными и поэтому убедительными. На самом же деле, здесь все с точностью до наоборот. Спекулятивная прибыль была, есть и будет в рыночной экономике прибылью экономически рыночно заработанной, а не свалившейся с неба из торбы господней. Эта истина верна на внутреннем рынке, и рынке внешнем все то же самое опять же верно. Иначе из внутреннего оборота каждой страны и из мирового торгового оборота пришлось бы вычитать большую часть прибыли торгового бизнеса, как экономически не заработанную ими прибыль, и на эту величину прибыли корректировать денежные эмиссии. Кто-нибудь знает о подобном прецеденте из мировой практики? — Таких знатоков нет. Почему, понятно. — За всю человеческую историю рыночной экономики не было и такого прецедента в мировой практике. Теперь есть. С чем и поздравляю родное правительство и родную партию из единства ее же самой с тем же самым правительством.

Пусть марксисты думают экономически иначе, на то они и марксисты, поскольку их экономическое образование производно от «капитальной» политической экономии, где Маркс учил, что труд производит стоимость, и прибавочную стоимость производит прибавочный труд, а спекулятивная прибавочная стоимость трудом, разумеется, не производится и поэтому не заработана экономикой. Если пользоваться этой марксистской логикой, то правительство не ошибается, не пуская работать на внутренний рынок нефтяные сверхдоходы, полученные спекулятивным путем на мировом рынке. Принципиально ошибается правительство в ином. — Логика марксистская есть ошибочная логика, поскольку ошибочно определять стоимость трудом. На самом деле, стоимость определяется рынком, а цена, в том числе и нефти, — рыночным соотношением спроса и предложения. Похоже, что члены правительства, отвечающие за экономику, как были марксистами в экономике, так и остались ими же. Ничего удивительного. Их высшее экономическое образование, полученное ими из политических рук еще СССР, и не могло быть другим.

Уже около двух лет в мировой экономике наблюдается процесс падения курсовой цены доллара по отношению к другим конвертируемым валютам. Что наблюдается и на валютном рынке России. Естественно, повышение курсовой цены рубля снижает экономическую эффективность

российского экспорта, в том числе и нефтяного. Это, во-первых. Во-вторых, так уж экономически случилось, — и не без объективных причин, — что большая часть денежных сбережений населения удерживается населением в долларах. В условия падения курсовой цены доллара обесцениваются и долларовые сбережения российского населения. Что делать? — Разумеется, надо рублевыми интервенциями сдерживать падение курсовой цены доллара. Так Центральный Банк и делает почти уже два года. Учитывая, что в то же самое время ему приходится в обязательном порядке еще и покупать часть валютной выручки экспортеров, то за время сдерживания падения курсовой цены доллара Центральный Банк заработал на отечественной валютной бирже аж 90млрд. валютных долларовых запасов. Расплачивался центральный банк рублями. Где он их брал? Нет не у правительства из государственного бюджета. Закон юридически запрещает, что экономически правильно. Он их печатал и такими печатными рублями расплачивался за доллары. Печатные рубли попали в жерла отечественной экономики в размерах, пропорциональных долларovým запасам центрального банка, а в рублевом эквиваленте они равны 2 триллионам 700 миллиардам рублей. Вот аж какую печатную денежную массу переварила российская экономика за последние 2 года и, надо же, ничего кризисного в ней и с ней не случилось. Галопирующей инфляции нет, а та инфляция что есть, вполне приемлема для нынешнего состояния экономики. Профицитные деньги от сверхнефтяных доходов в сумме 600 млрд, рублей, что правительство так боится направить в собственную экономику из-за угрозы вызвать в ней резкий скачок инфляции, составляют всего-то 18%.

Все это не скрыто за семью печатями от самого правительства. Тем не менее, правительство из-за угрозы инфляции направляет профицитные деньги в стабилизационный фонд, вместо того чтобы направить их работать в собственную экономику. — Получается, что в правительстве нет экспертов по рыночной экономике, а само правительство уж точно не эксперт в этих вопросах. Хотя и оно должно быть экспертом в капиталистической экономике, иначе, — это социалистическое правительство.

Что же получается? Получается же вот что. — Все что получено отечественным бизнесом и государством на мировом нефтяном рынке за счет относительно высоких нефтяных цен — это рыночно заработанные деньги, подчеркиваю, деньги, заработанные рыночной экономикой. Деньги — это товар в деньгах из денег в товаре, а товар — это деньги в товаре из товара в деньгах. — Это аксиома рыночной экономики. Сидеть на деньгах без участия их в рыночном обороте взаимоотношений производительного потребления и потребительного производства — это отказаться от экономического закона, что деньги только тогда и тогда только есть деньги, когда они работают и зарабатывают еще больше денег. — Здесь деньги идут к деньгам. Без работы деньги не деньги. — Здесь деньги бегут от денег. Как деньги, заработанные и направленные государством и бизнесом

на внутренний рынок потребительного производства и производительного потребления, чтобы там работать и работать там, они обязательно отзовутся в экономике качественным ростом ее же самой и количеством ВВП в самой же ней. Отказываться от всего то же самого есть дело противное самой логики экономики в социуме и самой логики социума в экономике.

Правда, есть подозрение, что приводимые самим правительством аргументы есть скорее видимая часть айсберга, тогда как невидимая его часть существует другой причиной, в силу которой сверхнефтяные доходы по решению правительства не идут инвестициями в отечественную экономику. — Есть основание полагать, что правительство столь не доверяет экономике собственной страны, что предпочитает хранить «свободные» государственные деньги в чужих странах и, разумеется, под низкие проценты. Здесь рисков меньше. Если правительство действительно не доверяет собственной экономике, что ж, тогда подобное размещение денег уж точно имеет здравый смысл. Здесь общество с правительством уж точно не постоят за ценой доходности. Только точно также надо об этом прямо и сказать обществу. — Мол, плохо пока управляемся с собственной экономикой, да и экономика собственная еще во многом теневая экономика. Поэтому пока надежнее свободные государственные деньги хранить в чужой экономике, хотя, конечно же, тем самым мы развиваем не свою экономику, а экономику чужую. Вот подлечим собственную экономику, выведем ее на чистую воду, тогда и свободные государственные деньги обязательно будем вкладывать в нее же. — Правда, конечно, трудная и для правительства нелицеприятная, но зато честная. Кто знает, может народ и поймет такую государственную правду и согласится с правительством. Если же не согласится, то хотя бы по достоинству оценит честность правительства. Пока же правительство экономически играет в темную с народом, а народ в ответ играет в темную экономику с государством, государство в обществе и общество в государстве еще дальше и дальше отдаляются друг от друга недоверием друг к другу. — Надо ли это государству и обществу?!

Правда, думая так, правительство должно бы озаботиться созданием необходимых экономических и социальных условий, взаимовыгодных бизнесу и государству в совместном решении проблемы надежности собственной экономики. Увы, но таких действий не наблюдается в действиях правительства. Если таких действий все еще нет, а, напротив, есть действия обратные и поэтому даже деньги отечественного бизнеса бегут из нашей страны в страны зарубежные, чему же тогда удивляться, что вместе с бизнес-деньгами туда же бегут и государственные деньги, имея в виду нефтяные сверхдоходы государственного бюджета. Что-то надо делать. Даже понятно что, но что-то ничего должного не делается, а что делается, то никак не должно делаться.

Конечно, отдавать долги тоже надо. Надо ли преждевременно отдавать долги? — Здесь надо экономически считать. Если доходность вложе-

ний в собственную экономику ниже, нежели расходы по обслуживанию внешнего долга, то экономически выгоднее преждевременно отдавать внешние долги. Если же имеет место все то же самое с точностью до наоборот, то преждевременно долги отдавать экономически себе в убыток. Я не без доказательств утверждаю, что доходность российских вложений в собственную экономику много выше, нежели российские расходы по обслуживанию внешнего долга. Поэтому решение правительства направить часть профицитных средств на преждевременное погашение внешнего долга есть экономически ущербное решение и, прежде всего, для российской экономики.

Обжегшись в 1992-1994 годах на молоке галопирующей инфляции, правительство ныне дует на воду десяти процентной инфляции, боясь, как бы она не вздыбилась вновь галопом. Ведь правительство исходит из того, что денежная ценовая масса в экономике зависит от суммарной трудовой стоимости товарной массы и скорости ее оборачиваемости. Такое мнение восходит к азам марксистской политической экономии, и проникло в кровь и серое вещество всех тех, кто учился экономике по социально экономическому курсу марксизма и трудам его эпигонов. Российские члены правительства здесь не исключение. Они тоже уверены, что в этом общем мнении и заключена экономическая истина. Должен разочаровать. — Все совсем не так! Все не так для экономики в социологии и социологии в экономике, которые не закрыты робинзонадой, как у Маркса и Ленина, а открыты и включены в мировую экономику и социум мировой. Российская экономика и социум российский ныне как раз из их числа. Кроме того, пора бы знать, что цена выражает не трудовую стоимость товара, а рыночную стоимость товара!

Инфляция, как процесс роста потребительских цен на товары при неизменном их качестве, конечно же, производна от излишества эмиссионных денег в экономике, — такие случаи есть случаи с военной экономикой в экономике воюющих стран. Инфляция производна от дефицита государственного бюджета, где бюджетный дефицит покрывается не внутренними заимствованиями и заимствованиями внешними, а дополнительным выпуском эмиссионных денег. В одном случае инфляция преодолевается миром воюющих сторон, а в случае другом инфляция так же преодолевается, но со знанием причин, вызывающих дефицит государственного бюджета. Получается, что дефицит государственного бюджета только видимая часть айсберга под названием инфляция. Что же за причина ответственна за дефицит в государственном бюджете? — Оказывается, все просто. — Это экономически чрезмерные государственные обязательства в обязательствах государства перед институтами государства и общественными институтами. Откуда же берется подобного рода экономическая чрезмерность? — Из популистских законов законодательного собрания. Депутаты политически подчиняются не знаниям экономических законов, а избирательной воле населения жить богаче и богаче не благодаря собственному

труду и его экономическим законам, а благодаря юридическим законам, экономическое исполнение которых даст в руки избирателей не способ, как зарабатывать больше и больше, а нечто иное и сразу же в живых деньгах. Что эти деньги в макроэкономическом отношении есть деньги пустые, — избиратели не понимают и знать не хотят, ибо понимают и знают только одно и одно только, — деньги есть деньги, и пустыми они не бывают в руках их же самих. Виноват не только депутат, но виноват и избирательный народ, и виноват в том, что экономически не образован государством в той мере экономических знаний, которые бы исключали в народе подобного рода экономические требования. Но включали бы требования к государству в обществе и к обществу в государстве создать такие экономические условия и условия социальные для народа, чтобы народ не просил денег у государства, а сам зарабатывал их социально экономическими условиями существования общества. Тогда одна из причин дефицита государственного бюджета уж точно исчезла. Но эта причина не единственная. Есть и другая причина. Суть ее заключается в том, что государство в обществе капиталистическом, подменяя экономическое управление государством государственным управлением экономикой, тем самым гигантски ограничивает товарный рынок общества в государстве. Почему? — Да потому, что не развивает экономическую емкость рынка и тем самым искусственно сужает экономические и социальные границы самого рынка.

Ценовая денежная масса обслуживает ценовую емкость капиталистического рынка в рыночной экономике. Чем больше ценовая емкость рынка, тем больше требуется рыночной экономике эмиссионных денег. Конечно, если за емкость рыночной экономики принять количественно сложившийся рынок и рынок качественно не развивающийся, то эмиссионная емкость такого рынка полностью зависит от количественных параметров самого рынка. Емкость же рынка увеличивается не столько количественным увеличением производства товаров, сколько увеличением прироста новых рынков в рыночную экономику. Здесь каждый качественно новый рынок есть рыночный товар! Если в рыночный оборот вводятся леса и лесные биоресурсы, вода и ее биоресурсы, земля и ее недроресурсы, капиталы и инвестиционные ресурсы, кредиты и кредитные ресурсы, биржевые ресурсы валютные, фондовые, трудовые, сырьевые и товарные и ресурсы частной собственности в виде «заводов, газет, пароходов». Вводятся в рыночный оборот, наконец, эмиссионные ресурсы конвертируемости рубля, и при этом правительство экономически стимулирует развитие собственных новых рынков, — да в этих рыночных условиях рыночной экономике потребуется такая ценовая масса эмиссионных денег, что правительству и центральному банку придется еще искать дополнительные производственные мощности для печатания дополнительных денег. Здесь скорее дефляция, нежели инфляция появляется в экономике.

Дефляция, как процесс снижения потребительских цен при повышении качества товаров, производна от законодательных действий, экономи-

чески стимулирующих бизнес в обществе и общество в бизнесе интенсивно развивать собственный бизнес. Дефляция зависит от государственного бюджета, если в бюджете государства имеется профицит, а он раскрывается опять же в бюджете инвестициями в интенсивное развитие экономики собственного общества. Инфляция и дефляция есть противоположные друг другу экономические процессы, но они не противостоят абсолютно друг другу, а существуют абсолютно относительным их прямым единством из единства инфляции в дефляции и существуют относительно абсолютным их обратным единством из единства дефляции в инфляции. Где имеет место единство инфляции в дефляции, там приматом существует дефляция, что на поверхности экономической жизни общества проявляется стабильностью цен или их снижением и ростом покупательной способности общества при неизменном абсолютном уровне его доходов, но в относительном их увеличении. Где имеет место единство дефляции в инфляции, там приматом существует инфляция, что на поверхности экономической жизни общества проявляется стабильностью повышения цен и снижения роста покупательной способности общества при неизменном абсолютном уровне его доходов, но в относительном их уменьшении. Инфляция и дефляция существуют одновременными процессами, но совершаются они не в одном и одном и том же общественном месте, и инфляция и дефляция существуют в одном и одном и том же месте общества, но тогда совершаются разновременно. Все это надо знать всем экономистам еще со студенческой скамьи, в том числе и экономистам правительственного уровня управления. Иначе неизбежны заблуждения в ошибках и ошибки в заблуждениях неизбежны, что отягощает экономическое управление экономически кризисными явлениями общества в государстве и государства в обществе.

Теперь о другом. Что-то не видно здравого логического смысла в нынешних действиях правительства и центрального банка на валютном рынке. Еще более не видно того же самого смысла в объяснениях, которыми правительство и центральный банк разъясняют действия их же самих. Для начала об экономических «терминах», ибо так, как оперируют экономическими терминами центральный банк и правительство, то им место в государственном управлении экономикой, а не в экономическом управлении государством. Что я имею в виду? Прежде всего и всего прежде, речь идет о терминологии, что употребляется правительством и центральным банком, для обозначения повышения или понижения курсовой цены рубля, или доллара, или евро, — любой валюты, котирующейся на внутреннем или внешнем валютных рынках. Если курсовая цена, например, рубля поднимается либо опускается, то центральный банк вместе с правительством говорят об укреплении рубля либо об ослаблении рубля. Народ слушает и верит. Как не верить, коль все это слышится из столь высоких уст. Поднялся рубль, значит, рубль укрепился, а укрепился, конечно же, это лучше нам всем, нежели опустился и ослаб все тот же рубль. Ведь речь

идет о национальной валюте России. Тем более хорошо на душе у народа, если российский рубль укрепляется, а американский доллар в то же самое время слабеет. Еще от советских времен народу известно. — Чем хуже Америке, тем лучше России. Понять подобную терминологию в кухонном разговоре про рубль и доллар, конечно же, можно. Но оправдать ее теми же самыми разговорами государственных органов из экономического управления государством, — нет уж, увольте. Деньги — это товар, товар специфический — уж точно, но точно уж товар с ценой в нем же самом. Цена может увеличиваться либо уменьшаться, но укрепляться или слабеть, — это уж точно «фундаментальное открытие» правительства и центрального банка.

Деньги не имеют национальной принадлежности. Поэтому такой валюты как валюта национальная, и не существует в экономике. Рубль — это валюта российской экономики, но российское здесь обозначает не национальность, а географическую принадлежность экономики общества той или иной государственной территории страны на планетарной Земле. Иначе мыслить можно, но вредно для самой экономики в социуме и для самого социума в экономике. Эта истина должна быть известна не только государству в обществе и обществу в государстве, но и каждому человеку еще со школы. Иначе в головы людей проникают путаница и заблуждения, а они обязательно оборачиваются ошибками, да притом еще и заблуждениями фундаментального порядка.

Если рубль дорожает, а доллар дешевеет, то это выгодно тем, кто в России занимается бизнесом на импорте товаров. Импортёры конвертируют рубли в доллары по более низкому курсу доллара и на одну и ту же рублевую сумму получают больше долларов. Но тем, кто занимается в России бизнесом на экспорте товаров, тем невыгодно повышение курсовой цены рубля. Валютную выручку им приходится конвертировать в рубли по более высокому курсу рубля, и на одну и ту же массу долларов экспортеры получают меньше рублей. Оказывается, удорожание рубля «бьет» по экспортерам, а экспортеры приносят в государственный бюджет России около 70 % от его доходной части, тогда как все то же удорожание рубля выгодно импортерам, но они приносят в бюджет всего-то 25 % от его доходной части. Если взвесить эти части весами доходной части государственного бюджета всей страны, то в подорожании рубля больше невыгодного для экономики России, нежели выгодного для нее же самой. Положение с относительно высокой курсовой ценой рубля к тому же дополнительно невыгодно для российских экспортеров, коль скоро все еще действует положение об обязательной продаже импортерами части валютной выручки.

Что в этих экономических условиях должны делать правительство и центральный банк? Во-первых, научиться искусству регулировать этот процесс, да таким способом, чтобы убытки экспортеров от подорожания курсовой цены рубля обернулись увеличением налогооблагаемой прибыли

импортеров. Во-вторых, отменить обязательную продажу экспортерами своей валютной выручки даже и в 10% части ее же самой, чтобы она не присутствовала на валютном рынке и искусственно не увеличивала в нем объем предложения по доллару и тем самым не понижала и дальше его курсовую цену. Ибо существующий спрос на доллар и так гораздо ниже долларового предложения. Что же на самом деле делает Центральный Банк? Он даже не отменяет нерыночную меру в части обязательной продажи экспортерами валютной выручки, тем самым искусственно повышает предложение доллара, но сам же и снимает это давление все большими и большими покупками долларов на том же самом рынке. Абсурд? — Еще какой! Правда, скупая не пользующиеся спросом доллары, Центральный Банк стремительно наращивает собственные валютные запасы. Но толку-то от них нет для экономики, если они не используются ею же самой, а лежат в государственных хранилищах. Более того. Россия, будучи экономически бедной страной, имеет золотовалютные запасы, которые не имеют большинство экономически богатых стран. Где логика?! — Искать ее бесполезно, поскольку логики нет и во всей российской экономике, где экономика, — как утверждает правительство, — прирастает ежегодно шестью процентами в год, а капитализация российского фондового рынка, если не падает абсолютно, то относительно темпов роста экономики уж точно падает. В здоровой экономической логике такого уж точно не должно было быть, но ведь такое есть и, следовательно, экономика российская ныне существует не в здравом рассудке ее же самой. Странная у страны экономика. Что ж, какое управление экономикой такая и экономика.

Девальвация и ревальвация — это два противоположных процесса, которые не противостоят друг другу, а вместе действуют в экономике. Но отражаются в ней то повышением курсовой цены валюты страны относительно валют других стран, — это и есть ревальвация, то отражаются понижением курсовой цены валюты страны относительно валют других стран, что и есть девальвация. Девальвация и ревальвация — это не обязательно резкое и быстрое понижение или повышение курсовой цены валюты. Это — эволюционные процессы, но они обладают и революционной составляющей. Это и революционные процессы, но они обладают эволюционной составляющей. Я говорю об этом потому, что этими процессами дозволено управлять, но делать это надо со знанием макроэкономических законов и законов макросоциальных.

Вот тому еще одно доказательство. В российской экономике курсовая цена рубля, если понижается, то понижается, как правило, по причине кризисных явлений в собственной экономике. Если же курсовая цена рубля повышается, то повышается, как правило, не потому, что устраняются кризисные явления, а потому, что понижается курсовая цена доллара, а понижают его курсовую цену не столько стихийная экономика США, сколько администрация США и Резервный банк экономически продуманными управленческими решениями в собственной экономике, включенной

в экономику мировую. Получается, что российской экономикой управляет экономика американская, причем управляет не стихийно, а вполне осознанно. Правда, экономика американская одновременно управляет не только российской экономикой, но и теми экономиками других стран, у которых экономика так или иначе, но включена в мировую экономику. В этом случае, разве что экономика Северной Кореи не управляется экономикой США. Учитывая, что экономике России более выгоден экономический курс США на повышение курсовой цены доллара, — в этом случае снижается курсовая цена рубля и российский экспорт оказывается в экономически более выгодном положении, — то политические интересы России совпадают с политическими интересами США именно в этом экономическом курсе. «Что» заставляет США снижать курсовую цену доллара, «то» и есть причина снижения его курсовой цены. Это «что» есть бюджетный дефицит и дефицит внешнеторгового баланса США. Чем же экономически вызван это дефицит в дефиците? — Непомерно высокими для экономики США мировыми ценами на нефть. Что же получается? — Получается же вот что.

Российская экономика, существуя одним из ведущих игроков на нефтяном мировом рынке, в рынке мирового нефти вносит свой повышающий вклад в дело понижения курсовой цены доллара, что оборачивается для российской экономики невыгодным вкладом в дело повышения курсовой цены рубля. Надо сказать, что та же самая экономическая ситуация и в других странах-экспортерах нефти, коль скоро бюджетная экономика их всех ориентирована на получение доходов главным образом от экспорта нефти. В этих условиях всем странам-экспортерам нефти экономически выгоднее согласовать объемы продаж нефти на мировом нефтяном рынке, чтобы предложение по продажам нефти несколько опережало объемы спроса на нее же. Тогда мировые цены на нефть начнут снижаться, но экономические потери стран-экспортеров нефти здесь будут много меньше, нежели их же экономические потери от повышения курсовых цен собственных валют. Россия обязательно должна иметь здесь собственное и активное влияние. Пока же России нет в странах ОПЕК, нет и должного ее влияния на экономическую политику мировых нефтяных цен. Учитывая, что правительство само же, да притом сознательно не торопится вступать в мировой нефтяной клуб, то, видимо, только потому, что не понимает экономического существа этой фундаментальной проблемы. Иначе как еще объяснить, пассивность России в этом вопросе вопросов.

Как ни неприятно это звучит для слуха известной части российского народа, но Россия и все остальные страны-участники мирового рынка экономически заинтересованы в стабильности положительного развития экономики США. Ничего неприятного в этой правде нет, поскольку правда, она и есть правда. Правда же в том, что экономика США занимает около 35 % в экономике мировой. Имей российская экономика в мировой экономике собственную конвертируемую валюту, то не только США, но и

Россия могла бы сама управлять процессом снижения-повышения курсовой цены рубля. — Господа правительство и центральный банк! Согласимся, наконец, одно дело, если нам из-за рубежа понижают либо повышают курсовую цену рубля, и совсем иное дело, если мы сами делаем то же самое с собственным рублем.

Здесь основной закон — это закон конвертируемости валюты страны. Если этот закон не выполняется в национальной экономике, то и запрещено управлять процессами девальвации в ревальвации и ревальвации в девальвации. Вопрос заключается в том, надо ли делать российскую валюту конвертируемой, чтобы управлять этими процессами? — Да, надо и надо было делать еще вчера вместе и одновременно с процессом выхода российской экономики в экономику мировую. Случилось же так, что экономика России уже вышла в мировую экономику, но валюта страны, так и осталась внутренне конвертируемой валютой страны. Подобного действия не должно было быть, будь правительство и центральный банк экономически компетентным правительством и центральным банком и, следовательно, экономически ответственными за свои действия. Здесь же, получается, и спросить не с кого.

Российскую валюту надо еще вчера было делать валютой конвертируемой еще и потому, что конвертируемая валюта страны гигантски расширяет ценовую емкость внутреннего валютного рынка страны до размеров международного валютного рынка. Тем самым печатные деньги, если они и имеют место в национальной экономике, то удельный их вес в национальной экономике пропорционально уменьшается с увеличением ценовой емкости внутреннего валютного рынка до размеров международного валютного рынка. Отсюда уменьшается и давление печатных денег на национальную экономику. Иначе говоря, конвертируемых денег разрешается печатать больше, но в этом случае даже меньшей будет инфляция. Этим инструментом успешно пользуются администрация США и североамериканский резервный банк. Количество бумажных долларов США в курсовых ценах их же самих много-много превышает ценовые потребности внутреннего рынка США, но доллар США, существуя ведущей конвертируемой валютой, существует уже международным валютным рынком, да и рынком товарным существует, а этот рынок не есть только американский рынок. Здесь ценовая чрезмерность количества печатных долларов относительно внутреннего рынка компенсируется международной емкостью рынка. Учитывая, что доллары США продаются Резервным Банком США другим американским банкам, а те уж продают их банкам других стран за реальные, а не напечатанные деньги, то таким остроумным рыночным способом экономика США конвертирует свои напечатанные деньги в деньги уже экономически реальные, то есть рыночно заработанные деньги. Поэтому от чрезмерного печатания долларов внутренняя экономика США не только не слабеет, а все более и более укрепляется. Эта тайна, если и скрыта, то только от российского правительства и цен-

трального банка. Иначе, как еще объяснить, почему российская экономика вышла в экономику мировую без конвертируемого рубля и тем самым оказалась падчерицей, а не родной экономикой в экономике мировой. Иначе, как еще объяснить, что российская экономика уже понесла огромный экономический ущерб от отсутствия конвертируемого рубля, да продолжает и ныне нести потери от того же самого.

Не грех российскому правительству совместно с центральным банком поучиться у администрации США и Резервного Банка искусству использования конвертируемости собственной валюты в качестве высокоэффективного инструмента для управления процессами ее девальвации и ревальвации в экономических интересах собственной экономики. Стоит только понижать курсовую цену доллара относительно других конвертируемых валют, — что достигается повышением ставки рефинансирования резервного банка, — так сразу же экспортеры США получают преимущество на внутреннем рынке, но на рынке внешнем получают преимущество импортеры США, — ведь американский бизнес существует внутренним рынком и рынком внешним. К тому же экономика США становится более привлекательной для тех, кто потребляет ее производство. Стоит только повышать курсовую цену доллара относительно других конвертируемых валют, — что достигается понижением ставки рефинансирования резервного банка, — так сразу же все меняется местами. Теперь уже импортеры США получают преимущество на внутреннем рынке, но на рынке внешнем получают преимущества экспортеры США. К тому же экономика США становится привлекательной для тех, кто производит ее потребление.

Получается, что с понижением курсовой цены доллара, — что есть процесс девальвации, — экономика США получает экономическое преимущество перед экономиками, где валюты полностью конвертируемы или конвертируемы частично. Более того. Экономика США девальвационным способом ликвидирует платежный дефицит внешнеторгового баланса и бюджетный дефицит за экономический счет мирового рынка, куда входят другие страны. Этот процесс как раз и наблюдается ныне. Если же обнаруживается только бюджетный дефицит, то курсовая цена доллара повышается, что есть процесс ревальвации. Здесь экономика США не получает экономического преимущества на мировом рынке, но на внутреннем рынке США получают экономическое преимущество те отрасли экономики, экстенсивное развитие которых как раз и снимает проблему государственного бюджетного дефицита. Повышение курса доллара делает экономику США, прежде всего, экономически привлекательной для нее же самой, ибо она же в основном и производит собственное потребление. То же самое, но в меньших размерах и с меньшим успехом, делают экономики всех стран, где валюта страны есть конвертируемая валюта. Надо отдать должное правительственным экономистам США. Они научились управлять этими процессами столь тонко и верно, что их искусству эко-

номического управления надо научиться и нашим экономистам. Без конвертируемости собственной валюты всего этого не сделать.

Если в стране имеет место устойчивый экономический рост, и рост вызван главным образом за счет интенсивного роста производительности общественного труда, то порядок курсовой цены валюты страны должен оставаться таким, какой он есть. Здесь нет необходимости вмешиваться в управление этими процессами. Пусть идут, как идут. Учитывая, что подобное состояние экономики есть исключительное состояние ее же самой, то этими процессами без потерь можно и должно управлять. Стихийное управление тоже возможно, но, как правило, невозможно без потерь. Здесь важно понять, что девальвация и ревальвация существуют вместе одним процессом, но то верх берет девальвация в ревальвации и тогда на поверхности экономической жизни заметна только девальвация, то верх берет ревальвация в девальвации, и тогда заметна только ревальвация. Поэтому ревальвация и девальвация — это не скачкообразные процессы, а процессы эволюционные, но в них может присутствовать и революционная составляющая. Все это есть азбука экономического управления и не знать ее, или, что еще хуже, игнорировать ее — есть дело уж точно экономически ущербное для страны.

Российскому правительству и центральному банку обязательно надлежит принять решение о конвертируемости рубля. Чем быстрее, тем лучше для экономики России. Причем экономические преференции, которые получает экономика России, в случае конвертируемости рубля, просто гигантские, а затраты всего-то ничего. — Экономически точно и строго с научным пониманием существа дела ввести этот процесс в экономическую практику внутреннего рынка в единстве с рынком внешним, но, отдавая себе отчет в том, что единство внутреннего рынка в рынке внешнем и единство рынка внешнего во внутреннем рынке есть столь же противоположные экономические единства, сколь же прямая экономическая связь противоположна связи экономически обратной.

Если вмешательство государства в рыночную экономику максимально минимально и идет в русле понимания экономических законов рыночной экономики, то рыночная экономика отзывается вполне адекватными экономическими явлениями и явлениями социальными. По крайней мере, здравый смысл логики в них обнаруживается уж точно. Чего никак не скажешь о российской экономике нынешнего образца. Почему? — Все просто. Нынешнее вмешательство государства в рыночную экономику есть не максимально минимальное, а минимально максимальное.

К примеру, удешевление доллара к рублю обязательно должно сопровождаться снижением российских цен на импортируемые товары американского происхождения, но удешевление рубля к евро обязательно должно сопровождаться повышением российских цен на импортируемые товары европейского происхождения. Что же наблюдается на самом деле? — Дорожают и те товары, и товары другие. Где же логика? — Логика есть,

но заключается она в отсутствии экономической логики правительства в управленческих воздействиях на российскую экономику.

Наконец, о ценах на бензин. Здесь российский рынок в абсолютных ценах на бензин сравнился с рынком североамериканским. Вместе с тем, даже экономисту средней руки известно, что не абсолютные показатели, а показатели относительные есть реальные показатели в экономической реальности жизни общества. Учитывая, что российский средний уровень оплаты труда уступает североамериканскому в 7-8 раз, то российские цены на бензин в относительных ценах для покупателя в те же 7-8 раз выше цен североамериканских. О равенстве цен на бензин здесь и говорить не приходится! Ладно бы только цены на бензин, но ведь и прочие товарные цены стремятся на российском рынке действовать точно так же. Россия, существуя относительно богатых капиталистических стран экономически еще относительно бедной страной по уровню душевого дохода, живет по потребительским ценам богатых высокоразвитых капиталистических стран. Вот аж как! В здравой логике экономики подобного экономического казуса никак не должно было случиться с российской экономикой. Однако ж протрем глаза. Ведь случилось. Случилось при всем том, что США почти 80% своих потребностей в бензине удовлетворяют за счет импорта нефти, тогда как Россия полностью удовлетворяет свои потребности в нефти за счет собственного производства. Где же здравый смысл в логике российской экономики? — Его нет. Искать его бесполезно, поскольку вмешательство российского государства в собственную экономику не максимально минимальное, а минимально максимальное. — Это и понятно. Вместо капиталистического экономического управления государством, — как должно быть в капиталистическом обществе, — в России существует все еще социалистическое государственное управление экономикой.

Пытаясь оправдаться перед народом, господа из правительства нам объясняют, что розничная цена на бензин производна от мировых цен на нефть и, следовательно, в законах рыночной экономики цена на бензин, что в России, что в США будет, если и отличаться, то незначительно. Такова, мол, плата России за рыночное вхождение ее внутренней экономики в экономику мировую. — Логично? — Для обывателя, да. Для научно посвященного в тайны экономики, эта логика, если не обман, то самообман уж точно. Что уже доказывается бензиновыми ценами относительно душевого дохода. — К тому же я спрашиваю. — Господин правительство, что же это за экономика в России такая, что входит в мировую экономику частями, а не сразу всей целостностью ее же самой. Так ведь не должно быть, если, конечно, у нашего правительства с экономической логикой все в полном здравом порядке. Мало того, что внутренняя экономика частью входит в экономику внешнюю, — что принципиально противостоит, — но к тому же она входит не той доходной частью, которая касается оплаты труда, а частью той, которая расходная из доходной части. Это уж точно противостоит вдвойне.

Экономика есть живой организм, а он неделим на части без того, чтобы не умертвить его. Либо российская экономика всем своим организмом входит в мировую экономику, либо не входит туда совсем. Частью войти туда возможно, но выходить оттуда придется уже целиком и с потерями. Причем, конечно же, на выходе экономика окажется обязательно израненной уже тем, что отрезанной частью вошла туда. Все остальное доделает с нашей экономикой обратная связь мировой экономики с экономикой российской. Уж она изуродует до неузнаваемости здравый смысл в логике ее же самой. Так и случилось. Оказывается, государство в лице правительства, отрезая от внутренней экономики некую часть и запуская эту часть внутренней экономики в мировую экономику, тем самым грубо и бесцеремонно вмешивается в собственную рыночную экономику, неделимую на части. Наказание обязательно следует. Но наказывает за все это экономику внутреннюю уже обратная связь внешней экономики в экономике внутренней. Ответственность за все содеянное несут здесь государство в правительстве и правительство в государстве. Вернее, отсутствие у них должной экономической компетентности в понимании макроэкономических проблем двуединства внутренней социэкономике в социэкономике мировой и социэкономике мировой во внутренней социэкономике. Отсюда и подмена экономического управления государством государственным управлением экономикой. Подмена невольная, но она есть и в этом суть порочности правительственного дела управления российской экономикой.

Конечно, исследуемые проблемы не исчерпывают всей проблематики макроэкономике в макросоциуме и макросоциума в макроэкономике. Да здесь я и не ставил такой задачи. Для меня важно было доказать необходимость научного и непременно элементарно системного понимания макроэкономике и не отдельно от макросоциума, а в их не одном и одном и том же единстве. Без всего этого не объяснить и не понять необходимость экономического управления государством и необходимость административной реформы государственного управления из экономической сущности самого же его и из социальной сущности общества в нем же самом.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2.

О СУЩНОСТИ АДМИНИСТРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВОМ В ГОСУДАРСТВЕ И ГОСУДАРСТВОМ В ОБЩЕСТВЕ.

Не только государство управляет обществом, но и общество управляет государством. В естественной самоорганизации государственной собственности не места для частной собственности и собственности общественной, но есть место для бюрократической собственности. Что же существует содержанием этой собственности? — Управленческое содержание, — вот что. Чиновничий класс должен быть, следовательно, равно как в собственности государства из государства в обществе, так и в собственности общества из общества в государстве, то есть чиновничий класс должен существовать их двуединой собственностью. Это означает, что чиновничий класс существует управленческими отношениями с гражданским обществом, а общество гражданское существует отношениями управленческими с классом чиновников. Никаких экономических отношений между ними нет и не должно быть, ибо в собственности государственной нет частной собственности.

Чтобы не было по пословице, «кто платит, тот и заказывает музыку», а платит чиновникам государство, — так думают чиновники, — то здесь само государство обязано разъяснить чиновничьему классу, что оплачивает его услуги государству и обществу не государство в обществе, а общество в государстве. Государство здесь всего лишь посредник, поскольку собирает налоги. Налоги же платит общество. Чиновничий класс государства обезличенно содержится на деньги налогоплательщиков и не должен иметь в арсенале своих услуг таких услуг, что оплачиваются обществом сверх того, что уже вперед проплачено обществом налогами с самого же его. Не государственные интересы существуют у чиновников приоритетными интересами, и не интересы общественные существуют у них интересами приоритетными, а совместность или совместимость их интересов существует основным и поэтому приоритетным содержанием труда чиновничьего класса, ибо на самом деле он слуга двух господ.

Почему же, например, российское государство ныне всякий раз стремиться показать и доказать обществу все то же самое, но с точность до

наоборот? — Если чиновничий класс ныне повернут лицом к самому себе и государству лицом, то только потому, что он в собственности только у самой государственной «власти». Да еще потому, что вопреки естеству его самого, — по объективным причинам субъективного порядка и по субъективным причинам объективного порядка, — но российское государство противоестественно все еще имеет в своей собственности частную собственность, собственность общественную и монопольную собственность на денежный печатный станок. Что оборачиваются для народа властью государства над обществом и, следовательно, властью чиновничьего класса над народом. Поэтому в российском обществе и нет гражданского общества. Вместо того, чтобы служить народу, государство в этом случае уже заставляет народ служить ему. Что вполне логично продолжается чиновниками, коль скоро точно такой же логикой существует и власть государства над обществом.

Чтобы изменить существующий и противоестественный порядок вещей, надо все поставить с головы на ноги, то есть рыночным механизмом приватизации изъять из государственной собственности собственность частную и общественную собственность и поставить печатный денежный станок под совместный контроль центрального банка и парламента. Тогда чиновничий класс государства останется без собственных экономических интересов, поскольку в бюрократической собственности не будет экономической составляющей. — Следовательно, депутатам в законодательно юридическом порядке следует конституционно закрепить все то же самое. Тогда будут созданы экономические и социальные условия для появления гражданского общества, а политическая власть государства над обществом превратится в двуединую власть общества в государстве и государства в обществе. От этого конституционного изменения выигрывают и государство, и общество. Не только потому, что, наконец-то, они идут к взаимному доверию, но и потому, что здесь нет ни власти государства над обществом, и нет власти общества над государством. Здесь государство и общество равновелики в своих отношениях друг с другом. Вот где и в чем скрывается фундаментальная сущность административной реформы существующего административного механизма государственного управления. Как только подобное свершится и на самом деле, так в чиновничьих головах все логически поменяется местами и станет на свои логические места. Остальное все правильно сделает сам чиновничий класс, да еще с таким рвением, что государство и общество даже удивятся, сколь мало надлежало сделать, чтобы так много получить.

Конечно, важно иметь такую структуру органов государственного управления, которая была бы максимально экономичной для общества и максимально эффективной в принятии управленческих решений. Поэтому важно устранить дублирование функций, установить строгую их подчиненность, а в ней и их субподчиненность. Важно правильно соединить стратегическое управление с управлением тактическим, чтобы не потерять

их единство. Важно, чтобы изменения подобного рода отвечали не только сиюминутным интересам государственного управления, но и экономическим потребностям будущего времени. В этом отношении, конечно же, важно структуризировать министерства, выделяя из них агентства и службы. Однако ж согласимся, наконец, что фундаментальная проблема с административной проблемой экономического управления государством и обществом лежит не в этой плоскости, а в перевернутой позе государственных чиновников, которые стоят на голове, вместо ног. Поставить их правильно на место в месте административного механизма государственного управления — это и есть административная реформа в существе ее же самой. Такая реформа повернет государство лицом к обществу, и она же повернет общество лицом к государству, ибо сейчас они повернуты друг другу противоположными частями своих социальных тел.

Конечно же, эта реформа есть фундаментальная реформа. Но ведь и не менее фундаментальны издержки государства и общества издержки в существующем административном управлении. Поэтому реформа административная и затрагивает сами основы существующего административного управления, и по существу ее же самой, есть революция в административном деле государственного управления. Что не означает, невозможности ее эволюционного исполнения. Такой вариант как раз есть единственный вариант, но начинать осиливать дорогу уже пора хотя бы с первого шага. Пока же наблюдается обратный процесс из процесса экспроприации частной собственности у бизнеса в обществе и процесса ее превращения в собственность государственную. Что есть движение не вперед к гражданскому обществу и фундаментальному реформированию административного государственного управления, а движение назад от создания гражданского общества и от проведения фундаментальной административной реформы.

* * *

Умом Россию не понять. Поэт имеет право на такую агностическую формулу, если даже поэт из чиновников госаппарата. Народы России принять такую формулу за истину не имеют права без того, чтобы тем же самым не лишиться себя собственного ума. Все у нас в России есть. Беда же одна на всех. Суть ее состоит в том, что у нас всего в избытке. В избытке территория, в избытке полезные ископаемые почти всех химических элементов из менделеевской таблицы. В избытке леса, поля, реки, горы и степи, равнины и возвышенности, моря и озера, топи и болота, зверье и комарье. Отсюда в избытке душевная теплота и простота, простодушие и гостеприимство, доверчивость и благодушие, лихость и размашистость, доброта и сердечность, самопожертвование и любовь, мужество и открытость,

широта натуры и вера в светлое будущее. Поэтому и не ценим всего того, что уже имеем не благодаря труду, а по милости самой природы естества.

Сама природа не заставляет нас намывать острова, чтобы титаническими усилиями отнять у океана всего-то десять квадратных километров суши, когда у нас миллионы своих заброшенных. Сама природа еще не заставляет нас не загрязнять воду и экономить питьевую воду, у нас ведь еще в запасе Байкал. Сама природа не заставляет нас высаживать каждое дерево взамен срубленного, — их у нас и так не сосчитать. Да что там говорить, если что нас и заставляет сама природа, так это топить печь и теплее одеваться, да и то не везде и не всегда. Самое же главное качество избыточности природы состоит в том, что она всех нас не заставляет думать. Чувствовать заставляет, да еще как. Думать, ни-ни. Ощущать заставляет, аж до восхищения. Думать же она нас никак не может заставить, у нас и так все есть и есть в избытке. Беда, правда, это одна, но на всех. Поэтому у нас в дефиците деловой расчет и расчетливость ума, деловой педантизм и обязательность слова, деловая честь и положительная репутация бизнесмена и страны, научный подход и деловая респектабельность. Слово соединить с делом это для нас проблема проблем, тем более, если дело не только в словах.

Ум у народов России, конечно же, есть. Он, как и все прочее, то же у народов России в избытке. Но вот никак он все еще не востребован жизнью общества в государстве и жизнью государства в обществе в их единой человеческой жизни. — Вот в чем трагедия. Долгие десятилетия наше общество жило по законам казарменного общества, где советская власть прошла естественным отбором по всем народам России, каждый раз оставляя в живых для производства нового поколения вовсе не тех из нас, кто думал самостоятельным умом, умом оригинальным, острым умом и предсказывающим с достоверной точностью каждый поворот самой истории. Конечно, такого рода естественный отбор бессилён был вытравить сам ум из народов России, но ему вполне было по силам привить ему свойство, называемое конформизмом, которое в самом народе присутствует в поговорках типа «своя рубашка ближе к телу» и «моя хата с краю и я ничего не знаю». Откуда было знать народам России, что крайней хаты нет ни у одного народа в России, а само тело оказывается последней рубашкой, ближе которой уже могила. Откуда было знать всем нам, что колокол звонил по каждому из нас, требуя не смерти из нас каждого, а разума в жизни каждого из нас.

Есть разум в российских народах!! Он еще не единожды удивит весь цивилизованный мир столь фундаментальными открытиями, что «быстрые разумом Ньютоны» покажутся миру даже медленными. Только умом Россию следует понимать, и тогда она же обязательно откликнется разумом в действиях ее же самой. Если же постоянно твердить, что умом Россию не понять, а кроме ума, нет иного способа понимания, то нас всех ожидает бесконечная вереница фундаментальных проблем, конечно же,

без их положительного решения. Без разума в собственных действиях, народам России никак не выбраться из трясины собственного духовного и экономического кризиса. Будем поэтому просить Господа, чтобы он не лишал нас разума.

С разумом мы победим и духовную бедность и бедность материальную победим. С разумом мы, наконец, решим проблему взаимного доверия государства в обществе и общества в государстве. Разумом мы объединим Россию в страну процветающую экономически и социально благополучную. Россию ожидает прекрасное будущее, так не будем уродовать настоящее ее же самой неразумностью социально ущербной экономики и экономически ущербного социума.

Перечень цитируемой литературы.

1. К. Маркс. Капитал. Том 1.
2. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Том 23.
3. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Том 13.
4. В.И. Ленин. Полное собрание сочинений. Том 21.
5. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Том 1.
6. К. Маркс «Капитал». Том 3.
7. К. Маркс и Ф. Энгельс Соч. Том 28.
8. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Том 39.
9. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Том 26.
10. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Том 46.
11. Альберт Эйнштейн. Физика и реальность. — Альберт Эйнштейн. Собрание научных трудов. Том 4. Издательство «Наука». Москва. 1968
12. Роза Люксембург. Накопление капитала. ОГИЗ-СОЦЭГИЗ. 1934
13. Сирис А.З. СПИД и СПИД. Проблемы и решения. Москва. 2004
14. Маркс К. и Ф Энгельс. Соч. Том 12.
15. Сирис А.З. Теоретические основы геометрической физики и физической геометрии. Москва. 2002.
16. И. Кант. Критика практического разума. Соч. в шести томах, т.4, ч.1. М.,1965.
17. Маркс К. Энгельс Ф. Соч. Том 5.

Другие книги нашего издательства:

Серия «Маркс, Энгельс — творцы научного социализма»

Маркс К. Капитал: В общедоступной обработке Ю. Борхардта.

Маркс К. Нищета философии.

Маркс К. К критике политической экономии.

Маркс К. Труды по эпикурейской философии.

Энгельс Ф. К истории древних германцев. Франкский период. Марка.

Энгельс Ф. История Ирландии; *Каутский К.* Ирландия.

Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями.

Серия «Размышляя о марксизме»

Каутский К. Путь к власти; Славяне и революция.

Каутский К. К критике теории и практики марксизма («Антибернштейн»).

Каутский К. Экономическое учение Карла Маркса.

Каутский К. Очерки и этюды по политической экономии.

Каутский К. Американский и русский рабочий.

Каутский К. Этика и материалистическое понимание истории.

Аксельрод Л. И. (Ортодокс). Идеалистическая диалектика Гегеля и материалистическая диалектика Маркса.

Туган-Барановский М. И. Теоретические основы марксизма.

Туган-Барановский М. И. Социализм как положительное учение.

Богданов А. А. Краткий курс экономической науки.

Лафарг П. Экономический детерминизм Карла Маркса.

Покровский М. И. Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв.

Юшкевич Я. С. Материализм и критический реализм.

Дискуссия об азиатском способе производства: По докладу М. С. Годеса.

Славин Б. Ф. О социальном идеале Маркса.

Здоров А. А. Государственный капитализм и модернизация Советского Союза.

Лозинский Е. И. Что же такое, наконец, интеллигенция?

Претель Д. От философии марксизма-ленинизма к философии Маркса.

Завалько Т. А. Понятие «революция» в философии и общественных науках.

Клюцков Ф. Н. Социализм: теория, опыт, перспективы.

Сапега В. М. Классовая борьба. Государство и капитал.

Паршаков Е. А. Экономическое развитие общества.

Корнфорт М. В защиту философии. Против позитивизма и прагматизма.

Бузгалин А. В. (ред.) Марксизм: Альтернативы XXI века.

Серия «Синергетика в гуманитарных науках»

Кортаев А. В. Малков С. Ю. (ред.) История и синергетика. Кн. 1, 2.

Назаретян А. Я. Антропология насилия и культура самоорганизации.

Вагурин В. А. Синергетика эволюции современного общества.

Буданов В. Г. Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании.

Евин И. А. Искусство и синергетика.

Ельчанинов М. С. Социальная синергетика и катастрофы России в эпоху модерна.

Старостенков И. В. Цилова Г. Ф. Российская цивилизация в социальном измерении.

Колесникова Т. А. Антикризисное управление обществом риска.

Другие книги нашего издательства:

URSS

Серия «Из наследия Б. М. Кедрова»

Кедров Б. М. Единство диалектики, логики и теории познания.

Кедров Б. М. О повторяемости в процессе развития.

Кедров Б. М. Беседы о диалектике.

Кедров Б. М. О методе изложения диалектики: Три великих замысла. Маркс и

Энгельс.

Кедров Б. М. О методе изложения диалектики: *Три* великих замысла. Ленин.

Серия «Политэкономические императивы советского марксизма. 1917-1941»

Лозовский А. Анархо-синдикализм и коммунизм.

Покровский М. И. Империалистская война: Сборник статей 1915—1930.

Слуцкина С. Экономическое учение социал-фашизма: **Гильфердинг.**

Серия «Из наследия мировой философской мысли: социальная философия»

Новгородцев П. И. Об общественном идеале.

Писарев Д. И. Очерки из истории труда.

Богданов А. А. Новый мир; Вопросы социализма.

Ткачев П. И. Анархия мысли.

Фулье А. Современная наука об обществе.

Берг Л. Сверхчеловек в современной литературе.

Фогт А. Социальные утопии.

д'Эйхталь Е. Алексис Токвиль и либеральная демократия.

Николаи Т Ф. Биология войны. Мысли естествоведа.

Мегрелидзе К Р. Основные проблемы социологии мышления.

Курчинский М. А. Апостол эгоизма. Макс Штирнер и его философия анархии.

Серия «Размышляя об анархизме»

Кропоткин П. А. Речи бунтовщика.

Боровой А. А. Анархизм.

Реклю Э. Эволюция, революция и идеалы анархизма.

Трав Ж. Будущее общество.

Лурье С. Я. Антифонт — творец древнейшей анархической системы.

Маккей Дж. Г. Макс Штирнер: Его жизнь и творчество.

Моррис У. Вести ниоткуда: Утопия.

Дамье В. В. История анархо-синдикализма: Краткий очерк.

Бученков Д. Е. Анархисты в России в конце XX века.

Тел./факс:

(499) 135-42-46,

(499) 135-42-16,

E-mail:

URSS@URSS.ru

<http://URSS.ru>

Наши книги можно приобрести в магазинах:

«Библио-Глобус» (и. Лубянка, ул. Мясницкая, 6. Тел. (495) 625-2457)

«Московский дом книги» (и. Арбатская, ул. Новый Арбат, 8. Тел. (495) 203-8242)

«Молодая гвардия» (м. Полянка, ул. Б. Полянка, 28. Тел. (495) 238-5001, 780-3370)

«Дом научно-технической книга» (Ленинский пр-т, 40. Тел. (495) 137-6019)

«Дом книга на Ладомской» (м. Бауманская, ул. Ладомская, 8, стр.1. Тел. 267-0302)

«Гнозис» (м. Университет, 1 гуи. корпус МГУ, комн.141. Тел. (495) 939-4713)

«У Кентавра» (РГГУ) (и. Новослободская, ул. Чайнова, 15. Тел. (499) 973-4301)

«СПб. дои книга» (Невский пр., 28. Тел. (812) 448-2355)